

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

материалы

II Всероссийской (с международным участием)
научной конференции

«Утопические проекты в истории культуры»
на тему «„Город Солнца“: В поисках идеального локуса»
(к 450-летию со дня рождения Томмазо Кампанеллы)

UTOPIAN PROJECTS IN THE HISTORY OF CULTURE

proceedings of

2nd National Scientific Conference

“Utopian Projects in the History of Culture”

themed “The City of the Sun”: In Search of Ideal Locus”

(dedicated to the 450th anniversary of
Tommaso Campanella)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

материалы

II Всероссийской (с международным участием) научной конференции
«Утопические проекты в истории культуры»
на тему «„Город Солнца“: в поисках идеального локуса»
(к 450-летию со дня рождения Томмазо Кампанеллы)

UTOPIAN PROJECTS IN THE HISTORY OF CULTURE

Proceedings of
2nd National Scientific Conference
“Utopian Projects in the History of Culture”
themed “The City of the Sun”: In Search of Ideal Locus”
(dedicated to the 450th anniversary of Tommaso Campanella)

Ростов-на-Дону — Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2019

УДК 141.81:[930:008](063)
ББК 87.6+83.3я7
У85

*Конференция проведена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-20114.*

Печатается по решению организационного комитета конференции.

Редакционная коллегия:

Т.С. Паниотова (отв. редактор), Е.В. Сердюкова, Е.Ю. Липец,
М.А. Романенко, М.А. Кярова, В.О. Хвостикова.

У85 Утопические проекты в истории культуры : материалы II Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «„Город Солнца”: в поисках идеального локуса» / Южный федеральный университет ; [редкол.: Т. С. Паниотова (отв. ред.) и др.]. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2019. – 272 с.
ISBN 978-5-9275-3064-9

Книга представляет собой сборник докладов и тезисов, подготовленных участниками II Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «„Город Солнца”: в поисках идеального локуса» (Ростов-на-Дону, 6–8 декабря 2018 г.).

Приуроченная к 450-летию со дня рождения выдающегося итальянского философа, революционера, социалиста-утописта, религиозного деятеля Томмазо Кампанеллы (1568–1639), конференция превратилась в междисциплинарную дискуссионную площадку для обсуждения широкого круга научных проблем функционирования утопического сознания в современном обществе. Представленные тексты иллюстрируют основные направления работы конференции и намечают новые подходы в изучении утопии.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-3064-9

УДК 141.81:[930:008](063)
ББК 87.6+83.3я7

© Южный федеральный университет, 2019.
© Авторы статей, 2019.

РАЗДЕЛ I.

UTOPIAN STUDIES: ТЕОРИИ, МЕТОДЫ, СЮЖЕТЫ

МАРКС ДЛЯ XXI ВЕКА*

Грегори Клейс

Роял Халлоуэй, Университет Лондона (Великобритания)

Аннотация. Статья посвящена актуальности идей Карла Маркса в XXI столетии, особенно для подрастающего поколения. В первой части показано различие между Марксом, знакомым с конца XIX в., и марксизмом, широко понимаемым в XX столетии. Во второй – раскрываются ключевые глобальные проблемы цивилизационного развития Запада, которые, по мнению автора, затрагивают вопросы ценности и устойчивости существующей системы. Автор прибегает к философии Маркса для осмысления этих проблем.

Ключевые слова: Маркс, марксизм, XXI век, Запад, коммунизм, капитализм.

1. Маркс в XIX и XX веках

В научной деятельности Маркса можно выделить четыре основных этапа: период радикального гуманизма (1842-1846); период доминирования идеи неизбежности революции (1846-1850); период экономических исследований – время Первого Интернационала, Парижской Коммуны, а также период поздних трудов (1850-1883). Крайне мало непротиворечивых суждений о произведениях Маркса можно найти на протяжении целой эпохи.

Последующие поколения вслед за Энгельсом «двумя великими открытиями» Маркса считали материалистическое понимание истории и теорию прибавочной стоимости [Marx, Engels, 1987: 27]. «Что касается меня, – писал К. Маркс в письме Иосифу Вейдемейеру¹ в марте 1852 г., – то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили

историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов...» [Маркс, Энгельс, 1962: 426-427].

Сегодня мы понимаем это наследие несколько иначе. Однако можем с уверенностью согласиться с тем, что радикальный гуманизм Маркса 1843-1844 гг. достиг кульминации в теории отчуждения, разработанной в так называемых «Парижских рукописях»², и с тем, что эта идея, грубо искаженная критикой Штирнера концепции Фейербаха о родовой сущности, была отвергнута в пользу теории, разработанной в «Немецкой идеологии» в 1845-1846 гг.

1 Будучи полковником, Вейдемейер был единственным старшим американским офицером (в Гражданской войне), когда-либо распространявшим среди своих солдат копии работ Маркса (инаугурационное обращение к Интернационалу).

2 «Экономическо-философские рукописи 1844 года». (прим. переводчика).

* Данная статья представляет собой краткое изложение идей книги *Marx and Marxism* / Gregory Claeys. London: Penguin Books, 2018. Перевод статьи выполнен М.А. Романенко при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01229.

В более поздних работах Маркса доминирует материалистическое понимание истории, хотя в них явно прослеживаются и теория отчуждения, и две цели (до 1846 г.) – всестороннее развитие личности, повлекшее за собой отказ от традиционного разделения труда, и потребность в солидарности, которая, в частности, связана с ростом кооперативного движения, а не только лишь с достижением необходимого идеала. Идеал 1840-х гг., в котором всестороннее развитие личности заменило бы узкую специализацию, у позднего Маркса был наполнен большим вниманием к свободному времени рабочих. Однако обе концепции, как мы позже увидим, и сегодня остаются весьма актуальными. В XX в. марксизм развивался во многих направлениях, в частности в русле антиимпериализма и антиколониализма. Так, Ленин трансформировал марксизм в теорию революции, которая обосновывала восстание меньшинства, и в тот тип диктатуры, который в конечном счете значительно отличался от «диктатуры пролетариата» Маркса.

В Европе Франкфуртская школа положила начало традиции культурной марксистской критики капиталистических институтов, которая уже не призывала к пролетарской революции. После подавления венгерского восстания (1956) и Пражской весны (1968) миллионы последователей Маркса пришли к отказу от официального марксизма, в то время как повторное открытие в 1960-х гг. теории отчуждения, популяризовавшейся в трудах Маркузе и других философов, сделало гуманизм Маркса еще более актуальным для современности. Затем распад СССР в 1991 г., казалось бы, уничтожил всякий интерес к любым вариациям централизованной, командной модели экономики, которой придерживался Сталин. Сочетание ведущей роли коммунистической партии со смешанным государственным и частным экономическим развитием, воплощенное Дэном Сяопином, разумеется, остается основным наследием этого периода.

2. Маркс для XXI века: проблемы и решения

Как мы должны поступить с этим наследием в перспективе XXI века? На Западе возрождение интереса к Марксу происходит, в

сущности, по нескольким причинам, затрагивающим серьезные вопросы ценности и устойчивости существующей системы: (1) продолжающиеся негативные последствия экономического кризиса 2008 года; (2) тенденция роста имущественного неравенства; (3) угроза роботизации крупных отраслей производства в ближайшие десятилетия; (4) повторяющаяся коммерциализация повседневной жизни; (5) ухудшение состояния окружающей среды. Впервые за последние тридцать лет стали возникать мысли, что капитализм как экономическая и социальная система, возможно, завершил свой путь. Однако нет четкого представления, что же заменит его на Западе. Кратко рассмотрим эти обстоятельства и зададимся вопросом, как Маркс мог бы на них отреагировать.

1. Кризис 2008 года. Последствия этого кризиса все еще заметны. Безработица, особенно среди молодежи, остается крайне высокой в некоторых регионах, особенно в Южной Европе (Греция, Испания, Италия, Португалия). Этот кризис был использован неолиберальными правительствами для реализации стратегий жестких экономических мер, для сокращения социальных льгот, а также для поддержки образования и здравоохранения. В это же время работодатели сократили договорные обязательства до минимума, используя контракты с нулевым количеством часов, снижая заработную плату путем ее замораживания, обесценивая и сокращая пенсионное обеспечение. Для того чтобы приватизировать сферы, находившиеся ранее в руках государства, и был разработан идеал небольшого неолиберального государства. Но это делалось в ущерб потребителям, которые сталкиваются с увеличением стоимости услуг и сокращением их потребления, поскольку прибыль поступает акционерам и топ-менеджерам, а не реинвестируется в организацию достойного здравоохранения, качественного общественного транспорта, очистки воздуха и воды.

Маркс бы не удивился такому развитию событий, поскольку это полностью соответствует его общей оценке хронической нестабильности капитализма и соотносится со всеобщим стремлением в первую очередь максимизировать прибыль.

2. Неравенство. Тенденция роста глобального неравенства остается значительной. В 2015 г. 80 самых богатых людей владели таким же количеством активов, как и беднейшая половина населения Земли. К 2016 г. этот показатель сократился до 61 человека, а в 2017 – до 42. Во всем мире 1% населения владеет половиной благосостояния в мире. В Соединенном Королевстве 1% принадлежит примерно столько же, сколько и 55% населения. 4 миллиона детей в Соединенном Королевстве в настоящее время живут в нищете, а 19 миллионов находятся на грани нищеты, хотя большинство из них работает. Сбережения около 17 миллионов человек составляют менее £100. Более 250 тысяч являются бездомными, а около 5 тысяч человек спят каждую ночь на улице. Становится все очевиднее, что огромное богатство и крайняя нищета связаны между собой: самый богатый человек в мире, владелец Amazon Джефф Безос, платит своим сотрудникам на 30% меньше средней по отрасли.

Однако негативные последствия экономического и социального неравенства становятся все более заметными. Так, они проявились по меньшей мере в семи различных областях:

1) в *политической коррупции*, когда демократия подменяется плутократией как путем прямого контроля над избирательным процессом, так и посредством лоббирования;

2) в *контроле средств массовой информации/пропаганды* (газеты, телевидение, интернет) богатыми людьми, существенно ограничивающими критическое мнение;

3) в решении проблемы небольших государств и реализации программ низкого налогообложения, что приводит к сокращению социального обслуживания («жесткие экономические меры»);

4) в распространении *психических расстройств* среди бедных слоев населения: отсутствие гарантий дохода, медицинского обслуживания, а также должного ухода в старости вызывает массовое беспокойство, недовольство и стресс;

5) в фактическом ухудшении положения бедных слоев населения, выражающемся в снижении заработной платы, в сокращении продолжительности жизни и в ограничении возможностей для получения образования;

6) в приватизации коммунальной сферы, что приводит к ухудшению качества услуг и увеличению их стоимости, из чего получают выгоду исключительно руководители и акционеры;

7) в поддержке ксенофобских и националистических настроений по отношению к мигрантам и меньшинствам³.

Если бы Маркс был сегодня жив, он, несомненно, стремился бы восстановить рабочее движение, которое было существенно ослаблено за последние тридцать лет. Другой вопрос, приведет ли такая трансформация к достижению коммунизма в марксистском смысле. В настоящее время ни в одном крупном государстве на Западе не рассматривается вопрос о какой-либо реальной передаче права собственности на имущество. Однако мы можем кратко рассмотреть наиболее популярное сегодня предложение по оперативному решению проблемы нищеты в Европе: речь идет о безусловном базовом доходе, эксперименты по вводу которого сейчас проходят в разных странах [Bregman, 2017].

Цель подобных предложений заключается как в сокращении расходов на существующие социальные выплаты, так и в оказании помощи малоимущим, с тем чтобы мы могли изначально исключить любые гуманистические мотивы как таковые. Основная концепция, предполагающая минимальный уровень выплат, который по имеющимся на данный момент прогнозам составит до £10 000 в год, едва ли сможет снизить уровень бедности. Это, возможно, снизит нагрузку на низкооплачиваемую работу, плата за которую едва ли заслуживает того, чтобы вставать утром из постели. Но вряд ли стоит серьезно рассматривать подобные предложения, пока в них не будет говориться об установлении безусловного *удовлетворительного* дохода – около £20 000 по меркам современной Великобритании.

3. Роботизация. Сейчас прогнозируется, что начиная с середины этого века около 30-50% рабочих мест могут занять роботы, что в сочетании с ростом населения, которое увеличится до десяти миллиардов к 2050 г. и, возможно, до двадцати миллиардов к 2100 г., угрожает взрывоопасным сценарием

³ Более раннее описание некоторых из этих явлений см. [Sennett, Cobb, 1977].

массовой безработицы. Учитывая растущее неравенство, подавляющее большинство населения мира будет жить в нищете большую часть этого столетия. В самых мрачных сценариях 1% богатейших людей будет жить гораздо дольше в приятной, но пустой роскоши, в то время как большинство будет страдать от нищеты [См.: Claeys, 2016].

4. Коммерциализация повседневной жизни. Это одна из наименее изученных тем, которая явно связана с марксистским наследием. Тем не менее очевидно, что некоторые аспекты товарного фетишизма, трактуемого Марксом как изменение человеческих отношений по образцу отношений между вещами, становятся актуальны в связи с механизацией повседневной жизни или господством машин над людьми. Мы являемся свидетелями первого поколения смартфонозависимых людей, для которых клики и касание сенсорных экранов являются важнейшей частью их повседневного опыта, ориентации и идентичности. Как и на ранней стадии промышленной революции, машины повлияли на наши представления о времени, трудовой дисциплине и социальном взаимодействии. По мере того как роботы становятся похожими на людей, последние, в свою очередь, все больше походят на машины. В грядущем веке это станет серьезной проблемой.

5. Ухудшение состояния окружающей среды. Мало кто сегодня не признает: то, что мы называем «глобальным потеплением», представляет самую большую угрозу для выживания человечества. Нынешние усилия по сдерживанию повышения температуры где-то до 1,5°C, похоже, ни к чему не приведут, и увеличение температуры на 3°C все более вероятно. Кроме исчезновения отдельных видов, таяние полярных льдов и сибирской тундры, повышение уровня моря, обезлесение и опустынивание резко сократят доступные сельскохозяйственные земли и водные ресурсы. Миллиарды людей могут быть вынуждены искать убежище в умеренных регионах планеты, количество которых значительно сократится.

Экономическая модель будущего у Маркса исходит из тех же предположений о повышении уровня жизни, об увеличении численности населения и о росте потребления товаров, что и классическая политическая

экономия. Однако в «озеленении» марксизма можно творчески использовать и Маркса.

Реакция на потребительство, начавшаяся на Западе в конце 1960-х гг., была обусловлена многими причинами, одной из которых было признание (обычно связанное с «Парижскими рукописями» и гуманизмом раннего Маркса) того, что ориентированная на товары и потребление идентичность отрицает и разрушает то ценное, что есть в человеческом взаимодействии, – общение.

Осознание того, что жизнь можно прожить без постоянной тяги ко все возрастающему потреблению, четко соотносится с необходимостью сокращать такое потребление, производить товары без «планируемого устаревания», обеспеченные максимальной долговечностью их использования, и гарантировать переход к поддержанию экологической устойчивости и возобновляемым источникам энергии. Будучи решительным противником мальтузианства, Маркс не сталкивался с перспективой абсолютного ограничения возможной численности населения земного шара. Китай взялся за эту проблему более решительно, чем любая другая страна. Но проблемы сдерживания роста населения остаются все еще крайне важными.

Экологические кризисы, с которыми мы сталкиваемся, остаются центральным местом в любой оценке значимости наследия Маркса в нынешнее время. Вопрос «Что делать с капитализмом?», конечно, «более марксистский», но пролетариат больше не является движущей силой в изменении существующей системы, а потому у теории революции Маркса мало последователей. Однако уже в конце жизни Маркс все-таки рассматривал возможность мирного преобразования капитализма, и эта идея остается актуальной на сегодняшний день.

Заключение

Маркс сохраняет свою силу как пророк и утопист, предвидевший возможность освобождения человечества от гнета эксплуатации и принуждения, которые делали несчастной жизнь многих на протяжении всей истории человечества. Эта проницательность и сегодня имеет большую ценность. Обе концепции чрезвычайно актуальны в нынешнее время, поскольку технологические инновации явля-

ются основой для их реализации. Более того, Маркс намекал и на то, как сделать городскую жизнь более приятной, гуманной и приемлемой, о чем стоит сегодня вспомнить. Так, некоторые из последователей Маркса, в частности Уильям Моррис, продвинулись дальше в этом направлении.

С социалистической точки зрения и с точки зрения Маркса, в частности, вопрос о том, что делать с капиталистической системой собственности и эксплуатации, остался практически таким же, как и в XIX в. Передача права собственности на коммунальные услуги обратно в руки государства должна сопровождаться усилением контроля рабочих над средствами производства, включая кооперативное управление и владение, которые Маркс понимал как самый важный мост в будущее. Необходимо существенно сократить разницу в заработной плате. Необходимо упразднить оффшорные зоны. Необходимо устранить возможность для уклонения от налогов со стороны богатых людей и крупных корпораций, что можно сделать с помощью прозрачной финансовой модели, в которой все формы дохода открыты общественности (как в Норвегии сегодня). Такими моделями являются эгалитарная, социал-демократическая экономика и государство с полным общественным контролем, что и представлял Маркс в своих работах, в частности о Парижской коммуне. В политике, как и во всех

финансовых операциях, для минимизации коррупции желательно обеспечить максимальную прозрачность. В настоящее время также выдвигаются требования о снижении возраста участия в выборах до 16 лет, об отмене избирательных кампаний с частным финансированием, а также об устранении или резком сокращении влияния лобби. Что касается возможной формы правления, то многие сегодня утверждают, что Маркс недостаточно осознавал необходимость в сохранении разделения властей и, в частности, независимости суда и прессы. Не стоит повторять опыт сталинизма. Понимание Марксом зависимости всех форм власти, и особенно политической, от системы собственности и способа производства остается значимым в нашем анализе этих отношений. Для того чтобы достичь положительных результатов, прежде всего мы можем обратиться к пониманию Марксом склонности капитализма к кризису и к концентрации богатства и власти.

Библиография

- Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. В 50 т. Т. 28. М., 1962.
- Bregman R. Utopia for Realists. And How We Can Get There. London: Bloomsbury, 2017.
- Claeys G. Dystopia: A Natural History. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Marx K. and Engels F. Collected Works (50 volumes). Vol. 25. Lawrence & Wishart, 1987.
- Sennett R. and Cobb J. The Hidden Injuries of Class. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА: ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

Г.В. Драч

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В статье реконструируются философские взгляды Томмазо Кампанеллы как предпосылка и основание его социальной теории, построенной в форме утопии. Среди рассматриваемых вопросов центральным выступает отношение Кампанеллы к философии Аристотеля и расхождение с ним по проблемам теории познания. Показано, что мыслителей разделяет толкование фундаментальных вопросов теологии, соотношения актуальной и потенциальной бесконечности. Кампанелла расширяет горизонты человеческого мира, открывая путь к научному и социальному творчеству. Автор статьи преодолевает толкование внутренней противоречивости учения Кампанеллы, обосновывая целостность его позиций обновления и новаторства, характерных для эпохи Возрождения.

Ключевые слова: Кампанелла, утопия, социальная теория, философия, Возрождение, Аристотель.

Томмазо Кампанелла – одна из самых ярких и экстравагантных фигур в истории философии и культуры. Характеризуя его уче-

ние, которое отнюдь не сводится к утопическому, часто используют выражение – «жизнь и борьба Кампанеллы» [Соколов, 2003: 160].

На русском языке работы Кампанеллы почти не публиковались, за исключением «Города Солнца», а среди исследований заслуживает внимания книга А.Х. Горфункеля «Томмазо Кампанелла» [Горфункель, 1969]. Сын сапожника, в юности – монах доминиканского монастыря, он в 1599 г. – организовал заговор с целью освобождения Италии от испанского ига. Последовали арест, пытки, которые его не сломили, и 27 лет тюрьмы, где он написал целый ряд работ по философии, богословию, этике, политике, астрономии, физиологии и медицине и даже военному искусству. Назовём такие его работы, как «Философия, доказанная ощущениями», «Об ощущении вещей и магии», «Защита Галилея», огромная по объёму «Метафизика» и ещё большая – «Теология» – философско-теологический трактат в 30 книгах. В Неаполе, еще в первые годы пребывания в тюрьме, он создал свою самую знаменитую книгу – «Город Солнца». Против макиавеллистов – «этой чумы нашего века» – был написан трактат «Побежденный атеизм». Более того, свои важнейшие книги он сумел издать, находясь в заточении. Из заточения Кампанелла обращался с советами и рекомендациями к королям, герцогам и кардиналам. Он добился покровительства папы Урбана VIII и подавал советы кардиналу Ришелье и правительству Людовика XIII. Он написал множество политических памфлетов, призывая французов объединить мир, а главное – освободить Италию от испанцев. Он встречался с учеными людьми Европы.

Но на этом надо остановиться. Кампанелла защищал Галилея, собирався обсудить с ним свою работу «О признаках гибели мира в огне», когда писал ему из неаполитанской тюрьмы свое первое письмо. Однако Галилей на протяжении всей жизни так и не вступил с ним в переписку, хотя и выражал ему сочувствие и даже предлагал помощь, через друзей. И только один раз за 40 лет Галилей обратился к Кампанелле. На полях своей рукописи он написал: «Падре Кампанелла. Я предпочитаю найти одну истину, хотя бы и в незначительных вещах, нежели долго спорить о величайших вопросах, не достигая никакой истины». Неизвестно, дошло ли это обращение до адресата. М. Мерсенн, французский естествоиспытатель, математик, богослов и философ встречался с Кампанеллой,

но сделал вывод о том, что тот «не может нас научить ничему в области науки». Он предложил и Декарту встретиться с Кампанеллой, но тот отказался, написав своему старому советнику и другу: «То, что я знаю о нём, уже достаточно, чтобы не иметь желания его видеть» [См.: Реале, Антисери, 1996: 40].

В чём же дело? Исследователи и по сей день не могут дать непротиворечивой оценки учению Великого Калабрийца. Он атеист или теолог? В какой степени он был искренен, когда писал «Побежденный атеизм». Да и каковы его подлинные социальные симпатии – к Испанской империи и теократической монархии или к левому проекту всеобщего равенства? В свете столь очевидных противоречий неясно: могут ли – и в какой мере – сочинения Калабрийца служить для характеристики его подлинных воззрений. В частности, как понимать происпанские и богословские его произведения, противоречащие либерально-антиклерикальному представлению о Кампанелле – борце против испанского владычества и католической церкви.

В советской историографии было принято своего рода «очищение» Кампанеллы. Дескать, он был вынужден выживать в условиях инквизиции. На всё находился ответ: пророчества – чтобы запутать инквизиторов. Политические афоризмы – чтобы привлечь к себе внимание власть имущих, астрология – чтобы использовать их суеверность (в частности для папы Урбана VIII он оказался незаменим), борьба с реформацией – чтобы обмануть католических прелатов. Достигается задним числом очищение мыслителя XVI-XVII вв. от всего, что могло бы скомпрометировать его в наших глазах [Горфункель, 1969: 14]. От магии и астрологии, от утопии всемирной монархии, от теологизма в натурфилософии. Но, как здесь же замечает А.Х. Горфункель, такого рода «защита» подрывает доверие к великому Калабрийцу. Рядом с образом материалиста и революционера, атеиста и утопического социалиста возникает образ хитреца и лицемера, умело лгавшего всю жизнь. Между тем, Кампанеллу было бы трудно в этом упрекнуть. Политические («Испанская монархия») и теологические споры, в которые страстно вмешивался Кампанелла, не на шутку трогали его современников, обвинения в ереси раздавались с разных сторон. Недаром он,

как и Галилей, вызывал сочувствие у интеллектуалов. Сам Кампанелла не отрекался ни от одного из своих произведений и в одном ряду называл «Испанскую монархию» и «Город Солнца», «Астрологию» и «Апологию Галилея», «Теологию» и «О способности вещей к ощущению», «Метафизику» и «Побежденный атеизм». Но то что он не нашёл общего языка с величайшими учёными своего времени – это исторический факт.

Начнём с наиболее очевидного – полемики против аристотелизма, настолько органичной и неотъемлемой для философии Кампанеллы, что, отбросив её, мы рискуем разрушить всё его учение. Показательны здесь взгляды французского философа Деланда, опирающегося на суждения Фонтенеля об отрицательной роли авторитета Аристотеля в познании природы [См.: Кротов, 2018: 40-43]. Кампанелла вел борьбу не против отдельных сторон перипатетической философии, но против аристотелизма в целом. И делал он это с тем большей настойчивостью, что видел в нём главный источник ненавистного ему макиавеллизма. Солярии ненавидят Аристотеля за учение о вечности мира и «непреложно веруют в бессмертие души». Чем же был так ненавистен Аристотель? Необходимость новой теологии, так же как новой метафизики, новой философии и вообще всего обновления наук, Кампанелла обосновывает успехами человеческой цивилизации, достижениями эпохи великих географических открытий. Нельзя ссылаться на древних и ограничиваться Аристотелем, писал он в трактате «Против языческой философии» и в «Богословии». После того как Колумб открыл Новый Свет, а Магеллан совершил кругосветное путешествие, стали известны новые моря и земли, нравы и обычаи неизвестных доселе народов. Коперник обосновал новую космологию, Тихо Браге и Галилей открыли не наблюдаемые древними астрономами звезды, кометы и планеты. Были изобретены книгопечатание, артиллерия, телескоп, реформирован календарь. «В наш век совершается больше событий за сто лет, чем во всем мире совершилось их за четыре тысячи... в этом столетии вышло больше книг, чем вышло их за пять тысяч лет» – с гордостью писал Кампанелла в «Городе Солнца».

В противостоянии Аристотелю Кампанелла далеко не одинок, и первый его соратник и учитель – Телезио. «Я считаю, что философствовать следует, руководствуясь ощущением» – такими словами открывал молодой Кампанелла свой «Краткий свод философии природы» [См.: Соколов, 2012: 439]. Непосредственное обращение к природе как источнику познания было властным требованием эпохи великих открытий. Существуют две божественные книги, в которых мы черпаем истину, говорил Кампанелла в трактате «Против языческой философии», – это природа и Писание. Первую, живую книгу природы, человек познает с помощью разума и ощущений. Познание природы – дело философии и науки. Вторая книга – Священное писание. Она «не лучше» книги природы, а лишь «более подходит» обыденному человеческому сознанию. Две эти книги созданы богом с разной целью. Если первая – природа – открывает перед человеческим разумом безграничные возможности познания мира, то предметом второй – Писания – является наставление в нравственности и вере. «Ни устами Моисея, ни устами Давида не излагал господь строение мира», – пишет Кампанелла в третьей книге «Богословия». Теория «двух книг» в истолковании Кампанеллы означала отказ от согласования научных теорий и гипотез с библейскими текстами, что открывало путь к изучению природы.

В чём же тогда расхождения с Аристотелем, ведь Аристотеля характеризуют как эмпирика (Джонатан Барнс) и родоначальника европейской науки (Aristoteles als Wissenschaftstheoretiker). Остановимся на положении из XII книги, глава IX: «Божественный ум – само мышление, он мыслит самое достойное и самое божественное, он мыслит самого себя». Но не так, как это происходит с человеческим умом, ведь знание и чувственное восприятие всегда направлены на другое, что и даёт пищу для ума. Но только человеческого, а не божественного. Божественный ум совершенен во всём и в этом не нуждается. Его совершенство позволяет ему выступать вечным двигателем, двигать, оставаясь неподвижным. Мыслящий себя ум – основание самодостаточного и совершенного и потому конечного мира, человеческий – успешной и совершенной жизни человека в этом мире.

Как обобщает ситуацию А.Ф. Лосев, завершённый и в то же время вечный и неуничтожимый мир-космос – это и есть Бог.

Эмпиризм Аристотеля неприемлем как раз потому, что он не выводит за пределы конечного, ограниченного мира. Да и «вчувствование» Кампанеллы означает гораздо большее, с оттенком мистицизма, сближение с природой. Гилозоизм и антропоморфизм Кампанеллы приводят к богу, а не оставляют человека наедине с природой. Да такой природы, лишённой бога, и нет. Бог-творец, актуально бесконечный, по самому определению своему есть в то же время бог конечного мира, как потенциально бесконечного. Принятие бесконечности космоса, как это доказывал Джордано Бруно, неизбежно вело к отождествлению бога и природы и обожествлению материи. Как отмечал А.Х. Горфункель, «Кампанелла неоднократно ставит вопрос о бесконечности Вселенной и всякий раз убедительно показывает, что принятие бесконечности материального мира с необходимостью ведет к отождествлению мира и бога» [Горфункель, 1969: 37]. Проникновение в сущность вещей, внутреннего содержания вещей характеризуется как самовыражение Бога-Творца в его Мощи, Мудрости и Любви. Вчувствование превращается в интимный, даже мистический процесс чтения книги природы, написанной богом. Пантеизм, описанный Карль Йолем в работе «Рождение натурфилософии из духа мистики», характеризуется им как «богонаполненность» человеческой души [Joel, 1926: 32-33]. Чем больше бог заполняет душу мистика, тем более тот приближается к природе, переживая в ней ставшее внутренним и всезаполняющим чувство бога, и забывая самую свою душу и сливаясь с природой. Возрожденческий пантеизм расширял античный мир и сообщал ему не только внешнюю безграничность и бесконечность, но и внутреннюю глубину обожествления человека, поскольку человек отныне находил в себе божественное начало и открывал путь духовного единения с Абсолютом.

Прокладывается мостик к Декарту с его знаменитым *cogito ergo sum*. Кампанелла определяет скептицизм, применяя те же аргументы, которые затем использует Декарт: сомневающиеся с необходимостью знают, что они не знают: «Душа познаёт себя позна-

нием самоприсутствия». Но на этом близость и заканчивается. Само познание не прерогатива человека, с его способностью мыслить, а свойство всей природы (панпсихизм). Положения не спасает и то, что в человеке Кампанелла помимо души-духа признаёт божественный и бестелесный разум. Следуя неоплатоникам, он приписывает разуму способность усвоения форм (идей), в соответствии с которыми их создал Бог. Но при этом Кампанелла отвергает противопоставление чувственного и рационального познания и сводит весь процесс познания к ощущению. Так из самопознания Кампанелла выводит достоверность человеческого знания. При этом он не считает нужным отказываться от сенсуалистской теории познания и в опровержение скептиков полностью приводит в расширенном виде изложение своей теории чувственного знания. Но само ощущение он теперь понимает двояко: оно есть одновременно и непосредственное познание внешних вещей с помощью органов чувств, и внутреннее созерцание, интуиция. Именно благодаря внутренней интуиции человеческий разум способен постигать прималитеты.

Исследователи отмечают и другие интересные моменты теории познания Кампанеллы: познание как утрата и приобретение самости. Можно было продолжать рассмотрение проблем самопознания у Кампанеллы, сравнивая их с учением о «метемпсихозе» у Платона и в неоплатонизме и «медитациями» Декарта, но радикальная разница состоит в том, что мир, который един и потому познаваем у Телезио и Кампанеллы, у Декарта разделён на материальную и духовную субстанцию и потому открывается возможность ясного и достоверного знания взамен астрологии, магии и мистических спекуляций. Конечно, открывается и антиномия сенсуализма и рационализма, чувственного и рационального, но это впереди. Радикальное решение вопроса – отделение чувственной (протяжённой) и мыслящей (духовной) субстанции. Душа, как часть этой субстанции, не только носит образы припоминаний, они проявляются в ясном рассуждении. Многоцветная, живая природа подчиняется «абстрактному чувству геометра». Она превращается в материальную субстанцию, которую человек имеет право «пытать» в эксперименте. Априорное

математическое знание проверяется экспериментом. Возрождение обосновало это право человека.

Кампанелла – последний из титанов Возрождения, выразительный персонаж эпохи перехода от средневековья к Новому времени, внёс огромный вклад и в обоснование социальной теории, расширяя горизонты обыденного и открывая путь к достижению социальных идеалов. Хотя в его лице натурфилософия Возрождения столкнулась со своим собственным детищем – новым экспериментальным и математическим естествознанием, этот исторический период ознаменован переходом от геоцентризма к атропоцентризму и натуралистическому истолкованию человека. Но этого мало, «мы ждём перемен» – вот что могло быть написано на знамёнах Возрождения. Мало знать своё (христианское) прошлое, надо проецировать будущее. Не вычитывать его в священном писании, а составлять грандиозные проекты по переустройству мира (такой проект составлял часть подготовленного Кампанеллой заговора). В этом контексте помещается и социальная теория (утопия) Кампанеллы. Утопия – это рациональный проект, устремлённый в Будущее. Научиться жить не по природе (семья), не по Библии (монашество), а по разуму – город Солнца. Практическое прагматическое стремление, охватившее Европу, поставило в один ряд крестовые походы, разграбление Византии, реконквисту, открытие «Нового света» и нового неизведанного мира науки, поставившей природу на службу человеку. И, наконец, социальное устройство – не по природе и не от бога, а на основании человеческого разума.

В «Городе Солнца» резюмируется переход от «закона природы» соляриев к его христианскому истолкованию. Этот переход не только не потребовал от Кампанеллы отказа от прежних философских, теологических и научных и политических взглядов, но и привёл к осознанию практических возможностей знания в переустройстве мира. Обращаясь к государям и властителям земли, Кампанелла призывает их к осуществлению основных принципов своей политической теории, и если обещает им всемирное владычество, то именно как результат правильной, основанной на открытых им принципах, политики. Кампанелла изображает идеальное Государство не как государственное устройство, данное Богом, но как открытое посредством философских умозаключений и из возможностей человеческого разума, чтобы показать, что истина Евангелия соответствует природе.

Библиография

- Кампанелла Томмазо. Город Солнца / Пер. с лат. и коммент. Ф.А. Петровского. М., Изд. АН СССР, 1954. 228 с.
- Горфункель А.Х. Томмазо Кампанелла. М., «Мысль», 1969. 248 с.
- Кротов А.А. Философия истории философии во Франции (проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры). М., Изд. МГУ, 2018. 479 с.
- Реале Д. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., «Петрополис», 1996. 712 с.
- Соколов В.В. Философия как история философии. М., «Академический проект», 2012. 845 с.
- Соколов В. В. Европейская философия XV-XVIII веков. М., «Высшая школа», 2003. 428 с.
- Joel K. Der Ursprung der Naturphilosophie aus dem Geiste der Mystik. Jena, 1926. 163 s.

АРХЕТИП ГОРОДА В ИСТОРИИ УТОПИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Т.С. Паниотова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Статья является попыткой дать ответ на вопросы, поставленные Л. Мамфордом: «почему города так часто являются локусом утопии?» и «почему столько характерных для утопии институтов, впервые появилось в древнем городе?» В кратком историческом экскурсе центральное место уделено Т. Мору и Т. Кампанелле, в утопиях которых городской план служил презентацией социального равенства и справедливости политического устройства. Показано, что архитектура и градостроительство в социальных утопиях выполняли важные функции визуализации идеологии, эстетизации пространства, регламентации социальных отношений и были органично включены в конструирование идеального общества, позже названного коммунистическим.

Ключевые слова: город, утопия, Город Солнца, Кампанелла, локус утопической мысли.

Проблема поиска идеального топоса, гармоничной организации пространства как части социальной программы не нова, более того, в утопической традиции это устойчивый мотив. Наиболее часто встречающимися в истории утопической мысли локусами обычно выступали остров, город, либо сочетание того и другого. На связь города и утопии обращали внимание многие авторы, в том числе такие авторитетные ученые как Льюис Мамфорд, Густав Гюнтер и Фернандо Аинса.

Л. Мамфорд в статье «Утопия, город и машина» формулирует проблему следующим образом: «Вопрос, на который, в конце концов, предстоит дать ответ, – не тот, «почему города так часто являются локусом утопии?», а тот, «почему столько характерных для утопии институтов, впервые появилось в древнем городе?» И заключает: «Концепция утопии – это не спекулятивная эллинистическая фантазия, а следствие определенных исторических реалий: на деле первой утопией был древний город» [Mumford, 1965: 271]. Ведь именно древний город был средоточием порядка и стабильности, разделения труда и кооперации, роста творческих сил и производительного роста; оплотом государственности и источником законов, местом образования социальных институтов, цитаделью и сакральным центром. Если присовокупить сюда эстетику геометрического порядка, которую можно видеть в дошедших до нас планах идеальных городов разных стран и народов – протоиндийской Хараппы, испанского Тартесса, мексиканского Теночтитлана и перуанского Куско, то этот тезис приобретает характер аксиомы.

Однако нам представляется, что и первый вопрос – «почему города так часто являются локусами утопии?» – не менее важен. На это обратил внимание Густав Гюнтер, который выделил две модели гармоничной организации пространства: «город» и «сад» [Гюнтер, 1991: 253]. Именно городская модель организации пространства, по его мнению, логически приводит к рационалистической социальной утопии, в то время как разработка модели сада – лишь к пасторали или идиллии. Ведь утопический город – это рационально освоенное пространство, со всеми социальными институтами. Заполняющие его объекты наделены определенным смыслом и эстетическими характеристиками, но гораздо важнее функции, указывающие на социальное предназначение. Прекрасное и полезное образуют в городе нерасторжимое гармоничное единство. Симметрия геометрических форм символизирует идеал совершенства, не поддающегося дальнейшему усовершенствованию. Именно поэтому Ф. Аинса считает город *наиболее* типичным локусом утопической мысли, а урбанизм – одной из главных характеристик классической модели утопии [Aínsa, 1999: 21].

Среди ранних городских моделей, дошедших до нас, следует назвать проект Гипподама Милетского. Аристотель в «Политике» называл Гипподама не просто градостроителем, а первым из негосударственных людей, попробовавшим кое-что изложить о *наилучшем общественном устройстве*, т.е. утопии. Ведь гипподамовские планы городов предусматривали не просто геометрическую организацию ландшафта, но и тщательную калькуляцию улиц, площадей, а также оп-

тимальное число жителей, сословий и т.д., а следовательно – содержали претензии на некую реорганизацию социума.

В эпоху Возрождения разработка городских планов опиралась на ряд источников и предпосылок. Среди них: городские планы Теночтитлана и Куско, которые появились в Европе благодаря испанским конкистадорам; случайно обнаруженные в одном из монастырей труды Витрувия; книга Серлио о перспективе и, наконец, церковная архитектура.

Совокупность этих источников оказала влияние на формирование трех основных принципов идеального города Ренессанса:

1. материальный фактор (крепостные стены) для защиты города не только от врагов, но и от внешних влияний, расцениваемых как варварские;

2. функциональный принцип: все должно приносить пользу сообществу, не должно быть ни праздных сословий, ни бесполезных предметов;

3. эстетический принцип: красота городского проекта, создаваемого по законам перспективы, симметрии и гармонии, должна радовать глаз.

Но все эти открытия касались преимущественно идеальной *формы*. Что же касается *содержания* утопии, то здесь пальма первенства принадлежит античной литературе. Гуманисты находят в «Критии» Платона древний миф об Атлантиде. В нем помимо систематической геометризации территории посредством сети каналов и ее идеальной формы они увидели рассуждения об источниках богатства и процветания острова, о роли личности ее создателя, Посейдона, который дал полису не только форму, но и принципы правления. Атлантида стала своего рода прототипом классической «городской» модели утопии, со следующими характеристиками: строгие геометрические формы; автономность существования и автаркия; максимальная завершенность и статичность образа, регламентация и точный расчет.

Таким образом, в классических утопиях Возрождения мы вновь встречаем объективацию духа и замысла законодателя не в виде неизбежно абстрактных общих норм и законов, а в виде упорядоченного пейзажа и плана градостроительства. Отныне городской план становится постоянным спутником социаль-

ной утопии, а всякий проект идеального города неизбежно обретает идеологическое значение. Рассмотрим два ренессансных проекта.

То, что рассказывает путешественник Гитлодей об острове «Утопия» в одноименном произведении Т. Мора, выглядит триумфом геометризации, симметрии и математического порядка. Форма города – почти идеальный квадрат; в свою очередь большой квадрат разделен на четыре равных квадрата меньшей площади. В центре каждого квадрата находится рынок. Дома – красивые и абсолютно одинаковые трехэтажные здания; все улицы имеют одну ширину. Все пятьдесят четыре города построены по одному плану, имеют одни и те же жилые пространства и общественные здания. Таким образом урбанизм и архитектура выполняют функцию презентации господствующего в стране социального равенства, и справедливости политического устройства. Нетрудно предположить, что язык, обычаи, институты, законы здесь также совершенно одинаковы для всех.

Тот же метод превалирует в трудах Кампанеллы, и хотя его книга была написана в начале XVII в., нас не должно удивлять следование Кампанеллы ренессансной традиции со свойственным ей представлением о замкнутом мире. Но в отличие от «Утопии» Мора в «Городе Солнца» цивилизация, в которой по-прежнему доминирует урбанистический принцип, сосредоточена в *одном* городе. Мистические и священные числа, равенство, симметрия и геометрия связаны здесь воедино, чтобы примирить демократию и власть.

Город, который описывает Кампанелла полон смыслов и символов. В нем каждая деталь архитектуры соответствует определенным намерениям и вносит свою лепту в целостность создаваемой гигантской аллегии. Город концентрически построен на высоком холме: начиная с подножия по мере восхождения над каждым из кругов доминирует следующий, образуя конусообразную пирамиду с абсолютно круглым храмом Солнца в центре. Возникает образ иерархической власти: власть нисходит с вершины горы как с вершины социальной иерархии. Таким образом, Кампанелла пытается, по крайней мере теоретически, примирить равенство и власть.

Город Солнца – это микрокосм: в своей структуре он воспроизводит определенную

модель мира: семь округлых стен, семь золотых лампад с названиями планет – символизируют солнечную систему. Здесь также уместен образ зеркальной галереи: космос отражается в городе, земля и небо – в алтаре центрального храма, который в свою очередь был задуман как образ солярного централизма. Кампанелла ничего не говорит об основателе города, потому что ни одно человеческое существо не способно помыслить или построить этот город: его создателем является само Солнце и генеральный план отражает космический порядок.

Город Солнца – это также город-память, стены которого содержат все знание мира, иллюстрируют прогресс человеческого гения: его можно сравнить с гигантской энциклопедией, назвать городом-театром с дидактической функцией или городом-университетом. Все народы мира представлены здесь со своими лучшими изобретениями.

Однако Город Солнца – не только город – память, где сосредоточено все человеческое знание, это также город – убежище, защищающий от вторжений извне и от исторического времени; город-мать, которая дает приют, пропитание и образование своим детям. В городе знаний нет места случайности – ни в архитектуре, ни в образе жизни: одна и та же модель повторяется в каждом из дворцов, составляющих цепочку во внутренней части каждого круга. Чувство, разделяемое всеми жителями города – это чувство принадлежности части – целому как члену одной и той же семьи. Тем более, если принимать во внимание тот факт, что благодаря астрологии и системе брачных отношений среди жителей существует своего рода космическое братство. Несмотря на разных матерей, «в большинстве случаев ровесники имеют очень похожие лица, одинаковые физические и моральные качества, поскольку родились они под одним и тем же созвездием». Здесь становится ясным, что у всех соляриев лишь одна – символическая – мать. Это сам город.

Мы видим на примере этих утопий, как архитектурные формы «перевоплощаются» в принципы равенства, обретают смыслы в рациональном политическом устройстве, жесткой регламентации и справедливых сводах законов. Это дало основание Ф. Энгельсу отнести ренессансные утопии к разряду «аске-

тически сурового, спартанского коммунизма». Но здесь важно иметь ввиду и другой, по сути противоположный, аспект. Классическая утопия вполне может оказаться мечтой, которая более чем на два столетия опережает индустриальный рационализм. Своими моделями идеального города утопия формирует предпосылки индустриальной эры с ее холодной логикой и безжалостным экономическим порядком.

Это становится особенно заметно в утопиях XIX столетия. Клод Леду, развивая идею идеального города объединяет в своем проекте промышленного города Шю жилище, промышленные и административные здания в единый комплекс. Каждое здание выполняет определенную социальную программу, направленную на развитие положительных качеств людей. Здесь есть Дом Дружбы, Дом воспитания и др. Оригинальные проекты были представлены великими социалистами – утопистами Шарлем Фурье и Робертом Оуэном. Например, фаланстеры, которые планировал построить Фурье, были дворцами для совместного проживания 1600-1800 человек, с мастерскими и местами общего отдыха. Фактически это были города в миниатюре. Отдельные фаланстеры являются прообразом грядущей всеобщей социальной трансформации. Что же касается певца индустриализма Сен-Симона, то он вообще мечтал перестроить все общество по принципу фабрики.

Мощный подъем утопического творчества в нашей стране вызвала Великая Октябрьская социалистическая революция. Советские архитекторы с энтузиазмом откликнулись на призыв принять участие в построении нового общества. Моисей Гинзбург, один из основателей конструктивизма, говорил о борьбе за коммунизм средствами современной архитектуры. Создавая свои проекты, советские архитекторы внимательно изучали не только труды классиков марксизма-ленинизма, но и работы социалистов-утопистов. Вместе с ними они искренне верили, что, изменив среду, поселив людей в функциональные «машины для жилья», обобществив быт, они могут изменить нравы, сформировать нового человека, преданного революции. Этой задаче отвечали многочисленные дома-коммуны, построенные в 20-е гг., а также совершенно

фантастические проекты «космических» или «летающих» городов (Г. Крутиков). В 1929 г. архитектор Д. Фридман выдвинул идею дальнейшего обобществления быта на почве строительства не «домов-коммун», а «кварталов-коммун». Идея нашла воплощение в строительстве так называемых «комбинатов для жилья», квартальных застройках во многих городах СССР, в том числе, и в Ростове-на-Дону. Точно отвечавшие идеологическим задачам пропорции и формы позволяли новым «фаланстерам» служить одновременно социальным, жилым и культурным пространством, которое обретало важнейшее социальное и символическое значение: теперь это была не просто территория для жизни, а своеобразная модель нового общества.

Идея «города в городе» нашла продолжение в 70-е гг. XX в. В Москве был построен дом нового быта: комплекс из двух зданий, который должен был воплотить идею нового социалистического быта для творческих работников. В двух зданиях, напоминающих раскрытые книги, располагались квартиры; в галерее, соединяющей здания, находились кафе, почта, спортивные залы, бассейн, магазины и все, необходимое для жизни. Квартиры были просторными, но в них отсутствовали кухни, которые располагались на этаже вместе с просторными столовыми. Цель была прежней: освободить творческих людей от бытовых проблем.

Подводя итоги, можно сказать, что в конечном счете, в истории утопической мысли существует тесная взаимосвязь между архитектурой и идеологией. Миссия архитектуры в социальных утопиях заключается том, чтобы, основываясь на использовании геометрических фигур, математического расчета, принципов симметрии, функциональности, законов перспективы, осуществлять визуализацию идеологии. Вместе с тем, нельзя забывать и об эстетической составляющей: Утопист стремится построить мир, который был бы не просто лучше или рациональнее того мира, в котором он живет, но и в художественном отношении – самым прекрасным из всех возможных миров. И пересоздавая мир по законам красоты он, по сути, уподобляет себя даже не художнику, а самому Богу. Как будто с небес он смотрит на свое детище и подобно Создателю заключает: «И увидел Бог, что *это* хорошо».

Библиография

- Гюнтер Г. Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А. Платонова / Утопия и утопическое мышление. М., Прогресс, 1991. С. 252-277.
- Кампанелла Томмазо. Город Солнца / Пер. с лат. и коммент. Ф.А. Петровского. М., Изд. АН СССР, 1954. 228 с.
- Мор Т. Утопия / пер. с лат. Ю.М. Каган. М., Наука, 1978. 416 с.
- Ainsa F. La Reconstrucción de la Utopía. Mexico, Correo de la UNESCO, 1999. 238 p.
- Mumford L. Utopia, the City and the Machine // *Daedalus*, 1965, Vol. 94, No. 2, pp. 271-292.

CUERPO, ESTÉTICA Y UTOPIA TECNOLÓGICA

Ricardo Iglesias García

Facultad de Bellas Artes, Universitat de Barcelona (Barcelona, Spain)

Resumen. La evolución del concepto de cuerpo y de progreso, específicamente desde la modernidad y con la implementación de las tecnologías, nos permite adentrarnos en nuevas visiones utópicas/distópicas sobre el sujeto humano y su corporalidad. La idea-fuerza del cuerpo autómatas persiste aún hoy de forma implícita en muchas de estas figuraciones. Es notable, además, que el cuerpo se proponga como máquina y no como objeto natural o animal, cuestión que no dejará de traer consecuencias al momento de ejercer actividades con y sobre el cuerpo. Las nuevas tecnologías ofrecen la posibilidad de superar los límites impuestos por nuestra herencia biológica en una especie de deseo explícito de no aceptar nuestro pasado, ni nuestro origen natural-orgánico.

En este sentido, una serie importante de pensadores, científicos y artistas consideran el cuerpo como algo completamente obsoleto, como una cascara vacía que debe ser abandonada para tecnológicamente dar paso al siguiente nivel en la evolución humana: el Techno Sapiens o el Cyborg. Se aboga para que el objeto de estudio de la antropología pase del “ser humano” al “cyborg”, considerado éste como un representante más idóneo de nuestro presente, y sobre todo, de nuestro futuro. La figura del cyborg se ha convertido en el centro de un nuevo paradigma transhumanista utópico (Katherine Hayles, Nick Bostrom, Robin Hanson, Hans Moravec...),

paralelamente en la esfera del arte aparecen figuras que quieren representar esta tecnoevolución, artistas como Stelar intervenido y conectado con cables a internet en su *Third Hand* (1980), *Fractal Flesh* (1995) o Marcel-Lí Antúnez con *Epizoo* (1994) o la performance *Afasia* (1998), entre otros.

Palabras clave: Tecnologías, Cyborg, Utopía, Cuerpo, Arte, Transhumanismo.

Todos los artefactos del hombre – ya sea lenguaje, leyes, ideas e hipótesis, herramientas, ropa o computadoras – son extensiones del cuerpo físico o de la mente humana. El hombre, el animal que construye herramientas, por mucho tiempo ha tenido interés en extender uno u otro de sus órganos, de tal manera que turbe todos sus demás sentidos y facultades.
McLuhan, 2009.

No me interesa hablar académica o teóricamente de los interfaces, lo que me interesa es conectarme, ampliar muy cuerpo con sistemas cibernéticos y ver qué pasa.
Stelarc, 1997.

I'm as fond as my body as anyone, but if I can be 200 with a body of silicon, I'll take it. Hills, 2002.

01. Cuerpo, cyborg y antropología

Históricamente todas las culturas y todas las disciplinas han tenido al “sujeto humano” como uno de los fundamentos del conocimiento. Cada una en su tradición, modalidad y especificidad ha intentando dar respuestas a las diferentes preguntas sobre qué es eso que denominamos “sujeto”. Convirtiéndose así en el objeto de estudio primario para el conocimiento de uno mismo, hasta el punto de crearse una ciencia exclusiva para ello: La *antropología* (del griego ἄνθρωπος *ánthrōpos*, «hombre (humano)», y λόγος, *logos*, «conocimiento»). Ciencia que estudia al ser humano de una forma integral en sus características físicas, en los animales y en sus hechos culturales (rasgos no biológico). La antropología recurre a herramientas y saberes producidos por las ciencias sociales y las ciencias naturales. Como objetivo y aspiración se plantea generar conocimiento sobre lo que caracterizan a la humanidad (sujeto humano) en diversas esferas, intentando abarcar tanto las actuales estructuras sociales y el desarrollo y los modos de vida de pueblos que han desaparecido como la diversidad de las expresiones culturales y lingüísticas o la evolución biológica de nuestra especie.

En nuestro estudio, planteamos el cuerpo como una construcción utópica en su anhelo por reconciliar un imaginario predefinido en imágenes-conceptos-atributos (lo afectivo, lo sensual y lo intelectual) y aquello que fluye y se transforma en el devenir involuntario e indistinto de lo viviente. En este proceso de construcción

partimos del dualismo cartesiano y la separación cuerpo-alma, postura radicalizada por la noción del hombre máquina de La Mettrie. Postulado filosófico principal que ha generado una tradición materialista, a través de la cual la visión de las modificaciones tecnológicas del ser, no sólo son posibles, sino necesarias para un perfeccionamiento del cuerpo-máquina en vistas a la evolución tecno-darwiniana ilusoria de progreso. El sujeto-cuerpo solo se encuentra en confrontación con los otros y, a veces, con uno mismo. Fiscalidad que finalmente se rompió a principios del s. XX con la aparición de las nuevas ciencias como la psicología, las arriesgadas trazas de las vanguardias y el trauma de las guerras mundiales. No existe una entidad central, sin fisuras y unificada en un sujeto/ser/cuerpo/mente como defendía la modernidad racionalista, sino un sujeto-máquina que necesita constantes “actualizaciones”. Para Santiago Koval, la tecnología es el propulsor de toda evolución humana, pero debe sus fundamentos a la imaginación humana. “El desarrollo tecnocientífico regula los límites de lo realizable; el discurso imaginario, las fronteras de lo concebible” [Koval, 2008, p. 15].

La idea-fuerza del cuerpo autómatas de La Mettrie persiste hoy y toma mayor relevancia desde los desarrollos tecnológicos. Que el cuerpo se proponga como máquina y no como objeto natural o animal, no dejará de traer consecuencias al momento de ejercer actividades con y sobre el cuerpo. Lleva implícito el deseo de docilidad que es transferido por contagio a la idea de hombre en general (Foucault). En ese sentido, una serie importante de pensadores, científicos y artistas consideran el cuerpo como algo completamente obsoleto, como una cascara vacía que debe ser abandonada para tecnológicamente dar paso al siguiente nivel en la evolución humana: el *Techno Sapiens* o el *Cyborg*. Se aboga para que el objeto de estudio de la antropología pase del “ser humano” al “cyborg”, considerado éste como un representante más idóneo de nuestro presente, y sobre todo, de nuestro futuro.

En 1960, en el programa de la NASA de exploración del cosmos, el fisiólogo Manfred Clynes y el psiquiatra Nathan Kline acuñaron

el término “*cyborg*” de la unión de *cybernetic* y *organism*, como una entidad humana que podía ser mecánicamente optimizada para soportar las condiciones extremas del espacio exterior. El objetivo de la NASA era la búsqueda de sistemas automáticos para potenciar los órganos vitales del individuo y posibilitar las modificaciones de sus constantes psicofísicas para robustecer el organismo. “Un organismo formateado e integrado con componentes externos que regulasen y controlasen las funciones vitales de su cuerpo para poder adaptarse a entornos desconocidos” [Iglesias, 2016, p. 209]. En este sentido, las preocupaciones de la Agencia Espacial Americana se centraban en algunos problemas básicos que requerían soluciones urgentes como el estado de alerta y vigilia, el efecto de radiación, los problemas metabólicos y controles térmicos, la oxigenación y la reducción del carbono, la entrada y salida de fluidos, el control cardiovascular, el mantenimiento muscular, los problemas de percepción, la variación de la temperatura y de la presión externas, los trastornos psiquiátricos, etc. Era necesaria la creación de entidades, individuos, que mejorados mediante la tecnología pudiesen sobrevivir en el espacio, o en condiciones físicamente adversas.

En el artículo *De cyborgs, superhombres y otras exageraciones*, Félix Duque aporta una definición un poco más precisa: “es un hombre corregido en sus defectos y carencias y a la vez potenciado en sus facultades, mediante el empleo y la implantación de tecnología en su cuerpo” [Duque, 2003, p. 167]. Para el padre de la cibernética Norbert Wiener el estado aumentado del cuerpo por medio de añadidos mecánicos, prótesis sustitutivas y mejoras artificiales viene definido por la lógica de los conceptos cibernéticos. “Un campo en el que podemos usar, y usamos, tales sistemas mixtos es el del diseño de prótesis, de dispositivos que reemplazan miembros u órganos sensibles dañados. Una pierna de madera es un sustituto mecánico de una pierna de carne y hueso perdida, y un hombre con una pierna de madera representa un sistema compuesto tanto por partes mecánicas como humanas” [Wiener, 1967, p. 56]

Estas prácticas están forzando al límite el concepto que se tiene del cuerpo: las modificaciones no parten sólo de necesidades operacionales, sino de alteraciones estéticas y muy pronto, de añadidos de órganos o extremidades hasta ahora inexistentes. Dos de los cirujanos más impor-

tales en el campo de la reconstrucción biónica, entendida como interfaz hombre-máquina, de la implantación de nervios artificiales y de trasplantes de extremidades mediante la inmunosupresión son Joseph M. Rosen y Burt Brent. Estos científicos defienden las posibilidades para la modificación de nuestros límites naturales. En su artículo *Learn to Make Wings: Thoracobrachial Pterygoplasty Powered by Muscle Transposition Flaps* (1987), el Dr. Brent propone la construcción quirúrgica de una especie de membrana que uniendo los brazos a los costados, podría operar como unas alas planeadoras, similares a las que disponen las ardillas voladoras y en las cuales se han inspirado en los últimos años nuevos deportes de riesgo como *wingfly* (paracaídas planeadores). Nos acercamos, cada vez más, a un tipo de artefactos humanos, medio biológicos-medio tecnológicos, como los soñados por la Ciencia Ficción. Las nuevas tecnologías ofrecen la posibilidad de superar los límites impuestos por nuestra herencia biológica en una especie de deseo explícito de no aceptar nuestro pasado, ni nuestro origen natural-orgánico. Nos situamos frente a una alteración, evolución o desarrollo desquiciado de nuestra naturaleza humana que nos conducirá a la siguiente fase: el estadio posthumano. Los continuos adelantos tecnológicos transforman nuestros cuerpos a nivel individual y social para ofrecernos soluciones “efectivas”? en el marco de una continua utopía tecnológica.

02. Utopía, arte y posthumano

El pensamiento utópico se ha presentado históricamente como motor para generar imaginarios alternativos de situaciones epocales reales-presentes a través de la creación de modelos plasmados en formatos literarios, estructuras arquitectónicas, sistemas sociales, imágenes pictóricas, etc. “Es a partir de la aparición durante la modernidad de contra-visiones que cuestionan los arché o primeros principios en los que se asienta el modelo moderno de progreso, cuando el concepto de utopía toma dos caminos, que podríamos denominar el modo proyectivo y el modo transformativo” [Suárez, 2016, p. 269]. Mientras que el primero presenta formatos irrealizables desde un presente determinado, en una búsqueda radical de modificación de los límites de lo existente, el segundo defiende una corrección transgresora, más positiva, en una propuesta de nuevos estratos/estructuras adaptables. En

cualquier caso, parece ser que ambas visiones, casi en una relación simbiótica, se retroalimentan históricamente y construyen aspiraciones de la realidad entre lo posible y lo pensable en nuestro ideario colectivo, nuestro imaginario utópico. En justamente en este imaginario, donde la figura del cyborg se ha convertido en el centro de un nuevo paradigma transhumanista utópico (Katherine Hayles, Nick Bostrom, Robin Hanson, Hans Moravec...). El sujeto humano transformado busca en la ciencia y en la técnica el marco ideal para su desvinculación con lo “humano”, con cualquier límite de dominio, de control y de condicionamiento, incluso del bio-genético.

Paralelamente en la esfera del arte ha ido apareciendo y evolucionando las mismas trasfiguraciones entre lo humano y lo posthumano en una constante manipulación ontológica del ser y del cuerpo. La ‘lista no exhaustiva’ (a la que he añadido algunos artistas más) que propone Fabián Giménez Gatto, en su prólogo a *El cuerpo posthumano. En el arte y la cultura contemporánea* de Iván Mejía (2014) es muy sintomática:

El cuerpo amplificado de Stelarc en *The Third Hand* (1976-1980), el cuerpo amputado de Mike Parr en *Cathartic Action: Social Gestus No. 5* (1977), el cuerpo anal de Keith Boadwee en *Untitled (Purple Squirt)* (1995), el cuerpo autolacerado de Gina Pane en *Le Lait Chaud* (1972), el cuerpo baleado de Chris Burden en *Shoot* (1971), el cuerpo clausurado de Heli Rekula en *Hyperventilation* (1993), el cuerpo drogado de Marina Abramovic en *Rhythm 2* (1974), el cuerpo eléctrico de Atsuko Tanaka en *Electric Dress* (1956), el cuerpo endoscópico de Mona Hatoum en *Corps étranger* (1994), el cuerpo esquizofrénico de David Nebreda en *23.6.89* (1989), el cuerpo estéril de John Duncan en *Blind Date* (1980), el cuerpo eyaculatorio de Andrés Serrano en *Untitled VII (Ejaculate in Trajectory)* (1989), el cuerpo ginecológico de Annie Sprinkle en *The Public Cervix Announcement* (1992), el cuerpo vih positivo de Ron Athey en *Four Scenes in a Harsh Life* (1994), el cuerpo masoquista de Bob Flanagan en *You Always Hurt the One You Love* (1991), el cuerpo masturbatorio de Vito Acconci en *Seedbed* (1970), el cuerpo materno de Mary Kelly en *Post-Partum Document* (1973-79), el cuerpo menstrual de Judy Chicago en *Red Flag* (1971), el cuerpo

musical de Nam June Paik en *Human Cello* (1965), el cuerpo automutilado de Günter Brus en *Automutilación* (1965), el cuerpo orgásmico de Elke Krystufek en *Satisfaction* (1996), el cuerpo orgiástico de Carolee Schneemann en *Meat Joy* (1964), el cuerpo pornográfico de Cosey Fanni Tutti en *Prostitution* (1976), el cuerpo queer de Jürgen Klauke en *Transformer* (1973), el cuerpo quirúrgico de Orlan en *Omnipresence* (1993), el cuerpo terminal de Hanna Wilke en *Intra-Venus* (1993), el cuerpo vaginal de Shigeo Kubota en *Vagina Painting* (1965), el cuerpo con vih transportado de Pepe Espaliú en *Carrying* (1992), el cuerpo violado de Ana Mendieta en *Rape Scene* (1973) [Mejía, 2014, p.18].

o otros cuerpos más tecnologizados como el de Marcel·lí Antúnez con *Epizoo* (1994) o la performance *Afasia* (1998), o performances chicanas de Guillermo Gómez Peña en sus *Mexterminator* (1998)...

Katherine Hayles, teórica sobre la hibridación del tecnocuerpo, indica en su libro *How We Became Posthuman* “cada vez más la pregunta no es si nos convertiremos en posthumanos, porque la posthumanidad ya está aquí. Más bien, la pregunta es qué tipo de posthumanos seremos” [Hayles, 1999, p. 246]. El desarrollo imparable de las tecnologías protésicas anticipan una evolución supersónica de la especie humana, acercándonos a las más locas fantasías tecno-científicas y reactualizando la pregunta fundamental sobre las fronteras humano/máquinas y sobre su interfaz. Las modificaciones empiezan a ser tan trascendentes que se han iniciado nuevos estudios ontológicos para los cuales, lo inorgánico ya es parte del ser.

03. Arte y cyborg

El cuerpo, el cuerpo utópico y sus transformaciones tecnológicas, ha de ser entendido como una máquina en proceso de desarrollo, y por tanto, optimizado y robotizado para que pueda cumplir finalmente su evolución, más allá de la propia “carne”. La piel, la membrana biológica aparece como la primera interfaz o superficie de contacto que permite el intercambio de información entre nuestro sistema interno biológico y el sistema externo social, pero esta interfaz tiene que evolucionar conjuntamente con el cuerpo, no comportarse como un dispositivo cerrado,

debe poder expandirse para aceptar la nueva esencia ontológica, debe permitir un constante intercambio de información, debe conformarse como agente que incluye sensores activos y reactivos, canales de comunicación abiertos, sistemas interactivos...

El imaginario del cyborg, desde su vertiente político-social-genero de Haraway hasta sus desarrollos ontológicos más radicales de Moravec, dentro de la corriente transhumanista, con la propuesta de una asimilación absoluta de la materia orgánica a través de una descarga o transbiomorfosis (metamorfosis transbiológica) que traduzca las redes neuronales de nuestras mentes a la memoria de un ordenador, ha influenciado o siguiendo la línea de todo este artículo, ha tomado 'cuerpo' en las experimentaciones artísticas realizadas por algunos creadores desde la década de finales de los setenta. El artista performático Stelarc se potencializa como culminación y desarrollo visual de las diferentes expresiones que hemos analizado sobre el término *cyborg*. Asume los conceptos más radicales de alteración de la materia a través de la tecnológica, acepta las posibilidades de conexión extendida desde el cascaron vacío de un cuerpo humano al universo de redes y flujos de información y datos, rechaza la finitud de la presencia física del sujeto y su superación con la implementación protésica. Admite las teorías de desarrollo y evolución de teóricos y científicos como Kurzweil, Moravec o Bostrom, los principios del transhumanismo, e incluso las posturas más alternativas de Haraway, pero no como un planteamiento conceptual sino como una realidad presencial y experimental en su propio ser y, hasta sus últimas consecuencias, como la implantación quirúrgica de una oreja biónica en uno de sus brazos [*Ear on arm*, 2008].

Desde sus inicios performáticos Stelarc ha ido evolucionando para transformarse en un auténtico *cyborg* siguiendo su filosofía *Obsolete Body*. Su obra, su espacio de trabajo, ha sido siempre su propio cuerpo, que tomado al mismo tiempo como herramienta y como materia en bruto, ha ido modificando y mejorando para experimentar con nuevas interfaces, nuevas prótesis y nuevas conexiones. En este sentido ha maximizando tecnológicamente la cita de McLuhan: "La extensión de un sólo órgano de los sentidos altera la manera en que pensamos y nos comportamos. Cuando estos parámetros cambian, el ser humano cambia" [Dery, 1998, p. 79].

En su ensayo *Prosthetics, Robotics & Remote Existence: Post-Evolutionary Strategies* (1990), Stelarc define los principios conceptuales y los objetivos que le impulsan en sus diferentes creaciones (solo indicamos los títulos de los apartados del texto):

1. Rediseñar el cuerpo / redefinir lo que es humano.
2. Cuerpo obsoleto.
3. La invasión de la tecnología.
4. Cuerpo hueco / piel solar.
5. Pan - fisiología planetaria.
6. No nacimiento / no muerte - el zumbido del híbrido.
7. Cuerpo anestético / la atrofia del éxtasis.
8. Hybridhuman - sistemas de máquinas.
9. Hacia arriba - ilusión de la fidelidad

En cada una de sus performances, ha ido ampliando, modificando, transgrediendo, invadiendo, evolucionando, hibridando ese cuerpo obsoleto y desechable con todo tipo de tecnologías, máquinas, sistemas de comunicación, operaciones de quirófano, implantaciones, ... La performance *The Third Hand* (1981) consistió en un brazo robótico con una mano prensil, conectado a los músculos de su abdomen para su funcionamiento. Inicialmente exploró las posibilidades de escribir simultáneamente con su mano derecha y la tercera mano, pero rápidamente fue incluyendo en sus diferentes presentaciones nuevos elementos como dispositivos ultrasónicos, pulsaciones láser, cascos binoculares, etc., incluso instrumentos convencionalmente utilizados en medicina. Toda una gama de prótesis virtuales y reales hasta convertirse en un *cyborg* que se mueve entre la esfera de la realidad y del mundo virtual.

En 1995 Stelarc avanza hacia nuevas formas de intervención, modificación y comunicación vinculadas al cuerpo, conectando con la incipiente red de internet y explorando sus límites para ampliar y modificar su presencia carnal e individual en el mundo físico por una existencia compartida y digitalizada en el mundo "virtual" colectivo. "El cuerpo ha sido aumentado, invadido y ahora se convierte en anfitrión no sólo de la tecnología, sino también de agentes remotos" [Stelarc, 1998, p. 132]. La red no representa la desaparición del cuerpo en un anonimato vacío, sino una forma de extensión multipersonal y multicolectiva, puntos fractales en un universo virtual en continua evolución y expansión, un

big bang de datos que fluctúan y se comunican incesantemente. Obras *Fractal Flesh* (1995), *Ping Body* (1996), *Parasite* (1997). “Internet es concebida por el artista como un sistema nervioso externo que conecta millones de cuerpos, en contraposición al sistema nervioso humano que sólo regula y controla uno; considera que las redes telemáticas, abren la posibilidad de redefinir las funciones del cuerpo, en incluso que llegará el día en que se consiga prescindir de él” [Mejía, 2005, p. 150]. Internet es el culmen de la prótesis tecnológica que amplía hasta el infinito nuestras sensaciones y nuestras realidades, hasta el punto que podríamos decir que la realidad no existe sino es mediada por la red.

Marcel·lí Antúnez Roca es otro artista imprescindible dentro del contexto cyborg. Ha experimentado con diferentes dispositivos y mecanismos robóticos para la construcción de un universo propio, en muchos casos oníricamente caótico. En la evolución de sus trabajos podemos encontrar metáforas sobre los dos tipos de integración hombre-máquina: la integración exógena (humanización del robot) como en *JoAn, l'home de carn* y la integración endógena (robotización del sujeto) con *Epizoo* o *Réquiem*. El artista busca máquinas que lo encierren, lo modifiquen, lo muevan, lo manipulen, dejando su cuerpo a merced de interfaces controlados por el usuario, en un acoplamiento mediado entre carne y metal. Sin llegar a “fundirse” con la tecnología como realidad, muestra una exploración de la esencia, dominio y manipulación del cuerpo y los miembros que lo configuran. Abandona su voluntad y su acción consciente en los mecanismos controlados por “el otro”, reproduciendo movimientos de una manera mecánica o reactiva. En cada nueva representación, asume mayores retos de complejidad técnica para provocar una mayor “participación polisensorial del espectador” [Mercè Saumell, 1999, p. 128].

El androide *JoAn, l'Home de carn* (1992-93) muestra a una figura masculina a escala natural forrada de carne (piel de cerdo cosida y cuero de vaca), sentada dentro de una urna de cristal y madera. El autómatas toma vida en presencia del público y mueve diferentes partes de su cuerpo (brazo, hombro, cabeza y miembro masculino). Una extraña paradoja entre lo biológico y lo mecánico que describe correctamente la línea de su desarrollo posterior desde los conceptos de interfaz, computación y medio. “Un tipo de

sistematurgias mecatrónicas, que plantean nuevas formas de interfaz, gestión computacional de los recursos y nuevos medios de representación: robots, imagen y sonido interactivo entre otros” [Antúnez, 2003, web].

Con *Epizoo* (1994) se acerca a los supuestos de Stelarc: el cuerpo es un cascarón vacío que puede ser ocupado por otro, un desecho orgánico, una marioneta de la tecnológica. El cuerpo físico es un ente fragmentado, violentado y violento. “Uno de los aspectos que nos fascina de las máquinas en general, y de los robots en particular, es su endiablada capacidad de ejecutar tareas sin descanso. Quizá por ello las máquinas representan una clara metáfora de lo orgánico, fulgurante alegoría sobre la que, a menudo, nos vemos reflejados. Pero quizá los robots sean algo más que una máquina útil, algo más que una figura retórica” [Antúnez, 2003, web]. El artista no tiene voluntad propia, y por extensión crítica el sujeto humano, una serie de estructuras mecánicas generan un exoesqueleto que “encierra” su cuerpo y lo deja a merced de las deseos de los usuarios. El armazón, compuesto por diferentes dispositivos neumáticos ajustados (agarrados) a su nariz, nalgas, pecho, boca, orejas, está conectado con una terminal de ordenador y una pantalla táctil. Como si nos encontrásemos con un juego de rol macabro, podemos modificar, transfigurar y desgarrar la figura de carne que allí aparece, entretenimiento sadomasoquista, pero la acción ejecutada en la realidad virtual, con un interfaz de usuario, tiene su directa consecuencia en la realidad “real”. El público no es un simple voyeur, sino un ejecutor, un dominatrix tecnológico animado por los gritos que salen de la pantalla.

En el espectáculo teatral *Afasia* (1998), Marcel·lí continúa ahondando en las posibilidades del control desde prótesis evolucionadas (*deskeleton*), pero esta vez extendidas más allá de su cuerpo, a todo un escenario y a los diferentes elementos que forman parte de la representación: desde las luces, los sonidos o los vídeos, hasta una serie de pequeños robots independientes. En 1999 se presenta el bodybot *Réquiem*, un nuevo traje exoesquelético, una estructura de planchas de aluminio y acero. Diseñada a medida del cuerpo del artista sirve de caparazón o de armadura interactiva donde se encierra el sujeto pasivo, muerto, que retorna a ‘vivir’ con la presencia de los usuarios. A pesar de la importancia que la tecnología ha supuesto en sus trabajos, Marcel·lí es

consciente de su funcionalidad como herramienta en una globalidad creadora. “No creo en esta categoría arte robótico ni en otras categorías, solo hay que pensar en fax-art, mailart o net art categorías que han quedado obsoletas o que lo quedarán pronto. Lo que sí que veo es la interacción (en su sentido computacional) como un nuevo factor o paradigma que no existía hace tan solo veinte años y que en cuanto a resultado y lenguaje lo veo como una punta de Iceberg. En este sentido veo a los robots como parte o disciplina de un entorno complejo que convive con otros medios o disciplinas” [Iglesias, 2012, p. 444].

04. La mimesis tecnohumana

En el campo de la integración exógena o asimilación de formatos antropomórficos por parte de la máquina o robot, bajo una lógica mimética de la naturaleza del organismo humano, incluso de sentimientos, es necesario mencionar a Andy Warhol y su “I want to be a machine... I think everybody should be a machine” [Swenson, 1963, p. 24]. Cuando Andy Warhol murió en 1987 dejó tras de sí un proyecto inacabado, denominado *Andy Warhol: A No-Man Show*. Un doble robótico, un gemelo artificial en posición sentado y mirando de frente, que mueve compulsivamente una pierna y declama textos de libros del autor o sencillamente chismorrea. Este proyecto tardío de Warhol reactualiza sus intereses conceptuales: el dinamismo de la tecnología, los sistemas de reproducción ad infinitum, los medios de comunicación de masas, el juego de la ausencia y presencia, lo real y la copia (*Doppelgänger*), el proceso de industrialización consumista frente a la creación de una producción original, etc.

Carlos Corpa, es otro de los artistas que desarrolla su trabajo en la línea utópica de la ‘humanización robótica’. Sus trabajos inciden en las posibilidades de creación autónoma, pero sin la imposición de programaciones cerradas. El objetivo principal que persigue el artista en sus acciones y piezas robóticas es social: mostrar la “máquina” en situaciones o actividades que son consideradas principalmente dentro del ámbito humano, “la sustitución de la figura humana por la máquina en un entorno dialogado de interacción pública” [Iglesias, 2013, p. 44]. En *Another Painting Machine A.P.M.* (1999) y su evolución *Machina Artis 3.0* (2001), el artista hace referencias a las experiencias pioneras realizadas por máquinas y autómatas, una de cuya máxima expresión de

interacción máquina-hombre son las propuestas *Métamatics* de Jean Tinguely. Estos planeamientos radicales de formatos antropomórficos mecánicos que asumen funciones humanas conducen a Corpa hacia la creación de *PaCo – Poeta Automático Callejero Online* (2004), en colaboración con Ana María García - Serrano, experta en inteligencia artificial y en lenguaje natural (UPM). La figura robótica representa a un “mendigo” que se desplaza lentamente en una silla de ruedas y pide unas monedas a cambio de un poema. Para Corpa es necesario replantearse de una manera más profunda los posibles intercambios entre máquinas y sujetos humanos, provocar una reflexión acerca de los espacios vitales que son ocupados actualmente por los individuos y, como en la evolución tecnológica esos espacios pueden ser fácilmente apropiados por robots o por máquinas que funcionan en su coherencia y su lógica, mejor que nosotros. “¿Nos sentimos más inclinados a dar dinero a una máquina de la que brota poesía que a la persona a la que sustituye esa máquina? El “sustituto” no huele y no salpica cuando habla. Pero no se nos ofrece una brillante máquina de alta precisión. Está hecha del detrito, reuniendo trozos de material de desecho. En su afán de decrepitud cuestionamos su motivación para pedir dinero. ¿Sentimos lástima de ella o nos atrae y entretiene?” [Corpa, 2004, web].

En el sentido de intervención tecno-orgánica, debemos citar también las “Chicano cyber-punk” performance de Guillermo Gómez Peña como el *Mexterminator*, *Border Brujo*, *El Naftazteca*, *El Templo de las Confesiones*, *El Tablero de las identidades Congeladas*, donde transforma las fronteras culturales externas y contradictorias, los márgenes por definición en el centro objetivo de creación y de pensamiento, invirtiendo una diabólica marginación hacia la “cultura dominante” y el status quo del arte. Este profundo interés por el mestizaje, que amplía a toda la existencia cultural, y no solo a la tecnología, le acercan más al pensamiento cibernético defendido por Haraway en su *A Cyborg Manifesto* que a los puristas del poshumanismo.

Y, por último, en la difusa línea de la no definición biocorporal, de transgresión transgénero y de alteración político-racial, podemos encontrar algunos proyectos fotográficos, escultóricos o fílmicos imprescindibles como los ya conocidos de Nancy Burson con sus *Composites* (1982) o sus diferentes “máquinas”: software de

morphing para envejecer imágenes o modificar rasgos raciales *The Human Race Machine* (2000), Aziz and Cucher cuyas imágenes manipuladas buscan borrar toda individualidad *Dystopia* (1994-95), los “retratos ficticios” (1992) de Keith Cottingham, las performances quirúrgicas de Orlan, las esculturas de retratos genómicos *Hagborg* (2012-2013) obtenidos por la artista Heather Dewey realizados a partir del ADN encontrado en objetos tirados en las calles de NY, o el ciclo *Cremaster* de Matthew Barney, por su enorme impacto visual, en su forma onírica de regresión futurista utópica/distópica.

05. Algunas conclusiones

El catedrático de filosofía de la ciencia Fernando Broncano indica en su artículo *Técnica y Política*. “Quizá los *cyborgs* sean algo más que una categoría inspirada en una metáfora. Quizá sean la clave que nos permita disolver viejas y ancestrales dicotomías entre lo natural y lo artificial, entre la cultura y la técnica, entre la técnica y la praxis, entre la representación y la acción. [...] somos animales autopoieticos en un grado que no cabe en el marco de las dicotomías entre lo biológico y lo lógico, entre lo interno a la mente, lo intencional, y lo externo, lo causal y lo social. [...] Somos organismos híbridos de lo técnico y no meramente animales hábiles” [Broncano, 2006, p. 257]. Broncano señala nuestra existencia como una naturaleza híbrida-artificial, no somos animales que dependemos del entorno, sino que lo creamos según sus necesidades. En esta cadena evolutiva, cuyo cenit sería el *cyborg* o *Übermensch* nietzscheano, llegamos a la extrema existencia abstracta, la ‘res cogitans’ separada de la ‘res extensa’, entidad ideal libre de aquel desecho inservible denominado cuerpo. El ideal transhumanista se convierte en el objetivo que fundamenta nuestra liberación física, en la eliminación de nuestra carnalidad, que nos oprime dentro de una caducidad temporal limitada. La multiplicación de dispositivos técnicos personales y de prótesis de toda índole confirman esta idea: todos somos *cyborg*, Se cumple el sueño mecánico utópico de un ente protésicamente optimizado y potencialmente ampliable, el deseo profundo de un ser ‘infinito’ traspasando las barreras de la carne y de la mente, un ente cuya identidad no está anclada en unas coordenadas reales, físicas, biológicas. Este ser puede realizarse en un mundo ajeno a la historia, preñado por ingentes can-

tidades de información, en un parálisis corporal que focaliza la existencia en la mente.

Una visión mucho más distópica y pesimista de las opciones de integración hombre-máquina aparece reflejada en el artículo *Why the future doesn't need us* de Joy Bill, cofundador y jefe científico de Sun Microsystems. El autor reactualiza las posibilidades de nuestra extinción debida a la *grey goo* (plaga gris). Después de plantear las dos posibilidades de evolución futura, la integración exógena y la integración endógena, denuncia que nos encontramos ante el abismo de la desaparición de la humanidad ante la nueva especie emergente generada por la ingeniería genética, la nanotecnología y la robótica (para abreviar, las tecnologías GNR): robots moleculares inteligentes y autoreplicantes. Mientras que la creación, utilización y control de armas nucleares podía estar limitado a la presión de un botón y su poder de destrucción a un espacio y un tiempo “delimitados”, los nanorobots podrían escapar a nuestro control y producir el aniquilamiento completo y masivo, no sólo del género humano, sino de todo signo de vida en la tierra. “Todo el poder de la autorreplicación destructiva en genética, nanotecnología y robótica (GNR) debería darnos una indicación. La autorreplicación es el modus operandi de la ingeniería genética, que utiliza la maquinaria de la célula para replicar sus diseños, y el peligro principal que subyace a la sustancia pegajosa gris en la nanotecnología. Las historias de robots run-amok como los Borg, que se replican o mutan para escapar de las restricciones éticas que les imponen sus creadores, están bien establecidas en nuestros libros y películas de ciencia ficción” [Bill, 2000, web].

Se puede concluir, por tanto, que el cuerpo se plantea en si mismo como una construcción utópica en la búsqueda por reconciliar lo que se cristaliza en imágenes – en las cuales se leen los atributos de lo afectivo, lo sensual y lo intelectual – y aquello que fluye y se transforma en el devenir involuntario e indistinto de lo viviente.

Apuntes Bibliográficos

Antúnez Roca, M. [online]. Internet: <www.marceliantunez.com> (consultado 08-11-2018).

Antúnez Roca, M. (2003) *AntuBots* [online]. Internet: < http://marceliantunez.com/texts/antubots-marcelliantunez-robots/> (consultado 08-11-2018).

Atzori, P.; Kirk Woolford, K. (1997) “Extended-Body: An Interview with Stelarc”. En Kroker, A.; Kroker, M. (eds.) *Digital Delirium*. Nueva York: St. Martin's Griffin Press. pp. 192-199.

Brent, B. (1987) "Learn to Make Wings: Thoracobrachial Pterygoplasty Powered by Muscle Transposition Flaps." En Brent, B. (Ed.): *The Artistry of Reconstructive Surgery*, St. Louis: C. V. Mosby Company. pp. 958-970. [online]. Internet: <http://www.dartmouth.edu/~engs05/archive/engs05_2003/syllabus/Making_Wings_2.pdf> (consultado 08-11-2018).

Bill, J. "Why the Future Doesn't Need Us". en: Wired Magazine. 8 abril 2000. [online]. Internet: <http://www.wired.com/wired/archive/8.04/joy_pr.html> (consultado 08-11-2018).

Broncano, F. (2006) "Тécnica y Política". En: Bertomeu, M.J.; di Catro, E.; Velasco Gómez, A., (eds.). *La vigencia del republicanismo*. México: UNAM, pág. 257.

Corpa, C. (2013) "PaCo – Poeta Automático Callejero Online". Citado en Iglesias, R. "Carlos Corpa. Por una estética crítica robótica" *Estúdio. Artistas sobre outras*, nº 7. Vol 4. Lisboa.

Danny Hills, cofundador de la Corporación de Máquinas Pensantes. Citado en Turner, C.; Virilio, P. (2002) *Ground zero*. Londres: Verso.

Dery, M. (1998) *Velocidad de Escape. La Cibercultura en el final del siglo*. Editorial Siruela, Madrid.

Duque, F. (2003) "De cyborgs, superhombres y otras exageraciones". En Hernández Sánchez, D. (ed.). *Arte, cuerpo, tecnología*. Salamanca: Ediciones Universidad.

Hables Gray, C; Figueroa-Sarriera, H.; Mentor, S. (1995) *The Cyborg Handbook*. Londres/Nueva York: Routledge

Haraway, D. *Manifiesto para Cyborg. Ciencia, Tecnología y Feminismo Socialista Finales del S.XX*. [online]. Internet: <<http://manifiestocyborg.blogspot.com>> (consultado 08-11-2018).

Hayles, C. (1999) *How we Became Posthuman. Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: The University of Chicago Press.

Hills, D. (2002). Citado en Turner, C.; Virilio, P. (eds.) *Ground zero*. London: Verso.

Iglesias García, R. (2012) *La robótica como experimentación artística*. Barcelona, Tesis doctoral (inédita).

Iglesias García, R. (2013) "Carlos Corpa. Por una estética crítica robótica". En *Estúdio. Artistas sobre outras*, nº 7. Vol 4. Lisboa.

Iglesias García, R. (2016) *Arte y robótica. La tecnología como experimentación estética*. Madrid: Casimiro.

Koval, S. (2008) *La Condición Posthumana*. Buenos Aires: Editorial Cinema.

McLuhan, M.; McLuhan, E. (2009) *Las leyes de los medios*. CIC. Cuadernos de Información y Comunicación, vol. 14, 2, pp. 285-316.

Mejía, I. (2014) *El cuerpo post-humano: en el arte y la cultura contemporánea*. México: Universidad Nacional Autónoma de México.

Mercè Saumell, M. (1999) "Cuerpos, máquinas y ritmos". en: *Marcel·lí Antúnez Roca. Epifanía*. Madrid: Fundación Telefónica.

Stelarc (1998) "Visiones parásitas. Experiencias alternativas, íntimas e involuntarias". En Giannetti, C. (ed.). *Ars Telemática-Telecomunicación, Internet y Ciberespacio*. Barcelona: L'Angelot,

Swenson, G.S. (1963) "What is Pop Art?". En: Art News. part 1, noviembre.

Suárez, V. (2016) "Cuerpos: utopías de lo real". En Cuaderno 58 | Centro de Estudios en Diseño y Comunicación. pp 267-284.

Yehya, N. (2001) *El Cuerpo Transformado. Cyborgs y nuestra descendencia tecnológica en la realidad y en la ciencia ficción*. México: Paidós

Wiener, N. (1967). *Dios y Golem, S. A. Comentario sobre ciertos puntos en que chocan Cibernética y Religión*. México: Siglo Veintiuno.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА УТОПИИ И УТОПИЗМА

В.Д. Бакулов

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Доклад посвящен проблеме компаративного анализа утопии и утопизма как социокультурных феноменов. Целью этого анализа выступает выявление различий сущностных характеристик этих феноменов и строгое разграничение утопии и утопизма. Методологической основой сравнительного анализа утопии и утопизма выступает концепция превращенных форм. Эта концепция позволяет рассмотреть утопизм как превращенную форму выражения социального идеала. Выявить специфические сущностные характеристики утопизма, кардинально отличающие его от утопии.

Ключевые слова: утопия, утопизм, социокультурный феномен, компаративный анализ, превращенные формы.

Утопия, на современном уровне ее понимания, справедливо воспринимается как одно из своеобразных и сложнейших духовно-практических явлений, формообразований общественного сознания, имеющих

свою богатейшую тысячелетнюю историю, значительнейшее жанровое многообразие и глубокую интеграцию со всеми сферами общественной жизни. Практически общепринятым стало утверждение о том, что относи-

тельно утопии можно говорить даже не просто о глубокой традиции развития утопии, а о том, что вся история духовной культуры в целом, а в частности искусства, социальной мысли, развития политико-правовой идеологии есть не что иное, как еще и история утопии.

Вместе с тем, изучение утопии в большей степени осуществляется в рамках ее отдельных аспектов, отдельных сторон данного целостного и сложного феномена. Стремительный прирост массива исследований хотя и позволил дать обзорную панораму типов, видов, форм и жанров утопии, значительное число связанной с ней проблематики, однако носил преимущественно «экстенсивный» характер, был движением вширь, а не в глубину.

Несмотря на обширные и самые разнообразные относительно отдельных аспектов изучения данного предмета научные изыскания, их методическую и методологическую оснащенность, нерешенных проблем гораздо больше, гипотетическое и предположительное значительно превалирует в имеющемся массиве знаний над достоверным и окончательно установленным. Собственно говоря, по большому счету нет даже ответа на такой «простой» вопрос: утопия это хорошо или плохо? Утопия – это необходимый элемент духовной культуры человечества или пустые несбыточные искания, каждый раз оборачивающиеся либо социальными катаклизмами, либо усилением вражды, духовной нетерпимости, национальной и религиозной розни?

Одной из сложных проблем утопии и продуцирующих ее типа сознания и способа мышления является парадоксальная способность утопических учений к смысловым метаморфозам их основных идей, к содержательной инверсии составляющих эти учения постулатов, максим; к полной переориентации направленности социальных идеалов и ценностно-мировоззренческих ориентиров, выступающих первоначалом утопических построений и определяющих духовные и практические выводы из них. Сложность здесь заключается еще и в том, что метаморфозы смысла и духа утопических учений происходят чаще всего при сохранении его буквы, внешней приверженности утверждаемым идеалам и максимам.

Однако, понимание природы и причин противоречивой и парадоксальной роли содержания утопических представлений и идей требует, не отвергая ни в коем случае необходимость исследования влияния на них *внешних* социально-исторических и политических факторов, детерминирующего воздействия экономических и политических ситуаций – осмысления и реконструкции *внутренних* глубинных содержательных *детерминант*, обуславливающих трансформацию и превращение того или иного смысла утопических идей и максим в нечто иное, а зачастую *противоположное* их исходному содержанию даже по своему непосредственному выражению. Такому выражению, при котором, – как это было глубоко показано, правда, к сожалению, пока что только в литературно-художественном исследовании феномена утопии, например Ф.М. Достоевским и Дж. Оруэллом, – свобода превращается в полную несвободу, рабство; равенство в жесткую рангово-кастовую социальную структуру, при полном нивелировании всех индивидуальных задатков и талантов; мир становится войной и т.п.

Эта парадоксальная способность утопии к перевоплощению, смысловым метаморфозам, в большей степени, как мы отмечали, осмысленная в эстетически-художественном ее исследовании, в самой меньшей степени она зафиксирована и изучена в сфере теоретического социально-философского и культурологического анализа. Вместе с тем, выражением этого осознания стало использование как в повседневном смысле, так и в качестве научно-рационального понятия и теоретического конструкта, термина «*утопизм*». Именно при помощи данного понятия в явной или неявной форме одни утопические построения, в основном в приемлемой или положительной оценке, отделялись от других, оцениваемых противоположным образом. Таким образом, понятие «утопизм» как бы взяло на себя «бремя» выражения исключительно негативного значения утопии.

Сложный характер взаимодействия социальной действительности и утопического сознания, утопических учений, смысловые метаморфозы утопических идей как духовно-практических образований, с необходимостью предполагают значительное расширение теоретико-методологических средств

изучения утопии, применение новых подходов к ее анализу как духовно-практического, социокультурного фактора общественно-исторической жизнедеятельности субъектов. Такой подход и такие средства дает обращение к исследованиям М.К. Мамардашвили, выдающегося философа и культуролога современности, *превращенной формы* жизнедеятельности сложных систем социального взаимодействия и связанного с ней особого понимания природы взаимоотношения социального бытия и сознания субъектов.

Библиография

Мамардашвили М.К. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили М. Как я понимаю философию... М., Прогресс, 1990.

Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия / Отв. ред. В.А. Лекторский. М., РОССПЭН, 1996. С. 156.

Черткова Е.Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // Вопросы философии. 2001. №7. С. 57.

РАЗДЕЛ II. УТОПИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ Т. КАМПАНЕЛЛЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Л.Е. Яковлева

Российский университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн, Искусство) (Москва)

Аннотация. В статье проводится аналогия между возникновением гуманистической модели образования в эпоху Возрождения и новой моделью образования в сетевом обществе. Обосновывается роль философии в формировании интеллектуальных умений и гуманизации образования.

Ключевые слова: образование, когнитивные технологии, творчество, интеллектуальные умения, Т. Кампанелла

Особенность современной системы высшего образования состоит в том, что она действует в условиях сетевого общества, когда информация поступает студенту по самым различным каналам. Признание множественности интеллекта и эпистемологические перспективы, связанные с работами М. Полани, в контексте осуществляющейся цифровизации образования, заставляют по-новому взглянуть на проблему передачи знаний в системе высшего образования.

Перед университетами стоит задача научить студента *понимать и оценивать* многообразную информацию, различать факты и интерпретацию фактов, брать на себя ответственность за мировоззренческие основания своей деятельности, превращать знания в умение управлять своей собственной жизнью. Как отмечается в современных исследованиях сознания: «мышление есть коммуникативное поведение в условиях принципиальной альтернативности фактов и ограниченности субъективного знания» [Михайлов, 2015: 49-50].

Можно провести аналогию между современной ситуацией и эпохой Возрождения. Философия образования этой эпохи формируется вдали от центров схоластической учености в кружках литераторов и гуманистов. Отношение к книжному знанию как мертвому знанию – характерная черта зарожда-

ющейся в эпоху Возрождения модели образования. Говоря о схоластической учености, Т. Кампанелла пишет: «Для такого рода мудрости потребны только рабская память и труд, от чего человек делается косным, ибо занимается изучением не самого предмета, а лишь книжных слов, и унижает душу, изучая мертвые знаки вещей, и не понимает из-за этого ни того, каким образом Бог правит сущим, ни нравов и обычаев, существующих в природе и у отдельных народов» [Кампанелла, 1959: 52-53]. Науки (астрология, космография, геометрия, историография, логика, риторика, грамматика, медицина, физика, политика, этика, поэзия) столь высоко ценятся, что «книгу под названием «Мудрость», где сжато и доступно изложены все науки, читают народу согласно обряду пифагорейцев» [Кампанелла, 1959: 56]. Важными принципами образования Т. Кампанелла считает наглядность обучения, изучение двух языков, приобретение знаний в процессе различных видов трудовой деятельности, а не только во время учебных занятий.

В конце XX в. университеты начинают использовать научные исследования «в качестве методик обучения; они формируют учебный процесс и познавательную функцию мышления» [Карпов, 2018: 27], что приводит к существенным трансформациям моделей университетского образования.

Интеллектуальная сторона человеческого сознания связана с целесообразными и целенаправленными умениями – *умением действовать: думать, проектировать, прогнозировать, рассчитывать, решать* и т.д. Именно эти «интеллектуальные умения» необходимо формировать в процессе образования. Но сформировать эти умения в условиях дисциплинарных перегородок специализированных знаний практически невозможно.

Творческое обучение требует интеграции различных дисциплин, важнейшую роль в которой играет философское образование. Узловые пункты философского образования: *знание, коммуникация и мировоззрение* – сформированы вокруг проблемы ценностей. Знание выступает как «культурный феномен», а не только лишь как «когнитивный продукт». Поэтому необходима оценка научных теорий с точки зрения пользы/вреда для человека, сохранения/разрушения глобальной экологической среды и культуры, моральности/аморальности практических результатов науки. Именно эту миссию выполняла философия в своей истории.

Важную роль в преподавании философии играют когнитивные технологии, которые были созданы великими философами прошлого, но могут быть освоены и творчески применены современными студентами. Когнитивные технологии – это технологии познавательные, в которых мы имеем дело с субъективными процедурами. Когнитивные системы содержат в себе инструктивные и рецептурные знания, которые пропедевтически вырабатывают определенные умения и навыки в деле постижения истины и производстве знаний, применимых в деле и полезных для жизни.

Одна из таких технологий постижения истины была разработана Декартом. Поскольку у Декарта именно воля отличает истину ото лжи, то распознавание истинного через ясность и отчетливость восприятия и пред-

ставления осуществляет человеческая воля – посредством интуиции своего ума и собственных оценочных действий. Различение осуществляется интуитивно; другое дело, что этот природный дар можно развивать через индивидуальные упражнения. Интуиция тогда становится совокупным интеллектуальным опытом, пополняющим посредством усилий ума свое содержание. Интуитивное прозрение суть пик аналитического метода в его открытиях – как когнитивное озарение. Для этого надо долго думать, а не много говорить. Но любая идея без веры есть чистая потенция: она есть нечто, что принято к сведению – информация. Чтобы идея стала векторной силой и интенцией моего сознания – не как чужая воля, а как собственная мысль – она нуждается в любви как животворном чувстве «моего я» (Вл. Соловьев). Истина – субъективна по форме и объективна по содержанию. Вера – объективна по форме и субъективна по содержанию [Яковлева, Коломейцев, 2016: 106-108]. Истина – не дается, а добывается в усилиях ума, а утверждение ее необходимости и значимости для человеческой жизни – дело нашей веры. От знания того, что есть, к вере в то, что должно быть: от истины бытия и природы – к истине воплощения и жизни. Творчество, личная и коллективная инициатива становятся базовыми принципами современной системы образования.

Библиография

- Кампанелла Т. Город Солнца. М., Изд-во АН СССР, 1959. 227 с.
- Карпов А.О. Университеты в обществе знаний: теория творческих пространств // Вопросы философии. 2018. №1. С.17-29.
- Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети. М., ИФ РАН, 2015. 196 с.
- Яковлева Л.Е., Коломейцев А.Е. Когнитивные системы: рационализм и мистицизм. М., ФГБОУ МГУДТ, 2013. 134 с.

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ФОРМЫ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

З.И. Рожкова

Институт философии Российской академии наук (Москва)

Аннотация. Утопизм открывает новое пространство для социальных проектов и экспериментов, которые дают возможность поиска новых путей решения проблем общества. Реализация данных проектов будет происходить наиболее успешно при сочетании правильного воспитания человека при гуманистическом образовании и его критического мышления. Одним из наиболее ярких проявлений гуманистического образования нашей современности является демократическое образование. Основанное на большем и всестороннем саморазвитии ребенка, самоуправлении, свободе выбора и ответственности за принятие решений такое образование является формирующим сильное критическое мышление.

Ключевые слова: утопическое мышление, критическое мышление, демократическое образование, образование, демократия.

В современности рассмотрение утопии как «прекрасного острова» уступило место исследованиям об утопическом мышлении и понимании утопии в свете проектной деятельности. В политической науке это порождает диалог об утопии как политико-философском проекте, прогнозировании и процессе конструирования общественного идеала в соответствии с «бытием». Утопическое мышление же, в таком случае есть построение этих идеальных моделей мысленного эксперимента, которые отличаются целостностью образа и внутренней системностью. Подобные эксперименты можно обнаружить и построить на всех уровнях и во всех сферах жизни человека при условии правильного воспитания в условиях гуманистического образования.

«Естественное и целостное общество будет существовать только при таком состоянии вещей, когда индивид сможет полностью развивать свои способности» [Василькова, 1978: 44]. А что как ни общественное образование дает основу для этого развития?

Еще Т. Кампанелла говорил о том, что интеллектуальный и моральный уровень человека напрямую взаимосвязан со «здоровым» общественным строем. Поэтому город Солнца – это прежде всего государство, которое зиждется на принципах общественной собственности, всеобщего труда и возможности занятия наукой и искусством [Кампанелла, 1947]. Важнейшую роль общественного образования понимал и Ш. Фурье, который не просто критиковал современную ему жесткую форму образования, но и предложил ей альтернативу. В своем новом идеальном мире

«Гармония» Ш. Фурье выстраивает ступени развития с малых лет, включая в них: умственное, нравственное, физическое, эстетическое и трудовое образования [Фурье, 1951]. В дальнейшем при первых попытках реализации утопий образование так же стояло на первом плане. Так община Р. Оуэна «Нью-Гармони» состояла из шести отделов: сельское хозяйство, производство, литература, наука и образование, домашнее образование и торговля. Возможно поэтому община получила широкую популярность в обществе, а в первых рядах в общину вступило много знаменитых людей того времени: Т. Сей (зоолог), Ч. Леснер (ихтиолог, живописец), Г. Труст (доктор), а также такие педагоги как Дж. Ниф, М. Д. Фротажио и другие [Троицкий, 1972].

Одной из ветвей гуманистического образования нашей современности является демократическое образование. Демократические школы – это явление XX в., наиболее известными из которых являются: английская «школа Саммерхилл» А. Нилла, польский «Дом сирот» Я. Корчака, американская школа «Садберри Вэлли». В настоящее время в мире насчитывается свыше тысячи подобных школ в тридцати странах мира [Democratic Schools, 2018].

Конечно, центральное место в этой системе занимают демократические ценности, которые ребенку прививаются с малых лет. В первую очередь это касается знания о правах человека: праве выбора, праве на равенство и т.д. Основными принципами обучения в подобных школах Я. Хейт в своей работе «Демократическое образование. На-

чало истории» [Hecht, 2011], например, называет следующие: свободный выбор обла- сти предметов; разновозрастное совместное обучение; демократическое самоуправление (школьный парламент, комитеты, орган над- зора); система оценок, сфокусированная на ребенке. Я. Хейт создал сеть демократиче- ских школ в Израиле (ок. 30 школ), которые ставят высшей целью предоставить каждому человеку возможность самореализации по пирамиде Маслоу, а задачей – предоставле- ние возможности для личностного роста в той сфере, в которой человек наиболее успе- шен, одарен и т.д.

Президент Ассоциации демократических школ России А. Тубельский также разделяет и поддерживает данные принципы в процес- се обучения ребенка. Школа, по его мнению, должна быть создана по такому принципу, который бы отвечал нормам демократическо- го ненасильственного поведения, что автома- тически рождает модель самоуправления по образу демократического государства. «Нуж- но не учить математике, физике, биологии, а на материале этих предметов создавать усло- вия для проявления универсальных умений, для рефлексии и по их поводу, для их разви- тия» [Крылова, 2012: 86]. Демократическое обучение человека, основанное на большей рефлексии, развивает в человеке ключевые навыки интерпретации, анализа, логики, зна- чимости, справедливости, творческого само-

выражения и т.д. Что в свою очередь ведет к большему саморазвитию человека, а следо- вательно, к более высокому уровню мышле- ния, к сильному критическому мышлению, направленному на поиск истины [Paul, 1995]. Так как подобный переход к сильному крити- ческому мышлению является принципиаль- ным моментом для цивилизационного раз- вития общества распространение демокра- тических школ можно признать в этом ключе благоприятным явлением современности.

Библиография

Democratic Schools. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.educationrevolution.org/store/findaschool/democraticschools/> (дата обращения: 31.10.18).

Hecht. Y. Democratic Education: A Beginning of a Sto- ry. By Alternative Education Resource Organization. 2011.

Paul R. Critical Thinking: How to Prepare Students for a Rapidly Changing World. 4th ed. CA., Foundation for Critical Thinking. 1995. 572 p.

Василькова Ю.В. Фурье. Серия: Жизнь замечатель- ных людей. М., Молодая гвардия. 1978. 64 с.

Кампанелла Т. Город Солнца. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1947. 168 с.

Новые ценности образования: Демократическая школа Александра Тубельского / Под. ред. Н. Крыло- вой. №1 (49), 2012. 170 с.

Троицын Т.М. Учение Роберта Оуэна и его влия- ние на распространение и развитие социалистических идей. Рязань, Московский рабочий, 1972. 174 с.

Фурье Ш. Избранные сочинения. Т.2. М., Изд-во АН СССР, 1951. 396 с.

УТОПИИ В ОБРАЗОВАНИИ

К.В. Савельева

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Данная статья посвящена представлению «школы будущего» в утопиях и антиуто- пиях. В каждом литературном произведении формируется образ социального строя, идеального государства, в котором особое место занимает образование и воспитание. Благодаря утопиям, как «химическим» проекты преобразования естественного состояния общества, можно выделить те проблемы, которые существуют в образовательном пространстве и те идеалы к которым необходимо стремиться.

Ключевые слова: утопия, образование, литература, антиутопия.

Тема утопии и образования, казалось не имеет ничего общего, но существует про- блемная ситуация, вызванная идейными пересечениями утопий и образовательных теорий. Как отмечает И.В. Мелик-Гайказян: «И те, и другие обещают всем, кто следует их

установкам, одинаковое счастье (или одина- ковый успех) в будущем» [Мелик-Гайказян]. При этом председатель комиссии по обра- зованию ЮНЕСКО Жак Делор определяет образование как утопию, необходимую об- ществу. Классические утопии и классические

философские теории образования уходят корнями в идеи одних и тех же мыслителей: Платона, Локка, Руссо, Канта, etc. Указание на это совпадение не является банальным, хотя не является и парадоксальным. Действительно, в каждом социальном проекте особое место отводится формированию модели поведения человека, который существует в новой реальности. Термин утопия был придуман Томасом Мором в начале шестнадцатого века и происходит от двух греческих слов «топология», что означает «нигде», а «эутопия» означает «где-то хорошее». Эта комбинация предлагает жить в мире, который не существует, но где он хочет быть. Утопия – это некий идеал. В утопиях и антиутопиях различных веков, авторы описывают школу будущего. Что-то из предположений сбылось, а что-то осталось фантастикой. В утопии XVII в. «Город солнца» Т. Кампанеллы представлен идеальный, утопичный процесс обучения: «И есть у них всего одна книга, под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки...» [Кампанелла, 1971: 146], «...во всем городе стены, внутренние и внешние, нижние и верхние, расписаны превосходнейшею живописью, в удивительно стройной последовательности отображающей все науки...» [Кампанелла, 1971: 147], «...для всех этих изображений имеются наставники, а дети без труда и как бы играючи знакомятся со всеми науками наглядным путем до достижения десятилетнего возраста» [Кампанелла, 1971: 149]. Таким образом, как видим, всё имеющееся знание представлено в картинках и поясняют его специальные наставники. Это наиболее правильный и желаемый способ обучения. Т.е. описанный Кампанеллой в XVII в. способ обучения можно считать неким идеальным образом будущего образования, которое позволит людям получать максимум информации с минимумом затрат сил и времени. В приведенных цитатах видно, что основной объем информации представлен визуально, следовательно, по мнению Кампанеллы, наибольшую пользу приносит визуальное представление информации. Да, действительно, считается, что информация, представленная визуально лучше усваивается и запоминается.

Еще одним примером является работа Герберта Уэллса «Люди как боги» 1923 года, в

которой «Каждого ребёнка в Утопии обучают в полную меру его способностей, а затем поручают ему работу, соответствующую его склонностям и возможностям. Он рождается в самых благоприятных условиях, от здоровых родителей – после того, как его мать решит иметь ребёнка и достаточно подготовится к этому. Его природная потребность играть и любознательность удовлетворяются согласно самым продвинутым методам воспитания. Доброжелательность и вежливость воспитываются сами собой – ведь все вокруг добры и вежливы. Особенное внимание уделяется развитию детского воображения. Он выбирает работу, которая ему нравится, и сам решает, чем ему заниматься» [Уэллс]. В действительности данная система идеальна и труднодостижима хотя бы потому, что они предполагают бесконфликтность общества, что противоречит человеческой природе. Но гуманистические принципы, лежащие в основе утопий, часто отражают цели, которые этому обществу хотелось бы достичь.

Однако в антиутопии Евгения Замятина «Мы» [Замятин, 1989], школа представляется как завод, на котором всех детей – как маленьких, так и подростки – воспитывают роботы на детско-воспитательных заводах по единому установленному образцу. Фантазия, проявление творческих способностей и свободомыслия не приветствуется и строго карается. История знает случаи, когда ученики страдали за слишком богатое воображение или инакомыслие. Например, в Северной Корее, инакомыслие карается и сегодня.

Однако робототехника сегодня это одна из самых быстро развивающихся наук, которую вводят в школы, начиная с начальных классов. Поэтому в какой-то мере данная антиутопия уже является реальностью, ведь дети растут вместе с техникой и обучаются с помощью гаджетов.

Утопии и антиутопии выполняют важные идеологические, воспитательные и познавательные функции. И сейчас мы можем интерпретировать данные литературные произведения, как выражение интересов определенных классов и социальных слоев. Идеи, к которым необходимо стремиться и проблемы, которые существуют по сей день и которые необходимо изменять.

Библиография

Замятин Е. Избранные произведения, М., Советский писатель, 1989. 549 с.

Кампанелла Т. Город Солнца // Утопический роман XVI-XVII веков / Вступит. ст. Л. Воробьева. М., Художественная литература, 1971. С. 141–192.

Мелик-Гайказян И.В. Постановка проблемы: утопия и образование // Вестник ТГПУ. 2007. №7. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postanovka-problemy-utopiya-i-obrazovanie> (Дата обращения: 14.11.2018).

Уэллс Г. Люди как боги. М., Диамант, 1995.

СОВРЕМЕННАЯ ГОСТИНИЦА – ГОРОДСКАЯ УТОПИЯ?

Т.К. Молчанова, Д.А. Рубан

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Современная гостиница отчасти противопоставлена городской среде, что создает предпосылку для ее рассмотрения в утопическом контексте. Утопичность гостиниц проявляется для горожан и приезжих. Она связана с предполагающейся «правильностью» их устройства, в т.ч. противостоящей обычному городскому хаосу, и соотносением с «лучшей жизнью». В курортных зонах гостиницы активно формируют идеализированную «городскую» среду. Гостиница также может рассматриваться и в качестве гетеротопии.

Ключевые слова: восприятие, гетеротопии, городская среда, идеализация, хаос.

Представления о городе занимают центральное место в классической литературе по утопиям, и, наоборот, история градостроительства хорошо прослеживается в утопической литературе [Ахмедова, Борисова, 2016]. Связано это в т.ч. и с тем, что город, с одной стороны, ограничен в пространстве и формирует собственную среду, а, с другой, – его развитие подлежит планированию и регулированию; кроме того, город – квинтэссенция социума, которая имеет четкое инфраструктурное выражение. Если утопизм и урбанизм действительно связаны [см. Хвостикова, 2017], то в таком случае современные города и отдельные аспекты их развития вполне могут анализироваться с утопической точки зрения. Это созвучно методологии, предложенной Р. Левитас [Levitas, 2013], а также работам в статьях Г.Е. Игнатова [Игнатов, 2009] и К. Боксол и др. [Boxall et al., 2018].

Города – открытые системы, а потому сфера гостеприимства играет огромную роль в их развитии. Крупные отели, «стандартные» гостиницы, хостелы не только являются обязательными атрибутами современного города (от мегаполиса до поселка городского типа), но нередко обозначают его функциональные зоны (деловой центр, курортная часть, транзитные коридоры) и формируют особенности его архитектурного стиля. При этом коллективные средства размещения по своей сути противопоставлены городской

среде по типу «город – Мы (население), гостиницы – Они (приезжие, туристы)». В таком случае логично предположить, что гостиницы могут рассматриваться и жителями, и гостями города как некое отвлеченное, в той или иной степени идеализируемое место. Это формирует предпосылку для рассмотрения гостиниц в утопическом контексте.

Видится возможным проследить три основных аспекта в понимании гостиницы как городской утопии. Первый аспект – гостиница как утопия для горожан. В данном случае речь идет о многогранном мифе. Гостиница создает впечатление внешней открытости города, «правильности» и «современности» его устройства, участия в глобализации. Кроме того, ежедневно жители видят город, шумный, пыльный, с домами непохожими друг на друга, машинами, едущими в разных направлениях, и постоянно торопящимися жителями. Все это выглядит как маленький хаос, следствием чего является стремление горожан к обретению упорядоченности, оказывающейся для них утопией. Гостиницы противостоят хаосу, т.к. устройство высококлассного отеля по определению безупречно: каждый работник должен быть приветливым, симпатичным и вежливым; весь штат выполняет свои обязанности, главная цель которых удовлетворение потребностей гостей; сотрудники практически не имеют права на ошибку, им необходимо все выполнять

идеально, иначе клиент может остаться недовольным. В целом, гостиницы воспринимаются через стремление к проживанию в «продвинутой», но комфортной городской среде. Получается, что гостиница служит выражением такого стремления, но при этом делает город в восприятии его жителей более идеальным. Иными словами, она и сама выступает как утопический миф, и способствует такой мифологизации.

Второй аспект – гостиница как утопия для приезжих. Стремление к комфортному размещению заставляет искать потенциальных клиентов кажущиеся им идеальные варианты размещения, что означает не только высокий уровень сервиса, но и «правильное» устройство, «правильный» дизайн, «правильное» отношение со стороны персонала, проживание с «правильными» людьми. В этом отношении выбор гостиницы подобен стремлению к жизни в городе-утопии. Здесь уместным будет отметить, что современные гостиницы (особенно курортного типа) зачастую планируются именно как своего рода миниутопии-минигорода с замкнутым пространством, парками, променадами, даже зоопарками (характерный пример – «Hilton Hawaiian Village» в г. Гонолулу, США). При этом они явно отграничиваются от городской среды. И здесь возникает интересный парадокс, связанный с тем, что приезжие видят в гостинице также образ города, в котором она расположена, т.е. они и стремятся к утопии, и «бегут» от нее одновременно в своем восприятии гостиниц.

Наконец, третий аспект – курортная гостиница как основа утопического города. Создание крупных гостиниц лакшери-сегмента в пределах курортных зон нередко означает появление инфраструктурных решений, которые со выглядят как утопические (в т.ч. и в социальном отношении) «города». Они могут располагаться за пределами реальных городов. В данном случае важно впечатление городской среды, т.к. именно оно выступает основой для размещающихся там, или посещающих их туристов. Неслучайно одна из наиболее известных гостиниц подобного рода в Анталье (Турция) получила название «Utopia World». Если курортная зона в значительной степени осваивается именно отелями, то она превращается в своеобразную «городскую» среду утопического типа.

Современные гостиницы – это гетеротопия в известной терминологии М. Фуко [Foucault, 1967; Баева, 2017]. Гетеротопия является реализованной утопией, пусть даже утопическую сущность она в этом случае в значительной мере утрачивает. Гостиницам присуще все шесть принципов, которым должна соответствовать гетеротопия: универсальность, гибкая функциональность, наличие множественных пространств в одном пространстве гетеротопии, сохранение времени, наличие входа и выхода в гетеротопию, способность контактировать со всеми другими пространствами, несмотря на свою обособленность. Постояльцы гостиниц чувствуют себя равными. У них одинаковые условия проживания, идентичные услуги. Почти все гости отеля приезжают туда ненадолго. Попадая в гостиницу, человек часто ощущает контраст между средством размещения и окружающей средой, благодаря чему появляется чувство избранности, защищенности и комфорта, т.е. чувство приобщения к «лучшей жизни». Иными словами, происходит реализация утопии, пусть даже лишь в восприятии.

Представленные выше соображения, безусловно, заслуживают более глубокой проработки с привлечением знаний из области архитектуры и дизайна, социологии и социальной психологии. Однако они убедительно свидетельствуют о том, что утопический дискурс при рассмотрении городских гостиниц вполне уместен.

Библиография

- Ахмедова Е.А., Борисова Е.П. Этапы формирования градостроительных идей в мировой истории // Приволжский научный журнал. 2016. № 2. С. 173-178.
- Баева Л.В. Культурная гетеротопия: типология и признаки // Ценности и смыслы. 2017. № 2. С. 6-19.
- Игнатов Г.Е. Утопия «города-сада» как философская модель развития университетского кампуса // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2009. № 1. С. 203-210.
- Хвостикова В.О. Функции урбанистического утопизма // Культура и цивилизация. 2017. № 4А. С. 551-560.
- Boxall K., Nyanjom J., Slaven J. Disability, hospitality and the new sharing economy // International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2018. V. 30. P. 539-556.
- Foucault M. Of other spaces // Diacritics. 1967. № 16. P. 22-27.
- Levitas R. Utopia as Method: The Imaginary Reconstitution of Society. London, Palgrave Macmillan, 2013. 268 p.

ГОРОД СОЛНЦА В GAME-ПРОСТРАНСТВЕ: МИФОЛОГИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР*

Д.С. Артамонов, С.В. Тихонова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)

Аннотация. В статье рассматривается роль мифологемы Города Солнца в современном game-пространстве. Авторы анализируют урбанистическую сюжетику игровых миров компьютерных игр, соотнося ее с магическим эко-проектом Кампанеллы. Исследуется креативный потенциал проектов утопий, антиутопий и дистопий для разработки игровых мифологий.

Ключевые слова: медиасфера, компьютерные игры, game-пространство, game studies, Город Солнца.

Компьютерные игры сегодня являются важным агентом социализации, аккумулирующим особое социальное пространство со своей субкультурой и коммуникативными практиками. Когнитивное значение компьютерных игр, их способность реалистично воспроизводить ландшафт, климат, этнические и социальные реалии ушедшего и воображаемого времени, а также эффективно транслировать искажения исторической правды, неоднократно фиксировалась исследователями [см. Карякин, 2017]. Игровой мир компьютерной игры, представляющий собой сконструированный смысловой и событийный контекст, выступает для игра в определенном смысле альтернативной реальности, погружение в которую через принятие ее правил и обстоятельств и является основой игрового опыта.

Воздействие компьютерных игр на эмоциональную сферу человека чрезвычайно высоко. Условность характеристик игрового мира очевидна пользователям, тем не менее, визионерский опыт обеспечивает их высокий аксиологический статус. Игра как арт-продукт открывает игроку ирреальные горизонты его собственного жизненного проекта и социальной реальности. Истоки и перспективы существования человечества, апокалипсис и судьбы народов, транспоколенческие миссии и роль личности в истории – все эти темы, стабильно привлекательные для массового сознания, активно эксплуатируются игровой индустрией.

Все они так или иначе связаны с урбанистическими сюжетами, в которых городское пространство создается, осваивается, зачи-

щается и восстанавливается. Мифологема города также важна для мифологии игр, как мифологема пути – для фильмов ужасов. В этом смысле миф о Городе Солнца, восходящий к образу Города Солнца Т. Кампанеллы, играет в игровой мифологии системообразующую роль. Напомним, что в проекте Кампанеллы прорабатывались не только социально-политические и правовые особенности уклада солляриев. Мыслитель тщательно формировал топологию своего Города, стратегически вписывая ее в гармоническое целое Макрокосма. Реформа мира и освобождение от зла приняли в учении Кампанеллы урбанистическую форму Вавилонской башни, опирающейся на алхимические и астрологические силы. Полагаем, что ее можно рассматривать как магический эко-проект, позволяющий рационально и экономно использовать «энергии» Вселенной в соответствии с картиной мира того времени. Концентрические круги Города, систематизирующие мироздание и аккумулирующие магическую мощь его обитателей в солнечном центре идеологически весьма близки современным технологиям и алгоритмам виртуального «градостроения», используемым геймдизайнерами. Последние моделируют городское пространство именно как среду центростремительного движения героя, в котором уплотняются ресурсы его «прокачки», а концентрические круги трансформируются в систему игровых уровней, повышающих статус героя по мере прохождения.

Важно отметить, что смысловые тренды в развитии игровых жанров не формируются в вакууме. Как справедливо отмечает Н.А. Масленникова, Интернет становится способом

* Текст подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиа-среде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования».

материализации коллективной и индивидуальной памяти, а наиболее современная, популярная и зрелищная сегодня культурная форма – компьютерная игра – вызывает интерес как способ моделирования прошлого и будущего, исторических событий и, соответственно, получение участниками некоего личного опыта, который в то же время связан с общекультурными, социальными моделями памяти [Масленникова, 2014: 118]. Проекты утопий, антиутопий и дистопий обладают высоким креативным потенциалом для разработки игровых мифологий, что подтверждается интернет-топами самых ярких игровых городов [Соколов]. Их социальные миры строятся в соответствии с классическими канонами утопического социализма – изоляция через географический, климатический, биологический, мистический и архитектурный факторы обеспечивает легитимацию уникальных социальных правил. Эти города «находятся» в труднодоступных местах (включая водное и космическое пространство), населены людьми с особыми антропологическими характеристиками (приобретенными в силу мутаций, эпидемий, воздействия оружия массового поражения или контактом с потусторонними существами, пришельцами) и огорожены стенами. Игровая миссия в таких городах сопряжена с восстановлением справедливости и возрождением благоденствия. Игрок может возводить их самостоятельно в играх жанра стратегии (например, в серии пошаговой стратегии Civilization), заботясь о процветании населения.

Показательно, что Город Солнца – не только мифологическая основа сюжетных линий многих популярных игр, но и основная базовая тема для одноименных игровых проектов, например, «Построй-ка 4. Город солнца». Этот игровой мир стилистически далек от времен Реформации, но он предлагает строительство собственного города на базе рационального менеджмента и использования альтернативной электроэнергии. Ключевым мотивом для игрока становится развитие самого богатого и солнечного города планеты в духе эко-проекта Кампанеллы.

Таким образом, мифологема Города Солнца играет важную роль в культурном ландшафте медиaprостранства компьютерных игр, где получает новое звучание и развитие.

Библиография

Карякин П.П. Историческая память в компьютерных играх // Осенняя школа по гуманитарной информатике: сборник тезисов докладов. Калининград, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2017. С. 24-27.

Масленкова Н.А. Компьютерная игра как механизм конструирования культурной памяти (на примере «World of tanks») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. социология и социальные технологии. 2014. №3(23). С.116-125.

Соколов А. 7 вымышленных городов из видеоигр. [Электронный ресурс]. URL: <http://urbanurban.ru/blog/design/778/-vymyshlennykh-gorodov-iz-videoigr> (Дата обращения 3.11.2018).

УТОПИЧЕСКИЕ ИДЕИ, АРХЕТИПЫ И МОТИВЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

М.В. Митрохина

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В статье анализируется утопическое начало социальных сетей. Обнаружены архетипы мифологического и религиозного происхождения, их специфические Интернет-формы изучены на конкретных примерах. Показано, каким образом в виртуальных сетевых сообществах переосмысляются традиционные утопические мотивы, что подтверждает наличие общих закономерностей утопического сознания, характерных для человека во все времена. На основе результатов исследования делается вывод о значении социальных сетей в качестве новой формы утопического творчества и бегства из реальности, чьи идеальные начала могут служить способом реализации идеалов и мечтаний.

Ключевые слова: социальные сети, Интернет, утопические архетипы, утопическое творчество, идеальное.

Сетевые сообщества, которые могут быть рассмотрены как эскапистские и героические утопии [Шацкий, 1990: 50-57], содержат в себе не только утопические черты, но и целые утопические паттерны. Применяя классификацию архетипов, наследованных утопией от мифа и религии, приведенную Т.С. Паниотовой [Паниотова, 2005: 150-230], мы выделили ряд примеров, демонстрирующих их существование в «теле» современных социальных сетей.

Первая группа – архетипы мифологического происхождения:

Пространственные архетипы: сетевые сообщества олицетворяют архетип острова, поскольку их утопические пространства являются изолированными. Распространен и архетип горы, ассоциируемый с образом недостижимого идеального места гармонии, о чем свидетельствует постоянное использование изображений пиков и горных местностей с соответствующим текстовым сопровождением в оформлении личных страниц. Здесь эстетическое начало граничит с идеалистическим.

Временные архетипы: пользователи не только размещают тематическую информацию, относящуюся к идеализируемому времени, но и сами будто живут в этом периоде – публикуют фотографии в соответствующем образе, устанавливают вымышленные дату и место рождения и т.д. Наиболее популярны европейские Средние века, эпоха декаданса и Серебряный век русской культуры, которые наполняются романтическим смыслом как временные промежутки возвышенных человеческих отношений. Кроме того, существуют и некие современные подобию Золотого века, например, мотив «Мой 2007-й», идеализирующий период расцвета молодежных субкультур и зарождения сетевого общения.

Архетип культурного героя: на особом месте почитания находятся создатели сетевых сообществ – на их авторитеты ссылаются при спорах, фотографии и фразы переходят в пользовательский фольклор, а официальные страницы занимают первые места в списках интересных источников. Нельзя обойти вниманием и реальных политических лидеров, которые в творчестве участников Интернет-сообществ чуть ли не обожествляются, приобретая похожее на древние мифологи-

ческие культы значение, становясь «мифическим высказыванием» [Барт, 2008: 131]. Идеализация справедливого правителя близко соприкасается с солярным архетипом.

Архетип космоса и хаоса: социальная сеть держится целостно в виде системы сконструированных общественных взаимодействий с изолированным островным пространством как космос, а Интернет позиционируется стихийным и хаотичным явлением, в чем подобен реальной жизни. Поэтому сетевые сообщества выражают стремление человека к упорядоченности и определенности, предоставляют возможность обрести такое место, пусть и в виртуальной реальности.

Архетипы совершенного и несовершенного народов: связаны с бинарной оппозицией «свой-чужой» и распространяются на представителей общностей, объединенных по какому-либо критерию. Так идеальными будут считаться «свои», т.е. носители определенной культуры, к которым данный пользователь себя относит. Зачастую подобное родство носит ментальный характер, примером может служить причисление себя к эльфам или хоббитам.

Архетип достаточной жизни на лоне природы: преобразуется в сетевых сообществах в пропаганду «зеленого» образа жизни, экопоселений и других ньюэйджевских идей, в идеализацию природного мира. Например, присутствие сообществ типа «звенящие кедры России», которые в качестве идеала рассматривают традиционный уклад жизни славян в гармонии с природой. Анализируемый архетип продолжает жить и на страницах обычных пользователей, чьи публикации так или иначе идеализируют «природную» жизнь.

Вторая группа – архетипы религиозного происхождения:

Архетипы рая и Земли обетованной: сетевые сообщества находятся в ином измерении, в котором фигурируют «сознания» людей и их идеальные образы, лишённые разнообразных материальных проблем, будто спасённые души в раю. Социальные сети – и рай, и Земля обетованная, как подобное раю место, существующее в условиях нынешней жизни. Также архетип Земли обетованной может проявляться в соцсетях в идеализации определенных фантастических или реальных мест, например, традиционной Шамбалы, со-

временного Диснейленда или вымышленного Хогвартса.

Архетип мессии: для многих современных людей Интернет становится своего рода мессией, как средство, с помощью которого возможно попасть в рай-социальную сеть, спастись от проблем и несправедливости действительной жизни. Также он и специальные социальные сервисы приобретают значение гуру или учителя, поскольку к ним обращаются за советом и приобретением новых знаний. Каждый находит с помощью виртуальных сетевых сообществ и глобальной сети ту истину, которую ищет, создает вокруг «мессии» общины последователей в виде субсообществ.

Архетипы миллениума и эсхатологической катастрофы: время от времени воплощается во всевозможных предсказаниях, якобы научных фактах и умонастроениях пользователей, циркулируемых в рамках сетевых сообществ. Наиболее характерны эти мотивы для круглых дат или тысячелетних рубежей, на чем сказывается миллениаризм. На осно-

ве предрекаемой катастрофы организуется активность пользователей социальных сетей – создаются тематические субсообщества и контент, появляются спасители и пророки.

В целом, описанные выше утопические черты, формы и архетипы демонстрируют связь утопии и социальных сетей как структуров общественного порядка и взаимоотношений. Приведенные примеры и рассмотренные следствия свидетельствуют об идеальном основании структуры сетевых сообществ и о том, каким образом это идеальное отзывается в сознании человека.

Библиография

Барт Р. Мифологии. М., ООО «Академический Проект», 2010. 312 с.

Паниотова Т.С. Генезис утопического дискурса: культурно-цивилизационный контекст: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Паниотова Таисия Сергеевна; РГУ. Ростов н/Д., 2005. 309 с.

Шацкий Е. Утопия и традиция: Пер. с польск. / Общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. М., Прогресс, 1990. 456 с.

«ИДЕАЛЬНЫЙ СТРОЙ ЖИЗНИ»: СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО

А.В. Хорунжий

Российский университет дружбы народов (Москва)

Аннотация. К.Э. Циолковский создал детально проработанный проект достижения «Идеального строя жизни». Технические, естественнонаучные, философские и социальные труды ученого были связаны единой целью: указать человечеству путь к счастью и проработать конкретные шаги по его достижению. Проект определен как социальная утопия, подразумевающая установление меритократии на основе иерархии общин, объединение человечества и его космическую экспансию. Утопия Циолковского характерна для европейской утопической традиции и отражает взгляды российской интеллигенции, сформировавшейся в последней трети XIX в.

Ключевые слова: Циолковский, социальная утопия, меритократия, община, убеждающий пример.

Данная конференция приурочена к 450-летию со дня рождения Томмазо Кампанеллы, чье творчество оказало существенное влияние на многих авторов утопических проектов. К ним можно отнести и Константина Эдуардовича Циолковского (1857-1935), который в 1918 г. в письме в Социалистическую академию общественных наук признавал: «Без сомнения и бессознательно нахожусь под влиянием уже готовых социальных учений и утопий; едва ли скажу что-нибудь такое, что не было бы сказано кем-нибудь и когда-нибудь» [Письма, 1960: 125]. В том же

году в рукописи «Утописты» он подчеркивал: «Многие элементы моего труда сходятся с мыслями разных философов, утопистов и социалистов», называя, в первую очередь, Платона, Т. Мора и Т. Кампанеллу [Циолковский, 1918: 8].

К.Э. Циолковский долго рассматривался общественностью как теоретик воздухоплавания и космонавтики. В конце XX в. известность получила его «Космическая философия», а в последнее десятилетие – его опыты интерпретации евангелических текстов. Остальные же работы – от создания нового

алфавита и языка до проектов нового общественного устройства и критики теории тепловой смерти Вселенной – до сих пор воспринимаются как «причуды гения».

Но понять взаимосвязь разносторонних изысканий Циолковского можно лишь с учетом его мотивации, характерной для отечественных ученых этого периода: принести счастье людям Земли, научно обосновав для них дорогу к лучшему будущему. «Всю жизнь я думал о жизни и смерти, о лучшем устройстве общества», – отмечал он [Циолковский, 1903: 3]. «Идеальный строй жизни» (по названию одной из наиболее известных работ на эту тему [Циолковский, 1917–1930]) является логическим завершением не только его научных и философско-этических трудов, но и технических проектов. Например, космические полеты должны были спасти от мировых катастроф [Циолковский, 1921] и принести человечеству «Богатства Вселенной» [Циолковский, 1920], а развитие воздушного транспорта – объединить «все народы в одну братскую семью» – отмечал он: «Как же не отдать половину всех своих сил воздухоплаванию!» [Циолковский, б/г: 5].

Циолковский относился к поколению, представители которого восприняли народнические идеи о долге интеллигенции перед народом и необходимости отдать этот долг либо на поприще социальных преобразований, либо научной деятельностью с той же конечной целью – улучшить общество, облегчить жизнь народа [Хорунжий, 2011].

Следуя позитивистской традиции этого времени, Циолковский начал научную деятельность с изучения основ естественных наук, постепенно восходя ко все более сложным разделам и дойдя на рубеже XIX–XX вв. до глобальных мировоззренческих вопросов, создав свою версию «естествознания об обществе» [Гадамер, 1988: 45]. Характерно, что свой главный философский труд мыслитель озаглавил «Этика или естественные основы нравственности» [Циолковский, 1903]. Работа над «Этикой...» привела его к выводу, что в бесконечном будущем все разумные существа во Вселенной должны стать бесконечно счастливы. Значит, построение счастливого общества на Земле становится категорическим императивом, вытекающим из «естественных основ».

Идее о бесконечном счастье противоречила имевшая широкое распространение в начале XX в. теория о неминуемой тепловой смерти Вселенной, которая делала бессмысленными любые усилия человечества. Поэтому Циолковский в 1905–1914 гг. занимался опровержением этой теории, придя к убеждению, что у человечества есть счастливое будущее [Циолковский, 1914]. Двигаться к нему следовало ненасильственным эволюционным путем [Циолковский, 1915]. В брошюре «Горе и гений» Циолковский предложил уже конкретный план изменения общества [Циолковский, 1916], а впоследствии создал еще около 170 работ, уточнявших и разъяснявших его философско-этическое учение и план обустройства человечества [Желнина, 2008].

Указанный корпус источников позволяет детально реконструировать проект создания «Идеального строя жизни» [Хорунжий, 2007а]. В кратком же формате тезисов его можно резюмировать как устранение социальной ригидности, языковых и любых иных барьеров между людьми, а также установление меритократии. Созданные волонтерами общины должны были иметь целью «... взаимное изучение, отобрание лучших и улучшение пород» [Циолковский, 1917–1918: 140]. Выборы лучших в общины все более высокого уровня должны были «извлечь наиболее целесообразным способом самых дорогих для человечества людей и объединить ими мир ... Цель также в том, чтобы воспользоваться гениальными людьми, размножить их, усовершенствовать и наполнить ими мир. Их обязанность – заботиться о всем человечестве, объединить их общественными законами, совершенствовать общественное устройство и самих людей», – пояснял он [Циолковский, 1917–1918: 126].

Несмотря на самобытность многих конкретных предложений проекта Циолковского, а также выходящий далеко за пределы Земли масштаб проекта в целом, он весьма характерен для своей эпохи как по содержанию, так и по времени своего появления. «Идеальный строй» Циолковского имеет черты, свойственные утопической традиции, возникшей в рамках европейской культуры (от Платона, Т. Мора, Т. Кампанеллы и до более поздних авторов – Ш. Фурье и др.), и может быть охарактеризован как социальная

утопия, то есть «произвольно сконструированный образ идеального социума, принимающего различные формы (общины, города, страны и т.п.) и простирающегося на всю жизненную среду человека – от внутреннего его мира до космоса» [Баталов, 1989: 23].

Утопия Циолковского отражала взгляды части российской интеллигенции, сформировавшейся в последней трети XIX в. Следовательно, рассмотрев проект «Идеального строя жизни», мы получим обобщенный портрет социальных предпочтений того круга российской интеллигенции, к которому принадлежал и К.Э. Циолковский [Хорунжий, 2007b].

Наиболее продуктивными для данной цели автору тезисов представляются подхо-

ды к классификации утопий, предложенные Э.Я. Баталовым [Баталов, 1989]. Так, социологическое содержание идеала в проекте Циолковского (торжество общественной собственности, свободный труд людей, их объединение в общины и т.д.) определяет его принадлежность к социалистической утопии. А критика современного мыслителю состояния человечества, служащая обоснованием необходимости преобразований, дает основание отнести утопию Циолковского к критически-социалистическим. В целом, подробная классификация «Идеального строя...» [Хорунжий, 2006], может быть резюмирована в виде таблицы, приложенной ниже.

	Основание деления утопических проектов	Выделяемые группы	Классификация «Идеального строя жизни»
1.	Уровень продуцирования	Народная Литературно-теоретическая Официальная (административная)	Литературно-теоретическая
2.	Степень подлинности	Утопия Полуутопия Квазиутопия	Утопия
3.	Отношение к религии	Светская Религиозная	Светская
4.	Социокультурное наполнение идеала	Романтическая Теократическая Технократическая	Технократическая
5.	Локализация идеала	Утопия Ухрония	Ухрония
6.	Ориентация на шкале исторического времени	Реакционистская Консервационистская Прогрессистская	Прогрессистская
7.	Способ полагания идеала	Рабовладельческая Феодальная Капиталистическая Социалистическая (реакционистская, консервационистская, критическая) Коммунистическая	Критическая социалистическая
8.	Направленность критического действия	Утопия бегства Утопия реконструкции	Утопия реконструкции
9.	Тип предлагаемого развития общества	Утопия эволюции Утопия катастрофы	Утопия эволюции
10.	Ориентация на тип темперамента	Архическая Анархическая	Архическая

Библиография

- Баталов Э.Я. В мире утопии. М., 1989. 317 с.
Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.
Желнина Т.Н., Хорунжий А.В. Логика формирования проекта идеального строя К.Э. Циолковского //

К.Э. Циолковский: Исследование научного наследия. Калуга, 2008. С. 26-30.

Письма К.Э. Циолковского в Социалистическую Академию общественных наук // Исторический архив. 1960. № 5. С. 122-128.

Хорунжий А.В. Классификация социальной утопии К.Э. Циолковского // Идеи К.Э. Циолковского и проблемы космонавтики. Калуга, 2006. С. 26-28.

Хорунжий А.В. Социальная утопия К.Э. Циолковского: Построение меритократии // Исследование научного творчества К.Э. Циолковского. Калуга, 2007а. С. 212-237.

Хорунжий А.В. Утопические традиции русской интеллигенции в творчестве К.Э. Циолковского // Исследование научного творчества К.Э. Циолковского. Калуга, 2007б. С. 100-112.

Хорунжий А.В. «Идеальный строй» К.Э. Циолковского как стержень личности и зеркало эпохи // Открывая современность заново. М., 2011. С. 438-467.

Циолковский К.Э. Богатства Вселенной: Главы из сочинения «Мысли о лучшем общественном устройстве». Калуга, 1920. 25 с.

Циолковский К.Э. Будущее Земли и человека: Научный и технический прогресс будущего, 11 августа 1915 г. // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 373. Л. 1-12об.

Циолковский К.Э. Второе начало термодинамики. Калуга, 1914. 24 с.

Циолковский К.Э. Горе и гений. Калуга, 1916. 9 с.

Циолковский К.Э. Жизнь человечества, 8 апреля 1930 г. сентябрь 1931 г. // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 467. Л. 1-32.

Циолковский К.Э. Идеальный строй жизни, 25 апреля 1917 г.- 20 февраля 1930 г. // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 379. Л. 1-33, 66-67, 163.

Циолковский К.Э. Из предисловия к моим трудам, б.г. // Архив РАН. - Ф. 555. Оп. 1. Д. 557. Л. 1-5.

Циолковский К.Э. Мировые катастрофы, сентябрь 1921 г. - 20 декабря 1931 г. // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 247. Л. 1-33.

Циолковский К.Э. Общественный строй, 1917 г. - июль 1918 г. // Архив РАН. - Ф. 555. Оп. 1. Д. 387. Л. 1-204.

Циолковский К.Э. Утописты, 1918 г. // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 396. - Л. 1-12.

Циолковский К.Э. Этика, или естественные основы нравственности, 8 января 1903 г. – 1928 г. // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 372. Л. 1-111.

УТОПИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ МИФ: ГОРИЗОНТЫ СРАВНЕНИЯ*

А.Г. Иванов

Липецкий государственный технический университет (Липецк)

Аннотация. Дается определение социального мифа как феномена, охватывающего два уровня – «архаический» и «конъюнктурный». Современный социальный миф рассматривается и сравнивается с утопией с онтологического, гносеологического, аксиологического и праксиологического ракурсов. Особое внимание уделяется праксиологическому аспекту и функциональным характеристикам социального мифа, особенно такого его вида как политический миф. Политические мифы могут конкретизировать утопические проекты. Отмечается, что утопии и политическому мифу присущи регулятивные функции, отличающиеся по своему содержанию. Делается вывод, что как текущие политические мифы впитывают в себя все существующие к настоящему времени утопии, так и в утопиях отражаются значимые мифы соответствующей эпохи.

Ключевые слова: утопия, социальный миф, «архаический» и «конъюнктурный» уровни социального мифа, политический миф, общественный строй, регулятивная функция.

“Beyond the horizon of the place we lived
when we were young
In a world of magnets and miracles...”
(“Pink Floyd”, 1994)

Среди множества определений понятия «утопия» выделим следующее: «Утопия – понятие для обозначения описаний воображаемого/идеального общественного строя...<...> Отказ от исследования реальной общественной деятельности, интеллектуализм, стремление репрезентировать интересы человечества в целом отличают утопию от, соответственно, науки, мифологии и иде-

ологии» [Грицанов, 2003: 1073]. Однако, когда мы говорим о социальном мифе и, тем более, о процессах мифотворчества, то именно интеллектуальная изошренность сегодняшних мифотворцев зачастую оказывается в центре внимания. Успех современного социального мифа во многом зависит от того, насколько удачно творцам мифа удастся «вписывать» миф в социокультурную действительность.

Тот факт, что социальные мифы являются источниками утопии, кажется, не подлежит сомнению: «...социальные мифы, – сама стихийная социоиллюзорная реальность, реаль-

* Подготовлено при поддержке гранта РФФИ 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиа-среде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования».

ность социокультурных иллюзий, – рационализируясь, предстает в виде утопий и идеологий» [Плютто, 2014: 284]. Но поспешим добавить, что социальные мифы, рационализируясь, предстают в виде... социальных мифов. Дело в том, что в любом современном социальном мифе уже наличествует изрядная доля рациональности: сам социальный миф представляет собой рационализированное явление, чем, собственно, и отличается от мифа классического или архаического. Но ведь и утопия есть продукт рационализации. Так в чем же отличие современного социального мифа от утопии? Можно рассмотреть этот вопрос и с другой стороны: мифологическое содержится и в утопии, и в идеологии, и, конечно же, в современном социальном мифе, но какова в каждом феномене природа этого мифологического?

Современный социальный миф – сложное явление, при рассмотрении которого можно выделить два уровня: «архаический» и «конъюнктурный». «Архаический» уровень содержит устойчивые архетипические образы, мифологемы и ритуалы, выработанные коллективно. «Конъюнктурный» уровень предстает в качестве «мифологии идей», содержит результаты рациональной целенаправленной деятельности мифотворцев. То есть особенностью современного социального мифа, отличающего его и от утопии, и от идеологии, является обязательное присутствие в нем в той или иной степени компонентов «архаического» уровня.

Взгляд на социальный миф как минимум с четырех ракурсов – онтологического, гносеологического, аксиологического и праксиологического – позволит увидеть ряд специфических черт, отличающих его от утопии.

Рассматривать онтологическое измерение целесообразно, опираясь на исследования К. Манхейма, где было дано определение утопического сознания: «Утопичным является то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его “бытием”. Это несоответствие проявляется всегда в том, что подобное сознание в переживании, мышлении и деятельности ориентируется на факторы, которые реально не содержатся в этом “бытии”. <...> ...будем считать утопичной лишь ту “трансцендентную по отношению к действительности” ориентацию, которая, пе-

реходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей» [Манхейм, 1994: 164]. Если утопия основывается на трансцендентных бытию факторах, то, социальный миф основывается на имманентных бытию факторах и выступает в качестве неотъемлемого компонента актуального бытия общества, в качестве того, с чем необходимо считаться.

Гносеологический ракурс рассмотрения социального мифа дает возможность – начиная с Нового времени – увидеть его процесс радикальной трансформации, в котором утопии принадлежит особое место. Утопию можно назвать разновидностью рационализованного социального мифа, а также фактором разрушения и религиозного догматизма, и мифологического синкретизма.

Отношение к окружающей действительности, критический взгляд на мир, лежащие в основе аксиологического плана рассмотрения, в известном смысле объединяют социальный миф и утопию. Утопия должна внести напряжение в реальность, должна «... выражать неудовлетворенность, но принимая в расчет реалии культуры – традиционные бытийные ритмы общества, его нравы и верования» [Аинса, 1999: 89]. Но если утопия просто создает напряжение, то для мифа этого недостаточно: современный миф приводит к гораздо более радикальным действиям, привнося в общественную арену драму.

Праксиологический аспект рассмотрения социального мифа заставляет нас вновь обратить внимание на эпоху Нового времени, когда происходило бурное развитие производства, технологических процессов, проектирования. Не случайно тогда особую актуальность приобрели утопии как проекты практического осуществления социальных преобразований. Кроме того, практическая сторона дела актуализирует сферы возможного действия социального мифа, виды современного мифа, и в этом смысле серьезный интерес представляют политические мифы, особенно, с учетом функциональных характеристик мифа. Политический миф – это один из видов социального мифа: с одной стороны, он содержит совокупность коллективных представлений, с другой стороны, стремится соответствовать текущей политической конъюнктуре.

Среди важнейших политических мифов современности выделим следующие группы: мифы о герое, этиологические (учредительные) мифы и мифы о демократии. Выбор именно данных групп политических мифов продиктован стремлением сравнить их с утопиями. Ведь утопия – это, прежде всего, описание идеального общественного строя, а вышеуказанные политические мифы охватывают ключевые характеристики важнейшего института современного общественного строя – государства. Так, мифы о герое напрямую связаны с формой правления, особенно, если речь идет о монархии; учредительные мифы отсылают нас к форме государственно-территориального устройства, к вопросу о структуре государственного образования; мифы же о демократии – это идеи о наиболее распространенном сегодня государственном (политическом) режиме. Получается, что политические мифы могут конкретизировать утопические проекты.

Кроме того, между политическими мифами и утопиями можно увидеть функциональное сходство. Как отмечает К. Боттичи, и политические мифы, и утопии выполняют регулятивную функцию: «Несмотря на тот факт, что политические мифы могут также отсылать к прошлому, как в случае с учредительными мифами, их функция – всегда обращение к современным условиям и ориентирование нас в них. То же самое касается утопий: как позитивные, так и негативные утопии, вне зависимости от степени их реалистичности, всегда являются программами реформирования настоящего» [Bottici, 2007: 198]. Но тут же автор указывает и на различия этих регулятивных функций, полагая, что утопии являются средствами измерения общего хорошего и плохого, содержащегося в каждом обществе, тогда как политические мифы представляют собой конкретные определения и призывы действовать здесь и сейчас [Bottici, 2007: 199]. В этом отношении политические мифы оказываются более гибкими и остаются открытыми для трансформаций в соответствии с быстро меняющимися социальными условиями. В то время как утопии – вечные теории, застывшие в тексте того или иного автора. И тогда, получается, наоборот: утопии оказываются источниками политических мифов; так как

политический миф вариативен, вбирает в себя историю развития общества, включая и созданные когда-либо в этом обществе утопические проекты. Более того, политическая сфера выводит на первый план прогностическую функцию социального мифа. Но, с другой стороны, считая утопию разновидностью рационализированного социального мифа, выделим, прежде всего, темпоральное измерение: утопия есть совокупность наиболее востребованных в конкретное время мифологем об устройстве общества, или утопия – это определенным образом рационально сконструированная проекция актуальных сегодня мифологем в другое время. Таким образом, фактор времени оказывается ключевым для понимания различий между социальным мифом и утопией. Как текущие политические мифы впитывают в себя все существующие к настоящему времени утопии, так и в утопиях отражаются значимые мифы соответствующей эпохи.

Природа мифологического, оставаясь неизменной, лишь по-разному преломляется, соответственно, в утопиях и социальных мифах. В первом случае «напряжение» не выходит за рамки описаний идеального общества; во втором случае мы сталкиваемся с живыми, эмоциональными и драматичными общественными процессами, берущими силу в вековых представлениях о должном, об общей судьбе и истории.

Но почему тогда исследования социального мифа и утопии не часто «пересекаются»? Ответ, возможно, кроется в целевых установках и функциональных особенностях данных феноменов.

Библиография

- Аинса Ф. Реконструкция утопии. Эссе; пер. с фр. М., ИМЛИ РАН – “Наследие”, 1999. 208 с.
- Грицанов А.А. Утопия // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 1073-1074.
- Манхейм К. Диагноз нашего времени; пер. с нем. и англ. М., Юрист, 1994. 700 с.
- Плютто П.А. Исследование реальности социокультурного виртуального: Опыт анализа социокультурных иллюзий. М., Прогресс-Традиция, 2014. 368 с.
- Bottici C. A Philosophy of Political Myth. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 286 p.

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЕДИНСТВО УТОПИЧЕСКОГО И ДИСТОПИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ

Р.Р. Фазлеева

Казанский (Приволжский) Федеральный университет (Казань)

Аннотация. Киберутопии будущего объединяют в себе два традиционных механизма утопического мышления: веру в научный прогресс и технологии, способные освободить жизнь от сдерживающих свободу творчества ограничений (утопизм) и одновременную критику технологического общества с его дегуманизирующим потенциалом (дистопизм). В данной статье предлагается попытка анализа киберпространства как продукта собственно человеческого творчества, что позволит изучать виртуальную реальность более точно и непредвзято: как актуальное настоящее информационного общества, так и его возможное будущее.

Ключевые слова: киберпространство, утопия, дистопия, техноромантическая утопия, «эн-топия».

Виртуальная реальность является неотъемлемым атрибутом жизни человека в современном информационном обществе. Современная культура представляет интернет как пространство, существующее вне материальной действительности, как сферу, в которой могут быть реализованы «невозможные» обещания и надежды современного общества: индивидуальная свобода, равенство как универсального единства человечества вне половых, расовых, национальных, социальных, экономических различий, технологический прогресс, идущий рука об руку с прогрессом нравственным, социальная справедливость, свободный рынок и правовое государство. Тем самым, реальность действительной жизни находит свою надежду на претворение мечты о «дивном новом мире» в виртуальной реальности киберпространства.

Интернет предстает как пространство свободного общения, которое может эффективно развиваться вне рамок контроля и цензуры со стороны государства и общества: является подлинным местом индивидуального самоуправления и добровольной ответственности как отдельных лиц, так и их объединений. Виртуальное пространство меняет не только каждый аспект жизни человека (способ коммуникации, экономические, политические отношения, сферу искусства) но, и это главное, «онлайн-жизнь» становится местом для проекции и исследования человеком самого себя [Turkle, 2005: 288].

Однако, вместе с тем, в контексте виртуального становится еще заметнее хрупкость и многомерность человеческого бытия: погружение в интернет среду, виртуальные социальные сети и компьютерные игры редуциру-

ет человека к замкнутым микромирам, имеющим лишь отдаленное сходство со сложным и противоречивым миром реального социального взаимодействия. В виртуальном мире «...все общаются со всеми с большей скоростью, но с меньшей глубиной» [Turkle, 2005: 299].

Данный тезис является доводом, подтверждающим потенциальную возможность того, что виртуальная реальность может выступать и в качестве дистопии. В таких дистопических дискурсах киберпространство как технология коммуникации описывается в четырех модусах [Yar, 2012]. Во-первых, оно рассматривается как «принудительная подмена субъекта» в виртуальных отношениях: когда виртуальное становится доминирующим и направляющим человека субъектом коммуникации. Во-вторых, киберпространство рассматривается как механизм виртуального самоотчуждения человека: когда человек становится частью виртуальной реальности, теряя при этом свою свободу и экзистенциальные возможности. В-третьих, виртуальная технология описывается как разрушительная форма посредничества между людьми, становясь манипулятором социального взаимодействия. И, наконец, в-четвертых, виртуальная технология предстает мощным инструментом господства над человеком и обществом, осуществляя полный контроль над социальными и политическими институтами. Эти четыре способа анализа виртуальных технологий сводятся к утверждению о том, что киберпространство не содержит в себе ничего позитивного, кроме того, что разрывает плотность и качество человеческих взаимоотношений.

С точки зрения исследователей виртуальности как социокультурного феномена, киберутопии будущего объединяют в себе два традиционных способа утопического мышления: веру в научный прогресс и технологии, способные освободить жизнь от сдерживающих свободу творчества ограничений (утопизм) и одновременную критику технологического общества с его дегуманизирующим потенциалом (антиутопизм или дистопизм). Иными словами, в виртуальной утопии технология, с одной стороны, становится способом преобразования личности и совершенствования общества, а, с другой, инструментом самопознания человека и сферой критического осмысления негативных последствий технологизации мира.

На этом фундаменте рождаются, так называемые, «техноромантические» утопии, в которых человеческое воображение и интеллект создают возможность преодоления границ материального мира и свободного погружения в пространство киберсознания. Центральным здесь становится само стремление человека к воображению, которое обеспечивает универсальную виртуальную связь между людьми, в которой человек может быть любым: мужчиной или женщиной, геем или гетеросексуалом, черным или белым, желтым и т.д. Таким образом, виртуальное утопическое общество предлагает человеку возможность выбора любой идентичности, а значит жесткие социальные иерархии становятся бессмысленными. По мнению некоторых теоретиков современности, виртуальная реальность содержит в себе «революционный» потенциал утопизма: сам утопизм киберреальности является революционным. В этой логике, виртуальная утопия своим существованием утверждает наличие онтологической границы между материальностью индустриального общества и новой реальностью интернета, который является пространством «ума» и «воображения», а не «материи» [Barlow, 1996].

С данным тезисом не согласен исследователь современности, социолог М. Яар [Yar, 2012]. По его мнению, само понятие киберпространства является ложным, поскольку обычно воспринимается и описывается как сфера, обладающая характеристиками, отличными от обычного представления о действительности. Логика его рассуждений

сводится к тому, что, на самом деле, интернет-среда является одним из множества искусственно созданных пространств, в которых живет человек современности: возможности коммуникации опосредованной виртуальностью ничем не отличаются по сравнению с любой другой традиционной коммуникацией: речевой, предметной, знаково-символической. По Яару получается, что в виртуальных отношениях не содержится ничего специфически дегуманизирующего: их качество зависит от личных отношений агентов коммуникации, а сама виртуальная реальность является лишь посредником реальной коммуникации. Таким образом, Яар призывает рассматривать виртуальную реальность не в дихотомии «утопия/дистопия», а скорее в качестве «эн-топии» – «пространства внутри социальной среды, в которой мы обитаем, и потому, обладающей сходными с реальной коммуникацией свойствами: киберпространство является столь же сложным, неоднозначным и противоречивым, объединяющим в себе признаки как утопии, так и дистопии, что и действительное пространство живого человеческого взаимодействия» [Yar, 2012].

Действительно, если исходить из более пристального понимания и анализа киберпространства как продукта собственно человеческого творчества, исследователи современного общества смогут изучать виртуальную реальность более точно и непредвзято: как актуальное настоящее информационного общества, так и его возможное будущее.

Библиография

Turkle S. Epilogue (2004): Changing the Subject and Finding the Object. In *The second self: computers and the human spirit* / Sherry Turkle. The MIT Press Cambridge, Massachusetts, 2005. 373 p. [Электронный ресурс]. URL: https://monoskop.org/images/5/55/Turkle_Sherry_The_Second_Self_Computers_and_the_Human_Spirit_20th_ed.pdf (Дата доступа: 20.10.2018).

Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. 1996. [Электронный ресурс]. URL: http://w2.eff.org/Censorship/Internet_censorship_bills/barlow_0296.declaration/ (Дата доступа: 20.10.2018).

Yar M. Virtual Utopias and Dystopias: The Cultural Imaginary of the Internet / K. Tester & M. Hviid-Jacobsen (eds) *Utopia: Social Theory and the Future*. (Aldershot: Ashgate), 2012. 389 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/4738519/Virtual_Utopias_and_Dystopias_The_Cultural_Imaginary_of_the_Internet/ (Дата доступа: 20.10.2018).

ГИБРИДИЗАЦИЯ ПРОГРЕССИСТСКИХ И УТОПИЧЕСКИХ КОДОВ МЫШЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМАТИЧНОСТЬ КОНЦЕПТА «УТОPIA»

С.В. Чечикова

Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)

Аннотация. Данная работа посвящена проблеме альянса прогрессизма и утопизма как переломному моменту в эволюции утопического мышления. Фокусируясь на идее прогресса Ж. Кондорсе, мы выстраиваем непротиворечивое объяснение того, почему до Т. Мора утопия – теоретический конструкт, утопическое воображение тесно связано с трансцендентными кодами, апелляцией к универсальности и изолированности концепта утопии, при этом прогрессивная линейность истории не является проблемой. В эпоху Просвещения появляется идея прогресса и утопическое мышление переопределяется в своем основании. Идея прогресса функционально меняет фокус утопии со статичного на динамичный, а также в связке с другими кодами утопического воображения образует новое утопическое мышление, которое впоследствии меняет семантику французского «société».

Ключевые слова: утопия, прогресс, утопическое мышление, утопическое воображение, Ж. Кондорсе, онтологический статус.

Существование социологии как самостоятельной дисциплины, позволяющей на сегодняшний день не просто помыслить связь между человеческой природой и социальным порядком, но а) объяснить различные представления об организации общества, включая нормативные модели с идеально-типическими характеристиками б) обосновать субъектность социального порядка и альтернативные (но легитимные) способы его конструирования, во многом обязано утопическому мышлению. В широком смысле слова утопическое мышление позволило современной социологии сформулировать и описать принципы «возможности» бытия и проблематичность социального порядка. Главная идея этой статьи – показать, как идея прогресса повлияла на эволюцию утопического мышления, переопределив, тем самым, оптику социологического воображения, и то, какие концепты и идеи трансформировали собственно логику утопического.

Исходной моделью представления утопии принято считать моровское понятие утопии, где описываются базовые составляющие утопического с помощью образа острова «Утопия». Через отрицание возможности существования места создается фиктивная природа репрезентации: «Моровский утопизм исходит из признания эмпирического отсутствия утопии и одновременно из утверждения ее ценностной действительности» [Утопия и..., 1991: 9]. В этом смысле классический концепт утопии является универсальным, имеющим общетипические чер-

ты и наследующим историческую парадигму с описанием идеального острова/города/государства, а также наделенным трансцендентальной составляющей. «В классической утопии нравственный идеал трансцендентен, первичен, а социальная организация вторична, она служит только цели реализации этого трансцендентного идеала» [Утопия и..., 1991: 10]. Во второй половине XVIII в. в социальной теории появляются такие понятия как «прогресс», «разум», «революция», что делает возможным для историков, политологов, социологов по-новому посмотреть на нормативное измерение утопии и переопределить ряд проблем, которые ставит утопическое мышление: «Действие утопии больше не переносилось на забытые острова и в далекие высокогорные долины; теперь утопия предстает в виде теории, цель которой – переделать мир. Прежде (по традиции, идущей еще от Мора) утопия была некоей интеллектуальной безделушкой, предназначенной для гуманистов, предметом ученых споров и рассуждений» [Кумар, 1992]. С появлением идеи прогресса (с фр. «les progrès») двойственная природа утопии, основанная на генеалогии понятия Utopia, а также контекст Великой Французской Революции с декларируемым отказом от феодально-абсолютистского строя, налоговой политики и пр. вскрывают рациональную природу утопии и её онтоэпистемический статус. Ж. Кондорсе в 1794 г. в работе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» пытается показать, что на смену «потока пред-

рассудков» – космологии, метафизики, идее Бога и пр., появляется концепция прогресса, которая заключается в развитии человеческого разума и роста свободы (личной – в развитии и проявлении способностей, удовлетворении потребностей, политической – в избирательном праве и т.д.). Парадокс состоит в том, что Кондорсе предлагает модель утопического общества на основе идеи прогресса, что по своей специфике противоречит классическому пониманию утопического мышления, где идеально-сконструированное общество «*imagined society*» предлагается в качестве устойчивой модели, которая не допускает каких-либо изменений [Vieira, 2010]. Кондорсе показывает, что с одной стороны, идеальное общество создается только благодаря прогрессу [Condorcet, 2012], с другой стороны, прогресс позволяет утопии быть не просто эпистемологической категорией, но иметь онтологический статус: утопия – место, которое не существует в настоящее время, но потенциально реализуемо: «Настанет, таким образом, момент, когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина, кроме своего разума; когда тираны и рабы, священники и их глупые или лицемерные орудия будут существовать только в истории, и на театральные сцены (...)» [Кондорсе, 1936]. Тем не менее, идея прогресса не является операциональным концептом утопии, как пишут некоторые из теоретиков, заявляя, что: «Утопичность или реальность общественного идеала определяется наличием людей, стремящихся к осуществлению именно этой утопии в такой-то форме; а сам исторический прогресс определяется интегралом единичных волей» [Гордон, 1995].

Концепты идеи прогресса дополняют орбиту утопического мышления практиками социального познания, с помощью которых утопическое воображение не ограничива-

ется рамками трансцендентализма, но связывается с категориями «должного» и «возможного». Утопия «после» не нуждается в постулировании какого-то определенного способа связи между социальным порядком и идеальным обществом/природой человека/нормативного измерения утопии, поскольку появляется возможность располагать утопическое мышление в многомерном пространстве, в большей или меньшей степени сочетая (не)противоречивые концепты. Утопия «после» располагает базовой интуицией для совершения различных эпистемологических операций, начиная от конструирования бинарных оппозиций (как в утопическом, так и в социологическом мышлении) до операции репрезентации. Утопия «после» отчетливо отличима от эротической фантазии бюрократа, но сохраняет в себе идею универсализации и достижимости абсолютного блага.

Библиография

Condorcet: Political Writings. [Электронный ресурс]. URL: http://assets.cambridge.org/97811070/21013/frontmatter/9781107021013_frontmatter.pdf (Дата обращения: 1 мая 2018).

Vieira F. The concept of utopia. [Электронный ресурс]. URL: <https://scihub.tw/https://doi.org/10.1017/CCOL9780521886659.001> (Дата обращения: 12 апреля 2018).

Гордон А.В. Кропоткин в российской рецепции Великой Французской Революции. [Электронный ресурс]. URL: <http://oldcancer.narod.ru/150PAK/1-06Gordon.htm> (Дата обращения: 3 мая 2018).

Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/files/uploads/28689/condorcet_tableau-du-progres-de-raison-humaine.pdf (Дата обращения: 3 марта 2018).

Кумар К. Утописты и революционеры. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/260/925/1219/12-Kumar.pdf> (Дата обращения: 3 марта 2018).

Утопия и утопическое мышление: антология / сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М., Прогресс. 1991.

О ПРОЕКТЕ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО «МУЗЕЯ КОММУНИЗМА»

Л.М. Ретинский

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России (Москва, Россия)

Аннотация. Человечество накопило огромное количество идейного материала о коммунистическом устройстве общества на основе обобществления его ресурсов, который востребован пока лишь незначительно. И это несмотря на то, что многие демократические реалии современных западных обществ являются результатом влияния революционных преобразований в России в XX веке, в свою очередь вдохновлённых идеями утопистов. В этой связи просветительская работа в отношении этих идей, как и их творческое развитие являются актуальными. Особенно это касается новых поколений. Для практической реализации этого подхода предлагается создание многофункционального культурно-просветительского «Музея коммунизма» в г. Лакинск.

Ключевые слова: музей коммунизма, воспроизводство общества, СССР.

Любое общество продолжает существовать только при воспроизводстве его ценностей в новых поколениях. Причём, ценностей не декларируемых, а тех, на основании которых происходит практическая деятельность. Функции воспроизводства выполняет образование, культура в целом, которым важное внимание уделяли в своих работах и основоположники современного утопизма Т. Мор и Т. Кампанелла.

Коммунистические и социалистические идеи, которые взялись воплощать в России в начале прошлого века, с одной стороны, имеют западноевропейское происхождение. Но, с другой стороны, основатель *научного* подхода к коммунизму К. Маркс, в отличие от своих предшественников, не детализировал устройство будущего общества, исходя из принципа его объективности, т.е. формирования на основе объективно развивающихся процессов, а не произвольных фантазий. По этой же причине и опыт СССР есть опыт только СССР, а вовсе не якобы экспериментальное подтверждение порочности коммунистических идей. Однако, интернет-запрос о «музее коммунизма» выдаёт ссылку только на учреждение с таким названием в Праге, а категория релевантных ссылок в «Википедии» называется «Музеи и выставки о преступлениях коммунизма», в небольшой список которых входят также несколько отечественных музеев, посвящённых жертвам репрессий, и несколько музеев в бывших союзных республиках на тему «советской оккупации». Все эти объекты носят исторический характер, показывают вещи, фотографии,

другие артефакты по выбранной теме, нацелены, в т.ч., и на молодёжь.

Между тем, такие демократические реалии современных западных обществ, как равенство прав женщин и мужчин, не говоря уже о равенстве представителей разных рас и народов, появились в них только после Октября 1917 и только под угрозой неконтролируемого распространения его остальных достижений. Но даже Государственный центральный музей современной истории России, начиная постоянную экспозицию с залов «Модернизация экономики и общественное движение в Российской империи во второй половине XIX века», держит все «революционные» и «постреволюционные» залы (с 4 по 13) «на реставрации», переходя сразу к СССР в середине 1950-х гг.

В этой связи актуальным представляется создание многофункционального культурно-просветительского объекта с рабочим названием «Музей коммунизма». Музей – как *наглядная* демонстрация (средствами от восковых фигур до современной мультимедийной анимации, голографии и т.п.) вариантов воплощения идей организации жизни в обществе всеобщего равенства, без государства, без денег и проч. – от самых ярких идей по переустройству общества Платона, ранних христиан, утопистов до дискуссий в СССР в 1920-30-е гг. и перестройки, т.е. совокупности идей коммунизма как обобществления ресурсов и практики жизнедеятельности общества и каждого гражданина. Кроме того, предполагается использование этого же объекта как событийного, как пло-

щадки для дискуссий (обсуждения увиденного, сравнения советского и современного опыта, теоретической работы и футуристических построений), поскольку человечество накопило огромное количество идейного материала, который востребован лишь в самом незначительном объёме.

С целью создания условий для широкой популяризации концепции выбрано и место

объекта – Лакинский пивзавод, расположенный между Москвой и Владимиром на трассе М7, т.е. на Владимирском тракте у станции Ундол («унылая доля»), через которую гнали каторжан в Сибирь, что естественным образом создаёт историческую, лично ощущаемую связь времён хотя бы для отрезка 1917–1991 гг., постепенно всё менее известному нашему народу.

ОНЛАЙН-ЖУРНАЛИСТИКА КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД ЦИФРОВОЙ УТОПИИ

Л.А. Коханова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

С.Б. Головки

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Ю.Е. Черешнева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

Аннотация. Онлайн-журналистика – современный феномен, во многом определяющий многообразие способов и форм профессиональной социальной коммуникации. Социокультурные сценарии онлайн-журналистики поддержаны в современной культуре идеологией *Digitopia* – «цифровой утопии» – как неминуемой перспективой технологического совершенствования. Современные исследовательские подходы к утопии носят вариативный характер и открывают широкий простор для возможности нестандартных, альтернативных и разноречивых подходов к исследованию данного феномена.

Ключевые слова: цифровая утопия, цифровая культура, журналисты.

Потребность рассмотрения возможных трансформаций утопии в пространстве современной культуры воплощается в тенденции нового понимания и интерпретации феномена вне его привязки к классическим проектам и шаблонам (К. Кумар [Kumar, 2003: 63], З. Бауман [Bauman, 2003: 16], П. Лассман [Lassman P. 2003: 49], К. Дэвис [Davis, 1981: 17] и др.). Данные авторы, довольно разноплановые в своих методологических приоритетах, сходятся в толковании утопии как специфического вида социального воображения в формах его представленности, которое принципиально свойственно манере мышления индивида.

Если рассматривать культуру как сумму результирующих поведений, способностей и ценностей, можно прийти к неизбежному выводу об ответственности современных технологий за культурное развитие человечества.

Поэтому обращение к технологической версии «цифровой утопии» является закономерным и необходимым, так как выявление

модусов социальных феноменов в их связи с воображаемыми мирами утопического открывает возможность описать социокультурную реальность через категории возможного, желаемого и ожидаемого.

Цифровая культура – это в первую очередь понимание современных информационных технологий, их функционала, а также возможности грамотно использовать их в работе или быту.

Попытки анализа изменений уровня восприятия культурных символов окружающей действительности, связанные с активным проникновением цифровой культуры в социокультурные коды студентов – будущих журналистов, стала предметом пилотного исследования «Онлайн-журналистика и цифровая культура», проведенного авторами.

Одним из фрагментов исследования стала работа «Цифровая культура как конкурентное преимущество будущих журналистов», которое предполагало, в соответствии с классификацией Д.В. Галкина, исследование

нескольких уровней восприятия учащейся молодежью цифровой культуры: материального, функционального, ментального и духовного [Галкин, 2012: 11-16]. Кроме того, был проведен анализ научной литературы по теме. Выборка составила 682 человека.

На материальном уровне анализировался уровень общения аудитории с новой, постоянно обновляющейся техникой и информационными технологиями. По результатам проведенных опросов выяснилось, что большинство достаточно профессионально используют новые технологии. Причем отдают им предпочтение по сравнению с традиционными источниками информации. Только 3% из числа опрошенных студентов ответили, что они иногда работают в традиционной библиотеке, где готовятся к занятиям. Еще 5% процентов респондентов сказали, что были в библиотеке один раз по необходимости – брали учебную литературу, которой нет в электронном виде.

На функциональном уровне были исследованы, в частности, коммуникационные особенности, отношения и убеждения студентов. Интересно, что достаточно редко основная масса студентов (79 %) посещает выставки, музеи, театры. Но эти же 79% ответили, что с удовольствием «ходят» в виртуальные музеи, галереи, выставочные залы, 64% пользуются архивными данными при подготовке курсовых и выпускных работ. Процесс оцифровки музейных коллекций произведений искусства, экспонатов и учетных документов, библиотек 78% респондентов оценили самыми высокими баллами.

Интересные данные были получены и при исследовании уровня культуры общения и личной безопасности в сети, так как за исключением одной студентки все респонденты имеют свои блоги или аккаунты в социальных сетях. Некоторые уже создали свои авторские каналы в Telegram (4%), выкладывают видеоматериалы в YouTube (18%).

Анализ ментального уровня, который затрагивает «укорененность» цифровой культуры в психической жизни человека, позволил сделать выводы о чрезвычайно сильной вовлеченности учащейся молодежи в онлайн-общение. Так, на вопрос о том, сколько времени человек проводит в Интернете, толь-

ко около половины (47%) ответили, что до 12 часов в сутки. Остальные проводят в онлайн-общении до 14 (21%), 16 (18%) и более часов (13%). 1% опрошенных указал, что он проводит время в Интернете круглосуточно.

Исследование духовного, ценностного уровня показало, что в целом студенты показали достаточно высокий уровень культуры общения в интернете. Например, высок процент тех, кто проявляет уважение по отношению к другим пользователям (75%). Не сразу вступают в спор, когда они не согласны с виртуальным собеседником (71%). Так как большая часть респондентов – девушки, то понятно, что они наиболее тяжело переживают случаи некорректного, точнее агрессивного поведения, а то и прямых оскорблений со стороны своих собеседников. После таких ситуаций 65% студенток отмечают, что у них «портится настроение», «хочется сказать все, что я о нем думаю» и даже «целый месяц не писала посты».

Полученные данные подтверждают мнение исследователей, что «коммуникативная культура информационного общества основана на новом типе социальных сетевых отношений, который изменяет модели поведения людей, язык общения...» [Соловьев, 2009: 36-41]. Следовательно, для будущих журналистов особенно важно овладение цифровой культурой даже на первых двух уровнях, которое дает им конкурентное преимущество при определении своей профессиональной судьбы.

Библиография

- Kumar K. Utopia and Anti-Utopia in Modern Times. Oxford, Blackwell. 1987.
- Kumar K. Aspects of the Western Utopian Tradition // History of the Human Sciences, 2003, №16. [Электронный ресурс]. URL: <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/63> (дата обращения: 01.11.2018).
- Bauman Z. Utopia with no Topos // History of the Human Sciences, 2003, №16. [Электронный ресурс]. URL: <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/11> (дата обращения: 01.11.2018).
- Lassman P. Political Theory as Utopia // History of the Human Sciences, 2003; №16. [Электронный ресурс]. URL: <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/49> (дата обращения: 01.11.2018).
- Davis J. C. Utopia and the Ideal Society: A Study of English Utopian Writing 1516-1700. Cambridge, Cambridge University Press, 1981.

Галкин Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3. С. 11-16.

Соловьев А. В. Коммуникативная культура информационного общества // Вестник МГУКИ. 2009. №2 (28). С.36-41.

ПЕРМСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ: УТОПИЯ VS МЕЧТА

О.В. Игнатьева-Вильбоа, О.В. Лысенко

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

Аннотация. В данной статье рассматривается одна из особенностей бытования и функционирования утопии в современном обществе на примере Пермского культурного проекта. В утопии всегда присутствовала интенция на конструирование социального мира, а с утверждением конструктивизма утопия получила распространение в качестве одного из инструментов практического управления. Кейс Пермского культурного проекта является интересным примером попытки перенести на российскую почву некоторые западные идеи развития городов и территорий, и в этом его эвристическая ценность для всех, кто занимается урбанистикой и социологией города. Анализ Пермского культурного проекта в контексте функционирования утопии позволяет по-новому взглянуть на причины и следствия культурной политики не только Пермского края, но и других российских регионов.

Ключевые слова: утопия, Пермский культурный проект, урбанистика, конструктивизм.

Данный текст посвящен рассмотрению одной особенности бытования и функционирования утопии в современном обществе на примере Пермского культурного проекта. Сам по себе кейс Пермского культурного проекта (далее – ПКП) является интересным примером попытки перенести на российскую почву некоторые западные идеи развития городов и территорий, и в этом его эвристическая ценность для всех, кто занимается урбанистикой и социологией города. Идея объяснить некоторые черты ПКП через понятие «утопии» может оказаться весьма плодотворной.

Как известно, вплоть до второй половины XX в. классическая утопия, равно как и антиутопия XX в., являются скорее продуктом философствования по поводу природы человека, выявляющий черты желаемого будущего (или наоборот, будущего ужасающего). Собственно, еще основоположники марксизма критиковали утопистов за пренебрежение вопросами технологии достижения идеала, но, в тоже время, сходились с ними в вопросе необходимости такой идеал иметь [Шацкий, 1990: 40-43]. И в этом смысле все формы утопического мышления, так или иначе, были продуктом позитивистского подхода в социальной мысли, поскольку полагали утопию (или «научно обоснованный проект преобразования общества») в качестве более или

менее удачного отражения законов развития общества и человека.

Ситуация существенно поменялась с приходом в социальные науки теории конструктивизма. Одним из первых манифестов конструктивизма следует считать, на наш взгляд, знаменитую теорему У. Томаса, согласно которой «если люди считают ситуации реальными, они оказываются реальными по последствиям» [Thomas W., Thomas D., 1928: 572]. Правда, Роберт Мертон, благодаря которому данное утверждение стало общеизвестным, приводил и другие, более ранние формулировки этого тезиса, например, фразу Т. Гоббса о том, что пророчество часто становится причиной событий [Merton, 1995]. Но, как бы то ни было, только в 1960-х гг. это наблюдение постепенно приобретает роль фундаментального основания социальных наук.

Если общество есть продукт конструирования, то законы социального развития также есть продукт такого конструирования. Экономя место, мы можем так описать этот процесс: вначале из имеющихся противоборствующих тенденций в развитии общества некоторой группой интеллектуалов, занимающих достаточно высокое положение в поле интеллектуального производства, выбирается одна, которая провозглашается ведущей и наиболее вероятной. При этом

звание «наибольшей вероятности», согласно теории П. Бурдьё, скорее стоит трактовать как «наибольшую желанность» теми самыми экспертами, которые и делают выбор, исходя из их собственного интереса и габитуса (по П. Бурдьё эта связь может быть обнаружена благодаря процедуре «объективации объективирующего субъекта») [Бурдьё, 2004: 8-11].

На следующем этапе реализации социального закона происходит процесс его объективации, хабиитуализации легитимации (в том значении, который вкладывали в эти термины П. Бергер и Т. Лукман [Бергер, Лукман, 1995: 22-25]) через многочисленные социальные институты, обладающие правом на «символическое насилие» (еще один термин П. Бурдьё [Бурдьё, 2016: 298]), такие как образование, СМИ, институты художественного производства и т.д. И в тот момент, когда оно становится общим местом, утверждением, известным едва ли не каждому, оно начинает действовать как «правда», то есть как структурирующий принцип, в полном соответствии с теоремой Томаса.

Этот процесс легко проследить на истории почти каждого модного в XX в. интеллектуального течения и его вариантов социальных теорий, будь то теория классов марксизма, пирамида потребностей А. Маслоу или учение о бессознательном З. Фрейда. Этот же процесс можно проследить и на примере самого конструктивизма, например, в процессах конструирования этничности или гендерной идентичности. С тех пор и в тех странах, где теория конструктивизма более или менее утвердилась в качестве научного факта, достойного включения в вузовские курсы по социологии, мы видим тот бесконечный парад индивидуализации и изобретений идентичностей, который столь блестяще описан, например, Л.Г. Иониным в его работе «Восстание меньшинств» [Ионин, 2012], если, конечно, вынести за скобки авторские негативные оценки самого этого явления. К прямым следствиям утверждения конструктивизма в повседневном мышлении и в практиках индивидов мы также можем отнести такие явления, как «пластичную идентичность», биографизацию жизни и даже «терапевтическую культуру».

Теперь посмотрим через эту оптику на утопию. В ней всегда присутствовала интенция

на конструирование социального мира. Как писал Р. Козеллек, «писатель-утопист, чаще всего, не является историком или хронистом, зато он «продюсер» грядущего, который ищет в неопределённом будущем совершенство» [Koselleck, 2002: 92]. Однако в рамках позитивистского диспозитива [Фуко, 1996] утопия невольно должна выглядеть ущербно в силу ее неисполнимости, чем, собственно, и было вызвано разочарование в утопии как в жанре в первой половине XX в. С утверждением конструктивизма по каким-то причинам утопия не стала предметом переосмысления теоретической социологии, но зато получила распространение в качестве одного из инструментов практического управления. Так, в менеджменте признаки утопии можно увидеть в таких явлениях, как концепции «бренда» и «корпоративной культуры», в провозглашении идеалов «бирюзовых организаций», наконец, в ключевом значении «мечты» для осуществления личных и корпоративных планов. По всем ключевым признакам эти новые менеджериальные подходы удовлетворяют признакам утопии, выделенным Дж. Моррисоном и А. Кроссом [Morris, Kross, 2004: 23-24], кроме, пожалуй, масштаба преобразований: в классической утопии речь идет о преобразованиях всего общества, а в «утопических» теориях менеджмента – о преобразованиях в рамках одной отдельно взятой организации или территории.

Ярким примером применения технологии утопии является Пермский культурный проект. Он осуществлялся в 2008-2012 гг. под руководством Б. Мильграма, на тот момент министра культуры региона, и московского галериста Марата Гельмана под покровительством губернатора Олега Чиркунова. Первоначально он ставил перед будущими «культурными революционерами» весьма прозаические цели – создать в Перми интересную среду обитания для университетских работников и студентов. Однако, получив карт-бланш на преобразования в узкой, казалось бы, сфере культуры, Борис Мильграм и Марат Гельман в течение короткого времени сумели провозгласить культуру главным ресурсом развития края и начать строить, выражаясь словами американского урбаниста Х. Молотча, городскую «машину роста».

Квинтэссенцией ПКП, позволяющего рассматривать его именно как утопию, стала статья О. Чиркунова «У города должна быть мечта», изданная отдельной брошюрой [Чиркунов, 2011]. В ней О. Чиркунов описал, как и почему он «поверил, что здесь, далеко не в лучшем климате, в одном из самых северных городов-миллионников мира, можно создать условия, при которых люди будут жить с радостью, с ощущением того, что они живут в правильном месте» [Чиркунов, 2011: 2], какие ключевые позиции города для этого необходимо развивать (начиная с культуры и университетов, и заканчивая вокзалами и мастер-планом), а также выразил надежду, что «когда у города есть мечта, когда его жители договорились о том, к чему они стремятся и во что верят, их город может стать лучшим местом на Земле». Одним из самых невероятных планов ПКП стало вхождение Перми в программу «Культурная столица Европы».

Реакция многих жителей, как на брошюру, так и на сам проект оказалась прогнозируемо негативной. Ее суть можно свести к формуле: «о какой культуре может идти речь, если в городе грязно на улицах?». Однако, в целом, семена, посеянные в рамках ПКП, оказались достаточно живучими, что можно, во-первых, увидеть в достаточно высоких оценках этого проекта через два года после его окончания, а во-вторых, в развитии многих инициатив, которые стали либо прямым продолжением ПКП на низовом уровне, либо новыми инициативами, сформировавшимися под его влиянием [Лысенко, 2016].

Таким образом, утопия сегодня получает неожиданное развитие, как особая технология социального проектирования, применяе-

мая вполне осознано и целенаправленно для преобразования (иногда – успешного) всего общества.

Библиография

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., Медиум, 1995. 323 с.
- Бурдьё П. Введение в социологию социальных наук: объективация субъекта объективации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. № 5. С. 8-11.
- Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М., Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2016. 720 с.
- Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. М.; СПб., Университетская книга, 2012. 237 с.
- Koselleck R. The practice of conceptual history: timing history, spacing concepts / trans. by Todd Samuel Presner, with others. Stanford, California, Stanford University Press, 2002. 384 p.
- Лысенко О.В. Последствия Пермского культурного проекта // Неприкосновенный запас. 2016. №1(105). [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/1/posledstviya-permskogo-kulturnogo-proekta-pr.html> (дата обращения: 10.11.2018).
- Merton Robert K. The Thomas Theorem and The Matthew Effect // Social Forces. 1995. vol. 74, iss. 2. P. 379-424.
- Morris J. M. and Kross A. L. The A to Z of Utopianism. Lanham: Scarecrow Press, 2004. 432 p.
- Thomas W.I., Thomas D.S. The child in America: Behavior problems and programs. New York, Knopf., 1928. 583 p.
- Фуко М. Порядок дискурса: инаугурационная лекция в Коллеж де Франс 2.12.70 // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 49-96.
- Чиркунов О.А. У города должна быть мечта. Пермь, Агентство «Стиль-МГ», 2011. 20 с.
- Шацкий Е. Утопии и традиция / Пер. с польск. К.В. Душенко, М.И. Леньшина; Общ. ред. и пред. В.А. Чаликовой. М., Прогресс, 1990. 454 с.

РАЗДЕЛ III. ПРОБЛЕМА ИДЕАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

УТОПИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ИСТОРИОСОФСКОГО ДИСКУРСА*

А.В. Корневский

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Доклад посвящен наследию Августа Цешковского – автора термина «историософия», одновременно причисляемого к мыслителям-утопистам и предтечам цивилизационного подхода. Цешковский стремился придать «польскому мессианизму» исторический оптимизм французского утопического социализма и железную логику диалектики Гегеля. Однако гегелевскую апологию Пруссии, в которой история исчерпывает себя, Цешковский не мог принять ни как диалектик, ни как польский патриот. Свое видение истории он представил в виде триады «тезис-антитезис-синтез»: древность (интуиция) – христианство / германский мир (мысль) – будущее торжество славянства (воля и действие). При этом историософия Цешковского не может не быть утопичной, поскольку обращена не только в прошлое, но и в будущее.

Ключевые слова: историософия, утопия, цивилизационная парадигма, польский мессианизм, Август Цешковский.

В науке нередко возникают проблемы, подобные рассыпанным пазлам: как будто все имеется в наличии, но порознь: в различных публикациях, по разным поводам и зачастую *à propos*, но вне общего контекстуального видения. Вопрос о сопряженности историософского, утопического и цивилизационного дискурсов – из этого разряда проблем. В последнее время появилось достаточно много работ, посвященных анализу историософского дискурса, что стало реакцией на определенную девальвацию самого понятия, бездумное навешивание этого ярлыка на все, что хоть в самой малой степени имеет отношение к исторической рефлексии. Развивая взгляды на сей предмет В. Зеньковского, Н. Бердяева, Н. Кареева и других русских мыслителей «серебряного века», современные методологи выделили следующие конституирующие признаки историософии: метаисторичность [Историософия, 2007: 223], «телеологизм и абстрактный прогрессизм» [Безлепкин, 2017: 223]; обращенность к исходной «матрице» истории [Русакова, 2003: 40]; «переживание

истории как своей личной духовной судьбы», выражаемое «в символах, смыслах, экзистенциалах и смыслообразах» [Бурлака, 2001: 455].

Соглашаясь с выделением данных черт историософского дискурса, отметим, тем не менее их неполноту, а главное – невнятность в характеристике его генезиса и демаркаций в зонах сопряжения с близкородственными формами исторической рефлексии. Так, почти все без исключения современные авторы отмечают телеологичность историософии, но из этого вытекает, что историософия устремлена не только, и в некоторых случаях – даже не столько в прошлое, сколько в будущее. А это с неизбежностью ставит вопрос, остающийся без ответа в современных публикациях: в каких отношениях состоит историософия с дискурсами, имеющими данную темпоральную направленность – утопией и футурологией.

Также следует отметить, что не вполне понятна однозначная увязка генезиса историософского дискурса с творчеством Бердяева и Зеньковского [Русакова, 2003: 37] при фактическом игнорировании их предшественни-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Центра польско-российского диалога и согласия в рамках исследовательского проекта «Цивилизационный подход: польский взгляд» (грант № 5/2018).

ков. Так, например, польский философ Август Цешковский, автор изданного в 1838 г. сочинения «Пролегомены к историософии» [Cieszkowski, 1838], в котором, собственно, и появляется впервые это понятие, либо не упоминается вовсе, либо удостоивается всего лишь лапидарной сноски. Единственная статья, содержащая относительно пространственные суждения о Цешковском, написанная А.П. Глазковым [Глазков, 2015], основана не на аутентичных текстах, а на усеченных цитатах из «Пролегомен», опубликованных в 1971 г. в «Антологии философской мысли». И это при том, что русские мыслители неоднократно ссылались на Цешковского, а сегодня его наследию за рубежом посвящена обширная литература. Впрочем, основной акцент в этих публикациях делается не на историософские, а на утопические взгляды Цешковского [Liebich, 1979]. При этом, в его «философии действия» многие исследователи видят более значимый, чем творчество Д. Штрауса, водораздел между гегельянством и младогегельянством [Stepelovich, 1974; McLellan, 1969]. По мнению Л. Степелевича, именно Цешковский первым поставил задачу «сделать Гегеля более гегельянским» [Stepelovich, 1987]. Более того, этот исследователь (а до него – Д. Маклеллан [McLellan, 1969: 8-11]) считает, что многие суждения польского мыслителя «кажутся прямо-таки прото-марксистскими» [Stepelovich, 1974: 47]. Степелевич указывает и еще на одного бунтаря-утописта, испытавшего влияние Цешковского – А. Герцена, который именно благодаря польскому мыслителю увидел в гегельянстве «алгебру революции» [Stepelovich, 1974: 48].

Впрочем, это как раз и не ново: данную точку зрения еще в 1921 г. изложил и обосновал Г. Шпет [Шпет, 1921: 76-80]. Не так давно Павлов попытался оспорить эти выводы, доказывая, что Герцен пришел к своему видению гегелевской философии истории еще до знакомства с книгой Цешковского. Однако казуистические рассуждения о том, что польский мыслитель «мог лишь подкрепить его созревавшую мысль, а не предопределить направление его духовного развития» [Павлов, 2014: 164] не выглядят убедительными. Вскоре после Шпета польский мыслитель Ян Кухажевский также выдвинул тезис о влиянии взглядов Цешковского на Герцена. Но

его, в отличие от русского философа, преимущественно интересовала преемственность по линии противопоставления германского и славянского миров [Кухажевский, 2016: 195].

Следует отметить, что «Пролегомены» были замечены не только Герценом: на их анализе подробно останавливался в своих публичных лекциях Грановский. На авторитет Цешковского ссылались Зеньковский [Зеньковский, 2001: 273] и Бердяев [Бердяев, 2008: 255-258], хотя их, конечно же, вдохновляли не те идеи, которые воодушевляли Герцена. Если того оставлял равнодушным религиозный пафос польского мыслителя, но привлекал в «Пролегоменах» синтез гегелевской философии истории и французского утопического социализма, то мыслители русского «серебряного века», наоборот, ценя эсхатологический оптимизм Цешковского, как бы не замечали социального радикализма его «философии действия». При этом и те и другие чутко реагировали на идеи особого исторического пути славянства в противопоставлении «германскому миру», из которых именно в это время исподволь прорастал цивилизационный дискурс.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что «Пролегомены к историософии» оказались своего рода верстовым камнем на перепутье идей и дискурсов. Произведение Августа Цешковского – это одновременно и порождение «польского мессианизма», воплотившего разочарования и чаяния интеллектуалов после поражения Ноябрьского восстания (1830 г.), и протест против исторического пессимизма, свойственного данному течению польской мысли. В качестве антидота против этого интеллектуального яда Цешковский взял исторический оптимизм французского утопического социализма и железную логику диалектики Гегеля, примененную для исправления его же философии истории. Гегелевскую апологию Пруссии, в которой история, достигнув совершенства, исчерпывает себя, Цешковский не мог принять ни как диалектик, ни как польский патриот. Свои «Пролегомены» он начинает следующими словами: «Человечество наконец достигло того уровня самосознания, когда оно стало осознавать законы своего нормального развития и прогресса не как плод самообмана ревностных исследователей духа, а как ис-

тинное выражение абсолютной мысли о Боге, как проявление объективного Разума во всемирной истории» [Cieszkowski, 2007: 37]. И, конечно же, Разум не может проявлять себя в иначе, как гегелевская триада. Тезис – дохристианская эпоха, в которую господствует инстинкт и расцветает искусство. Антитезис – эпоха христианства, в которой первенствует мысль, что достигает вершины в германском мире. Синтез, реализация божественного замысла о человечестве – близящееся будущее, эра воли и действия в которой себя славянство. Последнее, разумеется, не могло вдохновить атеиста и славянофоба Маркса, но легло на душу русским читателям – как революционерам, так и религиозным философам.

Мысли Цешковского заронили зерна тех идей, которые впоследствии трансформировались в утопии левого и правого толка, от русского социализма до панславизма, и широчайший спектр историософских в своей основе доктрин – от теории культурно-исторических типов до метафизического идеализма и философии свободы.

Библиография

Безлепкин Н.И. От историософии к философии истории: эволюция взглядов на историю в отечественной философской мысли // Управленческое консультирование. 2017. № 8. 2017. С. 119-132.

Бердяев А.Н. Русская идея. СПб., Азбука-классика, 2008. 320 с.

Бурлака Д.К. Историософия // Вестник Русского христианского гуманитарного института. 2001. № 4. С. 455-456.

Глазков А.П. Содержание понятия историософии и концептуализация термина «эсхатологиче-

ская историософия» Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 8. Вып. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ponyatiya-istoriosofii-i-kontseptualizatsiya-termina-eschatologicheskaya-istoriosofiya> (Дата доступа: 19.12.2018).

Зеньковский В. История русской философии. М., Академический проект, раритет, 2001. 880 с.

Историософия // Словарь философских терминов. Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М., ИНФРА-М, 2007. С. 223-224.

Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т.2. Максимализм. Два мира. М., Издательство «Человек», 2016. 456 с.

Павлов А.Т. К вопросу о влиянии на Герцена Кузена, Цешковского и Фейербаха // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 161-166.

Русакова О.Ф. Историософия как отрасль философии истории: предмет и дискурс // Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. I / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., Северная Звезда, 2003. С. 37-45.

Шпет Г. Философское мировоззрение Герцена. Пг., Книгоиздательство «Колос», 1921. 101 с.

Cieszkowski A. Prolegomena do Historiozofii. Poznań, poznańskie towarzystwo przyjaciół nauk, 2007. 139 s.

Cieszkowski A. von. Prolegomena zur Historiosophie. Berlin, Bri Vrit und Comp., 1838. 157 s.

Liebich A. Between Ideology and Utopia ((Sovietica. Vol. 39). Dordrecht; Boston; London, D. Reidel Publishing Company, 1979. vii, 392 p.

McLellan D. The Young Hegelians and Karl Marx. London; Melbourne; Toronto, Macmillan, 1969. 170 p.

Stepelovich L.S. August von Cieszkowski: from Theory to Praxis // History and Theory. 1974. Vol. 13. No. 1. P. 39-52.

Stepelovich L.S. Making Hegel into a Better Hegelian: August von Cieszkowski // Journal of the History of Philosophy. 1987. Vol. 25. No 2. P. 263-273.

ВИЗАНТИЗМ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ: МЕЖДУ ИМПЕРСКОЙ МИФОЛОГИЕЙ И КУЛЬТУРНОЙ УТОПИЕЙ

А.А. Кириллов

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Описательные конструкторы «византизм» (в терминологии К. Леонтьева) и «византизм» (в терминологии Г. Флоровского) с конца XIX в. стали устойчивыми и, в некоторых случаях, даже стереотипными метафорами в социальной философии, историографии, культурологии и религиоведении. В своём докладе автор ставит перед собой цель – рассмотреть не только отрицательные коннотации данных социально-гуманитарных метафор и «теоретических химер» но и увидеть, на примере анализа современных авторских исследовательских позиций отечественных и иностранных, положительный потенциал данных установок. Ключевая проблема – выявить и зафиксировать роль утопической дискурсивной установки в формировании современного понимания и интерпретации «византизм» и «византизм», как имперской мифологии и культурной утопии.

Ключевые слова: утопический дискурс, имперская мифология, культурная идентичность, культурная утопия.

Феномен византизма или византинизма, явленный в широком диапазоне своего проявления – от имперской сакральной мифологии до универсальной культурной утопии, сыграл ключевую роль в процессе становления и развитии не только отечественной (российской), но и западной культурной модели идентичности (последнее, как правило, стыдливо умалчивается или неловко скрывается). Таким образом, не только восточно-европейская, но и собственно европейская (Гесперия) идентичность генетически тесно связана с выявлением базовых характеристик восточно-христианской (Византия) типологической культурной матрицы. В свою очередь решение проблемы цивилизационной характеристики самой Византии (восточно-христианского традиции) тесно связано с рассмотрением вопроса об особенностях процесса самоидентификации ромейской общности, как таковой. Этот процесс шел по двум базовым направлениям: национально-государственная идентификация и идентификация этнорелигиозная, последние два важных обстоятельства и послужили почвой для произрастания и укоренения различных моделей представленности феномена византизма или византинизма, как в отечественной, так и в зарубежной исследовательской традиции.

Анализ социокультурной жизни сквозь призму субъективного¹ позволяет не только вскрыть и описать механизмы воспроизводства византийской цивилизации в пространстве Времени Большой истории, но и выявить специфические для культурного мира стратегии структурирования коллективного и индивидуального опыта, формы миропонимания, уникальный стиль интеллектуальной, политической, религиозной жизни. Для цивилизационной характеристики Византии культурной доминантой является «нестабильность» – специфическое восприятие мира как временного, фрагментарного, изменчивого, а положения человека в нем – как напряженного, тревожного и неуверенного. Проблема исследования феномена нестабильности, как основного фактора, воздействующего на культуру, актуальна не

¹ В сфере современного гуманитарного исследования получило широкое распространение такие исследовательские направления как: новая интеллектуальная история, новая культурная история, микроистория, история ментальностей.

только для византийской цивилизации, но и для любого другого культурного мира, так как в процессе преодоления кризиса формируется облик цивилизации, конструируется мировидение ее представителей, обретает свои очертания пространственно-временной континуум. Нестабильность как культурная доминанта восточно-христианской цивилизации становится очевидна через исследование стратегий конструирования исторического повествования («история поколений»), формы культурной идентификации (этнической и религиозной), которые можно наглядно проследить на примере поведенческих моделей (светский героический нарратив и агиографический нарратив), проявляется через многочисленные образы и метаобразы данной культурной традиции, обнаруживается в структуре интеллектуальной и политической жизни (полемичность как ключевое понятие).

Данная исследовательская установка позволяет рассматривать Византию в качестве уникального культурного мира, обладающего собственной внутренней стратегией культурной модернизации и социально-политического обновления. Византийская цивилизация смогла реализовать особую модель существования, аналогов которой мы не найдём нигде в европейской истории. Лаконично эту идею можно выразить в следующем виде – «стабильность через нестабильность», то есть, воспроизводство цивилизационных основ Византии происходило как преодоление перманентного кризиса, несущего угрозу её существованию. Оно заключалось в умелом использовании традиции и инноваций, лабильности, скорой адаптации к изменениям, в создании антагонистических блоков (военно-политическими, конфессиональными, этно-религиозными и экономическими, как внутри империи, так и за её пределами) и балансировке между ними. Цивилизационная характеристика Византии поражает своей динамичностью и диалектичностью. Её использование позволяет объяснить, почему Византийской цивилизации удалось существовать более тысячи лет, оставаясь, на первый взгляд, неизменной, в то время как внутренне она переживала постоянные перемены и модернизации. Вместе с этим – удел византийской цивилизации – это стере-

отипы, которыми она обрастает уже многие века, и в этом нет ничего странного. Исследователю бывает сложно в традиционных схемах и построениях отразить «дух» Византии, её специфику и особенности. Византийская цивилизация – это не Запад и одновременно – альтернатива Востоку. Альтернатива, доказавшая свою жизнеспособность в тяжелейших геополитических условиях, это уникальный пример и доказательство нелинейности культурно-исторического процесса.

Свидетельством такого неоднозначного статуса типологической культурной матрицы восточно-христианской цивилизации стало широкое разночтение и толкование содержания описательного конструкта «византизм». В отечественной философско-исторической² и социокультурной исследовательской традиции сформировалось два магистральных типа понимания и интерпретации данных описательных конструкторов – «византизм» у К.Н. Леонтьева и «византинизм» у Г.В. Флоровского. Для К.Н. Леонтьева византизм – это в государстве – значит самодержавие, в религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов [Леонтьев, 2007]. Таким образом, леонтьевский «византизм» можно рассматривать не только как модернизационную имперскую стратегию, ориентированную на конкретный исторический опыт, но и как важное условие культурной автономии, уникальную культурную традицию, позволяющую народам, включённым в восточно-христианское цивилизационное пространство играть самостоятельную роль в мировой истории. В свою очередь, «византинизм» Г.В. Флоровского имеет иную социальную интерпретацию, ориентированную на преодоление имперской исключительности и культурного изоляционизма: «...это эллинский по своим основаниям церковный универсализм и в большей степени идеал универсальной теократии, чем национальной империи... в византинизме происходит утверждение универсальной православной теократии, но выходящей далеко за ее пределы, поглощающей всю мировую ойкумену» [Малер, 2005].

При анализе данной проблематики важно не только констатировать отрицательные коннотации данных социально-гуманитарных метафор и «теоретических химер» (что стало уже устойчивой исследовательской стереотипикой), но и увидеть, на примере анализа современных авторских исследовательских позиций отечественных и иностранных, положительный потенциал данных установок. Ключевая проблема – выявить и зафиксировать роль утопической дискурсивной установки в формировании современного понимания и интерпретации «византизм» и «византинизм» как имперской сакральной мифологии и универсальной культурной утопии. Важно отметить, что в последние несколько десятилетий наметилась устойчивая тенденция положительной оценки и конструктивной аналитики социокультурного опыта Византии. В противовес всей многовековой негативной исследовательской традиции (Вольтер, Гердер, Гегель и т.д.), отрицательно оценивающей характер и специфику восточно-христианской цивилизации, в современных зарубежных исследованиях наблюдается обратная тенденция – рассматривать Византию в рамках жанра положительной социокультурной утопии. Можно выделить таких авторов как Б. Ларс [Ларс, 2012], Д.Д. Оболенский [Obolensky, 1971], Ж. Дагрон [Дагрон, 2003], Дж. Норвич [Норвич, 2015], И.И. Шевченко [Ševčenko, 1996], М. Каплан, Е. Новосельский [Czerni, 2006], А.Н. Домановский [Домановский, 2016], И.-М. Лолан [Lolan, 1993] и т.д. Общий спектр оценок и анализа достаточно широкий: от эстетизации метафизического опыта византийской культуры и прежде всего, её богатого художественного наследия – идея «интегративного единства» европейской культуры в лоне византийской традиции (Ежи Новосельский) до паневропейского «экуменизм» Византийской империи, о котором в наши дни невозможно представить себе будущее Европы (А.Н. Домановский) и концепции моделирования метаисторического выживания для современного Запада на основе «византийской стратегии», основанной на военно-техническом преимуществе, выгодных политических союзах, умелом использовании наемников и обеспечении политической стабильности (И.-М. Лолан).

² Богословская традиция требует отдельного подробного разбора [см.: Соколов, 2003].

Библиография

Дагрон Ж. Размышления византиниста о Востоке Европы // Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. В 2 кн. / Ред. А.О. Чубарьян. Кн. 2. М., 2003.

Домановский А.Н. Загадки истории. Византия. Харьков, Фолио, 2016.

Ларс Б. Забытая Византия, которая спасла Запад. М., Астрель, 2012.

Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. Москва, АСТ, Хранитель, 2007.

Малер А.М. Идеология византизма // Альманах «Северный Катехон». 2005. №1. С. 5-24. [Электронный

ресурс]. URL: http://www.katehon.ru/html/biblioteka/books/sev_kat_1.htm (Дата доступа: 10.11.2018).

Норвич Дж. История Византии. М., АСТ, 2015.

Соколов И.И. О византизме в церковно-историческом отношении. СПб., Библиополис, 2003.

Czerni K. Nowosielski. Kraków, Społeczny Instytut Wydawniczy Znak, 2006.

Laulan Y.-M. La planète balkanisée. P., Hachette, 1993.

Obolensky D. The Byzantine commonwealth: Eastern Europe, 500-1453. Praeger Publishers, 1971; Crestwood, N.Y. St. Vladimir's Seminary Press, 1982.

Ševčenko I. *Ukraine between East and West*. Edmon-
ton; Toronto, 1996.

ЭТАТИЗМ 30-40 -Х ГОДОВ ХХ ВЕКА: ОЦЕНКИ В.М.ЧЕРНОВА

К.Г. Малыхин

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В статье анализируются воззрения лидера ПСР В.М. Чернова в 20-40-е гг. ХХ в. по проблемам «социокапиталистической» эволюции мировой цивилизации. В.М. Чернов пришел к выводу о возможности признания тоталитарной советской модели, наряду с национал-социалистической и фашистской в качестве особой стадии развития человеческого общества на пути «социокапиталистической» эволюции. В.М. Чернов определил ее как исторически длительную стадию «этатизма». Возникновение новой формации привело к возникновению «нового человека».

Ключевые слова: заграничная делегация, «социокапитализм», Государство-Хозяин, государственный капитализм, бюрократизм, протекционизм.

В Европе в 30-е гг. сложился тоталитарный вариант модели общественного развития, который В.М. Чернов определил как «этатизм». Тенденции развития нацистской Германии, фашистской Италии и большевистской России оказались схожими. Эти общества оказались расколоты на господствующую элиту и подчиненную трудовую массу. Политические свободы были уничтожены. Власть подчинила всю экономику и общественную жизнь. Степень эксплуатации трудящихся всецело зависела от воли правящей бюрократии. Экономика работала не во имя интересов потребителей, а исключительно во имя производства средств производства. Единственным стимулом развития этой общественной модели В.М. Чернов назвал внешнюю угрозу, борьбу с такими же агрессивными «этатическими» государствами. «Этатические» государства сложились как государства агрессивные, милитаристские. Экономическая модель ориентировалась прежде всего на развитие оборонных отраслей. Называть этот строй строем государственного капитализма В.М. Чернов отказался принципиально, т.к. это

было совсем новое историческое явление. Этот новый общественный строй, по мнению В.М. Чернова, мог существовать столетия.

Однако В.М. Чернов обратил внимание, что новый строй не имел внутренних механизмов саморазвития кроме внешней военно-политической конкуренции, что, в свою очередь, порождало одностороннюю милитаристскую направленность развития системы и фактически рано или поздно должно было привести к ее краху.

По мнению В.М. Чернова, социокапиталистическая эволюция привела к формированию такого общественного строя, который являлся своеобразным отрицанием, антитезисом капитализма. В то же время этот новый тоталитарный строй не являлся строем социализма, хотя бы и раннего. Это было нечто новое в истории человеческой цивилизации. Однако, В.М. Чернов не отрицал того положительного значения этого явления, которое заключалось в колоссальном приросте производительных сил, хотя и осуществленном за счет безудержной, тоталитарной эксплуатации народных масс.

Новая общественная формация породила новых людей. Прежнее классовое деление общества утратило всякий смысл. Старые понятия свободы, личного самовыражения, частной собственности исчезли. Новые общества раскололись на бесправную трудящуюся массу и иерархическую правящую элиту. В этом плане этатизм напоминал прежний феодализм. Объем привилегий

зависел от места нового человека в системе правящей иерархии.

В.М. Чернов не прогнозировал тенденции развития этого нового общественного явления, не пытался заглянуть через завесу времени. В то же время, В.М. Чернов был уверен, что рано или поздно движение СССР к гуманистическому социализму, через отрицание «этатизма» неизбежно произойдет.

УТОПИЯ В СТРУКТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ИДЕОКРАТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

А.В. Трухан

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия
(Ростов-на-Дону)

Аннотация. Возрастающий интерес к истории европейской утопической мысли и открытия, сделанные в области «утопиеведения» в XX в., позволяют по-новому взглянуть на историю европейской мысли и определить специфику европейского сознания как сознания идеократического типа. Утопизм выступает важнейшей составляющей европейского проектизма, определяя содержание общественного идеала, в соответствии с которым осуществляется преобразование социальной действительности. В статье определяется источник и содержание общественного идеала европейского идеократического сознания и выводятся из этих определений философско-исторические следствия. Источником общественного идеала являются архетипы коллективного бессознательного, содержание которых манифестируется на рациональном уровне в утопиях. Базовым архетипом, определяющим содержание европейского общественного идеала, является архетип возвращения утраченного рая на земле.

Ключевые слова: утопия, проектизм, парадигмы социального преобразования, европейское идеократическое сознание, архетипы коллективного бессознательного, рациональный и иррациональный уровни общественного сознания.

Возрастающий интерес к утопии в истории европейской мысли открыл в XX в. огромный непознанный пласт европейской культуры и поставил ряд теоретических проблем, имеющих отношение к пониманию природы европейского типа сознания. Определяя темой нашего рассмотрения определение места утопии в структуре европейского идеократического сознания, мы намерены обозначить одну из таких проблем и предложить возможный вариант ее решения. Это – проблема, обусловленная определением утопии как способа обоснования общественного идеала в европейском общественном сознании и, следовательно, – утопизма как существенного признака европейского проектизма. Осознание этого положения, согласно которому утопия является необходимым элементом парадигмы социального преобразования европейского типа сознания, позволят нам

возложить ответственность за появление тоталитарных режимов и тоталитарной социальной практики в мировой истории на европейскую цивилизацию.

Несмотря на разногласия в определении утопии, виднейший отечественный специалист по античной социальной утопии В.А. Гуторов считает возможным сформулировать общеупотребительный смысл понятия «утопия» как «описания вымышленной страны, образца совершенного государственного и общественного устройства, противопоставленного действительности в целях социальной критики и обоснования идеала счастливой жизни» [Гуторов, 1989: 10]. В.Д. Бакулов определяет утопию как «микрокосм» социокультурной сферы жизнедеятельности людей с их устремленностью к социальным идеалам в абсолютной форме их выражения» [Бакулов, 2003: 7]. Эти определения позволя-

ют нам сформулировать тезис об идеократическом характере европейского типа общественного сознания и рассмотреть историю европейской мысли и социально-политической практики как процесс осмысления общественного идеала и преобразования социальной действительности в соответствии с этим идеалом. Формирование утопии в общественном сознании выступает первичным этапом осознания и теоретизации общественного идеала. Таким образом, специфика европейского типа сознания может быть определена через специфику общественного идеала, который определяет целостность европейского общественного сознания и направленность общественной жизни.

Вопрос об источнике и содержании общественного идеала разрешается благодаря пониманию утопии как посредника между иррациональным уровнем общественного сознания (архетипами коллективного бессознательного) и его рациональным уровнем (парадигмами социального преобразования). Утопия выражает в языковой форме базовые архетипы коллективного бессознательного. Э.Я. Баталов выделяет три уровня утопии: 1) литературная и социально-теоретическая утопия; 2) народная утопия; 3) «официальная утопия». В.А. Гуторов отмечает «процесс возникновения теоретической утопии из народной наряду с формированием философии, художественной литературы, политической теории в эпоху культурного переворота, начавшегося в VIII в. до н.э.» [Гуторов, 1989: 15-16]. Такой же процесс можно зафиксировать и при возникновении утопий Ренессанса и Реформации. К. Манхейм противопоставляет утопию и идеологию по тому признаку, что первая открывает дорогу в будущее, а последняя принадлежит прошлому. По классификации Э.Я. Баталова идеологию мы можем определить как «официальную утопию», т.е. утопию, которая сделала свое дело – воплотилась в социальный проект, реализовалась и стала основой государственной политики. Таким образом, история европейской мысли может быть представлена как циклический процесс теоретизации утопического сознания, результатом которой выступает общественный идеал, в соответствии с которым осуществляется последующее преобразование общественной жизни

Остро дискуссионным является вопрос о содержании общественного идеала, который манифестируется в утопии и имеет своим источником архетипы коллективного бессознательного. В нашей постановке проблемы ответ на этот вопрос следует искать в определении содержания базового архетипа европейского идеократического сознания. Мы полагаем, что таковым содержанием выступает как раз то положение, которое подвергает критике В.А. Гуторов, указывая на книгу Р. Пёльмана «История античного коммунизма и социализма», а именно: «Стремление рассматривать утопизм абстрактно (как изначальное свойство психологии «человека вообще», как «архетипическую модель» сознания, порождающего миф о «потерянном рае», или «компенсативный проект» утопии) находит известную параллель у сторонников циклической теории, усматривающих в античных проектах общественных преобразований реакцию на развитие «капиталистических тенденций» по аналогии с коммунистической мыслью эпохи Ренессанса» [Гуторов, 1989: 4]. Мы же в обосновании своего понимания архетипа общественного идеала европейского идеократического сознания укажем на работу «Об общественном идеале» П.И. Новгородцева, в которой автор видит причину кризиса правосознания конца XIX – начала XX вв. в крушении «одной очень старой веры – веры в возможность земного рая» [Новгородцев, 1991: 22]. Эта вера воспроизводится в европейском идеократическом сознании, одухотворяя и объединяя европейские народы в подвиге социального преобразования. Но всякий раз эта вера претерпевает крах, обнажая бесплотность своего идеала мертвящими разочарованиями. Идеал этот имеет универсальное для всех культур основание – память человечества о потерянном рае. Специфика европейского идеократического сознания состоит в том, что только в нем воспроизводится вера в возможность возвращения утраченного рая социально-политическими преобразованиями. Утопия выступает средством актуализации в общественном сознании новых интенций древнего архетипа, побуждая европейского человека подобно Сизифу вновь и вновь поднимать камень своей несбыточной мечты на новую высоту.

Библиография

Бакулов В.Д. Социокультурные метаморфозы утопии. Ростов н/Д, Изд-во Рост. ун-та, 2003.

Гуторов В.А. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. Л., Изд-во Ленинградского университета, 1989.

Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., «Пресса», 1991.

«БОРНЕЙСКОЕ ЦАРСТВО» ИВАНА ТРЕВОГИ

Р.В. Кауркин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Нижний Новгород)

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды представителя русской утопической мысли XVIII в. Ивана Тревоги.

Ключевые слова: Россия XVIII век. Утопическая мысль. Иван Тревога.

В царстве Борнео или Иоании автором предполагалось учредить 13 наместничеств, 130 губерний, 1300 провинций, 13000 уездов, 130000 сел, 1300000 деревень. Данное деление встречается в бумагах И. Тревоги неоднократно, однако есть и другое: «10 королевств, 100 наместничеств, 1000 губерний, 10000 провинций, 100000 уездов, 1000000 сел, 10000000 деревень» [РГАДА: 226 об., 236].

И. Тревога подробно прописывает привилегии предполагаемым подданными: освобождение всех от «всяких податей» и «поборов» на десять лет; вечное дворянство, государственные чины и «орден Провидения Божия» – тому, кто «объявит у себя наличными деньгами до миллиона талантов»; ежегодное «награждение» из казны «по тысяче талантов», чин «штатского заседателя» и возвращение «в десят лет» затраченных сумм тем, кто построит в городе «на свое иждивение» дома и другие строения [РГАДА: 225 – 225 об.].

Наместничества, по мысли автора, должны были обозначаться именами апостолов: второе – Петра, третье – Павла, четвертое – Андрея. Наместничества с шестого по двенадцатое не обозначены именами апостолов, вероятно в силу того, что имена других учеников Христа подразумевались И. Тревогой априори. В представленном перечне обращает на себя внимание тот факт, что под номером первым обозначено «наместничество Сына Божия», а под тринадцатым – «наместничество Иуды Искариота» [РГАДА: 236].

В каждом наместничестве предполагались наместник, патриарх, генералиссимус, генерал-адмирал. Допускался и другой вариант

структурирования системы управления на местах: наместник (наместничество), губернатор (губерния), воевода (провинция), комиссар (уезд), бургомистр (село), ратман (деревня) и соответственно им – митрополит, архиепископ, епископ, архимандрит, игумен, протопоп.

Высший орган исполнительной власти должен был представлять «Царский Совет», в который бы входили «4 генералиссимуса, 4 патриарха, 4 наместника, 4 генерал-адмирала». Помимо этого, органами управления определялись 12 коллегий: «придворная, духовная, военная морская, военная сухопут., иностранная, ученая, штатская, дворянская, купеческая, мещанская, экономическая, сокровищ...»

В изъятых, во время ареста в Париже, бумагах И. Тревоги есть наброски к проекту о престолонаследии и «помазанию на царство». Автор указывает, в каких случаях должно совершаться «помазание царем»: «Цари (не могут – Р.К.) быть много раз на царство помазованы разве случаться с ними следующие обстоятельства (:)

1. Что он желает из (нижскаго) состояния принять (высшее) как то из принса желает быть помазан царем, а из царя императором и проч.

2. Что он по овладении каким нибудь другим царством, или по избранию должен быть помазан царем или владетелем и на оное, или

3. Что он быв уже помазан и некоторым случаем низвергнут с престола а потом опять принимает оной, в тот случай может оной быть помазан» [РГАДА: 233].

Особое внимание вызывает третий пункт. В практике христианского помазания на престол случаи вторичного совершения данного обряда неизвестны. И. Тревога, прописывая это, вероятно, претендовал на «помазание царем» в силу следования выдуманной им легенды о том, что он является «наследным принцем Голкондии».

Не совсем однозначен подход и к системе престолонаследия. Из текста следует, что на царский престол могут претендовать все дети монарха: «...а притом хотя они и считаются принсами крови однак получают чины от нижнего до последнего как и протчия подданные» [РГАДА: 233]. Данное высказывание представляется проекцией позиции к данному вопросу первого российского императора. Это, в частности, подтверждается словами автора, что «...во время его (т.е. царя – Р.К.) владения дети его не могут до государственного правления касаться кроме в той должности какая им от отца поручена» [РГАДА: 233, 233 об.]. Более того, автор, практически в категорической форме, запрещает царям во время их правления возводить «детей своих на престол»; отказываться от престола, если «царь или царица не имеющие пятидесяти лет» – и далее, – «Ежели случится что должно быть избранному царю тогда старой царь пошлет указ...». Если же он умрет, то это право переходит к двенадцати «главным» правителям [РГАДА: 233 об.-234]. На этом проект обрывается.

Однако в бумагах И. Тревоги сохранился черновой набросок неоконченного сочинения, первая глава которого озаглавлена следующим образом: «О свойстве и добродетелях принса, восходящего на престол», который в смысловом значении очень близко предстоит к рассматриваемой теме и вполне мог являться ее составной частью.

Как яркий пример должного правления И. Тревога проводит историю ветхозаветного царя Соломона – в четвертом пункте этого наброска. По его мысли, народ заслуживает такого правителя, каким он является сам. А точнее – правитель становится носителем таких качеств, которые присущи народу, им управляемому. И. Тревога выстраивает следующий взаимозависимый ряд: «ежели народы не справедливы» – «то принс ими предводимый видя то бывает так же... не

справедлив»; «если они скупы» – «делаются и их принсы такиимиже»; «они не любят жалости и добродетели и боль» – «а принцы их... оныя презирают»; «они суть разны(е) мнения о общественном благе и думают толь о своем прибытке» – «...принсы думают что общее благо и их польза суть противны одно другому». И, как бы вынося окончательный приговор неблагодарному народу, автор восклицает, что если они «обвиняют избытие и мир» – то бывают наказаны «угнетающими их податями и войнами» [РГАДА: 244-244 об.]. По мысли И. Тревоги, народ должен нести коллективную ответственность перед Богом за свое поведение. Он отмечает, что, исходя из «состояния народов», Бог одним дарует правителей «по благости», а другим – «по ожесточению». Если первый подход подразумевает божественную заботу о дальнейшем «благополучии народа», то второй – «есть мздой Божию оным». Если проводником благостного Божьего промысла является монарх «премудрый и правосудный», то в противном случае – Господь Бог наказывает народ через правителя, которому «позволяет следовать только своим страстям и своим tenebres», т.е. порокам¹.

И далее автор подчеркивает, что, хотя они оба имеют законную власть, однако один употребляет оную во благо, а другой во зло: «От первого ожидать надобно всех благ и добродетели, а от втораго всех зол и всех пороков» [РГАДА: 243 об.]. Таким образом, от народа зависит не только его собственная историческая судьба, но и судьба тех правителей, которых им дарует Провидение. Выводилась прямая зависимость бытия народа от его веры в Бога и повиновения «даруемой им правящей ими особе». Идеалом просвещенного монарха и мудрого правления для И. Тревоги без сомнения являлась Екатерина II и ее политика – как следует из его многочисленных записей об этом.

Библиография

РГАДА. Ф.7. Оп. 2. Д.2631.

Светлов Л.Б. Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XX. Вып. 4. М., 1961. С. 329.

¹ Л.Б. Светлов переводит «tenebres» как «темные привычки» [см.: Светлов, 1961: 329]. Однако нам представляется перевод этого слова как «пороки» более точным в силу общего смыслового звучания фразы.

«ДУНАЙСКИЙ СОЮЗ»: ПАНСЛАВИСТСКАЯ УТОПИЯ М.П. ПОГОДИНА*

О.О. Завьялова

Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Творческое наследие известного русского историка, писателя и активного общественного деятеля М.П. Погодина охватывало широкий круг актуальных общественно-политических вопросов современной ему жизни. Он являлся не только выразителем консервативной идеологии николаевского царствования, но и одним из первых русских мыслителей, разработавших основные принципы русофильского политического панславизма. В период Крымской войны, Погодин, как и многие славянофильских мыслители, охваченный патриотическим энтузиазмом, создал первый проект объединения все славянских народов под эгидой Российской империи, названный им «Дунайским союзом». Делается вывод о том, что этот проект, представлявший собой интеллектуальную реакцию историка на угрозу территориальной целостности страны, идущую со стороны могущественной европейской коалиции, стал «прототипом» будущих панславистских утопических концепций объединения славян.

Ключевые слова: Российская империя, М.П. Погодин, «Дунайский союз», консерватизм, панславистская утопия, польский вопрос.

В судьбе и творчестве М.П. Погодина – профессора Московского университета, известного русского историка, яркого и неординарного публициста, отразились значимые «вехи» в развитии общественно-политической мысли России XIX в. В его трудах 1830-1840-х гг. концептуальное наполнение получили основные принципы государственной идеологии николаевского царствования – «теории официальной народности» [Ширинянц, 2008]. Будучи одним из выразителей и создателей консервативной триады «Православие. Самодержавие. Народность» свои творческие поиски и преподавательскую деятельность этого периода ученый сосредоточил на обосновании и защите внутриполитического курса императора Николая I и российских внешнеполитических интересов [Русский консерватизм, 2000: 108].

В период Крымской войны дальнейшее развитие в творчестве историка получили идеи славянского единства и взаимности, родства славянских народов на основе общего языка и вероисповедания, миссии России в процессе их культурного и политического объединения, цивилизационной противоположности Запада и Востока, ставшие основой русской панславистской доктрины, имевшей много последователей среди выдающихся русских мыслителей второй половины XIX в. [Данилевский, 1991; Ламанский, 1916].

Если в конце 1830-х – начале 1840-х гг. в период пика могущества политического режима Николая I Погодин, сосредоточив внимание на процессах славянского возрождения в других странах, развивал культурное направление русского панславизма, то в 1850-е гг. на фоне военного конфликта России с передовыми европейскими державами в его творчестве на первый план выходит политическая составляющая славянского объединения на основе создания славянского союза со столицей в Константинополе. Сам Погодин, считал, что этот союз можно назвать «Дунайским, Славянским, Юговосточным, Европейским» [Погодин, 1874: 119]. Проект создания «Дунайского союза» был изложен мыслителем в майской записке 1854 г. «Опасности России». Написанная на пике патриотического подъема весны 1854 года, когда война подступила к границам России и приобрела угрожающий для страны характер, записка содержала в себе план действий, который, по мнению историка, позволил бы империи не только отстоять свои внешнеполитические интересы, но и помочь «народам соплеменным, чающим избавления».

По мнению Погодина, в тяжелых внешнеполитических обстоятельствах, окруженная со всех сторон врагами, когда, как отмечал историк, «все европейцы теперь против нас», Россия должна искать новых союзников в

* Доклад подготовлен в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

лице всех славянских народов, населяющих Австрийскую и Османскую империи. Более того, по замыслу Погодин, именно Россия «по необходимости, по естеству вещей» должны возглавить славянский союз, а русский язык сделаться со временем «общим литературным языком» всех славянских племен [Погодин, 1874: 119-120]. При этом все государства, составляющие союз, «будут управляться сами собою, *conditio, sine qua non*, без малейшего участия прочих, с покровительницею включительно, и только в общих делах относясь к Константинопольскому Сейму и Русскому Императору...» [Погодин, 1874: 120]. Эти положения погодинского проекта представляло собой переплетение славянофильского мессианизма, выражавшегося в вере в спасительную миссию России, ее роли как освободительницы и центра притяжения всего славянского мира, с приоритетом славянских интересов и православных ценностей.

Погодин, противопоставляя «Дунайский союз» как политическое целое всей Западной Европе, подчеркивал естественный характер всеславянского соединения под эгидой Российской империи, обусловленного историей, общей верой и культурными особенностями славянских народов. В проекте создания «Дунайского союза» Царству Польскому как соседнему славянскому государству с развитым национальным самосознанием Погодин уделял большое внимание. В записке «О Польше» он предлагал даровать ей политическую независимость, что, по его мнению, станет для других славянских народов убедительным примером в устремлении России поддерживать «принцип национальностей» и поощрять их самостоятельное политическое развитие [Погодин, 1874: 129-130].

После поражения России в Крымской войне в новых политических условиях историк пересмотрел свое отношение ко многим предложениям, высказанным в разгар войны. Уже в 1857 г. в предисловии к своим «Историко-политическим письмам» Погодин отмечал: «В начале войны я видел исполнение всех своих задушевных мечтаний» [Погодин, 1874: 4]. Масштабный проект создания всеславянского союза, государства которого преодолеют взаимные претензии и будут развивать отношения между собой

на основе конструктивного сотрудничества, стал не только одним из «задушевных мечтаний» историка, но и ярким примером первого панславистского утопического проекта второй половины XIX в.

Развитие идеи всеславянского единения в творчестве военных лет Погодина стало своеобразной интеллектуальной реакцией на угрозу территориальной целостности и независимости страны, идущую извне со стороны могущественной европейской коалиции. Осознав цивилизационную противоположность Востока и Запада, всю степень враждебности Европы по отношению к России, Погодин заложил основы будущих панславистских утопических концепций объединения славян. Но, как и его последователи, историк не обладал той степенью политической дальновидности, которая бы позволила ему не только рассмотреть положительные стороны подобного единения народов, но и предугадать многочисленные проблемы и противоречия, которые могли бы неизбежно возникнуть от соединения пусть и славянских, но все же разнородных элементов. Тем более, что Погодин не отводил никаких даже примерных сроков для осуществления такого сложного объединения, перекраивающего государственные границы и лишаящего Австрийскую и Османскую империю их территорий. Сосредоточившись на противостоянии России и Европы, ученый не принимал во внимание тот факт, что передовые во всех отношениях европейские страны являются мощным центром притяжения для других в том числе и славянских народов, которые станут искать защиты у сильнейшего, на роль которого Россия после поражения в Крымской войне долгое время не могла претендовать.

Библиография

- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
- Ламанский В.И. Три мира Азийско-европейского материка. Пг., Тип. Т-ва А.С. Суворина, 1916. 152 с.
- Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, 1853-1856. М., Тип. В.М. Фриш, 1874. 390 с.
- Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.
- Ширинянц А.А. Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., Русский Мир, 2008. 412 с.

РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ АМАРТИИ СЕНА И ЕГО КРИТИКА УТОПИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Д.В. Балашов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Аннотация. В статье рассматривается подход выдающегося индийского философа и экономиста Амартии Сена к изучению справедливого общественного устройства в настоящем мире, а так же критика возможных ограничений утопического - трансцендентального подхода к изучению указанного вопроса, превалирующего в политической философии со второй половины XX в.

Ключевые слова: справедливость, институционализм, трансцендентализм, трансцендентальный подход, теория общественного выбора, сравнительный подход.

Современность характеризуется расцветом политической философии в деятельности ведущих университетов и исследовательских центров стран Запада. Так было не всегда, и одним из ключевых этапов в указанном процессе стало появление в 1971 г. труда американского политического философа Джона Ролза «Теория справедливости». Практически сразу, в 1973 г. идеи Ролза встретили достойную критику в работе Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия», в которой последний упрекал автора «Теории справедливости» в следовании утопистским идеям, которые невозможно реализовать с задуманным смыслом. «Полезно представить себе, как пещерные люди совместно размышляют, каким во веки веков должно быть лучшее из возможных обществ, а потом приступают к его созданию. Вам не кажется, что за этим занятием смешны не только они, но и мы?» [Нозик, 2016: 383], задаётся вопросом Нозик критикуя утопизм таких авторов как Ролз. Примерно с указанного момента в западном научном сообществе развивается живая дискуссия относительно вопросов справедливого общественного устройства. Фигура Ролза при этом являлась центральной и любые авторы, которые либо пытались развить идеи Ролза либо же вступали с ним в полемику, должны были отталкиваться от «Теории справедливости» Ролза. Автор при этом работал вплоть до конца XX в. и в своих многочисленных статьях и трудах непрерывно отстаивал, развивал и совершенствовал свои взгляды.

Одно из последних фундаментальных исследований по вопросу справедливого общественного устройства было проведено индийским экономистом и философом Амартией Сеном, который большую часть всей

своей жизни жил и работал в Великобритании и США. В свое время Сен даже работал совместно с Ролзом и, по словам Сена, Ролз являлся для него другом, коллегой и учителем [Sen, 2009: 52]. Оригинальное издание Сена «Идея справедливости» – «The Idea of Justice» [Sen, 2009] увидело свет в 2009 г., спустя 7 лет со смерти как самого Джона Ролза, так и непримиримого критика его утопии Роберта Нозика. Удивительно, но в работе Сена сам Роберт Нозик оказался сторонником утопического сознания вместе с Джоном Ролзом, Рональдом Дворкиным, Давидом Готье и другими [Sen, 2009: 8]. И хотя Сен напрямую не употребляет понятие утопии в отношении указанных авторов, своей концепцией трансцендентального институционализма он описывает похожий подход, которому противопоставляет свою теорию сравнительной справедливости, основанную на классической теории общественного выбора и во многом являющуюся реалистической по отношению к абстрактным теоретическим конструкциям вышеназванных авторов.

Какие же основные претензии Сена к теориям Ролза, Нозика и других? Сен приводит несколько основных проблем. Во-первых, считает он, существует проблема конкурирующих оснований любого представления о справедливом. При этом каждое из таких оснований может претендовать на объективность. «Если выявление совершенно справедливого социального устройства неизбежно остается проблематичным, тогда и вся стратегия трансцендентального институционализма представляется глубоко ущербной, даже если бы в мире была доступна каждая мыслимая альтернатива» [Sen, 2009: 11]. Сен наглядно демонстрирует на примере трех детей и флейты, что основания справедливого

у либертарианца, утилитариста и эгалитариста будут совершенно разные при этом каждый из них будет претендовать на универсальность своих воззрений. Сен утверждает, что сам Ролз в своем труде «Право народов» [Rawls, 1999: 137] осознает возникшие трудности и постепенно уходит от занимаемых им позиций универсализма своей теории, но при этом не дает конкретного решения в сложившейся ситуации.

Вторая претензия Сена к трансцендентальному – утопическому подходу заключается в его избыточности. Описывая данную проблему, Сен указывает на то, что в процессе жизнедеятельности человек сталкивается с бесчисленным множеством ситуаций, когда необходимо производить выбор. Индивид может пытаться определять выбор в каждом социальном взаимодействии относительно его близости или напротив отдаленности от трансцендентального идеала, но как утверждает Сен такой подход будет крайне затруднительным и ресурсоемким в связи с тем, что все предметы различаются между собой в разных отношениях, и нет какой-то установленной шкалы соотносимости. При этом инструментальная теория общественного выбора, поддерживаемая Сеном, позволяет выработать практику правильных социальных решений, не пытаясь при этом соответствовать какому-то утопическому идеалу.

Далее, говоря о проблемах трансцендентальных теорий, Сен, ссылаясь на работу Томаса Нагеля [Nagel, 2005: 115], утверждает, что глобальная справедливость не считается заслуживающим внимание предметом, поскольку проработанные институциональные требования, необходимые для справедливого мира, в наше время реализовать на глобальном уровне невозможно [Sen, 2016: 25]. Тем самым, чтобы не тратить силы на концентрацию на чём-то недостижимом Сен предлагает сосредоточить внимание на тех реальных проблемах, которые существуют в нашем обществе. Проблема достижимости трансцендентальных конструкций, таким образом, будет являться третьим, пусть и вполне банальным, вызовом, который Сен ставит перед утопизмом.

Библиография

- Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М., ИРИСЭН, Социум, 2016.
- Ролз Дж. Теория справедливости. М., УРСС: ЛЕНАНД, 2017.
- Nagel T. The Problem of Global Justice // Philosophy and Public Affairs. 2005. Vol. 33. №2.
- Rawls J. The Law of Peoples. Cambridge, Harvard University Press, 1999.
- Sen A. Development as Freedom // New York, Oxford University Press, 1999.
- Sen A. The idea of justice // The Belknap Press (Harvard University Press), 2009.

ИДЕАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЖ. КОЭНА: В ЗАЩИТУ УТОПИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

С.В. Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Аннотация. Традиционно теорию справедливости Ролза критиковали за излишний акцент на её идеальной части как форме утопизма. Дж. Коэн же, напротив, критикует Ролза за конструктивизм и утверждает, что фундаментальные нормативные принципы справедливости отнюдь не ограничены пределами человеческой природы. Он отстаивает тезис, что понятие справедливости не зависит от политической осуществимости. Эта позиция, поддержанная Эстlundом, защищает идеальную теорию справедливости как важную часть современной политической мысли.

Ключевые слова: Ролз, идеальная теория справедливости, Дж. Коэн, утопизм, осуществимость.

«Теория справедливости» Ролза [Ролз, 1995] по праву считается одной из наиболее значительных политико-философских работ современности и закономерно является объектом пристального внимания и критики. Большая часть критиковавших её авторов

обвиняют Ролза в излишнем акценте на идеальную теорию справедливости, отбрасывающую многие социальные и политические факты как несущественные. Итогом такой идеализации, по их мнению, становится утопическая теория справедливости, пригодная

для идеальных моральных агентов, но никак не для реальных обществ.

Радикально иную критику теории Ролза предлагает Джеральд Коэн [Cohen, 2008]: он утверждает, что основная проблема принципов справедливости, выбранных за вуалью неведения, заключается в их опоре на ценности, не связанные со справедливостью напрямую. Конструктивистский подход «Теории справедливости» направлен на выработку принципов регулирования, а не поиск фундаментальных принципов справедливости [Cohen, 2008: 275]. Данное различие Коэн иллюстрирует на примере принципа «мы должны выполнять наши обещания». Этот принцип опирается на тот факт, что выполнение обещаний позволяет людям успешнее планировать и достигать своих целей. Этот факт, в свою очередь, значим для нас только в случае принятия принципа «мы должны помогать людям в достижении их целей». Коэн утверждает, что цепочка фактов, конституирующих принципы, и принципов, поддерживающих значимость этих фактов, не будет бесконечной и рано или поздно дойдет до фундаментальных нормативных принципов, не основанных на факте, а априорно принимаемых людьми [Cohen, 2008: 238].

Принцип справедливости должен быть именно таким фундаментальным нормативным принципом, не нуждающимся в опоре на факты и принимаемым независимо от истинности этих фактов. Он должен задавать требования поведения, а не исходить из предпосылки человеческой порочности. Коэн задается вопросом, почему справедливость должна быть ограничена пределами ныне существующей природы человека или историческим характером общества. Разве не должна справедливость как таковая оставаться неизменной, даже если конкретные люди сами по себе несовершенны? Если люди логически могут поступать справедливо, но не желают реализовывать это на практике, эта проблема относится не к принципу справедливости, а к природе людей. Идеал справедливости по Коэну может быть недостижимой утопией, но не перестает быть идеалом из-за сво-

ей неосуществимости. В конце концов, если именно человеческая неспособность следовать принципу справедливости лишает его нормативной силы, то мы должны признать, что появление такой возможности, породит необходимость следовать этому принципу.

Серьезные аргументы в поддержку идеальной теории справедливости были предложены Дэвидом Эстлундом [Estlund, 2011; 2014]. Он соглашается, что никакой принцип справедливости не должен быть ограничен мотивационными способностями людей независимо от его конкретного содержания. Даже если природа людей не позволяет им полностью соответствовать принципу справедливости, необходимо их правильно к этому стимулировать, в чем, собственно, и состоит задача социальных институтов общества. Более того, даже если некий принцип справедливости предполагает, что большинство не будет его соблюдать, это ещё не значит, что мы не должны его обсуждать и считать справедливым. Так, например, в отношении лени мы предполагаем, что эта безусловно отрицательная склонность людей, хотя и присуща отчасти человеческой природе, не является тем не менее врожденным и неустранимым пороком: от нее вполне возможно воздерживаться, а путем воспитания и самоограничения можно свести ее влияние к минимуму. Многие эволюционно-обусловленные «склонности» человека, помогавшие ему выживать ранее (вроде жестокости), в современном обществе считаются несправедливыми и социально ограничиваются. Задача политической теории в таком случае заключается в том числе и в выявлении недостижимых идеалов справедливости.

Библиография

- Cohen G. *Rescuing Justice and Equality*. Cambridge: Harvard University Press, 2008. 430 pp.
- Estlund D. *Human Nature and the Limits (If Any) of Political Philosophy* // *Philosophy and Public Affairs*. 2011. Vol. 39. № 3. pp. 207-237.
- Estlund D. *Utopophobia* // *Philosophy and Public Affairs*. 2014. Vol. 42. № 2. pp. 113-134.
- Ролз Дж. *Теория справедливости*. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 514 с.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ УТОПИЯ Р. РОРТИ

Е.А. Боднар

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В этой статье анализируется концепция «Либеральной утопии» Ричарда Рорти, основной предпосылкой которой является понимание истины не как открываемой, а как создаваемой людьми. Таким образом мы не можем найти абсолютное основание человеческой нравственности, но можем найти то, что объединяет нас всех. Таковыми являются боль и страдание. Наши убеждения являются случайными, а потому единственный выход – расширение нашего окончательного словаря, которое возможно благодаря получению знаний о других и о самих себе. Расширяя свой словарь, мы можем все реже проводить границу между «мы» и «они» и солидаризироваться.

Ключевые слова: ирония, истина, либеральный иронизм, случайность, солидарность, унижение, утопия.

Мы привыкли понимать под утопией цельное изображение идеального общественного уклада. Как пишет Е. Шацкий «...значительная часть утопической литературы склонялась к созданию замкнутой системы хорошего общества, из которой нельзя ничего убрать и к которой нельзя ничего добавить» [Шацкий, 1990: 43]. При таком раскладе человечеству предоставляется схема развития, набор необходимых потребностей и возможностей и предлагается отправиться в путь к достижению этого идеала.

Американским философом Ричардом Рорти была предпринята попытка пойти другим путем, который бы соответствовал современному положению как культурной, так и политической сфер. На вопрос о том, чем же отличается сегодняшняя ситуация от той, что была ранее, и когда случился этот перелом, Рорти отвечает, что перемены произошли 200 лет назад и затронули всю интеллектуальную жизнь Европы. Смысл этого изменения можно свести к одному тезису: произошло понимание, что истина скорее создается, чем понимается. Изменяется и понимание нравственного прогресса «не как постепенного преодоления эгоизма с помощью разума, а как постепенное расширение нашей способности симпатизировать и доверять» [Рорти, 1996: 8]. Ключом к осуществлению этого развития является воображение, с помощью которого мы можем поставить себя на место другого, непохожего на нас. В соответствии с этим, и искусство, в любом его понимании, больше не является лишь отображением реальности, а становится делом самосозидания.

В своей утопии Рорти предполагает, что центральное место в культурной сфере те-

перь занимают искусство и литература, которые пришли на смену науке, а та, в свою очередь, когда-то сменила религию. Именно поэтому роман в большей степени играет роль в нравственном формировании, чем философский трактат в духе Канта или моральная проповедь.

Ключевой фигурой утопии Рорти является либеральный ироник – личность, обладающая воображением, которая позволяет ему понимать других, признающая случайность языка, а следовательно, и случайность убеждений, желаний, и считающая худшим из возможного – быть жестоким. «Либеральные ироники – это люди, которые, помимо этих необосновываемых желаний, имеют свою собственную надежду на то, что страдание будет сведено к минимуму, что унижение одних людей другими можно прекратить», – пишет Рорти [Рорти, 1996: 19].

Предвосхищая один из самых популярных вопросов, когда речь заходит о поступках человека, Рорти говорит, что у него нет рабочей схемы в виде замкнутого круга, который бы объяснял, почему жестокость – это плохо. Впрочем, такой схемы нет и не было ни у одного из мыслителей, посвятивших этой проблеме не одну сотню работ. Единственной отправной точкой в этой утопии становятся чувства боли и страдания. Возможность быть подвергнутым унижению – вот какую основную характеристику дает Рорти нравственному субъекту. Осознание этой объединяющей черты зависит от того, насколько полно и достоверно мы опишем чуждых нам людей и от того, как мы опишем самих себя. Именно эти описания позволяют нам воспринимать «их» не как чужих, а как «нас». Кто-то может жить

на другом конце земного шара, говорить на неизвестном мне языке и верить в другого бога, но он все равно будет одним из нас, потому что испытывает или уже испытал боль и унижение.

Помочь нам в понимании другого должно искусство, и в первую очередь, литература. И хотя Рорти разводит два «вида» литературы, одна из которых направлена на самосозидание (приватная; «Лолита» Набокова), а другая на борьбу с несправедливостями (публичная; «1984» Оруэлла), но считает, что они обе трудятся на благое дело, хотя и с разных позиций. Эти две позиции нельзя выстроить в иерархию, каждая из них имеет право на абсолютную автономность. Мы не можем упрекнуть художника, стремящегося к собственному совершенствованию, в его нежелании писать о несправедливостях, потому что благодаря ему, мы можем увидеть себя и получить представления о том, на какую жестокость способны сами.

Понимание себя и понимание других, как «таких же, как и я», возможно благодаря нашему проективному словарю, который в каждый конкретный момент времени, тем не менее, является окончательным, так как выражает собой некоторую целостность. Окончательный словарь по Рорти – это и дискурс

всей моей жизни, и научная теория, и способ мышления. Но словарь постоянно изменяется и обогащается, позволяя включить в себя элементы словарей и других людей. Чем лучше я понимаю словарь другого, тем лучше я понимаю его боль, тем ближе он к категории «один из нас».

Таким образом, в утопии Рорти основным компонентом, способным объединить общество, является стремление к солидарности, которое порождено чувством боли и унижения, знакомое каждому вне зависимости от его материального состояния, уровня образования, места жительства и от его конечного словаря. Все наши качества, убеждения и роли формируются случайно, и лишь страдание остается объединяющей характеристикой всех людей. Именно благодаря ей, как считает Рорти, мы можем постепенно перестать разделять все человеческие существа на «нас» и «других», на «своих» и «чужих».

Библиография

Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Перевод с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М., Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.

Шацкий Е. Утопия и традиция / Пер. с польск.; Общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М., Прогресс, 1990. 456 с.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ КОНЦА XI – НАЧАЛА XIII ВВ.: УТОПИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Н.Д. Николаева

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В статье рассмотрена система функционирования утопического аспекта византийской политической идеи в кризисный для империи период. Предпринята попытка анализа эффективности форм существования византийской политической утопии.

Ключевые слова: византийская политическая идея, крестовые походы, кризис, современная Россия.

В российской культуре и науке существует очевидная закономерность: в кризисные, поворотные моменты совершенно точно встает вопрос об отношении к византийскому наследию. В России сегодняшней подобное положение также имеет место, что является давно доказанным фактом. Небезынтересен, в этой связи, факт апеллирования к византийскому духовно-культурному наследию как в ретроспективе, так и в перспективе – к

очевидно утопическим идеям о России как о единственно возможной претендентке на роль лидера в идеологическом противостоянии Западу [Россия как государство-цивилизация, 2016: 147]. Вопрос правомерности апеллирования к столь давней истории мы оставим за рамками этой статьи, но обратимся к системе функционирования утопической составляющей византийской политической идеи в кризисный для империи период

и осуществим попытку анализа эффективности ее использования для политики и идеологии в вышеозначенных условиях.

Средневековой византийской политической идее всегда были присущи два взаимосвязанных аспекта – шовинистический и утопический, формировавшиеся на протяжении столетий преимущественно в русле религиозно-политического соперничества с Римом и странами западного христианства. Столица империи, Константинополь, была для ромеев своеобразным метасимволом, сила которого не ослабевала как раз-таки благодаря шовинизму и утопии. Первого – как системы восприятия мира «иног», не ромейского как варварского; второго – как системы восприятия столицы в качестве априорно несокрушимого, вечного города и живущей веками идеи о воссоздании Римской империи во главе с Константинополем. Конец XI – начало XIII вв. были для Византии кризисным периодом, в связи с чем перед византийскими властями встал вопрос о совмещении политической стратегии и идеологического аспекта, вошедших к этому времени в диссонанс.

На время Первого крестового похода (1096-1099 гг.) приходится ослабление Византии борьбой с турками-сельджуками, для противостояния которым император Алексей Комнин просил помощи у Запада. Несмотря на это, дочь императора, византийская принцесса Анна Комнина в «Алексиаде» характеризует рыцарей Первого крестового похода весьма красноречиво: они «варвары, жаждущие наживы, [...] племя латинян» [Анна Комнина, 1965: 275]. В противовес миру крестоносному греческая сторона представлена прямо противоположно: греки – «ромей»; Константинополь – «царствующий град»; византийский император – «великий самодержец» [Анна Комнина, 1965: 278]. Однако вразрез с концепцией классической византийской политической идеи идет сообщение о подготовке Алексея Комнина к предполагаемому проходу крестоносцев через территорию империи, также описанного Анной. Крестоносцев необходимо было «дружелюбно встретить, в изобилии поместить на их пути запасы продовольствия, [но] следовать и наблюдать за варварами, и если они станут грабить [...], обстреливать их и отгонять» [Анна Комнина, 1965: 281]. При этом красноречиво

выглядят гиперболы типа: «их [крестоносцев] было больше, чем песка на берегу и звезд на небе» [Анна Комнина, 1965: 276]. Иными словами, через все описание Первого крестового похода прослеживается дихотомия: идея о Константинополе – вечном городе, центре мироздания и презрение перед варварами переплетаются с осознанием военного превосходства последних.

Аналогичное положение наблюдается и в XII в. Император Мануил Комнин, вновь обратившийся к утопической идее воссоздания Римской империи с Константинополем во главе («Ромеи осыпали его насмешками за то, что он по самолюбию питает несбыточные желания» [Никита Хониат, 2003]) и при этом остро нуждающийся в поддержке против норманнской угрозы на юго-востоке страны, обращается к Римской курии. В 1169 г. Мануил предлагает Папе Римскому Александру III стать патриархом Рима и Константинополя, при условии того, что «корона римской империи от апостольского престола отдана была бы Мануилу» [Лопарев, 1907: 339]. Очевидно, что подобные действия императора дальше слов не продвинулись, встретив негатив со стороны византийского духовенства и отказ со стороны Папства. Таким образом, попытка Мануила свести воедино утопические идеи и реальный политический интерес успехом не увенчалась. Тем более, этот синтез был не жизнеспособным ввиду того, что империя продолжала испытывать страх перед миром Запада. Иерусалимский поход, осуществляемый в рамках Второго крестового похода (1147-1149 гг.), предполагал проход войск германского императора Конрада через Константинополь. Император Мануил распорядился во всем помогать войску, но он опасался «чтобы в овечьей коже не пришли волки» [Никита Хониат, 2003]. Мануил Комнин, по словам Никиты Хониата, «знал, что ромейские войска не в силах устоять против войск западных, они, в сравнении с ними, что горшки в сравнении с котлами», [в связи с чем] жителей Венеции, Генуи, Пизы и Анконы [...] он старался привлечь знаками дружелюбия и с предупредительностью давал им приют в царственном городе» [Никита Хониат, 2003].

В период рокового Четвертого крестового похода (1202-1204 гг.), когда страх перед Западом получил реальное воплощение, глав-

ный византийский историк того времени Никита Хониат по-прежнему характеризует латинян как «грязную банду», «племя», имеющее «плоские потребности» [Никита Хониат, 2003]. Но даже столкнувшись с неоспоримым фактом захвата и разрушения Константинополя – «града Царя великого, жилища Вышнего, царя городов царствующих, светлости светлостей» [Никита Хониат, 2003], Хониат продолжает лелеять идею о его несокрушимости: «Когда мы увидим тебя не таким, как теперь, – равниною ничтожества и долиною плача, но вознесенным и прославленным, благоговейно чтимым [...]?» [Никита Хониат, 2003].

Подводя итоги, следует отметить, что утопический аспект византийской политической идеи, существовавший в виде представлений о несокрушимости Константинополя и надежд императоров на воссоздание Римской империи, в кризисный период претерпел изменения. Если первая идея была жива и заставляла греков бороться за восстановление Византии во имя великого будущего и памяти о прошлом, выполняя главную цель утопии;

вторая идея уже отжила свой век ввиду своей древности. Когда к ней в VI в. обращался император Юстиниан, это еще была относительно «живая» история, когда же к ней, спустя восемь веков после раскола Римской империи обратился Мануил, это вызвало насмешки и негатив в светском обществе и церковных кругах. Иными словами, апеллируя к истории, будь она византийской или российской, в первую очередь, стоит обращать внимание на возможность ее актуализации и действительно учиться на ошибках прошлого, а не повторять их на более высоком уровне.

Библиография

- Анна Комнина. Алексиада. М., 1965. 688 с.
 Лопарев Х.М. Об униатстве Мануила Комнина // Византийский временник. Спб., 1907. Том XIV. Выпуск 2-3. С. 334-357.
 Никита Хониат. История. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Xoniat/> (Дата обращения: 13.11.2018).
 Россия как государство-цивилизация: общие цели и альтернативы развития / Отв. ред. В.Н. Расторгуев и др. М., 2016. 400 с.

КОНЦЕПЦИЯ «HISPANIDAD» КАК ПРОЕКТ ИДЕАЛЬНОГО ИСПАНСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

А.Д. Тумин

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Статья посвящена исследованию культурологического контекста появления и распространения концепции «Hispanidad» олицетворяющей идеальный, утопический образ устройства испанского государства, сохраняющего свои вековые основы общественного устройства.

Ключевые слова: «Hispanidad», «Gremialismo», Испания «Золотого века», абсолютные нравственные ценности, атомизация общества.

Концепция испанского культурного национализма «Hispanidad» была разработана лидером испанских консерваторов времен Второй республики Р. де Маэсту в 1934 г. В целом идеология «Hispanidad» основывалась на идее сохранения идеализируемого Р. де Маэсту традиционного испанского патриархального уклада. «Hispanidad» – это национальный идеал, идеальный образ испанского средневековья. Согласно словарю испанской королевской академии, синонимичными понятию «Hispanidad», являются такие концепты как «el espanolismo», «el hispanismo», «la espanolidad» (испанская национальная идея).

В чем же, согласно Р. де Маэсту, заключается идеальный испанский традиционный уклад общества? В восстановлении общественного уклада теократической испанской империи XVI-XVII вв., Испании «Золотого века», основанного, в первую очередь, на защите государством католических устоев жизни, восстановлении системы средневековых профессиональных гильдий «gremialismo», что должно было бы нивелировать нарастающую атомизацию в буржуазных обществах, современной Р. де Маэсту, Западной Европе и росте политического значения «рыцарей Hispanidad» – испанских вооруженных сил, т.к.

именно офицерство или «настоящая аристократия современности» способна, согласно Рамиро де Маэсту, защитить устои испанского общества [Тертарян, 1973: 7]. Девизом «Hispanidad» Маэсту выбрал национальный девиз Испанской империи XVI в. «Бог, родина, король», а также важное значение испанский философ придавал своему принципу, выражающемуся в единстве служения, иерархии и братства. Таким образом, утверждение идеологии «Hispanidad» – это восстановление идеалов Испанской империи XVI в. Р. де Маэсту считал нелепым принятие политической стратегии руководителями Второй испанской республики, направленной на либерализацию и секуляризацию испанского общества.

Рамиро де Маэсту главным доказательством своих слов считал то, что после утверждения Второй испанской республики в апреле 1931 г. экономическая и политическая ситуация в стране отличалась крайней нестабильностью [Morales Moya, 2006: 1032]. Политика Второй республики по радикальной секуляризации испанского общества привела к погромам испанскими анархистами церквей и монастырей, что вызывало сильное недовольство граждан Испании, придерживающихся католических устоев жизни и идеалы, на которых основывалась «Hispanidad».

В чем же заключалась опасность секуляризации испанского общества, согласно Р. де Маэсту? Она заключается в том, что согласно Маэсту секуляризация обществ стран Западной Европы является главной причиной значительного роста уровня преступности, высокому проценту разводов и сохраняющемуся экономическому и политическому кризису, из-за чего, по мнению Р. де Маэсту, в Соединенных Штатах Америки 1930-х гг. XX в. получали распространение идеи установления в стране фашистского диктаторского политического режима, который восстановит жесткую социальную дисциплину. Но согласно Маэсту, установление фашистского режима противоречит человеческому естеству: «В груди каждого человека “написано”, что практика добрых дел требует свободы, а не тюрем и оков, которые настраивают человека на совершение зла» [de Maeztu, 1932: 457]. Секуляризация стран Западной Европы, согласно Маэсту, состоит в том, что она стала причиной отказа признания фак-

та существования «объективных моральных ценностей», основанных на идее христианского коллективного спасения, взамен этого получила распространение протестантская концепция индивидуального отмаливания грехов, что привело к распространению индивидуализма и атомизации обществ стран Западной Европы XIX-XX вв.

Согласно Р. де Маэсту, таким образом представления о кардинальной разнице понятий добра и зла, на основе которых поступки людей делятся на хорошие и плохие, теряют смысл из-за того, что у каждого человека свои субъективные критерии добра и зла. Это всего лишь слова, которыми люди сублимируют свои личные симпатии и личные антипатии. Ничто не является абсолютным, все относительно. По мнению испанского философа, отказ от веры в эти ценности вызван распространением концепции «морального утилитаризма» Бертрана Рассела. Современный человек не верит в существование абсолютных моральных ценностей, т.к. моральные нормы относительны. На основе этих рассуждений Рамиро де Маэсту пришел к выводу, что секуляризация – это основная причина роста преступности и нестабильности в обществах стран Западной Европы. Именно поэтому необходимо отказаться от секуляризации и восстановить роль церкви как защитницы этих христианских идеалов, что являются одной из основных столпов идеологии «Hispanidad» [Кулешова, 1979: 109].

При этом Р. де Маэсту оправдывал утверждения и действия испанской инквизиции тем, что последующая за этим высылка евреев и мавров была вызвана не ксенофобией испанцев, а являлась следствием утверждения теократического государства – Испанской империи в 1492 г. Утверждение трибунала инквизиции было связано с его функцией идеологического цензора испанского теократического государства в течение XVI-XVII вв. и также вызвано необходимостью обеспечить полное доминирование подданных католиков в стране. Таким образом, Испанская империя XVI в. – Испания «Золотого века» – являлась для Рамиро де Маэсту реальным воплощением государства, которое строилось на принципах «Hispanidad» и значение которые необходимо восстановить для будущего процветания испанского государства.

Библиография

Кулешова В.В. Проблема Испании в полемической публицистике Рамиро де Маэсту 1896-1936 годов // Проблемы испанской истории. М., 1979. С. 106-134.

Тертерян И.А. Испытание историей. М., 1973.

Morales Moya A., Fusi Aizpurua J.P., de Blas Guerrero A. La historia de la nacion y del nacionalismo espanol. Galaxia Gutenberg / Circulo de Lectores, 2006.

de Maeztu R. La defensa de la Hispanidad // Accion Espanola. tomo I, número 5, Madrid, 16 de febrero de 1932. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.filosofia.org/hem/193/acc/e05449.htm> (Дата доступа: 10.11.2018).

ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ВЕНЕЦИИ И СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ НИДЕРЛАНДОВ ВО ВЗГЛЯДАХ ДЖ. ГАРРИНГТОНА

П.Ю. Князев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

Аннотация. В докладе проанализировано отражение политического устройства Республики Соединенных провинций Нидерландов и Венецианской республики в сочинениях английского публициста и мыслителя Джеймса Гаррингтона (1611-1677). Докладчик рассматривает источники представлений мыслителя об этих странах, критику их устройства, а также роль опыта континентальных республик в конституционных проектах Гаррингтона и в конструировании образа идеального государства.

Ключевые слова. Джеймс Гаррингтон, «Республика Океания», республиканизм, Нидерланды, Венеция, Англия.

Период Английской революции XVII в. характеризуется расцветом республиканской политической мысли. На развитие последней оказывали влияние не только античные образцы, но и пример современных англичанам XVII в. республик, располагавшихся в пределах континентальной Европы. Особое внимание мыслители и публицисты уделяли государствам, расположенным в Нидерландах и Италии, например, Республике Соединенных провинций и Венеции [Wootton, 1994: 345-347].

В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть особенности рецепции устройства этих государств в «Республике Океания» (1656 г.) и других сочинениях английского публициста, мыслителя и политического деятеля Джеймса Гаррингтона (1611-1677). Будут проанализированы особенности восприятия Гаррингтоном т.н. «венецианского мифа», а также анализ мыслителем опыта государственного строительства в Северных Нидерландах в период раннего Нового времени. Докладчик сравнит отношение мыслителя к развитию этих стран, а также проведет параллели с отображением республик континентальной Европы в произведениях публицистов-современников Гаррингтона, в том числе полемизировавших с ним.

Мыслитель был хорошо знаком с политическим устройством европейских государств, в особенности, Нидерландов и Венеции [Scott, 2004: 20-24]. Личный опыт и изучение доступной литературы дали мыслителю возможность использовать примеры этих республик для создания его собственного конституционного проекта. В докладе предполагается проследить влияние на автора идей венецианского государственного деятеля Гаспаро Контарини (1487-1542), автора влиятельного трактата «О магистратах и устройстве Венецианской республики», а также флорентийского историка и политического деятеля Донато Джаннотти (1492-1573), посвятившего ряд своих трудов Венеции. Последнего Гаррингтон называл «человеком, лучше всех описавшим принципы политического устройства Венецианской республики» [Harrington, 1771: 35]. Вышеупомянутые итальянские мыслители способствовали распространению так называемого «венецианского мифа», представлений об оптимальном государственном строе, сложившемся на территории республики.

Как на страницах «Республики Океания», так и в других работах Гаррингтон обращает внимание на взаимодействие различных элементов политической структуры – Большого

Совета, Сената и Совета Десяти, а также важность выборных процедур [Harrington, 1771: 100-115]. Гаррингтон отмечал, что устройство Венеции обеспечило республике долговечное существование, а также способность государства сохранить политическую стабильность на протяжении почти тысячелетнего периода, которая могла стать примером для других стран. «Если бы мне пришлось дать совет человеку, который хотел бы изучить политику, я бы предложил ему понять политическое устройство Венеции», – писал англичанин [Harrington, 1771: 292].

Тем не менее, мыслителя нельзя отнести к числу авторов, идеализировавших устройство Адриатической республики. Так, Венеция не была застрахована от угрозы измены и политических интриг. Опыт их устранения повлиял на концепцию Гаррингтона [Harrington, 1771: 291]. Гаррингтон считал опасной опорой республики на наемные войска, которые считал недостаточно надежными [Harrington, 1771: 174]. Он отмечал нежелательность для этого государства чрезмерной территориальной экспансии, полагая, что республика не может контролировать непропорционально большие территории [Harrington, 1771: 178]. В качестве примера непрочности влияния Венеции на подчиненных ей территориях Гаррингтон приводил последствия битвы при Аньяделло – одной из главных битв Войны Камбрейской лиги, которая была проиграна Венецией [Harrington, 1771: 138].

Обращаясь Гаррингтон и к истории Соединенных провинций. С точки зрения публициста, восставшие в XVI в. против испанского короля нидерландские провинции произвели «восстановление народного правления», создав таким образом республику [Harrington, 1771: 267]. Судя по всему, эти представления мыслителя сложились под влиянием значимого как в Соединенных провинциях, так и за их пределами «батавского мифа», политической концепции о восстановлении нидерландцами «древних свобод» (якобы унаследованных от народа батавов, которых данная концепция отождествляла с предками голландцев) в ходе обретения независимости от Испании [Schöffner, 1976: 78-81].

Государственной устройством Соединенных провинций Нидерландов было пред-

ставлено Гаррингтоном как далекое от идеала. К числу негативных особенностей Республики относилась реально существовавшая в Нидерландах децентрализованная система управления страной, при которой угрожающих масштабов мог достичь партикуляризм отдельных провинций и городов. При анализе устройства Нидерландов Гаррингтон в основном опирался на опыт самой богатой и влиятельной в политическом плане провинции Республики – Голландии.

Причинами процветания провинции современники называли рост торговли и мануфактурного производства. Нехватка земли и природных ресурсов, а также особое значение посреднической торговли усиливали зависимость Голландии от других стран и провинций, что угрожало их безопасности и стабильности (Гаррингтон был свидетелем принятия в 1651 г. англичанами первого Навигационного акта, который нанес сильный ущерб экономике Нидерландов [Wilson, 1978: 57-59]). Голландия играла важную роль в сравнительных построениях мыслителя, однако англичанин полагал, что отстаиваемый им принцип зависимости формы правления от характера распределения собственности проявлялся в провинции по-другому, нежели в Англии. Нехватка земли, а также высокая степень урбанизации делали Голландию мало похожей на родину мыслителя, поэтому ее опыт публицист считал недостаточно подходящим для Англии [Harrington, 1771: 97].

Подводя итог, стоит отметить, что опыт современных Гаррингтону европейских республик (Венеции и Нидерландов) играл важную роль как в становлении его политической концепции в целом, так и в создании образа «Океании» в частности. Опыт зарубежных стран представлял важный материал для сравнения и анализа. Тем не менее, Гаррингтон, в отличие от многих современников, не был склонен идеализировать устройство республик, отмечая их недостатки. Гаррингтон испытал сильное влияние «венетического» и «батавского» мифов, однако воспринимал устройство континентальных республик критически, учитывая не только позитивный, но и негативный опыт их развития при создании образа идеального государства.

Библиография

Harrington J. *The Oceana and Other Works of James Harrington, with an Account of His Life by John Toland*. London, Becket and Cadell, 1771.

Schöffer I. *The Batavian Myth during the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Britain and the Netherlands*. Ed. by J.S. Bromley and E.H. Kossmann. Dordrecht, Springer Netherlands, 1976. P. 78-102.

Scott J. *Commonwealth Principles: Republican Writing of the English Revolution*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007.

Wilson Ch. *Profit and Power: A Study of England and the Dutch Wars*. The Hague, M. Nijhoff, 1978.

Wootton D. *Ulysses Bound? Venice and the Idea of Liberty from Howell to Hume // Republicanism, Liberty, and Commercial Society, 1649-1776*. Ed. by D. Wootton. Stanford, Stanford University Press, 1994. P. 341-368.

ANARCHO-UTOPIAN VIEWS OF PETER KROPOTKIN

Sergey V. Saytanov

Independent historic (Moscow)

Abstract. Peter Kropotkin, being one of the founders and theorists of classical anarchism, at the same time created and tried to found within it his own utopian theory of building a “paradise on earth”. This makes it possible to single out the actual period of anarcho-utopism in the socio-political views of Kropotkin.

Key word: Peter Kropotkin, anarcho-utopian, social-political views.

When in the late XIX – early XX centuries anti-state ideas became especially popular, Peter Kropotkin created his own anarchist theory of social development [Saytanov, 2014]. In its completed form, it was developed by Kropotkin, primarily in the work “The State and Its Role in History” (1897) [Kropotkin, 1897: 48], which later became part of the well-known work *Modern Science and Anarchism*, and in the book *Mutual Assistance as a Factor of Evolution* (1902) [Kropotkin, 1902]. At the same time, Kropotkin was always convinced that it was impossible to determine in advance precisely, in all details the course of the future evolution of society. “Life will break any conceptual scheme”, he spoke about this as early as 1873 in the program he created for the Tchaikovsky Circle [Markin, 1992: 42].

A great place in this theory, Peter Kropotkin devoted to the problem of mutual influence of the State and society. In accordance with Kropotkin’s anarchic views, “society ... is based on the consciousness – at least instinctive – of human solidarity, mutual dependence of people. It is based on the unconscious and half-conscious recognition of the power borrowed by each person from the common practice of mutual aid; on the close dependence of the happiness of each person on the happiness of all” [Kropotkin, 1907: 7].

At the same time, in his book “Notes of a Revolutionary”, published in 1902, Peter Kropotkin gives a detailed description of the future anar-

chic society [Kropotkin, 1990]. In addition, arguing about the principles of its construction, Kropotkin gradually concludes that nature is a model for building a society on the principles of anarchy. This is because nature, according to Kropotkin, is based on the close intertwining of many relationships and dependencies. In the same way, according to Kropotkin, a human society can also be built [Kropotkin, 2001].

Therefore, Peter Kropotkin defines the future of an anarchic society as “a society that seeks harmony in a constantly changing balance between a multitude of diverse forces and influences. Moreover each follows its own path and together with this opportunity, freely manifest and mutually balance and serve as the best guarantee progress, giving people the opportunity to express their energy in this direction. This society is self-organizing, self-regulating, self-governing” [Kropotkin, 1917: 29].

At the same time, according to Peter Kropotkin, the most important condition for the existence of an ideal anarchic society is complete freedom and decentralization, both economic and political, which will determine the continuous development of society. Taking the principle of anti-scientism as a basis, Kropotkin leaves at the base of his anarchist doctrine eternal values of a just social order, where a self-organizing society or a society of harmony is a very important element of his anarchism.

At the same time, according to Kropotkin, “realistic descriptions should be subordinated to an idealistic goal ...” [Kropotkin, 1917: 93].

In this period of his life, the scientist Peter Kropotkin argued that “true science and true art cannot be opposed to each other: they are always in agreement” [Kropotkin, 1907: 158]. Is not this combination a manifestation of the harmony of its definition, which was already given by ancient Greek philosophers (“Harmony is the unity of the incompatible, the agreement of the uncoordinated” – Philolai) [Nikulin, 1992: 77].

However faced with the horrors of the Bolshevik revolution [Saytanov, 2017], Peter Kropotkin was forced to admit that his utopian views were far from real life. Moreover, in his last major work “Ethics” he raises the question of the need for moral education of the person, and not the original inherent nature of anarchic values [Kropotkin, 1991: 30]. It should be said that such a refusal of Kropotkin from previous utopian views was quite natural [Saytanov, 2018].

Therefore, if the early social and political views of Peter Kropotkin can be defined as reformist [Saytanov, 2018], and later as anarcho-reformist [Saytanov, 2014], then the period of his classical anarchism of the late XIX – early XX centuries. [Saytanov, 2016] during the emigration of Kropotkin from Russia, can be defined as anarcho-utopian views.

Thus, it is possible not only to state the existence of utopian ideas in the views of the classical period of anarchism by Peter Kropotkin but also to highlight in his socio-political views the actual period of anarcho-utopianism.

Bibliography

Kropotkin P. Mutual aid. A factor of evolution. London, 1902.

Kropotkin P. The state: its historic role // Freedom. London, 1897. Vol. 11, P. 116-118.

Kropotkin P. L'Etat: son role historique. Paris, 1897. P. 48.

Saytanov S. Classical and not-classical anarchism of Peter Kropotkin. Saarbrücken, 2016.

Saytanov S. The argumentation of Peter Kropotkin's anarcho-reformism in his social-political and anarchist views (according to the Russian materials). Moscow, 2014.

Saytanov S. The judgment on Bolshevik political regime of famous Russian anarchist Peter Kropotkin // Сборник Центра научных публикаций «Велес» материалов III Международной конференции «Инновации в современной науке». Ч.2. Киев, 2017.

Кропоткин П.А. Анархия и ее место в социалистической эволюции. М., 1917. С. 29.

Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб., 1907. С. 7.

Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990.

Кропоткин П.А. Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907. С. 158.

Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. М., 1991. С. 30.

Маркин В.А. От географии к анархизму // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 1. М., 1992. С. 42.

Никулин А.М.. Литературно-эстетические взгляды П.А. Кропоткина // Труды комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып.1. М., 1992. С. 77.

Сайтанов С.В. Анархо-реформизм П.А. Кропоткина: новая трактовка его поздних общественно-политических взглядов. М., 2014.

Сайтанов С.В. Доанархический реформизм П.А. Кропоткина // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы. Ч.5. Пермь, 2018. С. 84-89.

Сайтанов С.В. Этика П.А. Кропоткина как новый базис его анархических взглядов: причины и следствия // Инновационные исследования: проблемы внедрения результатов и направления развития. Ч. 2. Пермь, 2018.

Свобода, нравственность и самоорганизация. С точки зрения революционера (П.А. Кропоткин). [Электронный ресурс]. URL: http://www.kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_18.htm (Дата доступа: 01.11.2018).

РАЗДЕЛ IV. ИДЕАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В АРХИТЕКТУРЕ, ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

НОСТАЛЬГИЧЕСКАЯ УТОПИЯ В ФИЛЬМЕ ТОМАСА ШТУБЕРА «МЕЖДУ РЯДАМИ» (2018)

О.А. Джумайло

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Фильм современного немецкого режиссера Томаса Штубера «Между рядами» (2018) рассматривается сквозь призму репрезентации в нем пространства, отсылающего к ностальгической коллективной грезе об идеализированном прошлом ГДР. Пространство памяти и воображения остроумно воплощено в образе современного гипермаркета на окраине Лейпцига, работников которого составляют выходцы из Восточной Германии (осси). Выделяются классические элементы утопии: изолированность, автаркия, урбанизм; мотив позитивной прозрачности; мотив общей собственности; мотив позитивной унификации и панорамности видения; мотив радости коллективного труда в эгалитарной утопии; мотив «солнечной» грезы. В основу сценария легла новелла из сборника рассказов Клеменса Майера «Ночь, огни» (2008), который в своих текстах уже неоднократно обращался к осмыслению опыта восточных немцев после объединения Германии.

Ключевые слова: ностальгическая утопия, утопическое воображение, ГДР, мотивы утопического, пространство утопии, Томас Штубер, Клемент Майер.

«Между рядами» («In den Gängen») – новый фильм Томаса Штубера, молодого немецкого режиссера и сценариста, который родился в 1981 г. в Лейпциге (территория бывшей ГДР). Фильм получил награду на Берлинском кинофестивале 2018 года и вызвал восторженные отклики как у кинокритиков, так и у зрительской публики. Как правило, картину трактуют с позиций духоподъемных общечеловеческих ценностей (приз экуменического жюри) и/или как романическую лав-стори.

По сюжету фильма недавно освобожденный из тюрьмы молодой человек устраивается на работу в гипермаркет. Однако инициационный сюжет (героя не случайно зовут Кристиан) и сюжет творения «производственного мира», основанного на любви и поддержке коллектива, осложняется. Как представляется, само пространство гипермаркета, в котором теперь работают исключительно осси, то есть выходцы из ГДР, ранее имевшие перспективы в жизни, но теперь выброшенные на обочину социального порядка объединенной Германии, становится моделью утопическо-

го прошлого, в котором есть место мечте. В финале картины молодые героини будут напряженно слушать удивительный звук, который возникает при опускании подъемника виллопоручика, он «напомнит» им о морском приливе, воображаемой близости (утопической, коммунистической) морского пейзажа, освященного вечно сияющим солнцем.

Говоря о «ностальгическом» измерении утопии в структуре социального опыта, И. Каспэ отмечает: «Из области рационального и направленного вовне действия (критицизм) утопическое переносится в аффективную сферу «внутренних пространств» (ср. «пространство памяти», «пространство воображения»)» [Каспэ, 2015: 43]. И, хотя идеалы ностальгического прошлого парадоксальным образом помещены в место, ассоциируемое с капиталистическим консьюмеризмом, Штубер остроумно разрушает зрительские ожидания, демонстрируя основания классической утопии:

- Гипермаркет существует как пространство, отсылающее к узнаваемым практикам

социалистического прошлого. Внутри гипермаркета выделяются отделы, названные как географические регионы (например, «Сибирь», отдел мороженых продуктов, или «Океан», наполненный водой контейнер для рыбы). Выделенные в работе Ф. Аинсы «Реконструкция утопии» [Аинса, 1999] элементы утопического красноречиво присутствуют в фильме: пространственная изолированность, которая «обретает отчетливый характер географической фикции»; вневременность, которая «упраздняет проблему исторической причинности»; автаркия, или сведение контактов с внешним миром до минимума (гипермаркет расположен за городом и буквально окружен полями); урбанизм, или создание идеального города; регламентация, т.е. придание единообразия «жизни, совместной работе и организации общего досуга обитателей идеального города, поделенного на кварталы». Кроме того, «непреложная и непрозрачная граница между внешним и внутренним» пространством утопии [Вахштайн, 2014: 23] задана также лейтмотивными образами решеток на выходе из гипермаркета;

- Мотив общей собственности. Не без иронии в отношении как ФРГ (общество капиталистического перепроизводства), так и ГДР (общество коммунальных ценностей и дефицита) даны сцены разделенной радости работников, спасающих просроченные продукты и с удовольствием дарящих их друг другу. В этом отношении особенно символичен эпизод празднования Рождества как разделенных и обобществленных «даров» [Merzel, 1999] (пластиковая мебель, посуда, лампы и жаровни барбекю со склада гипермаркета);

- Мотив позитивной прозрачности и панорамности видения. Разделяемые ценности товарищества соотносимы с пространством общего существования коллектива в гипермаркете, показанном как всегда буквально прозрачное пространство «между рядами» (место поддержки и контактов), а также в ряде обзорных панорам, снятых сверху. Штубер поднимается над перегородками отделов, офисных и технических помещений, показывая весь гипермаркет как единый комплекс взаимосвязанных друг с другом пространств, существующих в гармонии, вне иерархии одних над другими. Примечательно,

что работники с этой перспективы видны, но как отдельные личности не показаны. В этой связи любопытно замечание об утопическом взгляде как взгляде стороннего наблюдателя, всеведущего и игнорирующего детали, предлагающего тотализирующий ракурс, в котором «город» предстает как «спланированный и читаемый», как «ясный текст» [де Серто, 2013]. Идеализированной картине гармонии и порядка соответствует классическая музыка, сопровождающая эти эпизоды и характерное симметричное построение кадра;

- Мотив позитивной унификации. Работники гипермаркета носят униформу, однако она не только отсылает к демократическим ценностям, но показывает своего рода возможность обнуления неудачного жизненного опыта, возвращение к эпохе невинности, доверия и товарищеской поддержки (униформа скрывает татуировки, полученные Кристианом в тюрьме). Герой, будто оказавшийся на «конвейерной ленте» гипермаркета, одет и обут в униформу с любовью и заботой, обучен общим правилам работы, мягко введен в правила негласного кодекса его производственной жизни;

- Мотив радости коллективного труда в эгалитарной утопии. В фильме возникает ряд повторяющихся сцен, связанных с повседневным трудом как счастливой рутинной целого коллектива, дневным и ночным циклами работы, предсказуемой упорядоченностью, ассоциируемой с упразднением индивидуального соперничества и служебных иерархий (управляющий гипермаркетом в конце рабочего дня жмет руку каждому работнику), утверждением достоинства всех и каждого. «Ландшафт» гипермаркета преподнесен как «равнинный», характерный для эгалитарных утопий [Вахштайн, 2014: 23]. Примечательно, что показанные локации вне гипермаркета даны как места одиночества: в фильме нет сцен счастливого семейного или дружеского общения за пределами гипермаркета. Не дом, а работа становится местом обретения себя и подлинного благополучия;

- Эмблема коллективной «солнечной» грезы. Утопические общества тяготеют к созданию собственной эмблематики. В фильме Штубера иронической эмблемой счастья становится плакат с изображением солнечного тропического пейзажа, повешенный на сте-

не комнаты отдыха и, очевидно, контрастирующего с промозглыми буднями. Изображение с плаката возникает неоднократно, в том числе как мозаика-пазл, которую никак не может сложить романтическая героиня, ныне живущая в ФРГ, «утилизировавшей и апроприировавшей» светлую социалистическую грезу о вечно сияющем солнце.

Любопытно, что не только в «Между рядами» возникает проникновенная *Ostalgie* [Urang, 2010], ностальгия по Восточной Германии, светлая грусть и греза, преобразующие прошлое. Фильм продолжает ряд художественных (кино)текстов на эту тему, среди которых нашумевшие романы Томаса Бруссига и фильмы Леандера Хаусмана «Солнечная аллея» (1999) и Вольфганга Беккера «Гуд бай, Ленин!» (2003). Режиссер Штубер и сценарист фильма писатель Клеменс Майер родились в ГДР и в подростковом возрасте стали свидетелями падения Берлинской стены. О судьбе восточных земель после объединения Германии рассказывают многие тексты Майера, в том числе сборник «Ночь, огни», одна из новелл которого послужила основой для сценария «Между рядами». Новелла Майера автобиографическая; писатель три года проработал водителем вилочного погрузчика в супермаркете. Фильм Штубера «Херберт» также обращен к судьбе некогда известного боксера из ГДР, которому врачи ставят смертельный диагноз.

Знаки утопии в фильме Штубера, однако, представлены и как трагический эскапизм, все же не дающий забыть о поражении (сюжет самоубийства Бруно), неизживаемой травмы (лейтмотивный образ забинтованой мягкой игрушки). Образ рыбы в аквариуме

магазина – красноречивый символ несвободы (контрастирующий с образом моря из грезы). Так, «утопическое реализуется через забвение, через вытесненную неудачу, через репрессированное знание о том, что «вечное счастье» достижимо лишь ценой смерти времени (в конечном счете – просто ценой смерти)» [Marin, 1990: XXVI].

Ироническая ностальгия «Между рядами» особенно пронзительно звучит в киноязыке фильма – музыка Штрауса, сопровождающая проезд вилопогрузчика; симметричная постановка кадра, с аккуратно уложенными товарами; «магическое» освещение пространства ночного гипермаркета, готовящегося к Рождеству, – визуальные и музыкальные ритмы, упорядочивающие мир его по-своему счастливых работников, создают прекрасную грезу в консьюмеристском настоящем современности.

Библиография

- Аинса Ф. Реконструкция утопии. М., Наследие, 1999.
- Вахштайн В. Архитектура утопического воображения // Социология власти. 2014. №4. С. 13-37.
- Каспэ И. Навык утопического взгляда: на материале авторских фотографий последних десятилетий социализма // Russian Sociological Review, 2015, Vol.14, No. 2, pp. 41-69.
- Серто де М. Изобретение повседневности. СПб., Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Marin L. Utopics: The Semiological Play of Textual Spaces. NY, Humanity Books, 1990.
- Mercel I. Utopie und Beduwrfnis. Die Geschichte der. Konsumkultur in der DDR. Koeln, Boehlau Verlag, 1999.
- Urang J. Love and Legitimacy in the East German Cultural Imagination. Ithaca, NY, Cornell University Press, 2010.

ДУХ УТОПИЗМА И ТРАГИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ В ЭПОХУ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (НА ОСНОВЕ ПОЗИЦИЙ Н.А. БЕРДЯЕВА И А.Ф. ЛОСЕВА)

Е.А. Чичина

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Статья посвящена обоснованию обусловленности трагического мироощущения личности в эпоху Итальянского Возрождения сложившимся в это время антропоцентрическим духом утопизма, который позволил в рамках этой культуры сойтись двум противоположным и непримиримым началам – языческому и христианскому. Об этом очень точно высказались на рубеже XIX и XX вв. Н.А. Бердяев, а в середине XX в. – А.Ф. Лосев.

Ключевые слова: Возрождение, самоутверждение человеческой личности, трагизм мироощущения, гуманизм.

Одной из главных и признанной всеми учеными тенденцией Итальянского Возрождения является самоутверждение человеческой личности. Развитие городской культуры и простого товарного производства, формируя все более независимого от Бога человека, являются ее причинами. Другой мощной тенденцией итальянской культуры этого времени является трагический модус переживания мира человеком, экзистенциальное осознание им своей ограниченности в познании мира и Бога.

Формирующийся новый менталитет эпохи Итальянского Ренессанса нуждался в мировоззренческой опоре, и такой опорой выступила античность. Собственно, сам термин «Возрождение» («Renaissance») был введён мыслителем и художником этой эпохи Джорджо Вазари в его книге «Жизнеописание знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1550) [Вазари, 2008]. Так он назвал период с 1250 по 1550 гг. С его точки зрения, это было время возрождения античности, которая для Вазари предстаёт идеальным образцом. Эту идею разделяли все ведущие художники, поэты и гуманисты этого времени. В дальнейшем содержание термина эволюционировало, и Возрождение стало означать эмансипацию науки и искусства от богословия, охлаждение к христианской этике, зарождение национальных литератур, стремление человека к свободе от ограничений католической церкви. Но изначально термин Возрождение указывал именно на обращение к античности.

Интерес к античности (в том числе и к новому осмыслению античного неоплатонизма) вызвал определенные изменения в христианской (католической) традиции – уклон в сторону пантеизма, который в эпоху Возрождения представал мятежным учением, потому что характеризовал Бога не как Личностной Дух, а безличную субстанцию, растворенную в природе. Такого рода модификация, во многом ставя под сомнение церковную жизнь, способствовала обесмысливанию значения молитвы, обращенной к Богу и, в конечном итоге, вела к атеизму.

Именно это культурное пересечение язычества и христианства делает культуру Италии XIV-XVI вв. уникальной и неповторимой и, главное, во многом обуславливает наличие

в ней трагического мироощущения наряду с оптимистическим, самоутверждающим.

Об этом особенно убедительно заявил Н.А. Бердяев в работе «Смысл творчества». Он подчеркивал, что столкновение языческого (античного) и христианского начал не могло не вызвать трагического мироощущения у человека эпохи Возрождения, что особенно проявилось в искусстве. Русский философ подчеркивает, что существует глубокая противоположность между искусством языческим и искусством христианской эпохи и, в определенной степени следуя Гегелю, говорит, что языческое искусство – классическое и имманентное, а христианское – романтическое и трансцендентное [Бердяев, 1989: 439]. И поскольку классически прекрасное языческое искусство стремится к идеальной форме в этом мире, то оно никак не может коррелировать с искусством христианского мира, в котором уже не может быть имманентного совершенства.

Н.А. Бердяев иллюстрирует эту мысль, обращаясь к судьбе Сандро Боттичелли, в творчестве которого, как полагает философ, особенно ярко представлено противоборство стихий христианства и язычества: «Боттичелли – самый прекрасный, волнующий, поэтический художник Возрождения и самый болезненный, раздвоенный, никогда не достигавший классической завершенности» [Бердяев, 1989: 444]. Характеристика искусства Возрождения в лице Боттичелли позволяет Бердяеву наиболее емко охарактеризовать и всю культуру этой эпохи. Он пишет знаменитую фразу: «Тайна Возрождения – в том, что оно не удалось» [Бердяев, 1989: 445]. Замыслы гениальных художников были великие, но несоответствие между ними и их воплощением обнаружили трагедию творчества. Глубина и масштаб планов были овеяны духом христианства, а воплощение опиралось на язычество. Таким образом Бердяев, характеризуя трагичность мироощущения представителей Возрождения, по сути, фиксирует утопизм их обращения к античности как к мировоззренческой опоре.

Концепция А.Ф. Лосева позволяет вскрыть еще одну причину существования трагической тенденции в культуре Итальянского Возрождения. Собственно, Лосев ее и закрепляет в гуманитарном знании, характери-

зую культуру Италии XIV-XVI вв. не только через призму стихийного и буйного самоутверждения человеческого субъекта, но и через наличие в ней самокритики этого самоутверждения, выразившейся в трагизме мироощущения, которое сопровождало деятелей Возрождения на протяжении всего этого периода [Лосев, 1978: 59-62]. Этот трагизм был связан, полагал Лосев, с чертами инфантилизма возрожденческого индивидуализма. Гении Возрождения верили в яркую индивидуальность, но как дети не понимали, в какую сторону пойдет её развитие, поэтому их вера носила утопический характер. Ренессанс, считал Лосев, бессознательно подготавливал буржуазную формацию, в которой восторжествовала не многогранная возрожденческая индивидуальность, но банальный индивидуализм. Человек Возрождения не был еще столь беспринципным, как некоторые герои Бальзака и столь расщепленным как «умерший субъект» Мишеля Фуко, но гении этой эпохи предчувствовали, куда движется мировой процесс, догадывались, что подлин-

ная основа исторического развития не может базироваться на изолированной личности. Именно поэтому Лосев никак не восхваляет возрожденческий индивидуализм и не считает его каким-то окончательным достижением человеческой истории, а, напротив, полагает, что торжество индивидуальности вырождается в некрасивую реальную жестокость.

Таким образом, источником мировоззренческих тенденций в эпоху Итальянского Возрождения выступает утопизм, вырастающий из неизбежного столкновения двух противоположных и непримиримых начал – языческого и христианского и из веры в безусловное самоутверждение человека.

Библиография

- Бердяев Н.А. Смысл творчества. М., Изд. «Правда», 1989. 608 с.
- Вазари Дж. Жизнеописание знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих / Пер. с итал., под ред. А.Г. Габричевского. М., «Издательство Альфа-книга», 2008. 1278 с., с ил.
- Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., «Мысль», 1978. 623 с.

МАНИФЕСТ – УТОПИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Л.В. Желондиевская, В.Е. Барышева

Московская государственная художественно-промышленная академия
им. С.Г. Строганова (Москва)

Аннотация. В публикации авторы рассматривают роль манифеста как стратегического инструмента формирования визуальной системы. На примерах манифестов исследуются программные принципы новых, зачастую утопических подходов во взаимосвязи с их реальными проектными реализациями. Футуризм, выросший из манифеста Ф. Т. Маринетти, стал первым международным авангардным течением, которое охватило все сферы искусства – живопись, скульптуру, архитектуру, музыку, театр. Супрематизм К. Малевича пророс во все сферы искусства, определив важный вектор развития визуальных искусств XX в. Сегодня в искусстве идет активный поиск нового визуального языка, следовательно, актуально исследование аналогичного периода с позиций стратегических ориентиров нового видения.

Ключевые слова: манифест, Маринетти, Малевич, супрематизм, проектное мышление.

Формирование современной проектной методологии базируется на эмпирическом опыте проектной деятельности, но также на исторически сформированных проектных концепциях, выраженных в стилях и направлениях искусства. Рассмотрение с этой позиции таких явлений художественного наследия, как манифесты служит стимулом к формированию представлений о перспек-

тивах развития проектной культуры. О.И. Геннисаретский считает, что при таком подходе «история перестает быть вспомогательной, академической дисциплиной, она все более становится основанием, составной частью проектной идеологии и критики, творческой практики и методологических ориентаций в концептуальном пространстве дизайна» [Геннисаретский; 1989: 6].

Процессы, происходившие в культуре на рубеже XIX и XX вв., поиски стилеобразующего начала в искусстве во всем мире, и их влияние на мировую культуру XX в., требуют глубокого осмысления. В наши дни в искусстве идет активный поиск стратегических концепций визуальной культуры, поэтому актуально исследование аналогичного переломного периода с позиций проектных установок, утопических размахов нового видения. Проявление ранее не существовавшей формы выражения в искусстве предполагает наличие названия, цели, миссии, идеи, иных идентификаторов, закрепленных в программных документах, чаще всего в манифестах.

На рубеже веков манифест в искусстве становится формой стратегического мышления, важной частью проектной технологии. «Манифест» происходит от латинского *manifestum* и переводится как призыв. Манифесты искусства появились на заре промышленной революции и сопровождали каждый исторический перелом. В данной публикации авторы рассматривают роль манифеста как стратегического инструмента формирования визуальной системы.

Ф. Т. Маринетти в работе «Манифест футуризма» (1909), одним из первых изложил программные принципы творчества. Одиннадцать пунктов манифеста включали вызов, утопию, радикальную революцию художественного творчества, направленного против старой культуры. Он декларировал: «Отдадим себя на съедение неизвестному...!» [Маринетти, 2008: 32].

Манифест был первым настоящим пророчеством современной эпохи. Современники Маринетти восприняли манифест как руководство к действию. Футуризм стал международным авангардным течением, которое охватило все сферы искусства. В след за этим документом появились «Манифест футуристических живописцев» (1910), «Технический манифест футуристической скульптуры» (1912) и пр. Все эти манифесты декларировали отрыв от реальности, новые утопические горизонты искусства.

Однако манифесты футуризма имели значительный разрыв теоретических постулатов от практических форм выражения. Но сами по себе стали новой формой мышления.

Исследователь русского авангарда 20-х гг. С.О. Хан-Магомедов считал, что «Анализ процессов стилеобразования в XX веке со всей очевидностью свидетельствует, что стилеобразующее воздействие – это особая составляющая таланта» [Хан-Магомедов, 2010: 7]. Таким редким даром, несомненно, обладал К. Малевич, который был первым, кто вышел за рамки живописного эксперимента. Свои творческие открытия автор закреплял в теоретических работах – манифестах.

Анализ теоретического наследия Малевича и соотнесение с творческими работами художника и его последователей дают обширную базу для изучения утопических идей и реальных проектных путей их воплощения. В манифестах Малевич декларировал, что он подобно Творцу создает новую реальность, строит систему вселенского масштаба. Утопический размах стратегии выглядел нереально и пугающе. По его мнению, художник не должен искать пластические приемы, а строить стилевую модель, как первичную в процессе формирования нового. «Я преобразился в нуле форм» [Малевич, 2001: 29]. В манифестах автор провозгласил ядро нового стиля. Зародившись в недрах живописи, супрематизм переместился в объемные и пространственные среды, благодаря ясно выстроенной логике построения системы.

Супрематизм пророс во все сферы искусства. Художник-творец освободил форму от семантического наполнения, сведя творческий процесс к модульному конструированию новой реальности. Были созданы основы интернационального стиля в искусстве.

Сегодня в XXI в. проблема поиска новых стилистических путей как никогда остра. Интернациональный стиль, заложенный супрематизмом, прошел все стадии развития и ищет пути выхода на новый виток развития. Обостряются вопросы и противоречия, поставленные предыдущими поколениями творцов. Творческое сознание ждет новых утопических манифестов, глобальных по замыслу стратегий, способных дать движение искусству на грядущие десятилетия.

Библиография

Генисаретский О.И. Гуманизация и гуманитаризация дизайна // Гуманитарно-художественные проблемы образа жизни и предметной среды. М, Труды ВНИИТЭ, серия Техническая эстетика, вып. 58, 1989. С.6-12.

Малевич К. Черный квадрат. СПб., Азбука, 2001. 576 с.

Маринетти Ф.Т. Манифест Футуризма // Футуризм – радикальная революция. Италия – Россия. К 100-летию

художественного движения. Каталог выставки. ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., Красная площадь, 2008. 303 с.

Хан-Магомедов С.О. Книжная серия «Кумиры авангарда. Казимир Малевич». М., Гордеев С.Э., 2010. 272 с.

КОНТАМИНАЦИЯ ЖАНРОВЫХ ПРИЗНАКОВ УТОПИИ И АНТИУТОПИИ В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

М.В. Покотыло

Ростовский государственный университет путей сообщения (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Сложный и противоречивый XX век находит свое отражение в художественной литературе и провоцирует писателей-современников на поиски новых жанровых форм. Синтез наиболее востребованных в указанный период жанров утопии, антиутопии и сатиры позволяет плодотворно реализовать идейно-нравственные и эстетические поиски писателей.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, квазиутопия, жанрово-стилевой синкретизм.

Анализ художественного произведения нельзя представить без установления его жанровых признаков и их соответствия жанровому канону, а также без фиксации в тексте различных взаимодействий разножанровых элементов. Жанровая принадлежность с высокой степенью достоверности может быть установлена на основе выявления цитат, аллюзий, реминисценций, которые составляют необходимый компонент структуры художественного текста, оказывая зачастую определяющее влияние на корректную интерпретацию произведения и авторского новаторства. Отсутствие строгой иерархии дифференциальных признаков жанров, поликритериальность классификаций жанров приводят к тому, что зачастую жанровую доминанту затруднительно определить, утрачивается четкость границ стиливых особенностей произведения и авторского стиля, что препятствует выяснению избранной автором формы. Синтез жанров, постепенно усиливающийся с конца XIX в., выдвигает на первый план неканонические жанры, преобразовывает и развивает традиционные жанровые формы. Пародирование и стилизация обретают новые смыслы ввиду смещения акцентов внутри соотношения «жанр – автор».

Феномен жанрового синкретизма возникает на основе модификаций конкретного жанрового канона при активной роли аксиологической системы автора и его эстетических целеустановок. Несомненно, именно в первой трети XX в. процессы межродового и внутриродового синкретизма протекают с

наибольшей интенсивностью, «прежде всего, на стилистическом уровне, что обусловлено поисками новых моделей мира и эстетического идеала, стремлением преодолеть экзистенциальный кризис, а также желанием более полно охватить быстро меняющуюся действительность и остановить ускользающие реалии» [Андреева, 2012: 58].

В наибольшей степени, на наш взгляд, процесс жанровой синкретизации заметен в сфере контаминирования жанровых признаков утопии и антиутопии, актуализирующего амбиутопизм данных жанров. Современная утопия и антиутопия активно использует рационально-фантастический посыл, объективирует сатирический пафос, способствуя возникновению новых модификаций сатиры, нашедших яркое выражение в отечественной литературе XX в.

Актуальным является и исследование отечественной традиции антиутопии, а также специфика взаимодействия отечественной и западноевропейской жанровых традиций. Б.А. Ланин выявляет основные жанровые признаки антиутопии [Ланин, 1993: 120], что позволяет нам уточнить экзистенциальные диалектические характеристики данного жанра.

В мировом литературном процессе значимы не только классические утопии и антиутопии, но и литературные произведения, которые могут иметь различные жанровые признаки, но на содержательном уровне репрезентирующие принципы определенной утопической концепции – квазиутопии, в

терминологии С.Г. Шишкиной, которая расценивает «антиутопию как негативную модель и контрутопию как позитивную модель, созданную как отклик на другую позитивную модель» [Шишкина, 2009: 38]. Внелитературные тексты, созданные в том же ключе, в концепции исследователя получают наименование умозрительных утопий. В развитие данной концепции мы предлагаем ввести термин *негативная квазиутопия* для обозначения текстов, которые отчасти реализуют антиутопические мотивы и приемы [Покотыло, 2015: 38].

Методологической основой, способствующей появлению новых научных концепций жанрового синкретизма, является рассмотрение утопии и антиутопии как взаимообусловленных жанров. Связующим понятием в таком случае является термин *амбиутопизм*, подчеркивающий противоречивое отношение к будущему, которое может рассматриваться как позитивных, так и негативных сторон.

«Вставные» элементы из других жанров в тексте антиутопии наглядно демонстрируют возведение её истоков к традициям мениппеи. Определённый элемент дидактичности позволяет установить наличие синкретизации антиутопии с притчей. Дополнительный смыслообразующий потенциал антиутопий создается посредством аллюзий и реминис-

ценций, что находит живой отклик у современного читателя. Современное постмодернистское литературное пространство не мыслится без интертекстуальности, базирующейся на прецедентных культурных феноменах и текстах как их разновидностях, что формирует особые условия функционирования литературного произведения в XX-XIX вв.

Полагаем, что антиутопия во взаимодействии с утопией является адекватной формой художественного выражения и осмысления идей обновления общества, отражает стремление социума к совершенствованию мира, что позволяет ей обозначать эстетические доминанты, «нарастить смысл» художественных текстов, определив отчетливо свой статус в жанровой системе.

Библиография

Андреева О.С. Родовой синкретизм в творчестве В.В. Маяковского: дис. канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2012. 225 с.

Ланин Б.А. Русская литературная антиутопия XX в.: дис. д-ра филол. наук: 10.01.02. М., 1993. 350 с.

Покотыло М.В. Сатира в творчестве В.Н. Войновича: феноменологический статус и жанровые модификации. Ростов н/Д., РГУПС, 2015. 132 с.

Шишкина С.Г. Истоки и трансформация литературной антиутопии XX века. Иваново: Иван. гос. хим.-технол. ун-т, 2009. 230 с.

THE CITY OF THE SUN AND THE CITY OF THE DAWN: UTOPIA AND REALITY

Tatiana Batyr

Grigorii Tsamblak's Taraklia State University (Kishinev, Moldova)

Abstract. The author shows the relevance of Tommaso Campanella and his *Civitas Solis*, makes parallels between the ideas of the Indian philosopher Sri Aurobindo and the realized utopia, Auroville, based on his principles. In the article the attention is also drawn to the deep roots of the utopian consciousness, a few implemented utopias are mentioned.

Key words: Tommaso Campanella, *Civitas Solis*, Sri Aurobindo, Auroville, utopian consciousness, realized utopia.

The dawn and the sunrise are the phenomena of the similar chain, related and eternally coexisting. The dawn preceding the sunrise, gradually overcomes the darkness around, as if, it paves the way for the Sun appearance. And the Sun starts rising, greeting the universe via light and life-giveness.

The dawn and the sunrise interact not physico-astronomically only. They symbolize unity of cultural, political and social thought and reality. The City of the Sun is the fruit of the political-utopian consciousness of one of the most courageous minds belonged to Tommaso Campanella. The range of the problems touched,

and their solutions suggested by him makes the people in the XXI century, after the lapse of more than four hundred years, feel indifferent, arousing in us the desire to discuss upon them meticulously. On the map of the world culture Tomaso Campanella and Civitas Solis glow with penetratingly bright rays, illuminating the path to the far distant and deeply suffered City. Has it already sprouted and gone beyond the limits of the speculative image?

Campanella was Plato's and More's successor not merely in the «utopian model», but in the cruel and hard blows of fate got for his free-thinking and freedom aspirations. The three giants are united through the very high price they had paid for their progressive and innovative ideas. Plato failed trying to convince the tyrant of Syracuse, Dionysius the Elder, and then Dionysius the Younger in the necessity to implement the ideal state in Sicily. Thomas More had been executed for his radical divergence with the interests of royal power. Campanella spent thirty-three years in prisons for preparing the insurrection against the Spanish domination in Calabria, as well as for his Civitas Solis, which the inquisition regarded as heresy. The prototype of the revered Philosopher in Civitas Solis who during the severe forty-hour torture remained silent, is Campanella himself. Compared to Plato, who can be called a disappointed thinker and social-justice striver, and to More, who is widely known as a convinced and intransigent thinker and politician, Campanella is considered to have led a life of a fighting, inexorable and impregnable thinker, entirely faithful to his ideals.

In fact, the idea of universal well-being, material abundance and life in community was not invented by Plato, More and Campanella, it contained in primitive and naive form in early religious beliefs, and especially in cosmogonic and cosmologic myths where cosmos affirmed in the fight against chaos is conceived as an organic fusion of individual and collective. Presumably Campanella linked his plans of establishing a natural and rational system with the expectation of a cosmic overturn [Горфункель, 1969: 173], and believed that the well-doers, crucified by the present centuries would resurrect after the three centuries [Горфункель, 1969: 5]. The «cosmic overturn» happened, indeed, as he predicted, both in people's thinking and in real life. The idea of the society based on common wealth grasped

the most progressive minds. The attempts to implement such models are characteristic of different cultures and periods in the world history. So, the first Christians of Luke the Evangelist, Saint Clement of Alexandria, and Apostle Mark times used to practice life in community and common wealth; Campanella was immensely influenced by Münster community and Anabaptist movement. It is considered the earliest practical implementations of Christian communism) [Горфункель, 1969: 184].

Utopia itself, as an imaginative project, is a unique and definite phenomenon, and cannot be a reality. At the stage of its realization, descending to the area of formation, utopia loses its structure, gets dissociated and, merely speaking, is «swallowed up» by the flux of life-river. However, traditional societies, like India, China, Japan, Egypt, tried to adapt the utopia to reality. Especially eligible for the utopian implementation, seem to be cultures in which life in community has had a long history. In India, for example, where it was a common thing for a long time. Sri Aurobindo, one of the greatest Indian philosophers, a poet, yoga, and guru, who often referred to the Western philosophy, centered his thinking capacities upon creation of an applicable utopia. Apart from his famous Ashram in Pondicherry, he developed the idea of a future city, and left it as a spiritual heritage along with his enormous opera. Though Aurobindo believes that «society attempts to perfect consciously» [Varma, 1960: 304], at the same time he is «hostile to state», [Varma, 1960: 292] «which is a product of human reason» [Varma, 1960: 293]. He sustains that the «motive-force for the ideal society is the realization of an inner union. Only thus can egoism disappear, and the perfection both of the individual and of the society be attained» [Varma, 1960: 302], because «individual is a spirit being... and the becoming of spirit» [Varma, 1960: 368].

In 1968, after 18 years since Aurobindo's death, his follower of the French origin Mirra Alfassa, known also as The Mother founded in the south of India, Auroville, translated as City of the Dawn in which men and women of all countries have the opportunity to live in peace and harmony, beyond beliefs, politics and national differences. The main aim of Auroville is obtaining the unity of humanity. (The name derives from the Latin word auro, and the French one, ville, meaning correspondingly dawn and city).

Sri Aurobindo and Mirra Alfassa stated that evolution is not over yet, it is a permanent process, and new forms of material and spiritual kind, inevitably will be reached. Hence, man is not a completion, but merely a transitional being.

At the opening ceremony on February 28, 1968, the fundamental principles stated in Auroville Chart were proclaimed. In brief, they are as follows: Auroville does not belong to anyone in particular. It belongs to humanity as a whole. It is a place of never-ending education, knowledge and progress, and is designated to be a bridge between the past and the future. The Indian Parliament has adopted a law according to which Auroville has a special status allowing it to realize all these principles

Is it a coincidence that Auroville was established exactly four hundred years after Campanella's birth? Was it really a cosmic overturn? Or, it is a resurrection, predicted by the Philosopher? Auroville is not the only topos that had come down from the abstract and rational projects. In 1970 Paolo Soleri, architect, keen on the philosophy of Pierre Teilhard de Chardin, established the city of Arcosanti (Arizona state) on the basis of his monograph «Arcology – City in the image of a Man». (Arcology is a synthesis of architecture and archeology). The Arcosanti experiment called «urban laboratory» has influenced urban planning throughout the world. Crystal Waters Eco Village in Austria, founded in 1987, practices permaculture that excludes chemical soil fertilizers. Findhorn founded in 1972 in Scotland, is another Ecovillage, known as the most ecological settlement in the contemporary industrialized world. Finca Bellavista treehouse community in Costa-Rica, founded in 2007, is one of the youngest eco-settlements. Songdo, a smart, or ubiquitous city, in South Korea, is a highly technological and highly ecological place with increasing population. Twin Oaks Community is an eco-village in Louisa County, Virginia, existing since 1967, was inspired by W. Skinner's novel *Walden Two* describing a behaviorist utopia.

Despite the affirmation that the word combination realized utopia is an oxymoron, for utopia can never be realized, these are scattered like rare flowers on our planet. Why does utopia have a tendency to become a thing? To be born and, then to die, to be on our breathing earth? Who knows what better is: one large utopia or a number of small ones? Is it the very «inner union» that unites the world nations, despite historical, geographic and cultural discrepancies. Or these are spiritual beings imbued with the immanent, from the immemorial times, idea and aspiration for other forms of existence? All these questions seem to remain properly unanswered. Whatever one answers, it is evident that none can live without projects and aspirations, otherwise the individual sentences himself to immobility, and, in the long run, – to death. Utopia, in mind or in action, is not only an inborn ability, it contributes to our deeper and larger self-learning and makes us, as well as, our inner and outer unions, stronger.

Bibliography

Ауровиль, город будущего. URL: <https://life-with-dream.org/aurovil-gorod-budushhego-ili-kuda-privody-at-mechty/> (accessed November 5, 2018).

Восемь существующих утопий. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/inspiration-lists/211201-modern-day-utopias> (accessed November 5, 2018).

Горфункель А.Х. Томмазо Кампанелла. М., Мысль, 1969.

Кампанелла Т. Город Солнца. М.,Л., Изд-во АН СССР. 1947.

Левинг Ю. Реализованных утопий не бывает. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/9571> (accessed November 5, 2018).

Auroville's Charter. URL: <https://www.auroville.ru/discover/plan/charter-of-auroville> Auroville's Charter (accessed November 5, 2018).

Varma V.P. The political philosophy of Sri Aurobindo, Asia Publishing, 1960.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ УТОПИИ: ОТ ОТТЕПЕЛИ К ПЕРЕСТРОЙКЕ

М.А. Романенко

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В настоящей статье анализируются попытки художественного переосмысления идей советской утопии и придания им нового содержания. На примере трех фильмов продемонстрирован механизм реконструкции утопии, которая стала возможной благодаря обращению к опыту уже советской истории. Прошлое не только легитимировало существующий порядок, но и компенсировало все противоречия окружающей действительности.

Ключевые слова: утопия, советская утопия, СССР, историческая память, оттепель, перестройка, кино.

Советский утопический проект за время своего существования, оставаясь нацеленным на построение коммунистического общества, неоднократно формально и содержательно трансформировался. Наиболее значительные общественно-политические и культурные изменения произошли в периоды оттепели и перестройки, к художественной репрезентации социокультурной реальности которых мы и обратимся в рамках данного исследования. Нас будут интересовать реконструктивные кинообразы: на примере трех фильмов мы попробуем продемонстрировать механизм реконструкции утопии.

Поскольку к моменту исследуемых периодов советской истории уже имелся солидный опыт социалистического строительства, то апеллирование к прошлому стало вполне закономерным ответом на все нарастающий конфликт ожидаемого идеала и окружающей действительности. Кроме того, признание ряда «ошибок», произошедшие послабления и оживление памяти – все это требовало мгновенного уравнивания. Память было необходимо вновь институализировать и направить в правильное русло для достижения общей цели. Так, как верно замечает Н. Копосов, «разоблачение» Сталина компенсировалось усилением культов Ленина и советских полубогов. Лозунг возвращения к «ленинским нормам партийной жизни» породил интерес к истории революции и гражданской войны – их стали романтизировать, чтобы уравновесить критику последующих «отклонений» [Копосов, 2011: 97].

Эпоха оттепели – время идеологических баталий, которые, казалось, могли положить конец утопической идее, но Хрущев «дает ей [коммунистической утопии] вторую молодость» [Геллер, Нике, 2003: 220]. В этом

контексте оправдано обращение к фильму «Берегись автомобиля» (реж. Э. Рязанов, 1966 г.). Его герои – живущее на нетрудовые доходы представители коррумпированного московского общества, давно позабывшие социалистический принцип равенства и равномерного распределения благ и отдавшие власти буржуазных ценностей.

Непримиримым борцом с этим обществом и таким образом жизни стал Юрий Деточкин – страховой агент и артист любительского театра, – который вел борьбу с коррупционерами и взяточниками своими собственными методами, но не совсем незаконными: он угонял автомобили мошенников, продавал их, а вырученные деньги – переводил в детские дома. Цель – благородная, а средства – преступны. Здесь видится аллюзия на революционные события, когда достижение благой цели осуществлялось любыми средствами. Поэтому Деточкин – это образ запоздалого революционера и утописта – мечтателя о честном и справедливом обществе.

Символично то, что в кабинете следователя вместо портрета Дзержинского висит портрет Станиславского, на фоне которого следователь Подберезовиков, применяя учение великого режиссера, рассуждает о «сверхзадаче» преступника, идущего «по пути наибольшего сопротивления». А в самом понятии «сверхзадача», как нам кажется, заключена идеализация самой задачи.

Показанная в фильме советская действительность далека от идеала. Но Деточкин не может с этим смириться и следует уже частично забытым ценностям отцов. «Отказываясь признавать антиутопические выводы современной ему советской истории, этот благородный дикарь придерживается стратегии

ушедшего революционного поколения: экспроприрует экспроприаторов. <...> Деточкин – человек 1920-х, живущий в 1960-х. Он – ходячий анахронизм и потому одновременно и смешон, и возвышен» [Эткинд, 2016: 196].

Примечательно и то, что во время судебного процесса на стороне защиты Деточкина находятся представители старшего поколения – «последние хранители революционного огня» [Эткинд, 2016: 196]. Они, видя в нем идеального гражданина, не считают его виновным. Перед судом стоит задача решить эту непростую ситуацию, весь абсурд которой выражает фраза из речи следователя Подберезовникова: «Он виновен, но он не виновен». Общество и власть осуждают попытку Деточкина решить проблему нелегальными способами – в духе революционных настроений, но революция уже свершилась, ее повторение, во-первых, бессмысленно, а во-вторых – невозможно.

Подобные образы, полные ностальгии по утраченным идеалам, – это попытка преодолеть временные противоречия, продолжая стремление к светлому будущему.

Идеи перестройки, провозгласившие невиданные политические и социокультурные перемены, казалось бы, поставили точку в истории «утопии у власти». Но перестройка как раз и была начата для спасения утопического проекта, а сделать это можно было двумя путями: антиутопическим, обратившись к реальности (прежде всего, экономической), и утопическим, разработав новую идеологическую и экономическую политику («социализм с человеческим лицом») [Геллер, Нике, 2003: 238].

Кинематограф не мог оставаться в стороне от происходящих в стране перемен, потому практически сразу в центре внимания режиссеров оказались темы и сюжеты, о которых ранее по идеологическим соображениям вообще не могли идти и речи. С одной стороны, кино служило развенчанию социалистической утопии, а с другой – оно также не отказывалось от идеи светлого будущего и наполнилось поисками дальнейшего пути. Такое переживание прошлого в кино, как мы уже показали ранее, стало возможно благодаря механизму реконструкции: в одних образах утопия реконструировалась со знаком «плюс», допуская определенные изменения,

в других же образах – реконструкция происходила со знаком «минус», сводя «счеты с грандиозными планами построения коммунистического общества» [Ларс, 2009: 423].

Сейчас мы хотели бы остановиться на двух примерах такой реконструкции утопии: негативной (фильм «Покаяние») и положительной (фильм «Небеса обетованные»).

Одним из первых в перестроечном кинематографе дискуссию о прошлом поднял фильм «Покаяние» (реж. Т. Абуладзе, 1987 г.), став знаковым в рамках второй «десталинизации» (первая – развенчивание «культы личности» на XX съезде КПСС). Позднее представители кинематографии разделяются во мнениях в оценки этого фильма: одни подчеркивали удачную метафоричность киноязыка в контексте актуальных социальных проблемы, другие же – обвиняли фильм в создании новой мифологии взамен коммунистической.

В центре картины – проблема памяти и отношения к прошлому. От прошлого нельзя отказываться: это подтверждается действиями отца Кетеван – жертвы репрессий – и его единомышленников по защите старинной церкви, которая являлась символом связи с предыдущими поколениями. Но иного взгляда придерживается Варлаам (местный диктатор). Он, конечно, не призывает порвать с прошлым, но отношение должно быть выборочным, направленным на прогресс и будущее всеобщее счастье.

Даже после своей смерти диктатор продолжает жить в памяти и воображении бывших подданных. Сын и внук Варлаама яростно защищают «честь» деда, но постепенно понимают реальные обстоятельства. Первым к этому пришел внук Торнике и, не выдержав груза ответственности, покончил жизнь самоубийством. Авелю – сыну диктатора – правда открылась намного позднее. Он представляет собой обобщенный образ представителя советской властной элиты, «советской олигархии», «хозяина жизни» [Якобидзе-Гитман, 2015: 27], но этот образ абсолютно противоположен коммунистическим идеалам. Поняв весь груз ответственности за ошибки прошлого, Авель самолично выкапывает отца и выбрасывает из могилы.

Фильм не дает ответы на поставленные проблемы, а только порождает больше во-

просов. Его образы утопичны и антиутопичны одновременно.

Антиутопической продемонстрирована коммунистическая идея: она символически признана «дорогой в никуда», а значит в этой идеи нет смысла. Но контробраз сложившего после смерти Варлаама общества порождает, с другой стороны, надежду на развитие и стремление к идеалу. Антиутопично и современное отношение к прошлому, в том числе трагическому и болезненному: выбрасывая прах ушедших тиранов, невозможно изменить ни настоящее, ни будущее. Неясно также, кто будет строить светлое будущее: не могущие покаяться или жаждущие мести.

Как мы уже указали, утопическая идея, продолжившая свое существование в годы перестройки, наполняется иным содержанием. В этой связи позволим себе обратиться к фильму «Небеса обетованные» (реж. Э. Рязанов, 1991 г.). Действие происходит на временном пересечении: доживающая последние дни эпоха социализма сменяется стремительно надвигающейся эпохой капитализма. Во время этих эпохальных перемен на городской свалке живут люди, которым не нашлось места в старом мире, не найдется и в новом: *«кого – в больницу, кого – в дом престарелых, кого – в психушку, а кое по кому – и тюрьма плачет»*.

Герои фильма – обитатели городской свалки и также живущие в своих домах, но уже списанные со счетов люди. Каждый со своей историей. Тут и старая большевичка, и полковник, герой японской войны, и бывшие репрессированные, и художница-нонконформистка, и обкомовская матушка, и еврей-отказник, и многие-многие другие. Но несмотря на свое бедственное положение они не унывают: продолжают жить, верить в идеалы, мечтать и надеяться. Они живут в ситуации «утраченного будущего», потому

герои в итоге чувствуют себя обманутыми, но продолжают следовать принципу «надежды», который лежит в понимании утопии Э. Блохом.

На чем же основана эта новая утопия? На общечеловеческих идеалах, сочетающий в себе как коммунистические, так и христианские ценности. Казалось бы, что тяжелая жизненная ситуация должна толкнуть их на крайние меры, но у всех персонажей есть внутренние табу: они не обворовывают друг друга, не наживаются на чужом горе, и что самое главное – они проявляют милосердие.

В конце фильма, выселяемые танками и дубинками, герои устремляются на старом паровозе в «небеса обетованные» – место, которое одновременно и εὐτόπος (совершенное место), и οὐτόπος (место, которого нет).

На примере реконструктивных образов нам удалось установить, что прошлое играло важную роль в существовании советского утопического проекта, не только легитимируя существующий порядок, но и компенсируя все противоречия окружающей действительности.

Библиография

- Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб., Гиперион, 2003. 312 с.
- Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М., Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
- Ларс К. «Освобождение экрана»: советское игровое кино эпохи перестройки // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М., ЦСПГИ, 2009. С. 414-426.
- Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. М., Новое литературное обозрение. 2016. 328 с.
- Якобидзе-Гитман А. Восстание фантазмов: Сталинская эпоха в постсоветском кино. М., Новое литературное обозрение, 2015. 231 с.

ЭТИКА ДЕТСТВА В «ИДЕАЛЬНОМ» МИРЕ: СОВРЕМЕННАЯ АНТИУТОПИЯ В КИНЕМАТОГРАФЕ

О.А. Мурадьян

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В статье критически рассматривается этика детства, представленная в кинолентах-антиутопиях современности. Предлагается типология выделенных для анализа фильмов, демонстрирующих «идеальный» мир в его фактическом уничтожении личности.

Ключевые слова: этика, детство, коммуникация, воспитание, антиутопия, современный кинематограф.

Вопросы поведения и взаимоотношений людей являются ключевыми для любого общества, а среди них – проблема адекватности коммуникации между взрослыми и детьми ради воспитания нового поколения в традициях общества. В утопиях и антиутопиях предлагается выход за эти традиции, этика детства в «идеальном» измерении. В *утопическом* «Государстве» Платона – общие дети, которых любят сообща из которых готовят законопослушных граждан [Платон, 1971: II 377 в – II 377 с; IV 423 с – 427 с]. В *антиутопическом государстве* чаще всего дети также не знают своих родителей, их этическую базу создает некий «авторитет». Это стирает границы утопии и антиутопии. В современных фильмах-антиутопиях, по сути, тот же взгляд на формирующегося ребенка. Но есть мнение, что «по мере планетарного распространения гаджетов и глобальных сетей на экран перетекает внутренний, интимный мир переживаний, которые в комфортной операционной среде усредняются и нивелируются, активно смывая устаревшую систему ценностей. Сегодня торжествует новая демократическая этика: “социально ориентированное поведение”, “групповое мышление”» [Дриккер, 2016]. С другой стороны, в социологии науки и образования постепенно осознается как форма реальности совокупность ограничений человека как «существа естественного, социального и мыслящего» в виде ежегодной «системы развода младенцев по ходу естественного взросления в специализированные терминалы взрослой социально-необходимой деятельности» [Петров, 2006: 172].

Рассмотрим ситуацию в кинематографе. Условно фильмы-антиутопии можно разделить на две группы по критерию выявления роли и места детей в коммуникации и итоговый моральный эффект восприятия ребенка

в «обновленном» обществе. Обе категории отражают тоталитарный режим и делают упор на выход из него. В первой группе при этом акцент сделан на любовь и чувства, а в другой – на типологию обществ.

1. Лента «Не отпускай меня» (2010) демонстрирует общество обычных людей и людей-клонов, людей-доноров, которых растят в особых школах, учат, создают иллюзию жизни и заранее готовят к особой миссии. Они не свободны, но они такими созданы, они не люди, но они чувствуют, любят, переживают и обладают душой. Возможно ли такое восприятие человека и его личности, создать в голове ребенка иллюзию особой этики, где он воспринимаешься лишь как средство жизни для своего прототипа? Однозначно нет, люди равны, но как быть с клонами?

«Частоты любви» (2013) поднимают проблему различия людей, которая остается на всю жизнь: высокая частота убивает все чувства, эмоции, но дает абсолютную удачливость, низкая – эмоциональность и желание достичь большего, но невозможность проявить себя ни в чем. Со школьной скамьи детям внушают эту разницу и делят по фреквенции, не давая возможности раскрыть самих себя. Безграничная влюбленность главного героя с низкой частотой, заставляет его с раннего детства идти против системы и искать выход, для соединения с девушкой, абсолютно не подходящей ему по частоте. Интересный вывод о музыке Моцарта, позволяющей всем стать равными, показывает иллюзорность законов, царящих в этом обществе, обличает существующий режим и те условия, в которых воспитываются дети.

Кинолента «Равные» (2015) снимает проблему первых двух фильмов своей идеей общества «Коллектив», в котором все равны. Такая формула создает эффект соблю-

дения золотого правила нравственности, где люди – цели. «SOS» («Синдром Общественной Сознательности») – болезнь проявления чувств и эмоций. Сознание и сближение двух «Я» воспринимаются как заражение, которое необходимо лечить. Взрослые люди рассматриваются в становлении, что позволяет их сравнить с детьми. Главные герои учатся любить и страдать, чувствовать поддержку, страх. Они учатся быть людьми, что запрещено в «Коллективе». Все равны, нет особенных, нет творчества, нет экспрессии, нет реальных взаимоотношений в общества.

2. Показ различных тоталитарных режимов и роли, которую играют в них дети, ярко выражен в «Голодных играх» (2012-2016). Участвовать в них – доля каждого и даже юных жителей дистриктов, живущих в страхе и ожидании битв, якобы решающих проблемы агрессивности и смертности в мире. Ребенок – в статусе взрослого, его морально готовят к возможной участи, что воспринимается негативно жителями, но как должное – властной верхушкой.

В «Тайне семи сестер» (2017) – тема контроля рождаемости (до одного ребенка в семье) с «чипизацией» людей, умерщвлением «лишних». Семь главных героинь-близняшек с детства учат выживать под личиной одного человека. Это демонстрация характеров, пытающихся войти в рамки одной личности, чтобы продолжить существование.

«Темные отражения» (2018) стоит особняком: главные герои остаются детьми на про-

тяжении всего фильма. Они подвергаются вилу, наделяющему их опасными супер-способностями. Их, согласно их возможностям, делят по цветам и отделяют от взрослых. Прекращается рождаемость и возможность дальнейшего существования мира. Эта боязнь закрывает желание воспринимать ребенка, как часть себя и как полноценного члена общества. Этика детства нарушается, вопросы свободы и ответственности, личностной ориентации ставятся на последнем месте.

Итак, во всех фильмах под сомнение ставится существующий «идеальный» уклад, ибо именно он мешает человеку чувствовать себя человеком, а не частью механизма. Мешает, начиная с детского возраста, не позволяя ребенку ощутить себя личностью, целью, обрести гармонию с другим человеком, стать по-настоящему свободным и открытым для коммуникации с другими людьми.

Библиография

Платон. Государство / Платон. Соч. в трех томах. Т.3. Ч.1. М., Мысль, 1971.

Дриккер А.С. Экран – приглашение в утопию // Эстетика экранизации: утопия и антиутопия в книге и на экране. Материалы научно-практической конференции 9-10 апреля 2015 года. М., 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/sbornik-statey/estetika-ekranizacii-utopiya-i-antiutopiya-v-knige-i-na-ekr/chitat-onlayn/page-2/> (дата обращения: 1.11.2018).

Петров М.К. Предмет социологии науки // Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М., РОССПЭН, 2006.

МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ МИФА В СОВРЕМЕННОЙ УТОПИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Д.А. Александрович

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В настоящем докладе рассматриваются основные источники утопии, и определяется роль утопической поэтики в фантастической литературе второй половины XX – начала XXI в. Рассматриваются основные черты, присущие утопии и антиутопии. Уделяется особое внимание использованию авторами мифопоэтической модели идеального государства, «города Солнца» в сюжете своих произведений.

Ключевые слова: миф, утопия, антиутопия, постмодернизм, современная литература.

Современные авторы проявляют глубокий интерес к таким видам художественного вымысла как утопия и антиутопия (дистопия), отражая их элементы в своих произведениях. Даже если текст не является утопией/ антиу-

топией в точки зрения поэтики, в нем могут присутствовать её элементы.

Классическая форма утопии связана с произведениями Т. Мора «Утопия», Т. Кампанеллы «Город Солнца», Э. Кабе «Икаррия». В XX в.

эта форма претерпела значительные изменения, в первую очередь, утратив свою статичность, но сохранив как обязательное условие глобальный, общечеловеческий и даже космический характер описываемых событий. В утопиях создается некая новая, «вторая действительность», которая противопоставляется объективной реальности. С её помощью авторы дают критическую оценку современности.

Утопическая литература своими корнями восходит к архаическим мифам, в которых персонаж совершает путешествие в иной мир – подземное царство смерти, или острова блаженных. В греческой традиции, например, мы встречаем миф о чудесной стране Элизиум, в которой правит Крон. Это страна незаходящего солнца, в ней нет ни холода, ни жары, там вечно играет музыка, и не прекращаются игры и пиры. Этот образ чудесной страны проник в литературу и философию, оказав огромное влияние на развитие европейской утопической мысли. Одним из признаков утопии является обращение автора к мифопоэтической модели «Города Солнца» – идеального государства, которая берет своё начало в Платоновском мифе об Атлантиде.

Платоновскую идею об идеальном государстве подхватывает Т. Кампанелла. В идеальных республиках, созданных Платоном и Кампанеллой, все обитатели живут в достатке, и никто ни в чем не нуждается, но нарушен очень важный принцип идеального общества. Человек лишен человеческих прав в современном понимании: у него нет свободы воли, права и выбора. В этих условиях человеческая личность не может быть гармонична, она постоянно испытывает конфликт как внутренних (личностный), так и внешний (общественный). Человек такого государства не принадлежит себе в полной мере, он принадлежит обществу и государству. Идея об идеальном государстве проходит через Платона, Кампанеллу и становится центральной идеей в утопиях XX в. и современной литературе.

Но идеальное государство Платона и Кампанеллы не могло существовать вечно, потому что в нём нет развития. Сама теория утопии конечна, бесконечен только космос. Таким образом, внутри утопии была заложена антиутопия. В современной литературоведении нет универсального определения поня-

тию «антиутопия». Его можно рассматривать и как литературный жанр, и как философскую идею. В западном литературоведении для определения этого жанра используется термин «дистопия» (dystopia).

XX век занимает особое положение в истории утопической мысли. В этот период происходит критическое переосмысление утопической философии, в связи с этим он заслуживает особого внимания. На утопическое мышление повлиял научно-технический прогресс, в некоторой степени – «культ машины». Люди того времени задались вопросом, а возможно ли перестроить общество по модели совершенной машины. XX век – это время расцвета утопического сознания, человечество, питающее надежды, пыталось воплотить эти иллюзии в жизнь, представляя путь развития человечества от коммунистической модели всеобщего братства до постапокалиптического возвращения в каменный век.

Ярким образцом «глобальной космической утопии» является трилогия С. Снегова «Люди как боги» (1966-1977), вдохновенно пропагандирующая идею «вселенского братства» цивилизаций. Лейтмотивом трилогии является идея о Вселенной как общем доме, гармония в котором достигается путем движения к всеобщей высшей цели.

Снегов создает классическое утопическое произведение, действие которого происходит вне времени и пространства, на Земле и в космосе, в пятом веке Коммунистической эры. Внутри человеческого государства полностью ликвидирована государственная раздробленность, автоматические заводы выпускают всё необходимое для комфортного существования человеческой расы. Человеческая жизнь полностью подчинена компьютерам, люди состоят в телепатической связи с передовыми машинами. Земляне совершают полеты в космическое пространство, чтобы исследовать звёздные системы, на которых проживают другие цивилизации. Во время этих полетов человечеству приходится столкнуться с неведомой цивилизацией Рамиров (Жестоких богов). Люди приходят к выводу, что Рамиры – это некий звездный разум единого мира, с которым необходимо находиться в тесном взаимодействии для гармоничного существования Вселенной. Сама эта идея

о гармоничном существовании государства и мира в целом восходит к Платону: государство будет процветать, если им управляют мудрецы, а не воины.

Своеобразным антиподом трилогии Снегова можно назвать антиутопическую трилогию С. Коллинз «Голодные игры» («The Hunger Games», 2008-2010), где просматривается развенчивание утопической идеи идеального государства.

Трилогия «Голодные игры» повествует об устройстве мира после ряда катастроф, которые носят глобальный характер: природный, а затем и социальный. В центре романа государство с тоталитарным режимом Панем (Panem, это часть крылатого латинского выражения panem et circense «Хлеба и зрелищ!»), в котором существует традиция устраивать голодные игры, бои между юношами и девушками.

Голодные игры созданы для того, чтобы развлечь и наказать одновременно. На поле боя гибнут люди «низшего» класса, в то вре-

мя как у экранов мониторов представители высшей касты наслаждаются зрелищем, тем самым они отвлекаются от роскошной повседневной жизни. Следовательно, они не задумываются об устройстве государства, общечеловеческие категории, такие как доброты, милосердие, справедливость им чужды. Участники боёв обречены на смерть, они постоянно проходят суровые испытания, теряют близких. У этих людей нет выбора, единственное, что у них есть, это надежда и вера в справедливость, в «Золотой век».

В романе С. Коллинз показана тщетность утопических идеалов и борьбы за них. Даже после восстания, в котором погибает большая часть революционеров, этот новый кровавый мир, населённый антигуманными человекоподобными существами, продолжает существовать. Старого тирана сменяет новый тиран, и голодные игры продолжают своё существование.

ДИСКУРСИВНЫЕ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ УГНЕТЕННЫХ В АНТИУТОПИИ МАРГАРЕТ ЭТВУД «РАССКАЗ СЛУЖАНКИ»

А.В. Мальцев

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В статье анализируются дискурсивные политики противостояния тоталитарному обществу в антиутопии М. Этвуд «Рассказ служанки»: когнитивные, эмоциональные, аффективные и речевые средства борьбы с запретами, призванными всецело поработить фертильных женщин. В условиях полномасштабного контроля и кровавых расправ за неповиновение все еще существует возможность сохранения ментальной свободы, важной для женщин, скрытно борющихся за свою личностную идентичность. В работе выделены несколько групп запретов и способов противостояния им, согласно которым исследуется антиутопическая проблематика романа.

Ключевые слова: Маргарет Этвуд, антиутопия, формы дискурсивной борьбы за права человека, объективация, субъективация, номинация, утверждение своего Я, коммуникативные и нарративные средства противостояния.

Канадский роман Маргарет Этвуд «Рассказ служанки» 1985 года продолжает развитие антиутопических художественных миров. Произведение антиутопично по своему содержанию: конструируется общество бесправных рабов – служанок, не женщин, но вещей, или продуктов, своих хозяев, приобретших в своем меньшинстве всеобъемлющую власть над человеческим естеством и пользующихся плодами своей собственности по усмотрению семьи. Наряду с экзистенци-

альным, феноменологическим и исповедальным регистрами это прежде всего антиутопия – модель деспотического общества в абсолюте, где бывших людей лишают всех возможных прав, где накладываются запреты не только на обычное общественное поведение, но и на рефлексивное мышление как таковое. Где на когнитивном уровне уничтожают человеческое начало, превращая людей, женщин, бывших и потенциальных матерей в предметы владения своих безусловных хозяев.

Одной из важных характеристик антиутопической меры становится попытка противостояния, которая всегда претерпевает неудачу. В «Рассказе служанки» борьба ведется на двух фронтах. Очевидны экстремистские попытки нарушения запретов, такие как суицидальные идеи, нежелание участия в публичных казнях, хранение и передача писем служанок, создание подпольного клана, планирующего полномасштабный теракт. Однако основное противостояние разворачивается на дискурсивном уровне: борьба с запретами ведется на этапе когнитивных, эмоциональных, телесных и речевых политик.

Актуальность исследования обусловлена социально-культурной новизной практического материала, а также недостаточной изученностью формы и содержания произведения с точки зрения дискурсивных политик борьбы за права человека. Целью данной работы, таким образом, стало исследование когнитивных, эмоциональных, телесных и речевых политик противостояния запретам тоталитарного общества.

Дискурсивные политики запретов и попытки противостояния им были разделены на несколько типологических групп:

1. Запрет на объективацию: невозможность распознавания другого как личности, как отдельного человека, отдельный опыт.
2. Запрет на субъективацию: невозможность распознавания себя как личности со своим опытом.
3. Запрет на номинацию: запрет на ношение своего имени и называние истинных имен других служанок.
4. Запрет на коммуникацию: запрет на свободное общение и выражение своих эмоций и мыслей.

5. Запрет на наррацию: запрет на высказывание своего опыта, на рассказ о прошлом и настоящем.

6. Запрет на выражение телесности: невозможность воспринимать свое тело и тела других, запрет на телесные наслаждения.

7. Запретное пространство: отсутствие свободного пространства, запрет на свободное перемещение.

Подобная типология помогает в полной мере раскрыть проблематику антиутопического государства. В докладе подробно анализируются отдельные группы запретов и когнитивные, аффективные, эмоциональные и речевые средства противостояния им.

Библиография

- Мазин В.А. Стадия зеркала Жана Лакана / сер. «Лакановские тетради». СПб., Алетейя, 2005. 160 с.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с французского под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб., Наука, 1999. 372 с.
- Этвуд М. Рассказ служанки / Пер. Грызуновой А.Б., сер. Pocket book. М., Эксмо-Пресс, 2017. 352 с.
- Atwood M. The Handmaid's Tale / Series ed. Ellen Seligman. Toronto, McClelland & Stewart, 1985. 237 p.
- Dodson D.J. We Lived in the Blank White Spaces: Rewriting the Paradigm of Denial in Atwood's The Handmaid's Tale // Utopian Studies, 1997, Vol. 8, No. 2, pp. 66-86.
- Garlick B. The Handmaid's Tale: Narrative Voice and the Primacy of the Tale // Twentieth-Century Fantasists: Essays on Culture, Society and Belief in Twentieth Century Mythopoeic Literature / ed. Kath Filmer and David Jasper. New York, St. Martin's Press, 1992, pp. 161-171.
- Malak A. Margaret Atwood's The Handmaid's Tale and the Dystopian Tradition // Canadian Literature, 1987, No. 112, pp. 9-16.
- Stillman P.G., Johnson A.S. Identity, Complicity, and Resistance in The Handmaid's Tale // Utopian Studies, 1994, Vol. 5, No. 2, pp. 70-86.
- Wagner-Lawlor J. From Irony to Affiliation in Margaret Atwood's The Handmaid's Tale // Critique, 2003, Vol. 45, No. 1, pp. 83-96.

УТОПИЗМ АНТИЧНЫХ ПАСТОРАЛЕЙ: ТОСКА ПО «ЗОЛОТОМУ ВЕКУ»

Ю.С. Малик

Воронежский государственный университет (Воронеж)

Аннотация. Статья посвящена вопросу о сущностном содержании пасторального жанра, на примере буколик Лонга и Публия Вергилия Марона. Предлагается установление взаимосвязи упадка античной культуры с растущей утопической традицией. Обращается внимание на то, что неудачная попытка языческого утопизма получает свое развитие в христианской культуре.

Ключевые слова: Античность, буколика, золотой век, пастораль, мифология, культура.

Известно, что Античность во всем своем многообразии взрастила первые науки, которые мыслились изначально в единой связке. При этом немаловажным является и тот факт, что родство так называемых гуманитарных дисциплин – литературы, искусства и философии было немыслимо без обращения к мифологии, которая задавала весь вектор развития античной культуры. Гармоничное, на первый взгляд, развитие наук и искусства все же не остановило постепенно растущую демифологизацию и рационализацию общественной жизни, сначала – в Древней Греции, затем – в Древнем Риме. При наступлении кризисов (150-27 гг. до н.э. и 395-476 гг. н.э.), философия, в частности, находила пути отступления, в лице стоиков, киников, скептиков и эпикурейцев, своим примером призывая выносить тяжды существования, оставаясь в согласии с собой.

Тем не менее, истоки кризиса были интуитивно предвосхищены и в античной литературе, в частности в пасторальном жанре романов и буколик. Характерные черты пасторали как попытки идеализации жизни ярко представлены в романе Лонга (Лонгуса) «Дафнис и Хлоя». С первых строк Лонг указывает на мифологическое содержание своей повести, замечая при этом, что его произведение «да будет вместе с тем сокровищем, полным прелести для всех людей: болящий найдет в нем исцеление, огорченный – уладу, тот, кто любил, – воспоминание, тот, кто еще не знал любви, – посвящение в ее таинства» [Лонг, 2018: 26]. Лонг сакрализует свою повесть, предлагая её как пример лекарства от всех невзгод, пример счастливой жизни как некий гимн природе-храму, а не природе-мастерской. Произведение Лонга идеализировано так, что границы конкретики целиком и полностью размываются, а динамика произведения вписывается в статику мироустройства. Сюжет выстроен на жизни двух влюбленных детей-пастухов и их отношений с природой, где условные дни и года их взросления посвящены выгулу коз и овец, а также игре на флейте и почитанию нимф. Все напасти и невзгоды, которые происходят с ними – эфемерны, поскольку бог любви – Эрос защищает их от всех невзгод, даруя, в конечном счете, им счастливую жизнь. Как замечает Д.С. Мережковский, «...Дафнис и

Хлоя – не настоящие пастухи и поселяне, какими они кажутся, а дети городских, богатых родителей. Конечно, сельская жизнь очистила, укрепила их, вернула их душу к первобытной ясности, сделала более здоровыми и способными к простой, естественной и вместе с тем божественной любви» [Лонг, 2018: 194]. Однако Мережковский справедливо замечает, что при всей красоте, Дафнис и Хлоя изнежены и беспомощны без воли богов.

«Буколики» Вергилия схожи по настроениям с ранней повестью Лонга, однако в них отражен «римский» взгляд на жизнь пастухов. При всем разнообразии описания в Эклогах, повествование сельской, пастушеской жизни является скорее дополнением, нежели основополагающей конвой. Идеализация теряется, чувствуется констатация факта как реальной жизни, что не сулит обещания спасения. Однако в IV Эклоге мы находим пророчество о грядущем «Сатурновом царстве» и рождении младенца: «Жить ему жизнью богов; он увидит богов и героев Сонмы, они же его увидят к себе приобщенным. Будет он миром владеть, успокоенным доблестью отчей» [Вергилий, 2000: 40]. В данном изложении, при сопоставлении сущностного содержания пасторали Лонга и буколик Вергилия, можно заметить, что Лонг словно призывает жить пастушеской жизнью – уйти на поля, одеться в шкуры и кожу, воздавать почести нимфам и не гнаться за миром. В таком виде, структура мифологического космического образа жизни древнего грека целиком и полностью сохраняется – человек должен оставаться частью природы и пребывать в гармонии. Пастухи Вергилия, испытавшие на себе прелести и тяготы повседневной жизни Древнего Рима, обращены к настоящему: обилию скота, неразделенной любви, богатству – их образность мирская, в ней нет вмешательства нимф, наяд, хотя они и упоминаются.

При всем многообразии вышеупомянутых произведений, в них интуитивно предвосхищается утопическая идея вечного благоденствия, «Золотого Века», о которой Гесиод в поэме «Труды и дни» пишет следующим образом: «В прежнее время людей племена на земле обитали, Горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы, Ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных»

[О происхождении богов, 1990: 171]. Поскольку преемственность Древнего Рима от Древней Греции перенимается, в том числе и в культурном ключе (в частности «Энеида» Вергилия называется продолжением «Илиады» и «Одиссеи» Гомера), то тоска по «Золотому веку» и её преодоление всячески возникают во всех сферах жизни римского общества. Упоминание Вергилия о «Сатурновом царстве» отечественный историк, проф. Ю. Чернышов характеризует следующим образом: «Момент поворота от угасания к возрождению жизни, к пробуждению семян отмечался снятием запретов, весельем, изобилием пищи – словно ненадолго возвращались порядки, бывшие при Сатурне. На краткое время давалась воля первобытному хаосу, стихийным, необузданным, но плодотворным природным силам, – и именно на это время изображение Сатурна в храме раз в году освобождалось от сковывавших его ноги шерстяных пут» [Чернышов, 2013: 25].

Однако терапевтическое свойство пасторального жанра не смогло приблизить античный мир к золотому веку, хотя предпосылки и тяга к древнегреческим истокам возникала в эллинистической традиции, в реанимации язычества Юлианом Отступником.

Однако посыл пасторального жанра в лице Лонга и Вергилия в особенности, смог органично сойтись с христианскими идеалами, что в дальнейшем найдет отражение в жизни св. Франциска Ассизского, произведениях Дж. Мильтона и О. Уайльда. Именно развитие христианства смогло перенять античный утопизм, вычленив в нем главную ценность и самоцель, которой так не хватало угасающей империи – идею Любви, которая в христианстве нашла отражение в образе Иисуса Христа. «Люди больших городов, удалившись от природы, утратили вечный смысл жизни; занятые тем, что считают важным и серьезным: деньгами, войнами, славой, книгами, они забывают единственно важное и серьезное дело – божественную, бесцельную игру любви [Лонг, 2018: 213-214].

Библиография

- Вергилий Публий Марон. Буколики; Георгики; Энеида: Пер. с лат. / Вступ. ст. С. Шервинского. М., ООО «Издательство АСТ», 2000. 510 с.
Лонг. Дафнис и Хлоя. М., РИПОЛ классик, 2018. 222 с.
О происхождении богов / Сост., вступ. ст. И.В. Шталь. М., Сов. Россия, 1990. 320 с.
Чернышов Ю. Древний Рим: мечта о золотом веке. М., Ломоносовъ, 2013. 240 с.

LITERATURA UTÓPICA Y LENGUAJES POLÍTICOS EN GRAN BRETAÑA

Martín Pedro González

Universidad de Buenos Aires (Buenos Aires, Argentina)

Resumen. El artículo aborda un tema que ha sido parcialmente trabajado en el marco de la historiografía que busca pensar a los textos utópicos como pertenecientes a un *género literario*. Y digo “parcialmente”, porque en los *papers* y artículos especializados publicados en los últimos años han predominado los enfoques culturales y/o lingüísticos que, o bien buscan pensar a los textos utópicos en el marco de contextos o problemas laxos, que incluso los propios autores de esas utopías desconocían su existencia, o adoptan perspectivas que se sumergen exclusivamente en el texto y abandonan cualquier intento de pensar alguna dimensión problemática por fuera de la pluma del autor. En este trabajo quiero retomar un tema que fue muy importante para la historiografía hasta fines de la década de 1980. Esto es la vinculación entre las utopías literarias y lo político.

Palabras clave: utopía, literatura utópica, lenguajes políticos, Gran Bretaña.

I

En las últimas décadas el campo de estudio de la literatura utópica ha experimentado un crecimiento notable. Muestra de ello es la proliferación de revistas y *journals* dedicadas específicamente al tópico (como *Utopian Studies*, *Utopus Discovered*, *Utopia and Utopianism*, *Morus*, *Utopía e Renascimento*, por sólo nombrar a las

más prestigiosas) y la consolidación de dos grandes asociaciones con presencia mundial (la *Society for Utopian Studies* con sede en los Estados Unidos, y la *Utopian Studies Society* ubicada en Europa), que nuclean a cientos de investigadores sobre el tema. Probablemente el hito más significativo en este desarrollo sea la reciente publicación de un volumen de la prestigiosa colección

Cambridge Companion dedicado específicamente a la literatura utópica, en el que una nutrida selección de historiadores e investigadores – que incluye a los máximos referentes en el área, como Gregory Claeys, J. C. Davis, Fátima Vieira, Lyman Tower Sargent o Nicole Pohl – aportan diversos artículos que constituyen una clara muestra del estado actual de los estudios en torno a la literatura utópica.

En la presente comunicación me propongo abordar un tema que ha sido parcialmente trabajado en el marco de la historiografía que busca pensar a los textos utópicos como pertenecientes a un género literario [Reis, 2008; Claeys, 2011a y 2011b]. Y digo “parcialmente”, porque en los *papers* y artículos especializados publicados en los últimos años han predominado los enfoques culturales y/o lingüísticos que, o bien buscan pensar a los textos utópicos en el marco de contextos o problemas laxos, que incluso los propios autores de esas utopías desconocían su existencia, o adoptan perspectivas que se sumergen exclusivamente en el texto y abandonan cualquier intento de pensar alguna dimensión problemática por fuera de la pluma del autor¹. En este trabajo quiero retomar un tema que fue muy importante para la historiografía hasta fines de la década de 1980 [Davis, 1981]; me refiero a la vinculación entre las utopías literarias y lo político.

A partir de dos momentos fundamentales en la historia política del *long eighteenth century* británico, como la coronación de George III en 1763 en el marco de la Guerra de los Siete Años y los debates generados en Inglaterra en torno a la recepción de la Revolución Francesa durante 1789/1793, quiero abordar una serie de textos utópicos profundamente influenciados por la coyuntura política en que fueron escritos. Me interesa señalar no sólo la importancia del contexto político y cultural para pensar textos literarios, sino demostrar cómo esos textos utópicos ponen en juego una serie de resignificaciones de los len-

guajes políticos del momento. Así, quiero marcar la capacidad que tienen las utopías literarias para convertirse en vehículos críticos que permiten a sus autores trascender ciertos consensos de su tiempo. Trabajaré con *The Reign of George VI, 1900-1925. A forecast written in the year 1763*, de autor anónimo y publicada en 1763, *An Account of The Cesares*, de James Burgh (1764), *Commonwealth of Reason* de William Hodgson (1794), y con varias de las utopías que escribió Thomas Spence, principalmente con *A Marine Republic, or A Description of Spensonia* (1795), *The Constitution of a Perfect Commonwealth* (1798), y *The Constitution of Spensonia: A Country in Fairyland Situated Between Utopia and Oceana*.

II

Más allá de las consideraciones generales sobre el carácter del *long eighteenth century* inglés, hay dos contextos específicos que suscitaban profundos debates culturales, políticos e intelectuales en la isla. El primero es la llegada de George III al trono británico, en el marco de la finalización de la Guerra de los Siete Años (1756/1763) con una aplastante victoria sobre Francia y España que modificó no sólo el carácter y la estructura del Imperio británico, sino la percepción que la opinión pública londinense tenía del mismo [Colley, 1992, Hay, 1979]. Primer monarca de la dinastía Hanover nacido y criado en Inglaterra, la coronación del joven rey parecía auspiciar un período de grandeza inigualable en la historia británica: anunciaba la llegada de un verdadero “rey patriota”, noción popularizada por Henry St. John, Vizconde de Bolingbroke. Tanto la expectativa de su llegada como la posterior decepción ante la repetición de viejos esquemas, influenciarán profundamente a las utopías literarias del período. El otro momento fundamental es el de la trama de debates intelectuales y políticos suscitados en Gran Bretaña a la luz de los eventos revolucionarios franceses. Jalonadas en torno al conservadurismo de las *Reflexiones sobre la Revolución Francesa* de Edmund Burke (1789) y los *Derechos del Hombre* del héroe de la revolución de independencia norteamericana Thomas Paine (1792), las utopías que quiero abordar buscan posicionarse en uno de los debates intelectuales más trascendentes de la historia moderna [Claeys, 2007].

El primero de estos contextos, el de la llegada de George III al poder, marca una de las más

¹ Dos ejemplos sobre estas perspectivas, y la necesidad de problematizarla. Sobre el primero de estos enfoques, véase “Two technological dystopias: le monde tel qu’il sera and Alpha Ralpha Boulevard”, de Maria Monteiro (2007), en el que la autora realiza una comparación entre dos textos absolutamente forzados y, en ese sentido, poco significativa: el investigador define un problema, y va buscando en diversos textos rastros que puedan permitirle abordarlo, pero sin tener ninguna consideración por la totalidad del texto, las intenciones originales de los autores, etcétera. Sobre el segundo enfoque, puede consultarse “Science as a Defense against Totalitarianism in George Orwell’s 1984”, de Daniel Ogden (2007), en el que el autor se las ingenia para hablar sobre la crítica al totalitarismo en 1984 sin hacer absolutamente ninguna referencia a la trayectoria política de Orwell, al contexto en el que escribió, etcétera.

profundas desazones intelectuales de la política británica del siglo XVIII, y cuyas consecuencias se sentirán marcadamente hasta inicios del siglo XIX. El vizconde de Bolingbroke, una de las figuras fundamentales de la oposición tory a los gobiernos de George I (1714-1727) y George II (1727-1760), escribió entre 1738 y 1749 una serie de textos de circulación clandestina² muy leídos en los círculos ilustrados londinenses, criticando fuertemente a un sistema político sumido en la corrupción y disputas estériles, proponiendo al surgimiento de un “verdadero rey patriota” como la única solución para los vicios de la clase política inglesa. La realidad, sin embargo, iba a contradecir las secretas esperanzas de Bolingbroke: lejos de situarse por sobre la política facciosa, George III se sumergió en el juego político británico. Además, y contrariamente a la tradición de los monarcas Hannover que reservaban los cargos más importantes para el sector whigh, George III se vinculó rápidamente con los sectores tories, “rompiendo con las convenciones de 46 años de supremacía Hanover” [Colley, 1992: 110].

Esta esperanza de renovación puede verse en dos utopías escritas durante los primeros años de gobierno de George III, en las que se intenta aconsejar al joven monarca a partir de una reconsideración de la definición maquiaveliana de la virtud republicana [Pocock, 2008]. El primero de estos textos es *The Reign of George VI, 1900-1925. A forecast written in the year 1763*, un texto anónimo publicado en 1763, y una de las primeras utopías inglesas que tiene lugar en el futuro. La historia se centra en el hipotético reinado de George VI, que ocuparía el primer cuarto del siglo XX, en el que se construye la imagen de un rey virtuoso que debe hacer las veces de “espejo de príncipe” para el actual monarca Hannover. Así, sobreponiéndose a las voces maliciosas de su corte de acólitos, George VI llevaría a Gran Bretaña a la más absoluta de las glorias en asuntos externos, anexionando Francia y llevando sus conquistas militares hasta las gélidas tierras del Imperio Ruso, a la vez que distribuía el bienestar de las conquistas entre sus súbditos, promoviendo las ciencias y las artes, la libertad de imprenta, las mejoras para las clases más bajas, el equilibrio del erario público, entre otras cuestiones de marcada actualidad para mediados de la década de 1760.

2 *The Spirit of Patriotism, The State of Parties at the Accession of George I, The Patriot King*, entre los más importantes.

Esta imagen de un rey virtuoso y que puede sobreponerse a los vicios de la corte inglesa para llevar a la nación a la gloria y el progreso estará en el seno de las consideraciones políticas e intelectuales de James Burgh, en dos textos diferentes. El primero de ellos, es el inédito *Remarks Historical and Political*. Enviado en secreto a George III en agosto de 1762 [Hay, 1979: 101], es una llamada de atención para que el joven monarca “pueda ver con sus *proprios ojos*, en lugar que con los de *otros*, sosteniendo el gobierno en sus *propias* manos (...) y que se ponga a la cabeza de su *pueblo* para manejarlo, y suprima los *partidos*” [Hay, 1979: 100]. El rey se asemejaba así a un *pater familias* de marcada moralidad cívica, ocupando un lugar central como garante del bien común por sobre el faccionalismo de los partidos ingleses.

Cuando en 1764 publique *An account of the Cessares*, los planteos de Burgh serán radicalmente distintos. Parte del club de los “Honest Whighs” desde el año anterior, Burgh va a cuestionar su confianza previa en la figura del monarca, y de esa propia crítica surgirá su primer y única utopía literaria, una disquisición filosófico-política sobre la búsqueda de la mejor forma de gobierno. *An Account of The Cessares* está compuesta por nueve cartas – y un Prefacio del supuesto editor – que le escribe un personaje ficticio, Mr. Vander Neck³ (holandés, senador de los Césares) a su amigo Mr. Vander Zee en Amsterdam. Las mismas habrían sido enviadas entre septiembre de 1618 y junio de 1620, en el marco de la Guerra de los Ochenta Años (1567-1659), librada por los rebeldes holandeses contra el dominio español. A lo largo de las cartas el gobernante de los Césares va exponiendo de forma detallada la totalidad de las características de la empresa colonizadora, desde los motivos para viajar y fundar ese nuevo asentamiento, la forma de gobierno que adoptarán, así como también una descripción del país, las leyes, las costumbres, los trabajos, y las formas de vida en los Césares.

Una buena parte del *Account of the Cessares* está dedicada a presentar a los lectores una serie de críticas a las monarquías existentes. En las cartas tercera y cuarta el autor retoma el clásico tópico cuál es la mejor forma de gobierno, y plantea, a partir de numerosos ejemplos históricos, que todos los gobiernos que han existido,

3 El personaje principal de esta utopía, Mr. Vander Neck, está inspirado en Jacob van Neck (1564-1638), un explorador holandés que viajó a las Indias Orientales (su diario se tradujo al inglés en 1601).

ya sean monárquicos, aristocráticos o democráticos, se han corrompido debido a las ansias de poder de los gobernantes. Sin embargo, considera que la monarquía sería la mejor forma de gobierno, “si los reyes poseyeran siempre las dos habilidades propias de su rango, la benevolencia de su corazón, y hacer de la búsqueda del bien de sus súbditos la única y última misión de su administración” [Burgh, 1764: 88]. El principal problema de la monarquía, sin embargo, es que todos los ejemplos históricos demuestran que en última instancia los monarcas fundamentan su poder en una decisión arbitraria y no en la búsqueda del bien público.

Esta agria caracterización de la institución regia, incluso la dificultad de encontrar algún ejemplo histórico que dé cuenta de un gobierno monárquico que no haya degenerado en un gobierno corrupto [Burgh, 1764: 90], constituye sin dudas un fuerte alejamiento de la perspectiva de un “rey patriota” que planteamos anteriormente. Así, en este contexto de expectativa y posterior desilusión ante la llegada de un nuevo monarca, fueron dos utopías literarias las que lideraron una caracterización del presente a la luz de los lenguajes políticos del humanismo cívico.

III

El segundo de los contextos que quisiera analizar es el de los debates políticos e intelectuales suscitados en Inglaterra en torno a la caracterización de la Revolución Francesa. Tras la bienaventurada recepción inicial del proceso revolucionario francés, profetizado por sus simpatizantes *whigs* como una liberación de las cadenas de la opresión absolutista por parte del atrasado pueblo galo [Claeys, 2007], el violento devenir revolucionario fue cambiando la percepción que se tenía del mismo en Inglaterra. La publicación de las *Reflections on the revolution in France* de Edmund Burke en 1790 marcó un abismo fundamental entre ese entusiasmo inicial y la posterior interpretación conservadora del proceso, con un marcado giro por parte de la opinión pública inglesa hacia posiciones de exaltación nacionalista y rechazo de la expansiva violencia revolucionaria [Colley, 1992; Claeys, 2007; Macleod, 2008]. En este particular contexto, serán dos utopías literarias las que entablarán un fructífero e inusitado debate entre la teoría política republicana y una interpretación radical de los ideales ilustrados, a partir de ubicar a la Razón

como el elemento definitorio de un sistema político virtuoso.

The Commonwealth of Reason fue escrita por William Hodgson desde la prisión de Newgate, donde fue confinado durante dos años tras haber propuesto un brindis en público en nombre de “La República Francesa” y haber comparado al rey “con un carnicero alemán” [Harrison ed 2004: 1902]. Esta utopía comienza con una crítica a la corrupción, definida como un mal político, el “resultado del poder continuado largamente en el mismo individuo” [Hodgson, 1794: 201]. Precisamente, el entramado institucional que propone reside en la creación de una República “revolucionaria o rotativa”, la mejor herramienta para combatir esta epidemia enemiga de la felicidad pública: “la proposición de un Gobierno racional, que debe estar fundado en los invencibles derechos del hombre” [Hodgson 1794: 213] basado en los principios de la libertad, fraternidad e igualdad. En otras palabras, la posesión prolongada e ininterrumpida del poder político en manos de un solo individuo deviene en corrupción, por lo que solamente su posesión temporaria y la elección del cuerpo de ciudadanos serán la única manera de asegurar la primacía de la razón. La virtud ciudadana, clásico tópico de la tradición humanista, queda así redefinida a partir de la influencia de los ideales revolucionarios franceses como el único régimen político estructurado en función de la razón.

La República de la Razón ideada por Hodgson está estructurada en torno a tres pilares fundamentales: evitar la corrupción individual, el fin de la existencia de órdenes privilegiados y derechos feudales, y la defensa de la participación política de la totalidad de los ciudadanos, sin importar su propiedad, definida como un derecho inalienable del hombre. Si bien en Hodgson confluyen diversas tradiciones y lenguajes políticos (el del humanismo cívico, el de los derechos naturales y el del liberalismo individualista), la clave de su ordenamiento institucional reside en la centralidad de la Razón. Así, en su República coexiste un cuerpo de ciudadanos que participa de la política y de la autodefensa armada de la *polis*, con la posibilidad de la libre elección individual en materias fundamentales (como el credo religioso, por ejemplo), junto con una igualdad política radical.

Una perspectiva similar podemos encontrar en las diversas formulaciones utópicas publi-

cadras por Thomas Spence durante la década de 1790, particularmente en *A Marine Republic, or A Description of Spensonia* (1795) y *The Constitution of a Perfect Commonwealth* (1798)⁴. Influenciado profundamente por su particular interpretación de las Escrituras, los tratados republicanos, la filosofía ilustrada y la tradición inglesa de los derechos naturales, Spence propone una distribución igualitaria de la tierra inspirada por el clásico esquema expuesto por Harrington en su *Océana* (1656), pero introduce una modificación fundamental en la forma de justificar su propuesta niveladora: mediante la Razón. Esta creencia en el poder político de la Razón estaba en la base de todas sus consideraciones políticas e institucionales, y la definía como un principio revolucionario inherente a la naturaleza humana, que guiaba a los hombres a actuar en busca de una igualdad tanto política como económica. Este uso de la Razón estaba fundado en el lenguaje político del humanismo republicano y su búsqueda de un régimen político perfecto, una tradición que influenció ampliamente la concepción que Spence tenía de la política y de una sociedad ideal. Pero, por otro lado, Spence utilizaba a la Razón como un principio político, partiendo de la noción ilustrada de “razón pública”, junto con una marcada influencia del principio rousseauniano de la voluntad general. Esta segunda definición del concepto de Razón no la definía como una característica inherente a la naturaleza humana, sino como una capacidad colectiva de la soberanía popular, que incitaba a los individuos a participar de la política de manera virtuosa.

Así, en el explosivo contexto de los debates ingleses en torno a la interpretación del devenir revolucionario francés, dos radicales como Thomas Spence y William Hodgson, que fueron perseguidos y encarcelados por el gobierno de Pitt, apelaron a la potencialidad satírica y crítica de la literatura utópica, para introducir una modificación fundamental a la estructura de ideas fundamentales del republicanismo inglés: la Razón como principio político. Este uso del polisémico e ilustrado concepto de Razón es, precisamente, una novedad fundamental para poder pensar, por un lado, los alcances y sentidos de una “Ilustración inglesa” caracterizada esencialmente como conservadora [Pocock, 2002] y, por otro lado, la radicalización producto de la Revolución

Francesa favorece la aparición de “improvisaciones creativas” [Baker, 2009] en los lenguajes políticos modernos.

IV

Como brevísima conclusión, quisiera señalar dos cuestiones. En primer lugar, la necesidad de volver a pensar el vínculo entre “la utopía y la política”, a secas, o, si se quiere, entre la literatura utópica y los lenguajes políticos durante la modernidad. Al realizar una mirada en profundidad, que escape a las obvias relaciones superficiales entre utopía y política, creo posible indagar en aspectos novedosos y disruptivos. Segundo, la importancia de la literatura utópica para el pensamiento político específicamente inglés, con una tradición filosófica anclada en el empirismo pero que combina de forma explosiva la crítica a la realidad social, moral y política, con una propuesta imaginaria para construir una sociedad óptima.

Apuntes Bibliográficos

Baker, Keith. “Political languages of the French Revolution”. In *The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought*. Ed. Mark Goldie and Robert Wokler. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Burgh, James. “An Account of the First Settlement, Laws, Form of Government, and Police, of the Cessares, a People in South America: In Nine Letters, From Mr. Vander Neck, one of the Senators of that Nation, to his Friend in Holland. With Notes by the Editor”, reeditado en Claeys, Gregory (comp). *Utopias of the British Enlightenment*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994 (1764), pp. 72-136.

Claeys, Gregory (ed). *The Cambridge Companion to utopian literature*. Cambridge, CUP, 2011.

Claeys, Gregory. *The french revolution debate in England. The origins of modern politics*. London: Palgrave Macmillan, 2007.

Claeys, Gregory. *Utopia. Historia de una idea*. Madrid, Siruela, 2011.

Colley, Linda. *Britons. Forging the Nation 1707-1837*. Londo, Yale University Press, 1992.

Davis, J. *Utopía y la sociedad ideal. Estudio de la literatura utópica inglesa 1516-1700*, México, FCE, 1985 (1981).

Goldie, Mark y Wolker, Robert. *The Cambridge History of 18th Century Political Thought*, Cambridge, Cambridge, Cambridge University Press, 2008.

González, Martín. “An “empire of right and reason”: Thomas Spence and the political languages of British utopian radicalism”, en Rodgers, Rachel y Sippel, Alexandra. *Bicentennial perspectives on Thomas Spence*. Toulouse, Université Toulouse Press, 2016 (en prensa).

Harrison, Brian, ed (2004). *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford: OUP.

4 Para una exploración más profunda de los vínculos entre los debates intelectuales británicos, los lenguajes políticos y las propuestas utópicas de Spence, sugiero ver González, 2016.

Hay, C. H. (1979). 'The Making of a Radical: The Case of James Burgh', *JBS*, 18:90–117.

Hodgson, William (1795). *The commonwealth of Reason*. Londres. Reeditado en: Claeys, Gregory comp. (1994). *Utopias of the British Enlightenment*. Cambridge: CUP.

Macleod, Emma. "British attitudes to the French Revolution", *The Historical Journal* 50: 3 (2007): 689-709.

Pocock, John. "Clergy and Commerce. The Conservative Enlightenment in Europe", in *L'età dei Lumi. Studi storici sul settecento europeo in onore di Franco Venturi*, AAVV. Naples: Jovene, 1985.

Pocock, John. *Political Thought and History: Essays on Theory and Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Pocock, John. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton: Princeton University Press, 1975.

Porter, Roy. "The Enlightenment in England". In *The Enlightenment in National Context*. Ed. Roy Porter et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Reis, José. "El género de la utopía y el modo del utopismo", en Avilés, R (ed). *Anatomía de la utopía*. Madrid, Dykinson, 2008.

Sargent Tower, Lyman. "What is a Utopia?" *Morus. Utopia e Rinascimento* 2 (2005): 58-75.

ОТ «СОЛНЕЧНОГО ГОРОДА» К «ОБЛАЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ»

Г.Д. Леонтьев

Казанский национальный исследовательский технологический университет
им. С.М. Кирова (Казань)

Аннотация. В русле успешной интеграции «утопий свободы» и «утопий порядка» представлен проект российских политологов «Облачная демократия». В основе проекта – развитие политической самоорганизации граждан, социальное конструирование системы электоральных процедур с использованием облачных интернет-технологий. Процедурный подход к моделированию «облачного» будущего охарактеризован в терминологии К. Поппера как «социальная инженерия частных решений». В контексте постнеклассического утопического дискурса представленная форма социального прогнозирования определена как цифровая практопия.

Ключевые слова: утопия, практопия, облачная демократия, открытое общество, сетевые коммуникации, социальные технологии.

Поиск путей достижения гармоничного общественного устройства – процесс, исторически пролонгированный в силу его социальной востребованности. Конкретика социально-утопического конструкта обусловлена как политическими условиями, так и научно-техническим развитием. Идеальный Город Т. Кампанеллы получил свое солнечное название не только за счет метафорического Света добра, гуманизма и благоденствия, но и в связи с непосредственным его управлением от лица (Верховный метафизик Солнце) и посредством Солнца (инструментальная роль астрологии, где Солнце – важнейшее светило). Но, если для сообщества соляриев небо – это Храм и обитель Солнца, то в современном информационном обществе для пользователя компьютерных сетей, хранилищем актуальной информации, местом обитания и площадкой для коммуникации является Облако, т.е. Web OS – облачные операционные системы. В связи с этим, рассмотрим проект «Облачной демократии»

как попытку объединения принципов «утопий свободы» и «утопий порядка» прошлых веков. Синергические эффекты взаимодействия различных типов социального идеала обусловлены в данном проекте интеграцией концептов «идеальное состояние человека» (например, у Т. Мора) и «идеальный гражданин Государства» (Т. Кампанелла).

Постнеклассические, цифровые формы прогностического видения связаны, по утверждению французского философа Ж. Эллюля, с изменением среды обитания человека: от природы – к технике [Ellul, 1963]. Поэтому отечественные политологи и общественные деятели Л. Волков и Ф. Крашенинников предлагают электоральную, организационную систему, обеспечивающую политическую свободу и социальный порядок на основе функционирования сетевых информационных технологий. Авторы проекта определяют его суть следующим образом: «Облачная демократия – форма политического самоуправления граждан в масштабах государств (а в пер-

спективе – и в общепланетарном масштабе), которая строится на повсеместном использовании облачных интернет-технологий» [Волков, Крашенинников, 2013: 97].

Идеальное функционирование облачной демократии базируется на следующих, технологически подкрепленных идеях: механизм «принудительной честности» как «побочный эффект» сетевого общества, предусматривающий прямую корреляцию между уровнем политического статуса и степенью добровольной открытости; механизм подвижного доверия, устанавливающий прямую зависимость между изменением уровня поддержки политика и его полномочиями; матричный механизм делегирования, предоставляющий возможность гражданам по любому социально значимому вопросу либо принимать решение самостоятельно, либо быть представителем экспертов, либо делегировать собственный голос.

При реализации «облачных» идей сетевой характер информационного общества позволит решить следующие проблемы: устойчивость социальной системы возрастет за счет частоты замеров ее состояния в онлайн-режиме; компетентность избирателей и честность политиков повысятся, а сложность процедур снизится. На выходе имеем идеально функционирующую государственно-гражданскую онлайн-конструкцию, «смесь социальной сети и интерактивной политической стратегии в реальном времени» [Волков, Крашенинников, 2013: 87].

Таким образом, идеальная «облачная демократия» является научно и технологически обоснованным проектом с областью применения в виртуальной реальности, которая обладает статусом универсального онлайн-пространства. Социальный заказ на «облачные» взаимодействия обусловлен протестной мотивацией и конструктивно-критическим анализом социально-политической действительности. Следовательно, такие характеристики, как критичность, рациональность, проективность, трансцендентность и универсализм имманентно присущи данному проекту. В соответствии с точкой зрения автора, обоснованной в других публикациях

[Леонтьев, 2017: 78-86], данные характеристики представляют собой утопические инварианты идеальных социальных образований. Конечно, речь идет не о классической утопии, а об адаптированности ее черт к ситуации постнеклассического дискурса.

Для современных утопических моделей социально-политического устройства актуален процедурный подход или в терминологии К. Поппера «социальная инженерия частных решений» [Поппер, 1992: 30]. Электорально-процедурный метод – это метод корректировки отдельной сферы по обеспечению представительства интересов граждан, работающий на модернизацию системной целостности. В контексте постнеклассического утопического дискурса эту форму социального прогнозирования логично определить как практопию, т.е. «реалистическую утопию». Особенность практопии заключается в допустимости отдельных несовершенств будущего мира, «идеальность» которого состоит в его большей благоприятности для человека по сравнению с миром нынешним. Исходя из данного понимания практопии, электорально-процедурный метод «частных улучшений» – это и есть метод вхождения в практическое будущее.

Конечно, «облачная демократия» вряд ли начнет функционировать в ближайшем будущем, но данная цифровая практопия уже проявляется в актах мобилизационной коммуникации и самоорганизации граждан посредством социальных сетей.

Библиография

- Волков Л., Крашенинников Ф. Облачная демократия. Предисл. А. Навальный. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., Екатеринбург, Кабинетный учёный, 2013. 240 с.
- Леонтьев Г.Д. Антиутопичность постмодернизма или постмодерн утопического? // Известия УрФУ. Серия № 3. Общественные науки. 2017. Т.12. № 2 (164). С. 78-86.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М., Феникс, 1992. 448 с.
- Ellul J. The Technological Order // The Technological Order. Ed. C.F. Stover. Detroit: Wayne State Univ. Press, 1963, pp. 10-37.

ИДЕАЛ КОММУНИКАТИВНОГО РАЗУМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ УТОПИИ

С.В. Рудановская

Российский университет дружбы народов (Москва)

Аннотация. Доклад посвящен анализу трансформации утопического жанра в романе М. Пирси «Женщина на краю времени» (1976), в котором вместо утопии общего порядка обнаруживается утопия индивидуальных различий, а вместо нормализующей рациональности – деятельность коммуникативного разума, чуткого к разнообразным другим и рассматривающего понимание другого (и взаимопонимание) как жизненную задачу. Утопия М. Пирси представляется наглядной критикой современных режимов взаимодействия, индифферентных к личностному бытию.

Ключевые слова: литературная утопия, «Женщина на краю времени», коммуникативный разум.

Литературная утопия XVI-XIX вв. воплощает принципы разумного устройства социального общежития, где господствует идеальный порядок и происходит равномерное движение индивидов, добросовестно выполняющих свои общественно-полезные функции. Утопия изначально задумывается как общество, в котором нет места досадным недоразумениям, неожиданным проявлениям субъективности, коммуникативным сбоям. Утопические взаимодействия свободны от деструктивных интенций и нездоровой конкуренции. В утопическом пространстве человек находится среди «своих», «соседей» (У. Моррис), доброжелательно настроенных людей, с которыми не нужно бороться за дефицитные ресурсы общества.

Современная литературная утопия, с одной стороны, продолжает традицию описания идеальных коммуникаций, подчиненных принципам разумности, с другой – помещает эти коммуникации в иной социальный контекст. Так картины утопического будущего, представленные в романе М. Пирси «Женщина на краю времени», изображают плюралистическое пространство, которое благоприятствует выражению индивидуальных различий, постоянно побуждая людей выходить за рамки безличных условностей. Первое, что бросается в глаза главной героине, гостье сообщества Мэттапуасетт 2137 года, это отсутствие дисциплинарной упорядоченности жизни, вольготное отношение к действительности, спонтанно возникающие диалоги, размывающие границы между режимом работы и часами досуга. «Почему никто не спешит? Почему дети все время болтаются под ногами? Как Вы можете столько времени тратить на разговоры?» [Piercy, 2010]. Если в

классической утопии любой разговор отражает общий порядок, то в романе М. Пирси диалоги между людьми не сводятся к стандартным обсуждениям социальных задач или формальной вежливости. «Разговоры» – проявление неподдельной заинтересованности в раскрытии индивидуального бытия, среда становления субъекта, который является не столько частью системы, сколько многоплановой личностью, нацеленной на исследование новых познавательных и экзистенциальных возможностей, открытие новых смыслов в общении с другими.

Межличностная коммуникация такой же неотъемлемый компонент утопии, как и созидательный труд. Это проявляется в том, что все без исключения члены утопического сообщества уделяют время поиску подлинного (а не иллюзорного) взаимопонимания, не являющегося производным от экономически благоприятных условий. Диалогическая атмосфера сообщества будущего позволяет обсуждать любые вопросы общественной и частной жизни и воплощает в себе «идеальную речевую ситуацию» Ю. Хабермаса: настраивает собеседников на поиск неподдельного согласия в условиях взаимного уважения, равного и честного участия в дискурсе [Benhabib, 1986: 297].

Однако коммуникативная утопия М. Пирси не ограничивается рамочными правилами отношения к собеседнику, но развивает чуткое отношение к жизни других людей и представителей других биологических видов. Именно подобная чуткость заставляет жителей Мэттапуасетт трансцендировать пределы утопического пространства, мысленно обращаться к принципиально Другому или другим, сталкиваться с риском непонима-

ния, отказываться от комфорта и безопасности ради полноценного существования в «большом мире». Идеал коммуникативного разума подразумевает преодоление удобных абстракций, внимание к сложности жизни в ее многочисленных проявлениях. Так, например, на общих собраниях жители утопии поочередно выступают в роли адвокатов Земли и Животных. Изучается язык голубых китов. Совершаются путешествия в прошлое с целью установления контактов со своими предшественниками. В разговорах по душам обсуждаются вопросы жизни и смерти, ограниченного времени, отведенного на то, чтобы сделать и высказать самое важное.

Коммуникативный разум не является автономным, спокойно обозревающим происходящее с позиции стороннего наблюдателя, обладающего универсальным знанием истины и нормы. Следуя интенциям коммуникативного разума, индивид в большей степени осознает жизненно необходимость быть с другими, работать на преодоление расстояний и дистанций, препятствующих взаимопониманию. Недаром представительница Мэттапуасетт говорит нашей современнице: «Если ты и я наберемся терпения, мы сможем упрочить наш контакт... Если мы обе будем работать над этим, мы будем слышать друг друга все лучше и лучше» [Piercy, 2010]. Умение слышать другого (outknowing) так

же, как и себя (inknowing) становятся приоритетным направлением развития в сообществе будущего.

Коммуникативная утопия, показывая умную простоту и живительную силу человеческого общения, общения с природой превращается в критику поверхностных взаимодействий, происходящих зачастую в автоматическом режиме. Несмотря на множество контактов современного человека, огромная часть из них – ничего не значащие разговоры между людьми, говорящими на отвлеченные темы, равнодушными к бытию другого. Коммуникативная утопия, в которой для беседы, обсуждения, разговора по душам всегда есть время, противостоит обществу массовых коммуникаций, где многочисленные шумовые эффекты, режим бизнес-взаимодействий и нехватка времени скрывают дефицит нужных слов, необходимых для развития личности, одиночество человека в пространстве, перегруженном информационными сообщениями для всех и ни для кого в отдельности.

Библиография

Benhabib S. Critique, Norm and Utopia: A Study of the Foundation of Critical Theory. N.Y., Columbia University Press, 1986.

Piercy M. Woman on the Edge of Time. N.Y., Ballantine Books, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://read.amazon.com/?asin=B003Z9KFBC> (дата обращения: 02.12.2015).

ИДЕЯ ТРУДА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ РЕГУЛЯТОР В СОВЕТСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА-УТОПИИ И.А. ЕФРЕМОВА «ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ»)

М.В. Привалова

Забайкальский государственный университет (Чита)

Аннотация. В статье отражены взгляды автора на идею труда как социокультурный регулятор. Автор считает, что художественные произведения советской литературы предназначались не просто для развлечения читателя, они воспитывали будущих членов общества, закладывали в них представления о ценности и значимости труда, являющиеся важнейшими конституирующими моментами культурной картины мира. Посредством произведений культуры общество формировало сознание «человека труда», регулировало его поведение в системе общественных отношений, оглашало социальный заказ на те или иные необходимые на данный момент профессии.

Роман И. Ефремова «Туманность Андромеды» является, по мнению автора, ярким примером почти филигранного сочетания мечты человека о прекрасном будущем и идеи труда, обуславливающей формирование необходимого для жизни общества «человека труда».

Ключевые слова: идея труда, социальная ценность, социокультурные регуляторы, утопия, человек.

Согласно взглядам В.В. Путина, современное российское общество истово нуждается в восстановлении так называемых «духовных скреп», ими станут традиционные российские ценности, отраженные в «Основах государственной культурной политики». К таким ценностям авторы вышеназванного документа отнесли: правдивость, любовь к Родине, целомудрие, добросердечие, милосердие, честный труд и т.д.

Таким образом труд выделен как одна из базовых традиционных российских ценностей. Социальные ценности относятся к социокультурным регуляторам, ибо «для субъекта значимость и ценность его деятельности определяется тем, насколько она соответствует его ценностным ориентациям, производным от реально действующих мотивов» [Тхостов, 2017: 131]. Во все периоды развития человеческого общества социальные ценности обладали большой силой, определяли способ мышления и деятельности людей, вдохновляли их на изменение самих себя и общества, оказывали влияние на формирование норм, социальных правил, интересов и мотивов поведения.

В романе-утопии Ефремова «Туманность Андромеды» упор сделан не на сам труд как ценность, а на «человека труда» как социальную ценность. Данное произведение, по Ефремову, «попытка воображения перенестись в далекое завтра Земли, представив себе возможное прекрасное будущее человечества» [Ефремов, 2001: 733]. Автор предлагает читателю своеобразный утопический проект, в котором общество будущего максимально улучшено, благодаря осознанию человеком себя как части глобального трудового коллектива. Это отражено в клятве выпускника школы, так как именно с данного момента он становится «человеком труда»: «Вы, старшие, позвавшие меня на путь труда, примите мое умение и желание, примите мой труд и учите меня среди дня и среди ночи. Дайте мне руку помощи, ибо труден путь, и я пойду за вами» [Ефремов, 2001: 210].

В романе, как только юношам и девушкам исполняется 17 лет, и они завершают школьное образование, в их жизни наступает трехлетний период подвигов Геркулеса,

после которых окончательно определяются влечения и способности. В соответствии с результатами выпускных тестов, школьники могут попробовать свои силы в двенадцати областях (двенадцать подвигов Геракла) трудовой деятельности. Задача данного учебного цикла помочь определиться с будущей профессией. После следует двухлетнее высшее образование, дающее право на самостоятельную работу в избранной специальности. Ефремов уже тогда отразил на страницах своего произведения то, что является сегодняшней реальностью – возможность непрерывного образования человека на протяжении всей жизни, так как его герои могут по мере необходимости получить высшее образование по пяти-шести специальностям, меняя сферу своей деятельности и избегая «трудового выгорания».

Такие произведения формировали в советском человеке не просто желание работать, а именно стать максимально полезным для общества, гордиться результатами своего труда. На сегодняшний момент почти не создаются произведения, направленные на формирования у читателя мотивации для трудовой деятельности, снижается социокультурная ценность, например, физического труда.

Современному российскому обществу будет невероятно трудно вернуться к тому уровню значимости произведений художественной литературы в процессе формирования сознания граждан. Конечно, многие скажут, что сейчас появились другие источники информации и книгам больше не место в нашей жизни, но на наш взгляд, мы необдуманно отказываемся от прекрасно разработанного важнейшего механизма социального регулирования.

Библиография

Ефремов И.А. Туманность Андромеды. Час быка. М., ООО «Издательство АСТ»; СПб., Terra Fantastica, 2001. 762 с.

Тхостов А.Ш. Символическая ценность науки // Ценностные основание научного познания / Ред.-сост. М.И. Фролова. М., ЛЕНАНД, 2017. 312 с.

МИФ ОБ АТЛАНТИДЕ В МИРОВОЗЗРЕНИИ А. АРТО

*Н.И. Прохорова*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева (Саранск)

Аннотация. Рассматривается влияние платоновского мифа об Атлантиде на становление мировоззрения А. Арто. Сравнивается описание ритуала жертвоприношения быка в диалоге Платона «Критий» и в записях «Тараумара» А. Арто. Отмечается мифопоэтический аспект восприятия образа Атлантиды А. Арто. Миф об Атлантиде органично включается в мировоззренческий поиск А. Арто, подтверждая его теорию о существовании древней традиции.

Ключевые слова: Атлантида, А. Арто, миф, Платон, ритуал, утопия.

Мировоззренческий поиск А. Арто органичен в общем духовном строе культуры XX в., – времени, когда философы, поэты и художники по-разному отозвались на проблеме смыслоутраты. Теоретическое наследие А. Арто повлияло на становление последующего философствования, способствуя трансформациям эстетического сознания [Логинова, 2003: 123]. Значимую часть творческого наследия французского художника, философа, поэта и теоретика театра составляют записи «Тараумара», посвященные пребыванию в Мексике. Они помогают дополнить и реконструировать философско-культурологическую концепцию их автора, в которой образ Атлантиды фиксирует утопические элементы мировоззрения А. Арто, проясняет цели его поисков.

Путешествие в Мексику для художника является возвращением к истокам человечества, к некоей истинной традиции, к которой он стремится приобщиться в силу ряда причин личного, творческого характера. Образ местности, ее атмосфера, общение с представителями этноса, постепенно забывающего, подобно европейцам, свои духовные истоки, – всюду А. Арто находит подтверждения существования древней традиции. Поиски единой основы в культуре другого этноса приводят художника к легенде о «золотом веке» человечества, не идеальном по своей сути, но являющемся таковым в мироощущении А. Арто. По замечанию художника, «истинные традиции не прогрессируют, ибо они представляют собой высшую точку всякой истины» [Арто, 2006: 106]. Соответственно, войти в локус, еще сохранивший элементы такой традиции, означает приблизиться к постижению истины. Таким образом, в миро-

воззрении А. Арто наличествует утопия как культурная константа [Паниотова, 2008: 345].

Образ Атлантиды воспринят художником, по его собственному замечанию, из диалога Платона «Критий» и воспроизводится в статье А. Арто «Ритуал вождей Атлантиды». При этом Атлантида является не только вдохновляющим мифопоэтическим образом, но также и подтверждением для А. Арто правильности его теории о том, что народ тараумара является потомками атлантов.

А. Арто акцентирует в платоновском диалоге не социально-политические сведения об устройстве Атлантиды, а описание ритуала жертвоприношения быка. Этот ритуал описан А. Арто очень подробно. Сравнивая оба источника, отметим наличие общих элементов у обоих авторов. Таковы общее содержание ритуала – жертвоприношение быка, участники – вожди, время ритуала – поздний вечер и ночь [Платон, 2004: 494].

К различиям относятся детали, которые добавляет А. Арто в платоновский миф: отчаянное положение народа как причина ритуала; участники – не только вожди, но и все племя; танец и танцоры, их отдельная значимая роль в ритуале; музыка, сопровождающая ритуал. К платоновскому описанию ритуала художник добавляет свою интерпретацию и подробное описание танцев, о которых у Платона не говорится. А. Арто отмечает, что танец является позднейшим дополнением ритуала, появившимся одновременно с завоеванием Мексики конкистадорами. В описании танца художник достигает особой выразительности мифопоэтического свидетельства, как бы дополнительно убеждая читателя в достоверности увиденного ритуала. Подобно тому, как Арто-путешественник

перемещается по местности, переходя от наблюдения жизни и обычаев тараумара к порождаемым этим наблюдениям образам, Арто-художник находит подтверждение своим идеям через осмысление традиций этноса в русле обоснования единого истока общности народов.

Без намерения включить миф об Атлантиде в общую канву утопической по характеру концепции А. Арто, сложно увидеть в ритуале тараумара именно ритуал Атлантиды. Основываясь на анализе трактовок ритуала, можно предполагать, что и Платон, и А. Арто зафиксировали общий для многих народов ритуал жертвоприношения, несущий сакральную функцию. При этом оба автора включают описание ритуала и легенду об Ат-

лантиде в собственный мировоззренческий поиск. У Платона миф об Атлантиде дополняет описание совершенного государства, для А. Арто описываемый им ритуал является частью мифа и свидетельством, подтверждающим его представления о существовании древней традиции.

Библиография

Арто А. Тараумара. Тверь. 2006. 206 с.

Логинова М.В. Методологическое значение неклассической эстетики в гуманитарном знании. Интеграция образования. 1, 2003. С. 123-127.

Паниотова Т.С. Функции утопии в культуре. Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 1. Теория культуры. СПб., 2008. С. 344-356.

Платон. Избранные диалоги. М., 2004. 512 с.

ИДЕАЛЬНЫЕ ГОРОДА: СОВРЕМЕННЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ УТОПИИ

Е.Ю. Витюк

Уральский государственный архитектурно-художественный университет (Екатеринбург)

Аннотация. В статье представлено современное развитие утопических концепций в архитектуре с акцентом на влияние экологического подхода, социальных трендов. Основой формирования утопических предложений в архитектуре является стремление к решению актуальных на момент создания концепции проблем, так или иначе связанных с безопасностью и комфортом людей.

Ключевые слова: архитектура, утопия, идеальный город, подход, экология.

К настоящему моменту человечеством создано огромное количество концепций Идеальных городов, отличных по своей сути, характеру описания, профессиональности авторов и пр. Они могут представлять собой отдельные теоретические труды, ставшие результатом фундаментальных и прикладных исследований; быть частью литературных произведений, студенческих проектных размышлений, работами художников и т.д. [Витюк, 2015]. Однако любая из таких концепций заслуживает внимания и адекватной оценки специалистами в области градостроительства. Любое рассуждение об идеальном для жизни пространстве, подвергнутое профессионалами анализу, способно повлиять на теорию и практику градостроительства и архитектуры, найти новые формы, иные способы организации пространств и их связей и т.д.

Возникает вопрос, возможно ли сегодня создать такой город, где все пожелания людей относительно инфраструктуры, архитектуры,

экологии, планировки, безопасности, комфорта и т.д. были бы учтены. Большинство теоретиков архитектуры считают, что разработать такую концепцию возможно, но воплотить ее в жизнь – утопия! Однако, есть специалисты в области градостроительства (а также люди, не имеющие отношения к архитектуре), считающие, что идеальный город вполне может существовать хотя бы частично.

Авторы литературных романов о путешествиях, приключениях и открытиях новых неизведанных миров закладывали в свои произведения идеи равенства, коммуны, представления об идеальном обществе, которое, разумеется, должно жить в идеальном поселении. Идеи равенства отлично прочитываются в структуре плана любого из полисов этого вида. Ярким примером города-утопии можно назвать Севаринду – утопический город, столицу государства Севарамбов, живущего в условиях коммунизма; автор проекта – Дени Верас (1675 г.) [Алексеев, Сомов, 2003: 157].

Сегодня утопии продолжают создаваться. Этому во многом способствует развитие киноиндустрии. Множество ярких сюжетов о событиях грядущего отражены в фантастических фильмах с детальной проработкой как сюжета, так и декораций, например: «Звездные войны» (Дж. Лукас), «Пятый элемент» (Л. Бессон), «Аватар» (Дж. Кэмерон), «Кин-дза-дза» (Г. Данелия) и т.д. Здесь зритель сталкивается с субъективными представлениями автора о том, что станет с человечеством и его творениями в будущем. И снова, как в начале прошлого века, происходит столкновение урбанистических и дезурбанистических взглядов: где-то демонстрируется абсолютно техногенный мир, полностью изгнавший природную составляющую; иногда представлены сюжеты о переселении на другие планеты, а в некоторых случаях природа «берет верх» над городами, поглощая признаки цивилизации.

Благодаря активному развитию компьютерных технологий и индустрии видеоигр, практически каждый пользователь ПК, планшетного компьютера и других подобных устройств имеет возможность создавать свою идеальную виртуальную реальность, либо играть в предложенных разработчиками игр декорациях. С одной стороны, это будоражит фантазию, позволяет самовыразиться, погрузившись в иллюзорный мир; с другой стороны, приводит к различного рода социальным конфликтам, физиологическим нарушениям и т.п. из-за порой чрезмерной привязанности людей к виртуальному пространству.

В области архитектуры конец XX – начало XXI в. стал периодом создания утопических проектов под воздействием экологического подхода: разнообразные летающие и плавающие, подземные города. Внимание к проблемам экологического состояния городской среды мегаполисов и социокультурному развитию привело к рождению следующих тезисов:

- поиск альтернативных пространств для размещения архитектурных объектов (вода, воздух, космос, подземное пространство);
- размещение в структуре архитектурных объектов элементов живой природы (вертикальные сады, озеленение кровли и т.п.);
- снижение количества вредных выбросов в атмосферу;

- снижение количества жителей мегаполисов (дезурбанизация);

- самообеспечение энергетическими ресурсами (ресурсосберегающий подход, альтернативные источники энергии);

- сохранение историко-культурного наследия (например, памятников архитектуры).

Архитекторы часто рисуют будущее, в котором дефицит земли и природных ресурсов – единственное естественное развитие в случае сохранения современных тенденций развития общества. Стоит отметить, что формирование в этом случае оказывается весьма неординарным, креативным, во многом уникальным. Форма объектов строится в прямой зависимости не только от функции, конструктивной системы, но и с учетом климата (параметрическая архитектура), ресурсосберегающего подхода (пассивное здание), условий размещения альтернативных источников энергии (гелиотермических, геотермических, ветрогенераторов, гидрогенераторов). Стоит отметить, что теоретически такие системы возможны, но смогут ли люди жить в таких условиях? Несмотря на развитие технологий, появление новых строительных конструкций и материалов, сложные художественные образы, следует помнить, что в центре любой архитектурной модели, в том числе в проекте Идеального города, находится человек.

При условии изучения существующих концепций идеальных городов разного периода создания станет ясно, что ведущим фактором их разработки является безопасность человека. Чувство покоя и защищенности обуславливают и состояние комфорта. Когда-то в средние века с этой задачей успешно справлялись крепостные стены и сопутствующие им сооружения. Однако с развитием индустрии и транспорта слово «безопасность» приобрело иной смысл. Дальнейшие разработки городских пространств, принимаемые с начала XIX в., связаны с понятием «экологическая безопасность». Все концепции, начиная с линейного города и заканчивая парящими небоскребами, сориентированы на сохранение и создание таких мест проживания для человека, где доминировали бы природные составляющие, служащие оздоровлению общества как с точки зрения физиологии, так и культуры. Эколо-

гия стала тем знаменем, под которым сегодня маршируют архитекторы и градостроители всего мира.

Концептуальные идеи идеального города многократно предлагались различными специалистами на протяжении всей истории существования феномена городской жизни человечества: в трудах политиков, экономистов, архитекторов, социологов и т.д. Однако создать такой город в том виде, в котором его предложил автор, пока не удалось. Большая часть теоретиков, занятых разработкой данной проблемы, сходятся в том, что идеальный город – это система, куда более сложная, чем архитектурно-градостроительная, и в первую очередь ее «идеальность» определяется уровнем культуры и образования горожан. Кроме того, она очень чувствительна к любым воздействиям и флуктуациям. Тем не

менее, разумные градостроительные решения и красота архитектурных форм способны благотворно сказываться на моральном и физическом состояниях человека, даря ощущение комфорта, умиротворения, наслаждения, что, в свою очередь, отражается и на воспитании. Здесь возникает неразрушимая связь между этими уровнями, ведь, с другой стороны, именно менталитет и традиции определяют вектор развития города: человек создает город, а город создает человека.

Библиография

Алексеев Ю.В., Сомов Г.Ю. Градостроительное планирование поселений: т. 1. Эволюция планирования: учебник. М., АСВ, 2003. 336 с.

Витюк Е.Ю. В поисках идеального города. Екатеринбург: Архитектон, 2015. 156 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ УТОПИИ В ЖИЛОЙ АРХИТЕКТУРЕ РОССИИ 1920-Х ГОДОВ

Е.М. Сурова

Московская государственная художественно-промышленная академия
им. С.Г. Строганова (Москва)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности влияния социальных утопических идей на проектирование жилых пространств и разнообразие форм и течений в архитектурном процессе России 1920-х гг. Революционные преобразования начала XX в. отразились в организации быта человека новой общественной формации – гражданина утопического будущего, ориентированного на ценности общественного труда. В советской архитектуре этого периода сочетались поиски яркого художественного образа наряду с требованием соответствия формы функциональному назначению, строгости и геометрической чистоты, а также широким применением новейших строительных материалов и конструкций.

Ключевые слова: социальные утопии, образ жизни, коллективизация, архитектура, конструктивизм, рационализм, эстетические проблемы.

Отечественный исследователь проблем утопии Э.Я. Баталов определял ее как «произвольно сконструированный образ идеального социума, принимающего различные формы (общины, города, страны и т.п.) и простирающегося на всю жизненную среду человека – от внутреннего его мира до космоса» [Баталов, 1989: 23]. Рассмотрение социальных утопий как формы проектирования идеального будущего или преобразования существующего общественного устройства позволяет сделать вывод, что утопии всегда рождаются из сложившейся невозможности удовлетворения социально обусловленных потребностей. Об этом писал Н.А. Бердя-

ев: «Человек живет в раздробленном мире и мечтает о мире целостном. Целостность есть главный признак утопии. Утопия должна преодолеть раздробленность, осуществить целостность» [Бердяев, 1995: 354]. Утопические идеи общественного переустройства преимущественно возникают в нестабильные кризисные исторические периоды, когда «целостность» и устойчивость становятся особенно востребованными в обществе. В гигантских масштабах нашли свое реальное воплощение социальные утопические идеи революции 1917 года и построения нового государственного устройства в России.

На волне всеобщих глобальных перемен в архитектуре стали осуществляться утопические проекты, эмоционально и образно связанные с революционным подъемом широчайших народных масс. Романтический символизм этого периода выразился в грандиозных архитектурных композициях, рассчитанных на многотысячные манифестации и митинги. Решительные искания в архитектуре и градостроительстве были наполнены с верой в светлое будущее и утверждением идеалов революции. Отражением этих идей и символом нового направления в искусстве стала знаменитая башня, созданная в 1920 г. Владимиром Татлиным.

Специфику российской архитектуры 1920-х гг. определило формирование новой социальной реальности с подчинением всего объективно существующего целям утопических идей. В государстве назрела необходимость прогресса советской культуры, совершенствования социалистического образа жизни и формирования нового человека, что потребовало создания соответствующей архитектурной среды. С этими задачами были связаны и эстетические проблемы архитектуры.

Архитектурные направления 1920-х гг. в России – конструктивизм и рационализм развивали идеи основоположника модернизма – великого французского архитектора Ле Корбюзье, сформулировавшего идею: «Дом – это машина для жизни». В этот период в советской архитектуре преобладали прогрессистские утопии авангарда, ориентированные на образы «машинного века», сосредоточенные на конструкции здания и его функциональности.

Архитекторы направления рационализма, непосредственно восходящего к романтическому символизму, уделяли главное внимание поиску яркого художественного образа архитектуры наряду с широким применением новейших строительных материалов и конструкций (наиболее известны Н.А. Ладовский и К. Мельников).

Конструктивисты в свою очередь, не требуя нового архитектурно-образного оформления, настаивали на строгом соответствии формы здания его функциональному назначению, на геометрической чистоте и применяемым материалам и конструкциям (наибо-

лее видными были М.Я. Гинзбург, братья Л.А. и В.А. Веснины и И. Леонидов).

В СССР в первой половине 20-х гг. выработывалась программа нового типа жилища – создавались первые конкурсные и экспериментальные проекты домов-коммун как единственного типа жилья, призванного воспитывать человека социалистической эпохи. Идея коллективизации и самообслуживания лежали в основе новых форм быта, способные решать важнейшие социально-политические задачи. Общие кухни, столовые, прачечные, детские сады и ясли были призваны освободить женщин от домашнего хозяйства и вовлечь их в производство и общественную жизнь. Открытие клубов, библиотек-читален и красных уголков предполагало создавать условия для культурного роста.

В 1924 г. Л.А. Веснин разработал «Проект жилого дома коммунального типа», в котором предусматривались два варианта использования: для индивидуального поквартирного заселения семьями и для коммунального покомнатно-посемейного заселения с ведением общего хозяйства и устройством общей столовой, двух ванных комнат, котельной и прачечной, предназначенных для коллективного пользования.

Подходы к определению роли дома-коммуны в строительстве социализма по-разному формулировались двумя параллельными течениями, сформированными в советской архитектуре 20-х гг. Первый подход предполагал постепенный переход к новым формам общественной жизни – сохраняя традиционное устройство быта, дом-коммуна дает возможность пользоваться новыми социалистическими элементами (например, дом работников Наркомфина по проекту архитектора М. Гинзбурга и И. Милиниса, построенный в 1928-30 гг. на Новинском бульваре).

Второй подход предлагал сразу погрузить человека в переустроенный на социалистических началах быт, то есть проводить максимальное обобществление жизни, отказываясь от домов переходного типа (студенческий дом-коммуна, построенный по проекту архитектора И.С. Николаева на ул. Орджоникидзе в 1929-1930 гг.).

Совершенно особым явлением в жилой архитектуре этого времени стал индивидуальный дом, построенный К.С. Мельнико-

вым для своей семьи в Москве (1927-1929). Он сконструирован как сочетание двух вертикальных, врезанных один в другой цилиндров. Стены выложены из кирпича с равномерно расположенными шестигранными окнами. Была создана сложная и выразительная постройка, логика формообразования которой не укладывается ни в функциональный метод конструктивистов, ни в метод рационалистов.

Интенсивная индустриализация страны требовала новых форм жилищного строительства. Жилой дом перестал быть единственным объектом, он стал составной частью группы домов – «жилкомбината», «жилмассива», «соцгорода». В разработанной Н. Ладовским проект-концепции «соцгорода» дома-коммуны, в первых этажах которых размещались столовая и магазин полуфабрикатов, располагались вокруг клуба с цветниками, парками и бульварами.

В строительстве домов-коммун с обобщенными формами быта по опреде-

лению А.В. Иконникова, «закреплялось направление на отмирание семьи. Человек рассматривался как комплекс запрограммированных функций, направляемых коммунистической идеологией» [Иконников, 2001: 312]. Однако, на рубеже 1920-30 гг. эта форма организации коммунального жилища уступает новым тенденциям к стандартизации и типизации массового строительства семейных квартир. В постановлении ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» семья была признана «хозяйственно-бытовой единицей» – было признано право выбора образа жизни.

Библиография

Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989. 319 с.

Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. М., Республика, 1995. 383 с.

Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность / в 2 т. Т. 1. М., Прогресс Традиция, 2001. 656 с.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ УТОПИИ В СОВРЕМЕННОМ КИНОИСКУССТВЕ

Е.Н. Антипкина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск)

Аннотация. В данной статье раскрывается вопрос: как визуализируются утопические пространство-время в кинотексте и какие инварианты утопии получили распространение в современности. В связи с этим автор: во-первых, определяет роль и функции киноискусства в современной культуре; во-вторых, прослеживает взаимопроникновение утопии и кинофантастики. Также автор выявляет социокультурную миссию киноутопии, заключающуюся в том, чтобы демонстрировать и драматизировать неспособность вообразить будущее.

Ключевые слова: современное киноискусство, киноутопия, кинофантастика, утопия, дистопия, кинотекст.

Кинематограф – искусство, не просто специфическое для XX в., но в определенном смысле создавшее сам образ XX в. Возникнув в конце XIX в. в качестве своеобразного технического аттракциона, за несколько десятков лет он превратился в одно из наиболее сильных средств познания жизни и идейно-эстетического воздействия на массы людей. Как никакое другое искусство оно может задокументировать реальность, но этот документ, может быть самой достоверной фальсификацией [Руднев, 1997: 130]. Кино – визуальное искусство, поэтому оно хорошо показывает визуальную иллюзию – фанта-

зии, сновидения, воспоминания и, конечно, утопии и антиутопии.

Исследователь М. И. Жабский считает, что одной из причин популярности кинематографа является функция катарсиса человеческой психики от различного рода нервно-психологических напряжений, например, чувства тревоги, беспокойства, горя. Кино как бы удваивает нашу реальность, открывая новые сферы. К тому же зачастую недоступное реальному восприятию становится доступным в образном воплощении средствами кино. Благодаря этому на экране зритель может найти и в определенной степени про-

чувствовать то, чего в реальной жизни ему не достаёт [Жабский, 2000: 56].

Этот почти мистический аспект киновосприятия имеет конкретные мотивы. В работе «Кино как искусство» Р. Арнхейм показал, что многие средства экранной выразительности, художественные приемы кинематографа построены именно на учете внеэкранного пространства. По его мнению, именно зрительная ограниченность кинокадра даёт кино право называться искусством [Арнхейм, 1960: 13]. Действительно, внекадровые, а значит, и незрительные ощущения рождаются при кинопросмотре в сфере творческого воображения зрителей. Таким образом, контур киноэкрана становится сильным средством активизации восприятия.

В книге «О близком (Очерки немиметического зрения)», обращаясь к оценкам основных характеристик кино, исследователь М.В. Ямпольский отмечает: для того, чтобы мыслить видимое, человек должен удваивать зрение. Поэтому в моменты особого эпистемологического напряжения мы стремимся подменить объекты непосредственного наблюдения их репрезентацией. Однако, как только объект подменяется репрезентацией, мы вступаем в область иллюзий. Когнитивная ситуация зрения постоянно связана с заменой объекта оптической иллюзией. Кино – классическое искусство оптической иллюзии – в полной мере вписывается в серию дублирующих зрение оптических приборов, прежде всего микроскопа и телескопа. Однако, предельно приближенное к глазу находится в зоне «невосприятия». Между тем существуют объекты, которые как бы расположены между областью Непосредственного и областью Удаленного [Ямпольский, 2001: 79].

В современной художественной культуре утопия как жанр становится все более актуальной. В современной кинокритике утопический текст, или дискурс, рассматривается как жанр научной фантастики в целом. Еще в 1920-е гг. В.В. Святловский называл их «прекрасными цветами социальной фантастики», генеалогию которой он вел со времен Древней Греции до творчества Г. Уэллса, А. Франса и У. Морриса [Святловский, 1923: 99]. В.В. Святловский сущностно отождествляет дефиниции «утопия», «антиутопия», «социальная» и «научная фантастика». Подобное представле-

ние о взаимодействии литературной утопии и научной фантастики впоследствии сохранилось и доминировало в литературоведении на протяжении всего XX в., причем было свойственно прежде всего советской науке.

В настоящее время сохраняется традиция интерпретации утопии как жанра не только литературной научной фантастики, но и кинофантастики. Исследователи единодушно констатируют тот факт, что научная фантастика и утопия неразрывно связаны с осмыслением проблем научно-технического развития человечества и являют собой художественное осмысление проблем прогресса.

Исследователь Антипкина Е.Н. считает парадоксальным тот факт, что в тот самый момент, когда утопия предположительно подходит к концу, когда на это указывает угасание утопического импульса, она становится все более осязаемой. Научная фантастика в последние годы заново открыла свое утопическое предназначение, в ее рамках было положено начало целой серии сильных работ, утопических и научно-фантастических одновременно. В современной киноиндустрии утопия и фантастика настолько взаимопроникают, что нередко фантастикой называют и фильмы, которые являются типичными киноутопиями [Антипкина, 2010: 118].

Таким примером может служить фильм «Метрополис» (Фриц Ланг, 1927), который относят к жанру классической фантастики, но изображенный в нем огромный футуристический город, разделённый на две части: верхний «рай», где обитают «хозяева жизни»; и подземный промышленный «ад», жилище рабочих, низведённых до положения придатков гигантских машин, не воспринимается как что-то сверхъестественное, не производит эффекта фантастики – это утопическая картина возможного будущего.

Утопия всегда представляет собой конструкт: он нигде не существует в «эмпирической» форме и может быть реконструирован на основе самых разнообразных эмпирических текстов.

Необходимость существования киноутопий в том, что мы, зрители нуждаемся в том, чтобы не видеть реальности: человечество в состоянии вынести очень немного непосредственной, нефильТРованной повседневной жизни. Поэтому в современной кризисной

ситуации данный жанр используется для того, чтобы отвлечь нас в весьма специфическом смысле: не от реальной жизни частных и общественных неприятностей, но именно от наших собственных защитных механизмов против этой реальности. Наиболее характерные произведения научной фантастики не пытаются всерьез вообразить «реальное» будущее нашей социальной системы. Скорее эти многообразные поддельные «будущие» призваны выполнять совершенно иную функцию: функцию трансформации нашего собственного настоящего в определенное прошлое некоего грядущего.

Исследователь феномена киноутопии Е.Н. Антипкина отмечает, что в последние годы из-за ухудшения политического климата и трансформации общественного сознания вслед за литературой в кинематографии появляется целый ряд произведений, в которой областью фантазии становится близкое смоделированное будущее, но не идеальное, а кошмарное, вопросы касаются таких проблем, как путешествия во времени и пространстве, утопии и антиутопии, развитие физических и психических возможностей человека, противостояние людей и машин [Антипкина, 2009: 14].

Современный исследователь В. Чаликова подчеркивает, что в XX в. в утопии все больше преобладает «технический уклон, в центре оказывается не столько социально-политическая организация будущего, сколько прогнозирование научных достижений и – главное – их социальные и психологические последствия» [Святловский, 1994: 59]. Появляется огромное количество такого рода произведений, среди которых наиболее примечательны – *Шоу Трумена* (Уир Питер; 1998); *Эквилибриум* (Курт Виммер; 2002), *Особое мнение* (Стивен Спилберг; 2002); *Код 46* (Майкл Уинтерботтом; 2003), *Остров* (Майкл Бэй; 2005), *V значит вендетта* (Джеймс Мактиг; 2006), *Дитя человеческое* (Альфонсо Куарон; 2006), трилогия *Голодные игры* (Гэри Росс; 2012-2015), *Дивергент* (Нил Бёргер; 2014-2015), *Сфера* (Джеймс Понсольдт; 2017) и др. Данные кинотексты скорее близки с дистопией, нежели с утопией, также в них можно найти фантазии о циклическом регрессе или тоталитарных империях будущего. «Нисхожде-ние» дистопического дискурса до массового

кино позволяет говорить о том, что известный призыв О. Тоффлера создавать «фабрики утопий» был успешно реализован лишь с характерной заменой знака на противоположный – на наших глазах успешно строится «фабрика антиутопий» и визуализируется в современном культурном пространстве.

Вопрос, который следует адресовать подобным произведениям – утопическим текстам вообще, от Томаса Мора и вплоть до современных примеров, это вопрос по поводу статуса негативного в том, что предлагается как попытка вообразить мир без негативности. Внимание к вытеснению негативного, к самому месту, где происходит вытеснение, позволит нам сформулировать сущностные противоречия подобных текстов, описанные нами выше в более абстрактном виде как диалектическая подмена намерения, как инверсия репрезентации, «хитрость разума», с помощью которой попытка визуализировать утопию выдает невозможность сделать это. Содержание этих вытесненных смысловых единиц негативности служит индикатором основных направлений, по которым может производиться реконструкция всяческих антиномий и нарративных противоречий.

Не случайно также и то, что эти нарративные симптомы принимают пространственную, географическую форму. Уже у Т. Мора возможность вообразить Утопию принципиально соотносится с установлением некоторой пространственной отграниченности. Удаленная океанографическая станция и остров-тюрьма маркируют, таким образом, возвращение приемов пространственного отделения и замыкания, формально необходимых для конструирования некоторого «чистого» и позитивного утопического пространства, они выдают постоянную тенденцию обнажения базового противоречия в производстве утопических образов и нарративов.

Если советские образы Утопии идеологичны, то характерные западные образы дистопии таковы же в не меньшей степени и чреватые столь же опасными противоречиями. Так классическим и буквально основополагающим в своем поджанре произведение Дж. Оруэлла «1984» положило начало драматичному изображению тиранического всемогущего бюрократического элиты с ее совершенным и вездесущим технологическим контролем.

Подводя итог можно сделать вывод, что взаимопроникновение утопии и кинофантастики определило специфику существования киноутопии, которая заключается в том, чтобы не видеть реальности: человечество в состоянии вынести очень немного непосредственной, нефильТРованной повседневной информации. В кризисные периоды данный жанр используется для того, чтобы отвлечь человека не от реальной жизни с ее частными и общественными неприятностями, но от собственных защитных механизмов против этой реальности. В киноискусстве рубежа XX–XXI вв. из-за ухудшения экономического климата и трансформации общественного сознания наибольшей популярностью пользуются произведения, в которых областью фантазии становится близкое смоделированное будущее, но не идеальное, а кошмарное, поэтому появляется огромное количество произведений близких негативной утопии.

Библиография

- Антипкина Е.Н. Проблемы взаимообусловленности утопии и научной фантастики // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 4(4). С. 116-121.
- Антипкина Е.Н. Пространственно-временные инверсии утопии в художественной культуре конца XX века : автореф. дис. канд. филос. наук. Саранск, Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 18 с.
- Арнхейм Р. Кино как искусство. М., Изд. иностр. лит., 1960. 206 с.
- Жабский М. Кино в современном обществе: Функции – воздействие – востребованность / М. Жабский, К. Тарасов, Ю. Фохт-Бабушкин. М., Белый берег, 2000. 376 с.
- Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., Аграф, 1997. 384 с.
- Святловский В.В. Каталог утопий. М.-Пг., Печатный двор, 1923. 99 с.
- Чаликова В.А. Утопия и свобода: Эссе разных лет. М., Весть, 1994. 180 с.
- Ямпольский М.В. О близком (Очерки немиметического зрения). М., Новое литературное обозрение, 2001. 240 с.

КОНЦЕПЦИЯ САМОСОЗНАНИЯ КАК ПРОЕКТ БУДУЩЕГО В ФИЛОСОФИИ А. БЕЛОГО

Н.А. Царева

Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова (Владивосток)

Аннотация. Теоретик русского символизма А. Белый представляет историю как процесс постоянного совершенствования человечества. Искусство определяется как средство преобразования и духовного преображения мира. Решение социальных проблем, по Белому, лежит в области культуры, поэтому философское понимание культуры занимает особое место в его творчестве. Представление о культуре будущего общества тесно переплетено с проблемой самосознания личности. От перерождения душевного состава каждого человека зависят судьбы мира. Духовное совершенство человечество – единственный путь к гармоническому существованию на земле.

Ключевые слова: русский символизм, русская утопия, самосознание.

Поиск альтернативных путей движения общества и утопические проекты истории и культуры являются одним из источников формирования нового мышления человечества в XXI в. Русская культурная утопия все еще остается малоизученной областью философских исследований. Проблема заключается в самом статусе утопии в рамках русской философии, а именно доступно ли русской культуре создание идеалов совершенного общества теми специфическими художественными средствами и приемами, которые отличают ее от философии культуры Запада?

Богатейшая русская философская традиция демонстрирует поиски идеалов и попыт-

ки создания утопических проектов. В русском символизме на рубеже XIX–XX вв. наиболее полно отразились особенности утопии Серебряного века. Историческое учение А. Белого в силу его масштабности и глубины провидения всеобщих задач человечества стало предметом многих исследований [Асмус, 2013; Воскресенская, 2003; Царева, 2005]. В настоящей статье рассматривается ядро историософии А. Белого – концепция самосознания как проект будущей культуры всечеловечества.

Философское понимание культуры занимает особое место в творчестве Белого. Попытку объяснить культуру на основе соци-

ального подхода Белый считает невысказанной: наоборот, социальные проблемы решаются в пространстве культуры. Основание культуры – «... сознание – вот что единственно что мне дано как предмет, и что мне меня дает как процесс переживания сознания; этот процесс есть культура» [Белый, 1999: 36]. Философ представляет становление самосознания как «расширение нашего личного состава и эмпирически-ограниченного самосознания» [Белый, 1999: 67].

История развития культуры осмысливается философом как история самосознания человечества. Самосознание есть осознание человеком самого себя, фактов как своего сознания, так и своего тела. Работа сознания над телом («бессознанием») понимается как «пропитание» самосознанием телесности: «Нет бессознания как запредельного мира; сознание входимо в миры бессознания, соприкасаемо с ними; работа сознания над бессознанием возможна [Белый, 1999: 225].

Душа, по Белому, есть «жизнь в себе». Духовное «Я» человека представляет собой пространство трех душ: ощущающей, рассуждающей, самосознающей. Познание мира в сознании человека происходит в собственном самообъяснении: «... осознание мира сознания, как единственно автономного, поднимает проблему Само-со-знания, как сознания, собственно поднимающегося над первичною данностью» [Белый, 1999: 16].

Сознание понимается Белым шире, чем познание: если понять, как организовано наше сознание (оно включает в себя и знания, и переживания, и форму, и содержание), мы получим возможность цельного знания. Сознание по отношению к знанию первично, оно определяется Белым как «до-знание», а познание следует «после-знания». Вся действительность, весь мир в целом есть «осознание сознания: само-со-знание». Так Белый приходит к пониманию самосознания как итога познавательного процесса – самопознания.

Самосознание становится «конкретным сверхчувственным образом «субъективно-объективной» (индивидуальной) действительности. И эта действительность – действительность нашего «Я» [Белый, 1999: 30]. Если действительность становится ми-

ром «Я», следовательно, работа самосознания есть работа сотворения мира. И здесь Белый делает логический вывод о сущности культуры. Если индивидуум соединяет объективное и субъективное, он является не душой и не телом, но Духом, «действие одухотворения есть действие культуры» [Белый, 1999: 67]. Построение мировоззрения есть творчество культуры, пересоздание человека и человечества.

Исследуя историю становления души самосознающей, Белый предчувствует рождение будущей культуры как органического сочетания коллектива и личности, когда человек осознает свое единство с миром, Богом и обществом. Конец XXI в. представляется философу «эпохой культуры», которая наступит, когда пролетарская культура естественно завершится культурой «Я». Будущие формы общественной жизни связаны с духовным перерождением человечества.

Белый видел отличие культуры от цивилизации в ее сфокусированности исключительно на духовных сторонах, на творческой деятельности, преобразующей жизнь человека и человечества. Сегодня мы наблюдаем фиксацию целевого вектора культуры на глубинном преобразовании субъекта. Современные философы все чаще говорят, что только внутреннее обогащение субъекта, а не возрастание его умений и деяний формирует культурную реальность. В русской философии эта идея была озвучена в работах Белого.

Библиография

- Асмус В.Ф. Философия и эстетика русского символизма. Изд.2. М., Мысль, 2013.
- Белый А. История становления самосознающей души // Душа самосознающая. М., Канон+, 1999. С. 201-225.
- Белый А. Основы моего мировоззрения // Душа самосознающая. М., Канон+, 1999. С. 12-69.
- Воскресенская М.А. Символизм как мировидение Серебряного века: социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX–XX веков. Томск, Изд-во Томского ун-та, 2003.
- Царева Н.А. Русский символизм: основные принципы и историософия (на материале творчества Дм. Мережковского, В. Брюсова и А. Белого). Владивосток, ВГУЭС, 2005.

ОПЫТЫ ГРАФИЧЕСКОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ УРБАНИСТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА «ГОРОДА СОЛНЦА» Т. КАМПАНЕЛЛЫ

Г.В. Тихомирова

Вологодский институт права и экономики ФСИН России (Вологда)

Аннотация. В исследовательской литературе о Т. Кампанелле урбанистический аспект «Города Солнца» непосредственно затрагивался редко. В то же время, описанию оригинального по форме Города Солнца в книге отведено существенное место: в ней приведен «словесный проект», с четко проработанными деталями. Статья посвящена анализу графических попыток реконструировать Город Солнца.

Ключевые слова: утопия, город, радиально-кольцевая планировка, архитектурная концепция, реконструкция.

Исторически вполне закономерно, что утопия, возникшая в Италии на границе XVI-XVII вв., всесторонне характеризуя жизнь идеального общества, подробно рассматривает место и роль архитектуры и изобразительного искусства, отводит им значимую общественную роль, в отличие от других подобных сочинений.

Искусство в Италии, помимо выполнения эстетической функции, играло важную роль в торговле страны, как внутренней, так и внешней (традиционной отраслью являлся экспорт художественных произведений и самого труда художников-профессионалов). Любой план социального переустройства жизни на почве Италии неизбежно должен был затрагивать вопрос об общественной роли искусства и его функциях.

Переходя к характеристике планировочно-пространственной структуры Города Солнца, следует отметить, первую и главную ее особенность: геометрически-правильную окружность плана. Город образован семью концентрическими кольцами, крестообразно пересеченными двумя диаметрами. В нем имеется только одна площадь – большое круглое пространство, в которое вливаются четыре отрезка двух диаметральных магистралей. Центр площади (и города) зафиксирован ротондальным купольным храмом [Кампанелла, 1954: 88]. Таким образом, все геометрически правильные элементы планировки выполняют и утверждают круглую форму города и последовательную центростремительность его структуры.

Может сложиться впечатление, что Город Солнца – один из многих приемов радиально-кольцевой планировки с высокой степенью регулярности. На самом деле число по-

добных ему в истории архитектуры невелико. Планировка Города Солнца, несомненно, возникшая на базе проектного итальянского градостроительства эпохи Ренессанса и раннего Барокко, и там стоит особняком.

Геометрически правильные круглые планы городов история градостроительства насчитывает единицы. Особенно, когда циркулярные формы последовательно проведены через все уровни городской планировки (через соответствующие части домов, формы многих конструктивных элементов и деталей), а не дополнены и смягчены какими-либо планировочными приемами или расчленением площади круга на зоны с разной застройкой.

Для того чтобы понять архитектурную концепцию Т. Кампанеллы, необходимо обратиться к методу графической интерпретации текста, описывающего Город Солнца. Но результаты таких попыток оказались разочаровывающими. Рассмотрим три наиболее известных графических реконструкций. Немецкий искусствовед Ф. Вюртенберг создал в 1962 г. «Схему размещения картин на шести кольцеобразных стенах Города Солнца» в виде хорошо воспринимаемого пространственного рисунка. Он не изображает никаких элементов города, кроме концентрических стен и храма в центре, эта реконструкция корректна, за исключением изображения шести, а не семи колец стен [Стригалева, 1997: 146].

Две другие реконструкции принадлежат советским авторитетным теоретикам градостроительства В.А. Шкварикову (1935) и Г.А. Градову (1968). Первая представляет собой вольную импровизацию, не соответствующую тесту [Шквариков, 1935: 40], а во вторую включен ряд излишних дополнений:

город окружен девятью стенами, в центре кроме храма есть еще сооружения [Градов, 1983: 33-35].

Данные опыты визуальной реконструкции Города Солнца воплотили в себе максимум того, что можно найти в тексте о его архитектурном решении. Но именно неполнота и неадекватность графических реконструкций Города солнца, заставляет искать истину не в узко-архитектурном направлении.

Город Солнца, в первую очередь, это город символ, а не реальное градостроительное предложение. Кампанелла полнее, чем кто-либо иной, отразил в своей утопии представление об «идеальном городе» в его традиционном, то есть символическом значении.

Для собственной модели «идеального города» Т. Кампанелле нужна была идея, которая одухотворила бы его проект и придала ему зримую форму. Такую идею он нашел в гелиоцентрической системе Н. Коперника. Структура Города Солнца оказалась пространственной моделью этой системы и тем самым превращалась в символ.

Как в системе Н. Коперника, согласно которой вокруг Солнца по концентрическим орбитам движутся семь планет, так и у Т. Кампанеллы вокруг круглого Храма Солнца располагаются семь концентрических колец крепостных стен, названных по семи планетам. Система окружностей дополняется двумя перпендикулярными магистралями, которые ориентируют город по сторонам света.

Т. Кампанеллу не смущало очевидное функциональное неудобство всего лишь четырех радиальных улиц и огромность расстояний между ними на периферии кольцевой системы: ведь он предлагал не план реального города, а лишь идеальную модель.

Библиография

Градов Г.А. Город и быт. М., 1983.

Кампанелла Т. Город Солнца. М., 1954.

Стригалёв А.А. «Город Солнца» Кампанеллы как идеал миропорядка // Художественные модели мироздания: В 2 кн. Кн. 1. М., Наука, 1997. С. 137-147.

Шквариков В.А. «Город Солнца» по описанию Т. Кампанеллы // Академия архитектуры. 1935. № 4. С. 33-35.

ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД И ЦВЕТОВЫЕ ПАРАДИГМЫ В КОНЦЕПЦИЯХ «НОВЫХ МИРОВ»

О.Е. Железняк

Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск)

Аннотация. Дискурсы идеального «места» / города являются частью футуристических проектов, утопий и дистопий. Модели идеальных городов / «новых миров» воплощают картины мира и прогнозируют линии развития, включая цвет как парадигму городской жизни и культуры; проявляют конфронтацию искусственных и естественно-развивающихся систем, важность категорий «однообразие – многообразие». Отсутствие цвета или его жесткая нормированность символизируют тоталитарность системы; естественно живущие среды характеризуются богатой палитрой цвета.

Ключевые слова: идеальный город, цветовые парадигмы, картина мира.

Дискурсы идеального «места» / города присутствуют практически во всех картинах мира, являются важной частью сакральных текстов, мифологем, научно-фантастических размышлений и футуристических проектов, находят отражения в утопиях и дистопиях. Одной из первых версий идеального города, в программу которого положена картина идеального мира, прообразом «новых миров» можно считать описанную в Библии концепцию рая как идеального города/места, центрального фрагмента картины мира,

«венца» представлений об идеальном мироустройстве [Железняк, 2013]. Эта линия берет свое начало с Небесного Иерусалима, имеющего многократно умноженную символику избранничества и идеальности, довершает и усиливает которую цвет. Город, открывающийся взору, оказывается многоцветным, сверкающим и светящимся подобно драгоценному камню, с улицами из прозрачного стекла. Цвет и блеск камней и материалов, закрепленная за ними символика увеличивают духовную силу города [Библия, 2011].

В целом, образ идеального города в сакральной модели мира предстает излучающим цветной свет полихромным пространством, достаточно структурированным и глубоко символичным.

Идея города-рая, рая как города находит свое развитие в разработках утопических проектов идеальных городов Т. Кампанеллы, И.В. Андреа и др., а также в текстах научно-фантастических романов. Интерес представляет цикл произведений С. Лема «Кибериада» [Лем, 2010]. Замысел кибер-цивилизации и *cybercity* доведен до логического завершения, до идеала: мы имеем идеальное общество, которому соответствуют идеальные здания, города и целые планеты. При этом эталон идеальной картины «места», его образа начинает удивительно совмещаться с библейской картиной города-рая – это сверкающий драгоценными камнями, переливающийся цветами радуги мир. Так, планета Криония блестит подобно бриллианту на фоне черного бархата, города и дворцы выстроены из прозрачных кристаллов и освещаются лимонно-желтыми и серебристыми северными сияниями. Все искрится разноцветьем драгоценных камней, город прекрасен фасадами своих домов, окованными серебром, выложенными сапфирами и бриллиантами.

Самостоятельную линию существования города как идеального представления, отражения картины мира в различных системах миропонимания и в образах города составляют «города-гипотезы», которые нередко рассматриваются в качестве прогнозов развития городов.

В романе Р. Сильверберга «Вертикальный мир» [Сильверберг, 1992] идея стабильности как вызов Космосу с его вечностью и непрерывностью заложена в концепцию городов-«гонад», входящих в состав различных «конstellаций», внутри которых все идет по замкнутому кругу. Основной смысл такого «движения» – непрерывное воспроизводство, как особая форма религии. И лишь периодически этот упорядоченный и размеренный мир «взрывается» цветосветовыми музыкальными феериями, являющимися для жителей гонады катарсисом и сеансом шоковой терапии одновременно.

Город («Диаспара») как изолированная, замкнутая система описывается и в «Городе

и звездах» А. Кларка [Кларк, 2010]. Диаспара предстает идеальной обслуживающей системой, уникальной по своей конструкции и модели мира, но воплотившей в себе рафинированную выхолощенность виртуального пространства «*cybercity*». Только за пределами Стены в мир главного героя буквально вторгается обилие запахов и цветовое разнообразие природы. И это – знак различия миров.

Надменным блеском дорогого фарфора в романе К. Саймака «Игрушка судьбы» [Саймак, 2012] сияет идеальный белый город – «порождение разума» пришельцев. В его белизне ощущается пуританская отстраненность. Белизна превращает город в форпост чистого разума, отчуждая от реальной жизни. Происходит «перевертыш», и высокий белый цвет начинает таить угрозу. Вступает в игру амбивалентность цвета, изменяя значение с одного знака на другой. И опять альтернатива – древняя самобытная цивилизация символически представлена зданием из красного материала, со шпилями и башнями.

Таким образом, гипотетические модели города и описания идеальных городов воспроизводят систему мироустройства, воплощая картины мира. Образы идеального города непременно включают цвет как важную парадигму городской жизнедеятельности и культуры. При этом идеальные миры, соответствующие картинам чистого разума, нередко оказываются холодными и монохромными, подобно их тоталитарным коллегам.

Особенностью моделей «новых миров» является конфронтация искусственно созданных и естественно-развивающихся систем. Город, противостоящий природе, в конечном итоге начинает деградировать. Наряду с дихотомией искусственное-естественное, важную роль играют категории «однообразие-многообразие». Однообразие как одинаковость и неспособность к развитию, характеристика тоталитарного мира-города традиционно несет негативный отпечаток. Многообразие, как сложность и возможность выбора, потенциальное богатство системы, принадлежит положительным свойствам города.

Отсутствие цвета или его ограниченность, цветовая стратификация среды символизируют полную контролируемость системы и выхолощенность образов. Идеал естествен-

но живущих и развивающихся систем-сред характеризуется богатой палитрой и высокой значимостью цвета, смысловой наполненностью и образностью.

Библиография

Библия. СПб., Российское Библейское общество, 2011. 1246 с.

Железняк О.Е. Цвет. Город. Культура. Иркутск, ИРГТУ, 2013. 308 с.

Кларк А. Город и звезды. М., Эксмо, 2010. 688 с.

Лем С. Кибериада. М., АСТ, 2010. 192 с.

Саймак К. Игрушка судьбы. М., Эксмо, 2012. 334 с.

Силверберг Р. Вертикальный мир // Повесы небес. Киев, Орион, 1992. С. 207-366.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ УТОПИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

Л.Я. Подвойский

Астраханский государственный университет (Астрахань)

Аннотация. Тема социальной утопии является традиционной для России. В эту традицию утопического мировоззрения вписывается и творчество В. Хлебникова. Утопичность – важнейшая черта его поэтического мирозерцания. Она нашло свое отражение в поэмах «Ладомир», «Журавль», в стихах «Город будущего», «Москва будущего» и др. В творчестве В. Хлебникова находит подтверждение мысль о том, что социальная утопия может быть представлена не только чем-то чистым, светлым и гуманным, но и строгим предупреждением, как например, «Атлантида» Платона. У Хлебникова подобное предупреждение в мифической поэме «Журавль».

Ключевые слова: социальная утопия, традиция, культура, Платон, В. Хлебников.

В использовании слова и понятия «утопия» сложилась давняя традиция. Многие авторы называли утопиями свои воображаемые «острова», «города», «земли» и «страны». В России утопия всегда чувствовала себя как дома, она уходит корнями в культуру Древней Руси.

Поэт Велимир Хлебников хорошо вписывается в русскую традицию утопического сознания и мировоззрения. Эта традиция в мировой культуре связана с именем Платона. Для В. Хлебникова утопические представления Платона были достаточно близки.

По мнению М.Я. Полякова, важнейшей чертой поэтического мирозерцания В. Хлебникова стала *утопичность*, и в его социальной утопии господствует стремление преодолеть трагическую разобщенность людей и народов, отрыв человека от природы. Это ведущее начало в его философии истории, и его утопической системы [Поляков, 1986: 11].

В оценке словотворчества В. Хлебникова справедливой и правильной представляется мысль о большом значении своеобразного «пространства языка» для его утопических построений [Поляков, 1986: 9]. Известно, что В. Хлебников расширил пространство рус-

ского языка, обогатив его почти на 16 тысяч новых слов.

Близким является для нас утверждение о том, что экспрессивность речи, проникновенные стихийным началом переживания, особая ритмическая организация стихотворной формы роднит поэзию с музыкой. Однако эта генетическая связь, обусловленная отсутствием дифференциации архитектоники эстетического события словесного текста и музыкально-мелодического сопровождения в архаической лирике, в творческой системе В. Хлебникова носит синтетический характер и может быть определена как индивидуальная особенность его мироощущения [Боровская, 2005: 140].

В ряде работ мы уже рассматривали элементы философии Платона, в том числе и его социальную утопию, в мировоззрении В. Хлебникова. Так, обращалось внимание на трансформацию утопической модели в поэме «Ладомир», проводилась аналогия между «Розой мира» Д. Андреева и «Ладомиром» В. Хлебникова [Подвойский, 2011; 2012; 2013].

Здесь мы кратко обратимся к другим его произведениям. Прежде всего, это «Город будущего», в котором

«площади из горниц, в один слой,
 Стеклянную страницу повисли,
 Здесь камню сказано «долой»,
 Когда пришли за властью мысли».
 Город будущего, по Хлебникову, это
 «город Солнцестана,
 Где только мера и длина.
 Где небо пролито из синего кувшина».
 В этом городе
 «нити голубые стеклянных гладких хат»,
 здесь «дворцы-страницы, дворцы-книги,
 Стеклянные развернутые книги,
 Весь город – лист зеркальных окон»
 [Хлебников, 1986: 118-120].

Налицо явная аллюзия на стеклянный дворец из 4-го сна Веры Павловны в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Кстати, В. Хлебников употребляет этот образ, указывая на «дворец стеклянный», который «прямей, чем старца посох». А название города – «Солнцестан» – почти буквально повторяет название работы Т. Кампанеллы «Город Солнца».

Стекло для В. Хлебникова – это символ чистоты, прозрачности, строгой красоты и одновременно хрупкости, каковой и может быть мечта, чаще всего несбыточная. Не зря же и в обыденной речи говорится о хрупкости мечты. Вряд ли случайно в «Городе будущего» одиннадцать раз употребляется слово «стекло» в разных сочетаниях. Кстати, в стихотворении «Бурлюк» это слово употребляется шесть раз [Хлебников, 1986: 163].

Этот образ-символ дворца из стекла В. Хлебников использует и в стихотворении «Москва будущего», где

«Дворец для лени подымал
 Стеклянный парус полотна»,
 и где
 «заседание светлиц
 И съезд стеклянных хат»
 [Хлебников, 1986: 162-163].

Очевидно, что социальная утопия может быть представлена не только чем-то чистым, светлым и гуманным, но также и строгим предупреждением, наподобие истории «Атлантиды» Платона. Таким предостережением представляется нам мифическая поэма В. Хлебникова «Журавль», в которой говорится о восстании вещей против людей:

«Злей не был и Кащей,
 Чем будет, может быть, восстание вещей.

Зачем же вещи мы балуем?»
 [Хлебников, 1986: 190].

Здесь мы можем усмотреть платоновскую традицию противопоставления двух миров. Но если у Платона это мир идей и мир вещей, то у В. Хлебникова это мир вещей и мир людей. У Платона идея вещи оторвана от самой вещи, но там есть определенная генетическая связь. У В. Хлебникова противопоставление мира вещей и мира людей, мира индустриального и мира человеческого. В этой поэме-мифе воплощены тревога и страх, ощущение беспомощности перед чуждыми и враждебными человеку силами, перед могуществом техники и властью вещей над человеком.

Причем, вещи, порожденные самим человеком, восстают против него же, ведя борьбу насмерть. В самом деле, летят трубы, стоявшие века, возвещая человечеству гибель, срываются с дорог железные пути, медленно трогается в путь мост и т.п. Все это образует остов какого-то гигантского Журавля, олицетворяющего собой как бы новое чрезвычайно жестокое божество, вознамерившееся уничтожить человечество. Образ подъемного крана, железного Журавля превращается в поэме в миф о гибели человечества.

Такое поведение вещей не есть следствие простого эмоционального взрыва, который вот-вот пройдет и все возвратится на круги своя. Нет,

«вещи выполняли какой-то давнишний замысел,

Следуя старинным предназначениям.

Они торопились, как заговорщики...».

Итог этого восстания вещей для людей не просто весьма печален, он, безусловно, трагичен, ибо

«Свершился переворот.

Жизнь уступила власть

Союзу трупа и вещи.

О человек! Какой коварный дух

Тебе шептал, убийца и советчик сразу:

«Дух жизни в вещи влей!»

Ты расплескал безумно разум,

И вот ты снова данник журавлей»

[Хлебников, 1986: 191].

Этот мифологический образ гигантского Журавля вбирает у В. Хлебникова реальные черты Петербурга. Об этом же свидетельствует урбанистический пейзаж поэмы: Петропавловская крепость, Троицкий мост,

остров Тучков. Миф-поэма «Журавль» – это романтический бунт против буржуазной цивилизации.

Как можно заключить из вышеизложенного, в богатом творческом наследии В.В. Хлебникова достаточно явно и отчетливо можно обнаружить многие утопические традиции, берущие свое начало в глубокой древности, в частности, у Платона.

Библиография

Боровская А.А. Жанровый синтетизм в лирике В. Хлебникова и И. Анненского // Творчество В. Хлебникова и русская литература. Материалы IX Международных Хлебниковских чтений (08-09.09.2005) / Под ред. проф. Г.Г. Глинина; Сост. Г.Г. Глинин, Л.В. Евдокимова, А.А. Боровская, О.Е. Романовская. Астрахань, Издательский дом «Астраханский университет», 2005.

Подвойский Л.Я. Платоносфера русской философской культуры: монография. Астрахань, 2011.

Подвойский Л.Я. Платонизм в русской культуре: очерки русской философской мысли: монография. Астрахань, 2012.

Подвойский Л.Я. Элитологические взгляды Даниила Андреева // Философия элитологии. Сб. трудов Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Том 3. / Науч. ред. проф. А.М. Старостин. Ростов н/Д., Донское книжное издательство, 2013. С. 2-13.

Поляков М.Я. Велимир Хлебников. Мировоззрение и поэтика. Вступительная статья // Хлебников Велимир. Творения. М., Сов. писатель, 1986.

Хлебников В. Творения. М., Сов. писатель, 1986.

РАЗДЕЛ V. ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ УТОПИЗМА

ДВА ПУТИ К НОВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Е.Л. Черткова

Институт философии Российской академии наук (Москва)

Аннотация. Идеальное общество и совершенный человек – главные темы утопических проектов построения государства на принципах разума, о чём размышляли Сократ и Платон, Томас Мор, Томмазо Кампанелла и многие другие. XX век оказался убийственным для идеи совершенного общества. Человек вновь стал проблемой, и главная из них – каким будет или должен быть новый человек, способный жить в этом стремительно меняющемся и усложняющемся мире? Рассмотрим два ключевые направления в решении этого вопроса – гуманистическое и технократическое, или иначе – путь внутреннего преобразования или внешнего переустройства, совершенствования или улучшения.

Ключевые слова: Сократ, Платон, Кампанелла, пайдейя, совершенствование, улучшение, постгуманизм.

Томмазо Кампанелла в своей утопии «Город Солнца» наследовал традициям Платона, изображая устройство жизни соляриев, решивших «вести философский образ жизни» [Кампанелла, 2014]. Путь совершенствования, утверждаемый Кампанеллой вслед за Платоном и Мором, основан на единстве внешних устройств и внутреннего самосовершенствования, предполагающий гармонию как во внутреннем, духовном и телесном состоянии человека, так и в его взаимодействии с социальным и природным миром. Высшее место на шкале ценностей занимают душевные блага, далее телесные, а внешние, такие как собственность и власть, на последнем. Воспитание не есть внешнее формирование человека, но средство пробуждения в нём способностей самосовершенствования, дисциплины, стойкости. Таков идеал греческой пайдейи, пути воспитания идеальных правителей и граждан. Разъясняя суть платоновской пайдейи Хайдеггер пишет: «Платон хочет одновременно показать, что существование пайдейи не в том, чтобы загрузить неподготовленную душу голыми знаниями, словно первый попавшийся пустой сосуд. Подлинное образование, наоборот, захватывает и

изменяет саму душу в целом, перемещая сперва человека в место его существа и приручая к нему» [Хайдеггер, 1993: 350]. Как писал В. Йегер, сама жизнь Сократа «послужила моделью новой «биос», жизни, основанной на духовных ценностях» [Йегер, 1997: 74]. Во все кризисные времена культивирование морально ответственной личности является условием выживания человечества. Столь же актуален и поставленный Платоном (Сократом), Мором и Кампанеллой вопрос о свободе человека как его способности к самоограничению. В. Хёсле призывает вспомнить эти древние идеалы и следовать им для спасения жизни на Земле. «В плеонаксии, – пишет он, – т. е. в желании иметь все больше и больше, нам вновь надо научиться видеть не преимущество, а, подобно древним, ту черту характера, которая непреодолимо изобличает человеческие низость и вульгарность» [Хёсле, 1994: 83].

Нацеленность на максимальное развитие данных человеку как виду ментальных и физических качеств, была подхвачена гуманизмом Возрождения и Нового времени. Но чем дальше, тем больше расходятся два пути – совершенствования и прогресса, в самом об-

щем виде различающиеся как «свобода для» и «свобода от». Самореализация человека, его познавательный и практический интерес переориентируется от вертикали к горизонтали, от самопознания и «воспитания души» к познанию природы и её преобразованию в целях своего материального благополучия и комфорта. Человек стал объектом многих наук, но при отсутствии общей идеи человека множественность новых знаний способна породить еще больший хаос в понимании этого феномена.

Начиная с Нового времени, идея разумного устройства общества постепенно вырождалась в односторонне рационалистическую концепцию, так же как философское понятие разума вытеснялась научной рациональностью, индивидуальность трансформировалась в индивидуализм, общее благо – в естественные права человека, понимание разума все более «рационализировалось», постепенно приближаясь к понятию эффективности как соответствия целей и средств. При таком понимании разумное устройство общества вырождается в систему принуждений и ограничений, основанных на экономической, политической, классовой и другой внешней целесообразности. С прогрессом науки в познании человека на место утопий государства разума приходит «индивидуальная утопия» создания сверхчеловека (постчеловека) [Юдин, 2007: 7], конструирования нового человека средствами биотехнологии, геной инженерии, нейрофармакологии и

др. Вместо социального преобразования и совершенствования делается выбор в пользу внешнего, применяемого к человеку инструментально, как любому объекту, преобразования. Этот поворот от внутреннего пути к внешнему одновременно является и движением от высшего к низшему и в этом смысле регрессом. Как пайдейя символизирует внутренний путь создания нового человека, так трансгуманизм представляет кульминацию внешнего пути. «Улучшение», «инновации» приходят на смену «совершенствованию» как нейтральные с моральной точки зрения концепты, что вполне соответствует релятивистскому духу времени. Пока можно констатировать, что темпы развития технологии, нацеленной на «улучшения человека», значительно опережают развитие гуманитарных исследований в изучении их ценностных оснований и социальных последствий.

Библиография

- Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. М., Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. 1997. 336 с.
- Кампанелла Томмазо. Город солнца // Томас Мор. Утопия. Томмазо Кампанелла. Город солнца. М., Алгоритм, 2014. 256 с.
- Хайдеггер М. Время и бытие. М., Республика, 1993. 448 с.
- Хёсле В. Философия и экология. М.: АО «Ками», 1994. 192 с.
- Юдин Б.Г. От утопии к науке: конструирование человека // Юдин Б.Г., Борзенков В.Г., Малков С.М. Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. М., Прогресс-Традиция, 2007. 365 с.

АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В КЛАССИЧЕСКИХ «УТОПИЯХ»

Н.В. Литвак

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России (Москва)

Аннотация. Несмотря на сосредоточение авторов «Утопии» и «Города Солнца» на вопросах внутреннего устройства новых обществ, внешнеполитическим факторам в этих произведениях уделено большое внимание. Очевидно, Т. Мор и Т. Кампанеллы предполагали борьбу против них традиционных государств. Большинство изложенных ими принципов новой внешней политики сегодня широко применяется целым рядом государств, что свидетельствует об их значительном эвристическом потенциале. Однако, уже в самих произведениях можно выделить логические противоречия между предлагаемыми подходами и их результатами. Но, и сегодня во многом гуманистические принципы внешней политики классиков-утопистов критически не переосмыслены и не концептуализированы.

Ключевые слова: утопия, внешняя политика, Город Солнца, гуманизм.

Среди многочисленных аспектов и интерпретаций основных, «утопических» текстов и идей Т. Мора и Т. Кампанеллы сохраняет, а в ряде случаев и усиливает, свою актуальность внешнеполитический дискурс и сами основы «утопической» внешней политики. Их историческая эпоха во многом сформировалась под влиянием именно внешних факторов – великие географические открытия дали не только новый материал для развития научных знаний, но и новые надежды на социальное переустройство.

При всей концентрации «Утопии» и «Города Солнца» на проблемах внутреннего устройства соответствующих обществ и вторичности внешнеполитических факторов, эти последние, тем не менее, занимают значительное место в рассматриваемых произведениях. Это дань трезвой оценке их авторов угрозы новым типам общества со стороны традиционных государств. Но интересно, что их предложения в этой области (конечно, замаскированные авторами под уже реализуемую внешнюю политику Утопии и Города Солнца) остаются актуальными практически всё время с момента их изложения. С постепенным развитием науки, техники, экономики, общества они последовательно стали важнейшими инструментами колониализма и постколониализма, с помощью которых сегодня самые развитые державы управляют остальными. Т. Мор обосновывает силовую колонизацию новых, принадлежащих другим, земель: «Утопийцы признают вполне справедливой причиной для войны тот случай, когда какой-либо народ, владея попусту и понапрасну такой территорией, которой не пользуется сам, отказывает всё же в пользовании и обладании ею другим, которые по закону природы должны питаться от неё». Но он же приводит и целый спектр «заготовок» для постколониального периода. Это и гуманитарная помощь жителям иностранных государств для своего благоприятного имиджа, и финансовое подчинение целых стран посредством системы долговых обязательств, и санкции, и обещание награды тем, кто погубит вражеского государя и его помощников, провоцирование мятежей и междоусобий. Интуитивно он предвидит даже «гуманитарные интервенции» (войны, когда «жалуют какой-либо народ, угнетённый ти-

ранией»), и, наконец, поиск «и негодяев, чтобы употребить их на зло», в качестве наёмников в «справедливых» войнах.

Однако, столица, Амаурот по-прежнему чрезвычайно укреплена, и жители страны готовятся в любой момент отразить «внезапную опасность». И это при том, что утопийцы окружены «свободными и независимыми соседями, многих из которых они давно уже освободили от тирании», и которые теперь «просят себе у них должностных лиц», поскольку от них и зависит «благоденствие и гибель» народов. Мор при этом демонстрирует глубокое понимание связи детского образования, его ценностных оснований с гражданской жизнедеятельностью взрослых, а срок, который существует Утопия, якобы подразумевает понимание и проблемы воспроизводства поколений. Но постоянное приглашение утопийцев править их друзьями означает, что не такие уж они и квалифицированные управленцы.

Похожую картину можно найти и у Т. Кампанеллы. С одной стороны, во всех сражениях победителями всегда выходят Солярии, как народ с самым высоким уровнем развития общественных отношений, экономики, науки и образования. Побеждённые или добровольно сдавшиеся города «получают гарнизон и должностных лиц из Соляриев и постепенно приучаются к обычаям Города Солнца, общей их столицы, куда отправляют учиться своих детей». Хорошо организован и сбор сведений о внешнем мире: они «обладают знанием всех языков и постоянно отправляют по свету нарочных разведчиков и послов для ознакомления с обычаями, силами, образом правления и историей отдельных народов». Они также вступают в войну, «когда угнетаются их союзники или призывают их на помощь другие города, находящиеся под гнётом тирании», считают, что «целью войны является не уничтожение, а совершенствование побеждённых», и утверждают, «что весь мир придет к тому, что будет жить согласно их обычаям...» Но, с другой стороны, их чрезвычайно укреплённый город «денно и ночью охраняется стражей», постоянно осуществляется и охрана полей, а люди живут в постоянной готовности к «неожиданному нападению и приступу». И вообще с ними соседствуют ещё четыре царства,

с которыми часто начинается война под тем предлогом, что Солярии «захватили пограничные владения и живут нечестиво...», а при всём отличном воспитании граждан и их счастье, старшие опасаются «развращения нравов в городе рабами и иностранцами», которых поэтому не пускают внутрь.

С одной стороны, большинство этих принципов Т. Мора и Т. Кампанеллы сегодня широко применяется целым рядом государств, что свидетельствует об их значительном эвристическом потенциале, поскольку авторы не приводят никаких существенных обоснований, кроме, как они полагают, вполне достаточных общих гуманистических соображений. А с другой стороны, применяется они буквально, без уже возможной и необходимой критической и научной концептуализации такой практики, не говоря уже о построении полноценной теории. Ключевая же проблема внешней политики в обоих рассматриваемых здесь произведениях, выступающая даже в виде явного, вышеописанно-

го логического противоречия, заключается в игнорировании (или не владении) авторами исторического подхода, отсутствия рассмотрения процессов в динамике, внимания исключительно к некоторой застывшей, зафиксированной ситуации. Тем не менее, ещё ждут своей реализации и моровские гуманистические принципы устройства международных отношений. Это и «нельзя никого считать врагом, если он не сделал нам никакой обиды: узы природы заменяют договор, и лучше и сильнее взаимно объединять людей расположением, а не договорными соглашениями, сердцем, а не словами», и «Утопийцы сильно гнушаются войною, как деянием поистине зверским...», и вообще – о мире «надо заботиться гораздо больше, чем о войне».

Библиография

Кампанелла Т. Город Солнца. М.; Л., Издательство Академии наук СССР, 1954.

Мор Т. Утопия. М., Издательство Академии наук СССР, 1953.

«ГОРОД СОЛНЦА» Т. КАМПАНЕЛЛЫ И «ЗДОРОВОЕ ОБЩЕСТВО» Э. ФРОММА

Е.В. Золотухина-Аболина

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В статье дается сравнительный анализ главных идей философов-утопистов Т. Кампанеллы (XVII в.) и Э. Фромма (XX в.). Автор показывает различное и даже противоположное понимание этими философами таких черт «совершенного общества» как наличие или отсутствие частной собственности; место бюрократии; значимость научно-технических достижений; место и роль коллективности в жизни людей; возможность манипуляции сознанием; всеобщность или избирательность труда. Подчеркивается различие стилей анализируемых мыслителей. Автор считает, что противоположные тезисы исследуемых философов коренятся не только в их исторической конкретности, но и в противоположности исходных мировоззренческих установок, касающихся характера человеческой природы и установок на созерцательность либо активизм.

Ключевые слова: утопия, совершенное общество, различие идей, противоположные тезисы, Т. Кампанелла, Э. Фромм, капитализм, Город Солнца, Здоровое общество.

Нет, наверное, более различных утопий, чем два утопических проекта, между которыми пролегал чуть более трех веков – проект Томмазо Кампанеллы и проект Эриха Фромма. Хотя оба они почитаются утопиями, они противоположны во всем, начиная от способа и стиля изложения и кончая глубинными философскими идеями, фундирующими каждую из версий «совершенного общества». Время, которое протекло между сочинением

Кампанеллы и обширным корпусом текстов Фромма, лишь отчасти объясняет эти серьезные расхождения. Несомненно, капитализм, который в начале XVII в. находился лишь в фазе восхождения, прошел за три столетия большой путь, в ходе которого в полной мере проявил свой антигуманный оскал, развеяв некоторые иллюзии, в частности, связанные с перспективами научно-технического прогресса, и он же показал живучесть института

частной собственности. Однако между авторами, которых объединяет страстный протест против несправедливости и неравенства, есть и много других различий, кроме оценки техники или степени радикализма в отношении характера владения собственностью. Рассмотрим коротко эти расхождения.

1. Если Кампанелла фиксирует черты Города Солнца в виде фактологического изложения, как конкретный рассказ о наличном, то Фромм проявляет себя, прежде всего, как критик индустриального общества XX в. и в эссеистической форме дает советы и пожелания, показывая не то, что где-то существует (пусть даже как художественное описание), а то, что может существовать, поскольку было бы благом. Он размышляет в модусе должного и вероятного, что указывает на отсутствие практического проекта, тогда как такой проект заботил Кампанеллу, желавшего возглавить создание справедливого строя.

2. Кампанелла категорический противник частной собственности, в то время как Фромм, хотя и активно ссылается на Маркса, очень осторожно высказывается по поводу этого социального института, делая акцент, скорее, на восприятии и переживании обладания, чем на социально-экономическом и юридическом статусе собственности. У него частная собственность – это в большей степени психологически переживаемый образ, чем социальный факт. Фромм акцентирует внимание не столько на проблеме реального экономического владения и распоряжения, сколько на индустриальном строе как таковом, а индустриализм роднит для него актуальный капитализм и реальный социализм, каждый из которых склоняется к собственной форме авторитарности.

3. Томмазо Кампанелла видит свой утопический Город Солнца как жесткую иерархию. Управленческая, бюрократия для него – дело законное и чтимое, она малочисленна, но наделена большими возможностями, и формально демократической Совет на нее практически не влияет. «Солнце» или Метафизик со своим окружением для него непререкаемый авторитет, ибо узкая группа чиновных лиц – это одновременно группа мудрецов и мастеров, с которыми никто не сравнится, власть в Городе Солнца принадлежит посвященным. У Фромма, напротив, все в обще-

стве должна решать «демократия участия», при которой все члены общества активны, а лидером выступает средний класс. Фромм остро критикует бюрократизм, решительно его отвергает как формальный и антигуманный.

4. Кампанелла верит в перспективу технического разума и, вполне в духе Ф.Бэкона, усматривает в технике важнейший источник благоденствия и счастья. Фромм, пишущий в середине и второй половине XX в., отвергает избыточную технизацию и роботизацию, подчеркивая, что вещные, отчужденные технические средства начинают довлеть над людьми.

5. Город Солнца Кампанеллы – это город коллективного существования и времяпровождения, где обобществлены даже дети, а пары для «наилучшего соития» подбираются учеными-бюрократами. Люди работают, живут и отдыхают группами, каждый находится под неусыпным коллективным контролем: так Кампанелла надеялся избавить человечество от порока эгоизма. Фромм в противоположность этому подчеркивает роль и значение индивидуальности, личной свободы и личной воли, самостоятельного решения, любви как неповторимого индивидуализированного чувства. Фромм – противник как устрашения, так и любой манипуляции.

6. Кампанелла полагал, что для преодоления такого порока как лень, каждый житель Города Солнца обязан трудиться по мере своих сил, даже если он не имеет ног или рук, если стар и немощен. Самые слабые обязаны заниматься доносительством власти, если не могут преуспеть в чем-либо другом. Фромм, напротив, считал ценной возможностью современного общества возможность «гарантированного дохода», которая позволила бы одним, слабым и больным, не работать, а другим – мириться с небогатой жизнью ради творчества и деятельности, не приносящей дохода. Труд хорош, когда он свободен и продуктивен.

7. В основе противоположных представлений о благе человечества у Кампанеллы и Фромма лежат противоположные мировоззренческие установки. Кампанелла исходит из представлений об испорченности человеческой природы (что не удивительно для католического монаха), он полагает, что эту

природу надо насильно исправлять, применяя неординарные меры. Фромм, наоборот, считает изначальную природу человека благой, доброй, ей только надо дать возможность раскрыться, создав соответствующие благотворные условия. Кроме того, в фундаменте взглядов Кампанеллы находится активистская установка магии – «великого делания»: астрологии и оккультных наук, которыми владеют отцы-основатели Города Солнца. Это установка на переделку и перекройку мира на базе священных знаний, доступных немногим. Фромм, наоборот, следует в своем мировоззрении за Мейстером

Экхартом, разделяя его концепцию бытийности, которая не связана с активизмом, а, скорее, созерцательна, учит не вторгаться в мир, а мягко следовать его трансформациям: быть «открытыми бытию».

Завершая наш небольшой обзор, можно образно подвести итог, указав, что Кампанелла – по сути революционер, стремящийся подчинить мир воле человека-ученого, а Фромм – социальный эволюционист, желающий прекрасными констатациями осторожно приоткрыть двери естественному пути к добру. Впрочем, идеи обоих остаются лишь утопиями.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Т. КАМПАНЕЛЛЫ О РАВЕНСТВЕ В СВЕТЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО АНТРОПОЛОГИЗМА И НАТУРФИЛОСОФИИ

Т.Н. Самсонова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

Аннотация. В описанном Томмазо Кампанеллой утопическом обществе управление осуществляется людьми, руководствующимися идеями натурфилософии и астрологии. Все граждане равны; материальные блага, образование, досуг и даже женщины и дети – все подлежит обобществлению. В утопии поставлено и по-своему решается немало проблем, которые и поныне волнуют и еще долго будут волновать человечество.

Ключевые слова: Кампанелла, утопия, равенство, гуманизм, натурфилософия.

На всем творчестве и деятельности Томмазо Кампанеллы (1568-1639) – выдающегося гуманиста, натурфилософа, борца за свободу родного края (Калабрии) от испанских захватчиков – лежит печать борьбы, характерной для выдающихся умов эпохи Возрождения.

Мыслителями Возрождения человек был поставлен в центр мироздания, стал рассматриваться как полновластный «зодчий» собственного Я, способный реформировать существующий социальный порядок. Гуманисты прославляли силу, красоту, мудрость и благородство человека. Данте, считавший, что «из всех проявлений божественной мудрости человек – величайшее чудо», обращаясь к читателям своей «Божественной комедии», писал: «Вы созданы не для животной доли, / Но к доблести и знанию рождены».

Гуманисты утверждали равенство людей в силу общности человеческой природы, провозглашали идеи свободы, прав и достоинства человека независимо от его сословной

принадлежности. Особенно активно эти идеи развивали представители гражданского гуманизма – итальянские мыслители К. Салютати, Л. Бруни, Дж. Манетти и др. [Итальянский гуманизм..., 1984; 1988]. Однако далеко не все гуманисты были сторонниками социального равенства. Так, Д.Б. Джелли Ф. Пуччи проповедовали умеренно-уравнительные идеи, другие – А.Ф. Дони, Л. Агостинони, Ф. Альбергати – обосновывали необходимость имущественного равенства как основы справедливого общества. Ф. Патрици писал о неизбежности неравенства и сословного деления [Чиколини, 1980].

Т. Кампанелла тоже воспевал человека – божественно-природное и в то же время социальное существо, его знания и всепоглощающий ум. Своего рода «теоретическую» основу его проекта общественного устройства составляет своеобразная натурфилософская концепция, целостная картина мира (Бог – природа – общество), в которой причудливо переплетались новые, рационали-

стические и религиозно-мистические черты. Доказывая необходимость «философского образа жизни общиной», причину всех бед в обществе Т. Кампанелла видел в господстве частной собственности. Народы, писал он, страдают от трех зол – тирании, софистики, лицемерия, которые вызывают другие пороки: «Мор, голод, войны, козни супостата, / Блуд, кривосудье, роскошь, произвол – / Ни что пред тою тройкою разврата».

Необходимое условие подлинного равенства – всеобщая обязанность граждан трудиться. И если Т. Мор называл физический труд «телесным рабством», то Т. Кампанелла считал достойными все виды полезного для общества занятия, отдавая приоритет интеллектуальному труду. При этом он «наделил» большими возможностями и женщин. (Женщины-труженицы, писал Т. Парацельс, натурфилософ и врач XVI в., «расцветут как виноградная лоза»).

Т. Кампанелла – сторонник «геометрического распределения», т.е. вознаграждения людей с учетом их труда, заслуг перед обществом. В этом, несомненно, проявилось влияние античной общественной мысли, в частности, учения Аристотеля о двух видах справедливости – уравнивающей и распределяющей. Но стремясь обуздать собственные инстинкты, Т. Кампанелла сделал жизнь соляриев (жителей города Солнца) строго регламентированной. Нельзя сказать, что у них совсем нет права на выражение своих взглядов. Об этом свидетельствует предлагаемая мыслителем система правления. Все основные решения принимают стоящая во главе государства Четверка – глава государства Солнце (Метафизик) и три высших должностных лица – Мощь, Мудрость и Любовь (в соответствии с разработанной «теорией» «прималитетов» бытия – мощи, мудрости и любви). Но есть и большой Совет – народное собрание всех граждан не моложе двадцати лет, которое может своим решением сместить любое должностное лицо, кроме четырех высших. В руках Верховного правителя сосредоточена огромная власть, главное его качество – мудрость.

Неизменное удивление и многолетние споры вызывает трактовка взаимоотношения полов. Считая, что семейная жизнь порождает себялюбие, а интересы общества отстапа-

ют на задний план, Т. Кампанелла, проявляя заботу о здоровье потомства и правильном его воспитании, «упразднил» моногамную семью. Государство, считал он, должно брать на себя заботу по подбору подходящих пар, причем с единственной целью – производство здорового потомства. При этом Т. Кампанелла ссылаясь на идеи христианства. Проблемы любви, рождения нового человека всегда занимали видное место в христианской теологии. Церковь подчеркивала неразрывную связь между половыми контактами и воспроизводством человеческого рода. Однако значимость брака определялась ею не столь односторонне, как это пытался представить Т. Кампанелла. Так, Августин Блаженный выделял три ценности брачных отношений. Прежде всего, рождение детей. А две других тесно связаны с первой: рождение ребенка обеспечивает продолжение рода, требует соответствующего его воспитания и укрепляет отношения между супругами.

Т. Кампанелла вводит не «общность жен», а практически уравнивает мужчин и женщин в их бесправном положении перед лицом государства в лице жрецов и жриц департамента Любви (использование этого слова в данном случае звучит не совсем уместно). От этого веет холодным расчетом, ведь семья как ячейка общества – это источник силы, смысла жизни, нравственности, да и вообще всего подлинно человеческого и человеческого.

Заслуживают внимания разработанные Т. Кампанеллой рациональные принципы обучения и воспитания детей, оказавшие впоследствии большое влияние на педагогическую доктрину Яна Амоса Коменского.

Хотя проект общественного устройства Т. Кампанеллы внутренне противоречив, несет на себе печать того далекого времени, нельзя не признать, что в его утопии поставлен и по-своему решается ряд проблем, которые еще долго будут волновать человечество.

Библиография

Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сборник текстов: В 2 ч. / ред. С.М. Спам. Саратов, Изд-во Саратовского университета. Ч. 1. 1984. 239 с.; Ч 2. 1988. 190 с.

Чиколини Л.С. Социальная утопия в Италии XVI – начала XVII в. М., Наука, 1980. 392 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО УТОПИЗМА

И.Г. Палий

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть некоторые основы процесса реализации утопических идей в жизни российского общества XX в. Так, в центре теоретического анализа оказывается сравнительный анализ между целесообразным путём развития общества и социальным целеполаганием. Показано, что целесообразный путь неизбежно приводит к социальному утопизму и, в конечном счёте, к разрушению общества. Кроме того, неизбежным выражением утопических идей является предзаданность, то есть тотальная плановость, которая даёт лишь временный успешный результат, но по мере роста превращается в свою противоположность. Такого рода плановость способна разрушить общество как целое. Логическим условием осуществления плановости оказывается форма общественной собственности, которая также является утопией, а при упорной попытке воплощения оборачивается антиутопией. В результате попытки реализации в нашей стране великой утопической идеи коммунистического общества мы в действительности получили общество социального утопизма с ярко выраженными чертами реальной антиутопии.

Ключевые слова: целеполагание, целесообразность, общественная собственность, социальный абсурд, социальный утопизм.

В 1926 г. в Париже Георгий Флоренский, русский философ, высланный из России, писал: «Идеал есть факт достижимого будущего и, мало того, имманентная цель всего временного течения. Утопист обязан мыслить и толковать историю в категориях телеологических – как развитие, как развертывание врожденных и предположенных задатков, как прорастание и созревание зерна, как самоосуществление некоего «плана» или «энтелехии»... В силу целесообразности история должна быть плановомерна... Каковы бы ни были факторы и силы, осуществляющие этот имманентный план, их действие сковано всеобъемлющей необходимостью. И эта историческая необходимость и оправдывает злострадание жизни» [Флоренский, 1990: 78].

Поразительно, как в этом небольшом фрагменте изложена Г. Флоровским суть утопического отношения к истории как к целесообразному, вполне predeterminedому в результате логического провиденциализма процессу. Более того, Флоровский называет и подлинную, главную причину всякой социальной плановости, которая с необходимостью вытекает из идеи целесообразности. И, в свою очередь, этой исторической необходимостью оправдывается все зло, несовершенство и страдание человека. Ведь человек должен терпеть ради достижения цели светлого идеального будущего. В этой теории есть строгая логика, обоснованность и системность, но нет, по выражению Флоровско-

го, «нравственного чутья». Ведь в силу идеальной цели оправдывается любое устройство, любое движение человеческого мира, оправдывается история в целом, но не личная жизнь каждого человека. Напротив, личность «жертвоприносится целому». И разве не так поступали большевики, оправдывая неисчислимые жертвы благой целью коммунистического «завтра»? И разве осуществление экономической и социальной плановости не обернулось плановым процессом самоистребления общества, человека и культуры? И разве не реализация великой утопии привела Россию к величайшему абсурду истории? Увы, это риторические вопросы.

Намеренно упрощая, следует заметить, что общество в своём движении (с учётом состояния России в XX в.), может подчиняться или целеполаганию, или целесообразности. Очевидно, что в первом случае по мере продвижения к цели, общество может по ходу дела корректировать, изменять цель, всё более её усложняя, так как потребности в процессе общественного развития усложняются с необходимостью. В результате социальное историческое движение обретает характер поступательного развития. При целесообразном движении цель оказывается предзаданной в своём неизменном и идеальном виде. Более того, к примеру, цель коммунистического развития объявляется неизбежно могущей наступить в будущем. В этом случае внимание всего общества будет

сосредотачиваться и направляться властью, государством на всевозможного рода средства по достижении этой цели. И всякий раз, когда применяемые средства не приводят к означенной цели социального развития, неизбежно приходится придумывать всё новые и новые условия для её достижения. Но в этом случае рано или поздно цель и средства меняются местами. Цель становится лишь поводом для применения средств, в то время как средства становятся самоцелью. В конечном счёте, мы видим поразительную разницу в движении социального организма. Если при целеполагании общество развивается, движется от прошлого к будущему, то в условиях реализации утопической идеи при целесообразном движении общество не развивается, начинает двигаться как бы вспять. В условиях социального утопизма мы в реальности получаем общество-антиутопию. Рациональная планомерность власти оборачивается её иррациональностью, абсурдностью, а общество оказывается обречённым на разрушение, (что и привело, в конечном счёте, к распаду СССР).

Хайек в своё время увидел вопиющий результат всеобщей планомерности уже в 40-х гг. прошлого века. Так, он предупреждал запад: «Наше поколение напрочь забыло простую истину, что частная собственность является главной гарантией свободы, причем не только для тех, кто владеет этой собственностью, но и для тех, кто ею не владеет. Лишь потому, что контроль над средствами производства распределен между многими, не связанными между собою собственниками, никто не имеет над нами безраздельной власти, и мы как индивиды можем принимать решения и действовать самостоятельно. Но если сосредоточить все средства производства в одних руках, будь то диктатор или номинальные «представители всего общества», мы тут же попадаем под ярмо абсолютной зависимости» [Хайек, 1990: 113].

Одним из столпов плановой социалистической экономики была, как известно, общественная собственность на средства производства. Но сегодня, имея за спиной исторический опыт, мы точно знаем, что общественная форма присвоения всеобщего богатства оказалась иллюзией, утопией, никогда не могущей быть воплощенной. Но

мы так много лет прожили под знаком того, что идея общественной собственности и есть идея блага, что реализованную в действительности социалистическую собственность стали объявлять несовершенной, недостаточной, незавершенной. И появился целый ряд работ по теоретическому оправданию и отстаиванию необходимости общественной собственности. Довольно интересной и вполне типичной, что касается темы, оказывается статья В.М. Межуева под названием «Социализм как идея и как реальность». Автор статьи пишет: «Выдавая за социализм свой образ мыслей и действий, бюрократическая власть в конечном счете усмотрела главный его признак в самом факте своего существования, рассуждая по известной формуле «социализм – это я». В итоге была не только идеализирована (идеологизирована) реальность, что сделало невозможным ее научное объяснение и критическое осмысление, но и вульгаризирована социалистическая идея, ставшая для власти средством идеологического самооправдания. В этом своем качестве данная идея проделала путь, как бы обратный тому, который был завещан марксизмом, – не от утопии к науке, а от утопии к мифу...» [Межуев, 1990: 19].

Межуев сетует на то, что идея Маркса «неадекватно понята» в нашей стране, так как здесь был сделан акцент на политические средства перехода к общественной собственности, в то время как должны существовать еще и экономические условия, которых у нас не было. Но разве не Марксом разработана целая теория социалистической революции, которая только и служит изначально насильственному установлению общественной собственности именно политическими средствами, то есть путем диктатуры пролетариата? Далее Межуев уточняет, что объектом общественной собственности должно быть не натуральное или денежное ее выражение, ни средства производства в их материальной форме, а «главным объектом такой собственности является сама наука». Как будто наука давно не стала непосредственной силой производства, т.е. его основным средством.

Межуев подчеркивает мысль о том, что в «идее общественной собственности выражена историческая тенденция перехода не к свободной экономике, ...а к свободе от

экономики» [Межуев, 1990: 26]. Стало быть, человек эмансипируется от экономики. Но ведь именно этим и занимались все поколения бюрократов в условиях социализма и, что чрезвычайно важно, продолжают заниматься до сих пор. В результате именно свобода от экономики явилась субстанцией зависимости от политики, потому что именно политика в этом случае начинает выступать объективным условием существования как экономики, так и самого человека в ней. Утратить необходимость зависимости от экономики означает в реальности – лишь отчуждение экономики от человека. Это никак не назовешь свободой. Пожалуй, это путь лишь к большему рабству. Воистину, либо ты владеешь экономикой, либо она – тобой, третьего не дано.

Коль скоро возникает общественная ответственность как государственная, столь же необходимым оказывается развитие государства до рамок целого общества. Государство поглощает общество, и в результате образуется любопытнейшее образование, при котором происходит полное отчуждение общества в пользу государства. Появляется форма государства, содержащая общество «в снятом виде», а это и означает «государство ради государства». Остается только добавить, что общественной собственности в действительности не может быть никогда, потому что в жизни общества всегда будет сохраняться противоречие между абстрактным всеобщим социальным трудом и конкретным трудом отдельной группы или отдельного индивида. Система централизованного управления,

без оглядки на какие-нибудь общеобязательные принципы права, все более подчиняет все силы общества голой целесообразности. И верховенство права сменяется верховенством политической власти, ограниченная форма правления – неограниченной, соответственно нравственным признается все, что служит достижению поставленных целей. Хайек не случайно приходит к выводу о том, что при отсутствии системы нравственных ограничений вступает в силу механизм «обратного отбора» как абсурда в действии: выживают и оказываются наверху «худшие», т.е. те, кто свободен от бремени нравственных привычек и не колеблясь решается на самые грязные дела.

И, может быть, есть определённая закономерность в том, что идеи, содержащие в себе переустройство общества как целого, неизбежно будут обречены в своём воплощении на прямо противоположный результат. Развитие общества нельзя подчинить формуле, пусть даже гениальной, точно также как нельзя формуле подчинить живую жизнь. Попытка подчинения подобна умерщвлению. Это ли не итоговый абсурд, к которому мы в нашей стране приближались едва ли не весь XX в. и отголоски которого мы всё ещё до конца не изжили?

Библиография

- Межуев В.М. Социализм как идея и как реальность // Вопросы философии. 1990. № 11.
Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопии // Вопросы философии. 1990. № 10.
Хайек В.А. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 12.

МОЩЬ, МУДРОСТЬ, ЛЮБОВЬ КАК МЕНТАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА УТОПИИ КАМПАНЕЛЛЫ

Т.Г. Лешкевич

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В статье анализируются системообразующие начала утопии Кампанеллы. Цель статьи состоит в том, чтобы показать, что Мощь, Мудрость и Любовь, являющиеся первостихиями, имеют онтологическое значение и предстают регулятивами индивидуального и общественного бытия. Рассматривается семантика концепта мудрость, показан, пронизывающий проект Кампанеллы сенсуализм, выявлена сциентистская составляющая утопии. Делается вывод о рационально астрологической методологии Кампанеллы, подчеркнута совпадение его проекта с воспитательной доктриной Коменского.

Ключевые слова: мудрость, мощь, любовь, утопия, сциентизм.

Основанием утопического проекта Кампанеллы выступала астрологическая практика, согласно которой устройство общества должно согласовываться с явленными движением небесных светил законами природы. Набор идей созвучен «Государству» Платона и натурфилософским взглядам Телезио. Онтология, в замысле утописта, представлена олицетворением трех первостихий: Мощь, Мудрость и Любовь, которые выступают мировыми соправителями, определяющими порядок и иерархию в городе Солнца, возглавляемом самым ученым Верховным Метафизиком. Мощь, мудрость и любовь, помимо их высокой конституирующей миссии толкуются как атрибуты бытия [Чиколини, 2001: 203]. Создаваемая ими коллегия из 12 жрецов-астрологов являет собой общность и единение, направляющая усилия на регуляцию жизни. Однако первостепенными являются специальные знания, позволяющие претендовать на введение в должность. Под начало Мудрости попадают: Астролог, Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист, Экономист, Астроном, Музыкант, Перспективист, Арифметик, Живописец, Скульптор. Мудрость выступает как универсальное мироотношение, вбирающее в себя естественно-научные, гуманитарные и художественные знания, обустраивающие право говорить истину и улучшать природу.

Смысловые грани мудрости вбирают в себя характеристики, найденные еще в античности. Платон утверждал, что мудрец действует так, что на место существующего вредного для граждан приходит такое состояние, которое хорошо для них. Согласно Демокриту, из мудрости вытекают три способности: выносить прекрасные решения, безошибочно говорить и делать, что следует [Лешкевич, 1998: 116-117]. Аристотель полагал, что мудрость связана с соблюдением меры, обширными познаниями, способностью преодолевать трудности. [Leshkevich, 2017: 633-640]. Под началом прималитета Любви находятся: Заведующий деторождением, Воспитатель, Медик, Заведующий одеждой, Агроном, Скотовод, Стадовод, Заведующий приручением животных, Главный кухмистр, Откормщик. Правителю Мощи подчинены,

значимые для времен Кампанеллы специалисты: Стратег, Начальник единоборцев, Кузнечных дел мастер, Начальник арсенала, Казначей, Заведующий чеканкой монеты, Инженер, Начальник разведки, Начальник конницы, Начальник пехоты, Конюший, Главный гладиатор, Начальник артиллерии, Начальник пращников и Юстициарий [Кампанелла, 1954: 96-97]. Обобщая эту классификацию, Э. Соловьев указывает, что Мощь руководит военным делом, Мудрость – науками, Любовь – питанием, деторождением и воспитанием. Важно, что проект Кампанеллы пронизывает своеобразный телеологизм, целеполагание, целеосуществление [Соловьев, 1997: 39, 41]. Первостихии вовлечены в создание нового образа жизни, в реконструкцию природы и психики человека, при которой большое значение отводится регламентации, сопровождаемой астрологическими подсчетами. Мощь, Мудрость и Любовь в статусе первоначал, пронизывают как индивидуальное, так и общественное бытие.

Сильной считается эмоционально-эстетическая направленность проекта. Эмоция радости, сопровождающая ежедневный 4-х часовой труд, не являющийся непосильным, становится основной при описании образа жизни общины. К морально недопустимым причислены: гордость, неблагодарность, злоба, неуважение, леность, уныние, гневливость, шутовство, и особенно ложь! В идеальном государстве отрицается частая собственность и семья в пользу общности имущества и жен. Этот дискуссионный вопрос во все времена рождал аргументы «pro et contra». Но с точки зрения эстетики утопия Кампанеллы предстает как одна большая метафора, объединяющая многообразие смыслов и указывающая на предпосылки счастливого общественного устройства.

В силу того, что основанием любого новшества полагается знание, в утопии проследживается сциентистский компонент. При этом естественные причины и закономерности Кампанелла распознает и в магии. Сенсуалистическая установка, что ход и течение познавательного процесса основан на ощущениях, соотносима с взглядами Бекона. Перебрасывая интеллектуальный мостик к современности, заметим, что призыв «мыслить телом» стал распространенным. В се-

мантике мира человек конструирует проекты будущего, исходя из потребностей целостного телесного существа, и комфортные телесные ощущения свидетельствуют о комфортном мировосприятии. Телесность становится проницаемой поверхностью для энерго-информационных потоков. А, по мнению М. Фуко, поверхность тела – это пространство, на котором социальность пишет свои стигмы и регулятивы.

Высоким социальным престижем обладает техника и изобретения. Приветствуются практические навыки и знание ремесел, они обуславливают достоинства людей. С целью пробуждения у детей интереса к той или иной деятельности их с семилетнего возраста водят по различным мастерским. Картины, изображающие отрасли знания, также способствуют успешному изучению наук. Примечательно, что в педагогической доктрине Я. Коменского эти положения нашли свое отражение.

В заключении следует подчеркнуть, что в целом методология утопии Кампанеллы представляет собой астрологический раци-

онализм с элементами магии, трактуемой основанной на знании естественных причин. Первоначально, вбирающие в себя Мощь, Мудрость и Любовь, свидетельствуют о незыблемых основах человеческого бытия и имеют экзистенциальную направленность. Их реализация сопряжена с многообразием специальных дисциплин, требующих знаний и навыков, усиливающих сциентистские компоненты утопии.

Библиография

Кампанелла Т. Город Солнца. О наилучшем государстве. М.-Л., АН СССР, 1954. 228 с.

Лешкевич Т.Г. Философия. Вводный курс. М., Контур, 1998. 464 с.

Соловьев Э.Ю. Парадоксы реформации: от независимой веры к зависимой мысли // История философии: Запад–Россия–Восток. М., Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. 1998. С.38-42.

Чиколони Л.С. Кампанелла // Новая философская энциклопедия в 4-т. Т. 2. М., Мысль, 2001, С. 203.

Leshkevich T. The Practical Potential of Philosophical Wisdom // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEN 2017, Conference Proceedings, Book 2, Vol. 2, 633-640 pp.

УТОПИЯ КАК ФИЛОСОФСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: ВЕРНЕТСЯ ЛИ ОНА В РОССИЮ?

А.М. Орехов

Российский университет дружбы народов (Москва)

Аннотация. «Утопия» есть особый жанр, повествование художественного или научного характера, описывающее будущее общество (на Земле или в других мирах), как идеальное и совершенное, – в его социальном и (или) научно-техническом аспекте, – с точки зрения неблагоприятного современного устройства человеческого общества. В постсоветский период утопия умерла, – умерла и как литературный, и как философский жанр. Радикальная ломка идеологии привела к утрату образа «светлого будущего», и вдобавок утопия превратилась в разновидность, – очень трудной по исполнению, – философской фантастики. Тем не менее, стоит предположить, что утопия как литературный жанр рано или поздно вернется в Россию.

Ключевые слова: утопия, фантастика, философия, литература, Россия.

«Утопия» есть особый жанр, повествование художественного или научного характера, описывающее будущее общество (на Земле или в других мирах) как идеальное и совершенное, – в его социальном и (или) научно-техническом аспекте, – с точки зрения (весьма неблагоприятного) современного устройства человеческого общества.

«Утопия» как философский жанр была изобретена еще Платоном, а вот оформление

ее как научно-художественно-философского произведения произошло гораздо позднее, в XV-XVI вв. – в трудах Т. Мора («Утопия»), Т. Кампанеллы («Город Солнца»), Ф. Бэкона («Новая Атлантида»). В XIX в. свой вклад в создание утопических произведений внесли такие русские писатели, как Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский, В.Ф. Одоевский, а в советское время утопия как литературный жанр получила свое классическое во-

площение в романах «Туманность Андромеды» И.А. Ефремова, многих произведениях Б.Н. и А.Н. Стругацких («Страна багровых туч», «Полдень. XXII век» и т.п.), Г.И. Гуревича («Мы – из Солнечной системы») и др.

И вот в постсоветский период (примерно начиная с 90-х гг.) мы стали свидетелями следующего печального события: утопия умерла, – умерла и как литературный и как философский жанр. Ее место заняли фэнтэзи и бесчисленные произведения «боевой фантастики». Две литературные волны – «люмпен-волна» и «ювенил-волна», – захлестнули постсоветскую фантастику. Под «люмпенизацией» следует понимать ориентацию автора на культ силы, упрощение сюжета вплоть до самых примитивных ходов, связанных с насилием одних героев над другими, и, наконец, пропаганду низменных и корыстных ценностей и инстинктов, – в лице своих главных героев-суперменов. «Люмпен-волну» также отличает полное отсутствие каких-либо нравственных и идейных исканий, – как у героев, так и самих авторов, а ко всему прочему – антиинтеллектуальный и антиинтеллигентский пафос произведений, активная апелляция к псевдонаучным культам, убогий характер русского языка (а порой и его откровенное незнание), широкое использование просторечия (иногда и в форме полуцензурных и нецензурных выражений). «Ювенилизация» – это сознательная ориентация на снижение «взрослости» и «серьезности» фантастики, устремление на превращение жанра фантастики в «подростковый», развлекательный жанр. Но, в отличие от высококачественной детской и юношеской литературы, произведения «ювенил-волны» не воспитывают соответствующие поколения, а лишь «подыгрывают», «потакают» их еще незрелым, а порой и извращенным вкусам. Точно так же, как и «люмпен-волну», «ювенил-волну» отличает низкое качество языка, примитивность сюжетов и сюжетных ходов, в некоторых случаях – широкое применение подросткового жаргона [Орехов, 2011: 256-258].

Почему же из постсоветской фантастики почти полностью ушел и жанр «утопии»? Отчасти это объясняется тем, что радикальная ломка идеологии привела к утрату образа «светлого будущего», на который «настраивалась» и ориентировалась, к примеру, со-

ветская фантастика. Будущее нынешнему поколению фантастов и их читателей представляется скорее «темным», чем «светлым», и его легче представлять в образе антиутопии, чем утопии. Всякая утопия, даже если она вдруг хоть как-то объявит себя таковой в современный период, моментально будет обыграна сатирически и юмористически (попросту сказать, высмеяна), ее идеалы будут искажены и очернены, – тот же стиль используется и в отношении «старых» утопий, – утопий советского времени.

Можно сказать так: современное поколение в России настроено анти-утопично, т.е. против всяких утопий. Любая утопия представляется этому поколению вариантом идеологического заказа, спущенного сверху власть предержащими. Вот почему утопия отвергается именно как принцип, идея, а не просто как жанр литературного произведения.

Есть еще одна, очень важная причина. Ныне утопия – это очень трудный жанр, который ныне стал некоей разновидностью философской фантастики. А много ли сейчас в российской литературе авторов, способных работать в этом жанре? Можно сказать, что их почти нет...

Пишущий философскую фантастику должен быть и литератором, и философом по совместительству, а это получается далеко не у всех. Умение одновременно и художественно изображать вымышленную реальность, и глубоко размышлять о фундаментальных человеческих проблемах, – дар сверхредчайший. У многих авторов, ныне претендующих на принадлежность к этому направлению, мы имеем скорее не философствование, а псевдофилософствование, – лишь попытку изобразить из себя «философа». О философии как науке эти авторы имеют однобокое и одностороннее представление, а понимают под ней лишь собственные примитивные, но при этом более чем претенциозные размышления. Кроме того, философская фантастика – жанр в современный период маловостребованный и немодный. В современной фантастике процветает «экшн» во всех его формах – от фэнтэзийного до военного, а современный читатель предпочитает рассматривать фантастику как средство развлечения и умственного отдыха, а вовсе не как один из способов интеллектуального дис-

курса и рефлексии. К тому же философская фантастика не кинематографична, она плохо экранизируется, – и как в форме отдельного фильма, и так в форме сериала, – и это также в той или иной форме отвращает от нее современных российских авторов.

Но это все, вместе взятое, вовсе не значит, что жанр утопии навсегда отринут постсоветской фантастикой и философией. Возможно, как философский вариант, – в духе утопий Кампанеллы или Мора, – она уже не будет существовать, но как литературная версия, – она, скорее всего, когда-то вернет-

ся. Придут другие поколения, изменится образ будущего, появится «мечта», повысится культурный уровень читателей и самих фантастов, и жанр утопии, как мы предполагаем, снова встанет востребованным. Потому мы полагаем, что нынешнее его небытие и отринутость – лишь временное явление. И это возвращение рано или поздно состоится, – и, возможно даже, будет триумфальным.

Библиография

Орехов А.М. Собрание сочинений. Т. 2. Королев, «Космос», 2011. 260 с.

РОЛЬ УТОПИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

М.А. Кярова

Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова (Нальчик)

Аннотация. В статье рассматривается проблема периодически возрастающего интереса к утопическим учениям и утопическим проектам в условиях господства научного мировоззрения. Утопия сложна по своему содержанию, воплощена в многообразных формах духовной и интеллектуальной жизни людей. Социальная значимость утопии, роль утопических учений и идей в истории общественного развития раскрывается и может быть понята на уровне социального проявления. В связи с этим трудно переоценить степень важности данного аспекта изучения утопии для осмысления роли феномена утопизма в общественной жизни. Внимание современной утопии сместилось с общества на человека. То, что раньше считалось идеалом, стало для некоторых обществ результатом, идеал же, счастье, совершенство отодвинулись снова к горизонту, стали недостижимы для людей.

Ключевые слова: утопия, утопизм, социальность, справедливость, счастье, гармония, идеал.

Одной их форм осознания прошлого и его преодоления в будущем, одной из ступеней на пути к идеалу была и остается утопия. Описание никогда не существовавших стран, где человек счастлив и беззаботен, земля щедр и изобильна, образ жизни правилен, здоров и разумен, существовали издревле. Утопические идеалы, которые влекли за собой воображение безымянных или известных авторов, зачастую лежали в прошлом, таили смутное воспоминание о первобытно-общественном строе, где не было господ и слуг, хозяев и рабов, угнетателей и угнетенных.

Социальные утопии противопоставляли мир света ночи, широко изображали свою страну света с надлежащим блеском, в которой угнетенный чувствовал себя поднявшимся, обездоленный – довольным. Нормально должно было быть так, что миллионы людей не дают в течении тысячелетий править собой, эксплуатировать себя, лишать себя на-

следства горстке правителей верхних слоев. Нормальным является, что такое огромное большинство не мирится с положением проклятых мира сего. Вместо этого именно пробуждение этого большинства является совершенно необыкновенным, редким в истории. На тысячу войн не приходится и десяти революций, так труден прямой путь. Отрицая путь постепенного преобразующего воздействия идеала на реальную жизнь людей, утопизм оправдывает любые, в том числе и насильственные средства достижения поставленной цели.

Необходимо осознать, что явления утопического сознания гораздо более живучи, чем конкретные утопические проекты, по необходимости учитывать информационные возможности XXI в. и стремительное распространение любой идеи, в том числе утопической. Ценность утопии определяют как нечто обратно пропорциональное росту на-

учного познания общества. Исходя из этого, невозможно объяснить периодически возрастающий интерес к утопическим учениям и утопическим экспериментам в условиях доминирования роли научного мировоззрения. Решение этой проблемы возможно на основе исследования утопии как определенного типа сознания субъектов социально-исторической деятельности, образа мышления и миропонимания.

Социальная значимость утопии, роль утопических учений и идей может быть понята на уровне социального проявления. Утопия выступает явлением, задающим интеллектуально-духовную перспективу обществу, конструирует некий гармоничный и совершенный мир, который может быть воспринят как возможное будущее состояние общества. Утопия фокусирует устремления людей на цель, которая воспринимается в качестве итоговой, и которая, тем самым, придает деятельности некий высший смысл. Переживаемый современной техногенной цивилизацией глобальный социокультурный кризис неразрывно связан с поиском путей дальнейшего исторического развития и качественно иных ценностных ориентаций. Происходящая сейчас переоценка ценностей не должна вести к недооценке утопии в историческом процессе. Необходимо рассмотрение утопии как моделирования альтернативных вариантов исторического развития.

История утопии явила нам множество проектов устройства жизни на разумной основе. В своем стремлении понять мир человека исключительно на основе разума и устроить его всецело на принципах разума утопизм является расширением и абсолютизацией философского рационализма. Понятие социальной и исторической необходимо-

сти отождествляется с принципами разума, которые совпадают с мечтами о наилучшем обществе. Намерение утопистов целенаправленно внедрить тотальную рациональность в жизнь общества имеет под собой представление о человеке как исключительно разумном существе. Приоритет разума в человеке рассматривается, если и не как данность, то как еще не реализованная возможность. Утопии не только по своему объективному содержанию, но и субъективно не направлены на познание социальной действительности. Сколь бы тщательно мы ни анализировали и ни вскрывали обманчивый характер утопизма, его псевдокритичность, псевдорелигиозность и т.д., известно, что невозможно силою критики устранить то, что имеет под собой реальные жизненные основания, что поддерживается потребностями и устремлениями людей. Потребность в утопии, видимо, пока еще не исчезла в обществе, а лежащие в ее основании импульсы – стремление к идеалу и потребность создания образа будущего – вообще присущи природе человека.

Библиография

- Барг М.А. О классовой природе ранней социальной утопии // Социальные движения и борьба идей. М., Политиздат, 1972. С.160-181.
- Барт Г. Миф сегодня // Барт Г. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М., Прогресс.Универс., 1994. С.72-130.
- Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопическом эксперименте. М., Политиздат, 1989. 319 с.
- Володин А.И. О понятии «утопический социализм» // История общественной мысли. Современные проблемы. М., Наука, 1972. С.453-474.
- Давидович В.Е. Теория идеала. Ростов-на-Дону, Изд-во Ростовск. ун-та, 1983. 185 с.
- Паниотова Т.С. Утопия в пространстве диалога культур. Ростов н/Д, 2004.

ПОСТГУМАНИЗМ КАК УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ СОВРЕМЕННОСТИ

Л.П. Пендюрина

Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Автор приводит аргументы в пользу того, что идеология постгуманизма представляет собой утопический проект. Постгуманистический проект на пути эволюции человека предполагает его отказ от духовных ценностей: любви, дружбы, семьи, веры, но это в принципе невозможно. Поэтому отрицание духовных ценностей является угрозой существования и человека, и человеческого рода в целом.

Ключевые слова: гуманизм, постгуманизм, трансгуманизм, постмодерн, новый человек.

О постгуманизме в современной общественной мысли говорят очень много. Часто подчеркивают, что мировоззрение постгуманизма является вершиной осознания человеком себя и мира. Термин «постгуманизм» в настоящее время отождествляется с термином «трансгуманизм». Их синонимичность определяется тем, что постгуманизм – это не вполне сформировавшееся понятие, которое свидетельствует о наступлении эры нового мышления, переосмысливающего место человека в мире. Сторонники постгуманизма утверждают строго рационалистический характер этого мировоззрения, позволяющий создать искусственный интеллект, соединить человека с машиной, искоренить все гендерные различия между людьми.

Идеи и взгляды постгуманизма возникают в ситуации постмодерна, утверждающего смерть субъекта, распад предшествующей гуманитарной культуры. Философия Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Ж. Деррида, М. Фуко, Л. Алтьюссера подпитывается представлениями индуизма, теориями постклассического естествознания, эзотерическими учениями различного толка. Всё это создаёт множественную картину нового бытия человека, подчинённого знанию объективных законов природы. Человек представляется частью природы, и, как любая часть природы, он обладает не абсолютной, а относительной ценностью.

Краеугольными основаниями постгуманизма являются идеи бессмертия, обожения и овладения Вселенной. Эти идеи, переосмысливающие метаморфозы, происходящие в мире человека, конкретизируются в следующих чертах постгуманизма.

1. Технологичность. Эра Научно-технического прогресса, в которую вступило человечество, порождает новые технологии, помогающие расширить умственные, физиологические и психические способности человека, а также избежать старения и смерти. Искусственные конечности, органы тела обеспечивают человеку новые возможности для жизни в новой реальности.

2. Овладение Вселенной. Постгуманизм настаивает на том, что человек способен выйти за пределы Солнечной системы. Это спасёт его от вымирания в результате действий технологических катастроф и атомных войн.

3. Для сторонников постгуманизма со-

временная культурная реальность является продолжением культуры гуманизма с её метафизическими стремлениями и провозглашением человека высшей ценностью. Образ души как сущности человека – кульминация этих представлений, в то время как на самом деле она представляет собой только аспект психического.

4. Замена «мёртвого Бога» «новым Богом». Постчеловек осознаёт себя творцом такого будущего, в котором «само творение освобождено будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (К римлянам 8: 22-23).

5. Идея трансцендирования. Предназначение жизни – постоянное эволюционирование человека и человеческого рода, выход за пределы человеческой природы и телесной реальности.

6. Основной задачей постгуманизма является возникновение нового человека, постчеловека сингулярности (Р. Курцвейл) или сверхчеловека эльфинизма (С. Спивак), который преодолет такие ценности гуманизма, как индивидуальная свобода, самореализация и общественная мораль.

На наш взгляд, идеология постгуманизма представляет собой утопический проект. В пользу этого говорит идея постгуманизма о создании искусственной научно-технической реальности, в которой сращиваются человек и машина. По мнению постгуманистов, появление киборгов, обладающих некими универсальными способностями и синтезирующих человека и робота, по мнению постгуманистов, позволит не только освободить человека от той деятельности, которая ему неинтересна, но и приведёт в будущем к сканированию сознания человека в машине. Сама мысль о замене человека и его функций нанотехнологиями является достаточно удобоваримой. Человек – действительно несовершенное существо и в силу этого готов передоверить свои функции роботам. Но насколько он готов к ситуации, при которой он способен потерять контроль над «искусственным интеллектом» и над действием собственного разума, становящегося объектом изменений и происходящих трансформаций?

Постгуманистический проект на пути эволюции человека предполагает отказ человека от духовных ценностей: любви, дружбы, семьи, веры. Но это невозможно в принципе.

По свидетельству психиатров, психологов, антропологов, врачей, потеря метафизических оснований бытия приводит к физической смерти человека. Поэтому отрицание духовных ценностей является угрозой существования человека и человеческого рода в целом.

И последнее замечание, утверждающее невозможность реализации постгуманистической идеологии. Оно связано с пониманием «искусственного интеллекта» как копии ин-

теллекта человека. Но человеческое сознание невозможно объяснить деятельностью нервных клеток и нейронов. Человек – это целостное существо, включающее различные уровни психики, в том числе и уровень бессознательного, без которого невозможно представить личность. И если всё это не учитывать при создании постчеловека и рассматривать его только как чистый разум, то превосхождение человека завершится его концом.

ОСОБЕННОСТИ УТОПИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ ФАРАБИ

Д.О. Иномова

Кокандский государственный педагогический институт (Коканд, Узбекистан)

Аннотация. В статье обсуждаются утопические идеи идеального государства и обретения счастья и добродетели. Другая проблема – это достижение и построение справедливого общества, в котором воцарятся свобода, всеобщее равенство, взаимное уважение, полное благополучие. Великий утопист, будучи величайшим гуманистом своей эпохи, выступал против войн, захватов и грабежей, против несправедливости и обмана, защищал права человека на труд, знания, мирную жизнь, мечтал о процветании общества на основе взаимной помощи людей. Фараби впервые в эпоху Средневековья разработал учение об общественном прогрессе, сыгравшее огромную роль в развитии социологической мысли.

Ключевые слова: общественный договор, государство, добродетель, философия, счастье, утопия, город-государство.

Общественно-философская система Фараби занимает выдающееся место в духовной культуре Востока, при этом идейное наследие его необычайно велико и разнообразно. Аль-Фараби изучал и сравнивал известные в то время отрасли знаний, такие, как этика, политика, естествознание, психология, эстетика, логика. На формирование социальных, этических, философских взглядов ученого-энциклопедиста оказали большое влияние, прежде всего, оригинальная и самобытная культура народов Средней Азии, стран Среднего и Ближнего Востока, древнегреческая философия, в частности, наследие Аристотеля, а также идеологии того периода. Ученый, обладавший самостоятельным и оригинальным философским мышлением, создал целую энциклопедическую систему.

Согласно мыслителю, человек не обречен на грех и порок, а становится таковым при том условии, если не будет стремиться к добродетели: «Тому, кто желает овладеть какой-либо добродетелью, следует приложить

усилие к изгнанию пороков, которые противостоят добродетелям, поскольку добродетели достигаются редко и только после освобождения от пороков» [Абдильдин, Бурабаев, 1985: 151]. Говоря о пути достижения нравственного совершенства, философ утверждает и то, что «если человек достигает искомой цели и становится абсолютно хорошим и достойным, но идет к этой цели непохвальным путем, то это порицается. Самое лучшее – это достичь цели красиво и достойно» [Абдильдин, Бурабаев, 1985: 150].

Мощным средством формирования человека философ считает также воспитание и обучение, благодаря которым вырабатываются нравственные и интеллектуальные качества, необходимые для молодого человека. Помимо этого, философ убежден в том, что воспитательный процесс порождает разумность и подчеркивает особую роль законов в этом процессе: «У кого отсутствует воспитанность, тот находит приятными пороки, а обладающий воспитанностью находит при-

ятными только блага. Закон – это путь к благам и, следовательно, законодателю следует приложить усилие в укреплении воспитания. Если привычки и характер человека не являются законными, прекрасными и удовлетворительными, то он всегда будет в состоянии низости, безобразности, он будет отступником всякий раз по мере того, как будет порицать закон» [Абдильдин, Бурабаев, 1985: 165].

Фараби рисовал общество будущего как справедливое, в котором воцарятся свобода, всеобщее равенство, взаимное уважение, полное благополучие. Единственный путь к этому обществу он видел в науке, знаниях. Государство, устанавливающее определенные правила поведения и нравственные нормы, является необходимым орудием, направляющим жителей государства к достижению счастья.

Но, тем не менее, социальные этические идеи Фараби открыли путь новому направле-

нию в системе общественно – философских воззрений. Вместо потустороннего счастья было предложено реальное счастье, счастье в этой жизни. Поэтому против социологических идей Фараби выступали апологеты ислама.

Библиография

Абдильдин Ж.М., Бурабаев М.С. Аль-Фараби. Историко-философские мыслительная трактаты. Перевод захватов с арабского. Алма-Ата, главы Наука, 1985.

Аль-Фараби. Книга наследие указания пути каждое к счастью. Хайдарабад, 1927.

Аль-Фараби. Философские находит трактаты. Алма-Ата, Наука, 1970.

Аль-Фараби. Трактат города о взглядах жителей деньгам добродетельного города. Алма-Ата, Наука, 1979.

Аль-Фараби. Гражданская находится политика. Алма-Ата, Наука, 1970.

Аль-Фараби. Социально-этические одним трактаты. Алма-Ата, Наука, 1973.

Аль-Фараби. Философские выступает трактаты. Алма-Ата, Наука, 1970.

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: МАРКСИСТСКАЯ УТОПИЯ И БИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Г.Э. Ирицян

Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве РФ (Новороссийск)

Аннотация. Будущее современного человечества представляется проблематичным. Глобальные проблемы не вызывают адекватной реакции мировой общественности, в большинстве сфер социальной действительности, превалируют иррациональные, эгоистические интересы что усугубляет всеобщий социокультурный кризис. Вопреки этому марксисты продолжают верить в то, что будущее человечества – это коммунистическое общество, совсем другой точки зрения придерживаются этологи и социобиологи.

Ключевые слова: общество, марксизм, этология, утопия, кризис.

Последние четыре сотни лет передовые умы человечества были уверены в неизбежном прогрессе общества, подготовленном научно-техническими достижениями, промышленным и экономическим развитием. Прогнозировалось наступление идеальной эпохи, когда важнейшие проблемы будут преодолены и люди перестанут уничтожать и эксплуатировать друг друга, так как для этого не будет реальных социальных причин. Большой вклад в эти научно обоснованные ожидания и проекты внесли основоположники социального утопизма Т. Мор, Т. Кампанелла. Линию социального утопизма подхватили марксисты, утвердившие догму не-

избежного наступления всемирного коммунистического общества. В тоже время некоторые мыслители XIX в. пытались обратить внимание общественности на неразумные, иррациональные и биологические стороны человеческой природы, которые противоречат благим намерениям утопистов. К такому можно отнести, например, Ф. Ницше, который критиковал рационализм и социализм, сомневаясь в достижении всеобщего благоденствия на путях, обозначенных утопистами, он прогнозировал человечеству мировые войны и глобальные катастрофы.

Биологизаторский дискурс в социальной философии, сформировавшийся в XIX в., бе-

рет свое начало в теории эволюции Ч. Дарвина. Биологизаторство проявлялось, в частности, в социальном дарвинизме, разрабатываемом такими мыслителями, как Г. Спенсер, Т. Мальтус, Э. Геккель и др. Социальный дарвинизм как маргинальная теория был, в основном, опровергнут и отвергнут научным сообществом в середине XIX в. Но уже во второй половине XX в. возникают такие научные направления, как социобиология и этология, которые дали новую пищу для размышлений над проблемой сущности человека и общества. Этологи пришли к выводу о том, что человек сам по себе не представляет чего-то особенного, выделяющегося из мира животных, и на человеческое общество воздействуют те же природные факторы, что и на другие виды. Разум, посредством которого Homo sapiens выживает и преуспевает, развился в результате случайной и сложной эволюции путем приспособления к изменяющейся окружающей среде на протяжении последних 3 млн лет [Дольник, 2003].

Вера в неизбежное светлое коммунистическое будущее, которое можно реализовать посредством, якобы всемогущего человеческого разума продолжает существовать в современной гуманитаристике. Так, например, вариант коммунистического утопизма обнаруживается у американского историка Э. Валлерстайна. Последний уверен в том, что нынешняя либеральная социально-экономическая система находится в кризисе и представляет собой тупиковое направление в развитии человечества. После либерализма наступит эпоха в основе которой будут коллективистские, по сути, коммунистические общественные устои, утверждает Валлерстайн в своих работах [Валлерстайн, 2003].

Отечественный историк Ю.И. Семенов пишет о двух возможных сценариях развития событий в мировых масштабах с точки зрения модернизированного марксизма. Прежде всего, будет происходить нарастание глобальной классовой борьбы как ответ на дальнейшее усиление мирового капиталистического прессинга. Первый сценарий пессимистический: глобальная классовая борьба, представленная в виде всевозможных массовых беспорядков, террористических актов, революций, путчей собственно войн и т.д. в конце концов, сметет сложившуюся

современную капиталистическую систему. В подобной ситуации выжившее человечество, в лучшем случае, совершенно одичает, а в худшем просто исчезнет [Семенов, 2003].

Оптимистический сценарий может реализоваться в случае развития второго альтернативного Западу мощного политико-экономического центра во главе с Россией, Индией и Китаем. В результате развития этого центра лишившись возможности эксплуатировать незападные страны и использовать в неограниченном количестве их природные ресурсы, капиталистический центр вынужден будет вынужден пойти на перестройку всей своей социально-экономической структуры. В конце концов, капитализм сменит иной общественный строй – коммунистический, считает Ю.И. Семенов. Скорее всего, человечество при этом пройдет переходный период, когда рынок будет еще действовать, но под строгим контролем общества. Общество будет вырабатывать стратегию, а рынок обеспечивать нужную тактику. Когда же производство вещей окончательно превратится в автономный единый процесс, происходящий под контролем компьютеров, и во многом уподобится естественным, природным процессам, то функционирование рынка станет и ненужным, и невозможным, и он с неизбежностью исчезнет [Семенов, 2003]. Изображая подобные, вполне утопические, картины будущего, Семенов все же отмечает, что оптимистический сценарий далеко не неизбежен и вполне возможны еще какие-то промежуточные варианты по типу столкновения цивилизаций в теории С. Хантингтона [Хантингтон, 2003].

Возникает вопрос: почему не видны предпосылки реального коммунизма, и почему не решается проблема войн как антигуманного средства разрешения конфликтов? Последних не становится меньше, а среди людей даже в мирное время то и дело вспыхивают конфликты с летальными исходами? Ответ на это вопрос дается в рамках биологии – это теория агрессивной природой человека. Этологи небезосновательно считают, что человек достаточно агрессивное существо и что у него на определенном этапе эволюции нарушился баланс между вооруженностью и его слабой естественной моралью [Дольник, 2003]. Кроме того, инстинкты не исчезают со

временем, они продолжают работать, хотя надобности в них может уже и не быть. Если на ранних этапах эволюции общества стычки между группами предков человека не грозили полным крахом человечеству, то в Новое время, когда изобрели различные виды оружия массового поражения, такой сценарий вполне может реализоваться.

Далее хотелось бы прояснить суть краеугольного противоречия между социальными теориями марксизма и этологии. Тут дело касается проблемы сущности человека. Марксисты и, в частности, Ю.И. Семенов полагают, что современный человек – это экономическое существо, раз и навсегда вырвавшееся из своего природного, первобытного детства и живущее в условиях сменяющихся общественных формаций – смена общественно-экономических формаций плюс классовая борьба и задают тон всей истории [Семенов, 2003]. Биологи же уверены, что суть человека неизменна она биологическая, но на определенном этапе своей эволюции человек создает культуру в широком смысле этого понятия. Культура развивается, возникает письменность, наука, техника, но, в конце концов, культура вступает в противоречие с биологической природой человека этим и объясняются многие, если не все проблемы современного человека. Выясняется, что инстинкты зачастую сильнее социальных норм, а тем более гуманистических теорий утопистов. В результате мы хотим мира, а получаем войну, создаем демократию, а получается иерархия или автократия, желаем вразумить своих отпрысков, а они всячески сопротивляются, стимулируем рождаемость, а она падает, наоборот пытаемся ограничить ее, но и это получается, и т.д. Обо всем этом можно найти подробную информацию в работах К. Лоренца, Э. Уилсона и других. В конце концов, по мнению некоторых биологов, предвещать формирование коммунистического строя – это совершенно антинаучно: «Коммунизм утопичен потому, что он не соответствует никаким нашим инстинктивным программам. Такое общество невозможно для людей даже на короткий срок. Все попытки его установить проваливаются тут же. Для него нужен ни много ни мало, как другой человек» [Дольник, 2003: 238].

Необходимо отметить, что такие серьезные исследователи, как И. Валлерстайн и

Ю.И. Семенов, отказываются учитывать данные биологии в деле объяснения социального поведения человека. Марксисты продолжают витать в своих утопических небесах, считая недопустимым биологизаторство современного человека и общества. Последние не обращают внимание на предостережения экологов и экономистов о том, что деструктивные процессы, стопорящие возможности для дальнейшего развития человечества, уже необратимы. В частности, можно привести в пример точку зрения американского журналиста и экономиста Ричарда Хейнберга, который в своих публикациях отстаивает идею о том, что современное общество находится на той стадии, когда экономический рост уже невозможен из-за исчерпания дешевых и доступных полезных ископаемых. Поэтому срочно необходим коренной пересмотр и перезагрузка мировой экономики в условиях неизбежного сокращения производства всех видов товаров, а также грядущего финансового коллапса [Хейнберг, 2013].

В конечном итоге прогноз биологов по отношению к виду *homo sapiens* не очень оптимистичен: человечество уже превысило допустимые нормы своей численности, поэтому его ожидает либо демографический кризис и коллапс, либо другие глобальные потрясения, в числе которых будут различные войны, которые понизят численность людей и приведут ее в соответствие с емкостью среды [Дольник, 2003].

По нашему мнению, биологические дисциплины совершили серьезный прорыв в деле объяснения многих противоречий социальной действительности – это касается вопросов связанных с отношениями людей в малых группах, проблемами детства и взросления, а также сложных отношений отцов и детей, кроме того достаточно хорошо объяснена проблема иерархической сущности человеческого общества и властных отношений. Не смотря на все это, мы далеки от той мысли, что только инстинкты и биологически обусловленные мотивы движут современным человеком и обществом, реальность всегда гораздо сложнее, чем любая из сформулированных теорий. Но просто отрицать данную научную обоснованную точку зрения как это делают отечественные марксисты мы не вправе.

Библиография

Валлерстайн И. После либерализма. Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М., Едиториал УРСС, 2003. 256 с.

Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб., ЧеРо-на-Неве, 2003. 314 с.

Кампанелла Т. Город Солнца / Пер. с лат. и ком. Ф.А. Петровского. Пер. прил. М.Л. Абрамсон, С.В. Шервинского и В.А. Ещина. Вст. ст. В.П. Волгина. М.-Л., АН СССР, 1954. 228 с.

Лоренц К. Обратная сторона зеркала: Пер. с нем. А.И. Федорова, Г.Ф. Швейника / Под ред. А.В. Гладко-

го; Сост. А.В. Гладкого, А.И. Федорова; Послесловие А.И. Федорова. М., Республика, 1998. 393 с.

Семенов Ю.И. «Философия истории» (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., «Современные тетради», 2003. 776 с.

Уилсон Э. Социобиология: новый синтез. (26 глава): [Электронный ресурс]. URL: <http://ethology.ru/library/?id=126> (Дата обращения: 10.11.2018).

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

Хейнберг Р. Конец роста. / Пер. с англ. Н. Некрасовой. М., Книговек, 2013. 384 с.

БЛАЖЕН, КТО БЛАЖЕН, ИЛИ ОДА ГЛУПОСТИ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО

Д.М. Тайсаев, Ф.С. Эфендиев

Северо-Кавказский государственный институт искусств (Нальчик)

Аннотация. В статье рассматривается работа Эразма Роттердамского: «Похвала глупости» – в свете реалий современного общества. Философ высмеивает лицемерие, причисляющее бескорыстных людей к глупым идеалистам. Особенно ярко у автора Похвалы глупости отражена проблема несоответствия положения человека с его умом и способностями, гораздо чаще личину мудреца-пророка одевает глупость. Настоящее время во многом повторяет исторический феномен Ренессанса. Глупость, а вернее простота в позитивном варианте и навязчивая некомпетентность в негативном, в настоящее время, такое же обычное явление.

Ключевые слова: Похвала глупости, Возрождение, прагматизм, утилитаризм, меркантилизм, инфантильность, мудрость, панегирик.

История человечества насчитывает множество великих произведений, мудрых и нарочито шуточных. И именно эти ироничные произведения занимают особое место в сокровищнице мировой литературы. К таким произведениям можно отнести: «Золотой осёл» Апулея, «Дон Кихот» Сервантеса, «Легенда об Уленшпигеле» Шарля де Костера или «Тартарен из Тараскона» Альфонса Доде. Но даже в этом ряду бесценных творений есть произведение, занимающее особое место – «Похвала глупости» Эразма Роттердамского.

На первый взгляд работа представляет из себя подчеркнuto поверхностный взгляд на жизнь, обычный фельетон, карикатуру на реальность того времени, несмотря на то что написана одним из величайших мыслителей своего времени. Это произведение напоминает посмертный панегирик, написанный недружелюбным потомком, всячески пытающимся скрыть своё недружелюбие. Да и сам Эразм Роттердамский считал свою работу безделицей, написанную от скуки в пути из Италии в Англию [Ардашев]. Несколько выделяет данную работу то, что этот панеги-

рик написан от лица самой глупости. В действительности работа гораздо глубже, под маской поверхностных рассуждений, скрываются глубокие философские мысли, хоть и выраженные в весьма ироничной форме, но содержащие в себе нетленные и содержательные мысли. Доказательством этому служит то, что рукопись выдержала сотни переизданий по всему миру, тем самым подтвердив высказывание автора: «Победа достается тому, кого не принимают всерьез».

Необычность произведения заключается в том, что Эразм Роттердамский не столько рассматривал глупость человеческую как таковую, таких работ можно найти немало, сколько оценивал мир через объективацию рефлексии глупости. Она не столько восхваляет, сколько оправдывает себя, приписывая себе чуть не все заслуги человечества. Подобный эффект достигается некоторым гротескным преувеличением, когда под глупостью понимается не только и не столько невежество и невоспитанность, как это видится в общепринятом понимании. Лёгким росчерком пера в разряд глупости у Эразма

Роттердамского попадает: искренность, открытость, душевная простота, бессребреничество, инфантильность, наивность, иногда даже благородство. Всё то, что идёт вразрез меркантильным, прагматичным интересам, причём без учёта таких факторов как совесть и порядочность. Но не стоит приписывать автору цинизм, скорее это ирония цинизма, насмешка над ним.

Автор – яркий представитель эпохи Возрождения, когда столкнулись средневековый ханжеский псевдоаскетизм и новое, антропоцентристское видение человека, отраженное в бентамовском утилитаризме. Противоречие этой эпохи связано со столкновением отжившей моральной системы традиционного общества в новых реалиях зарождающейся индустриализации, когда требовались совсем другие императивы.

Человек вдохнул живительный воздух свободы, когда человек уже пытался говорить, что думает, а не что дозволено. Автор пишет: «Не хочется мне, чтобы вы заподозрили меня в желании блеснуть остроумием по примеру большинства ораторов. Ибо ведь они, дело известное, когда читают речь, над которой трудились лет тридцать, а иногда так и вовсе чужую, то дают понять, будто сочинили её между прочим, шутки ради, в три дня, или просто продиктовали невзначай. Мне же всегда приятнее было говорить то, что придёт на язык» [Эразм Роттердамский, 1931: 50]. Как это актуально и ныне, когда многие подбирают умные слова только ради красного словца, когда мудрствование одевает маску мудрости. Времена меняются, а натура человеческая остаётся. Однако в те времена это было особенно актуально, когда всё ещё сохранялось засилье многословной средневековой схоластики.

Представляет особенный интерес его отношение к людям – представляющим искусство и науку. «Но обратимся к наукам и искусствам. Что, кроме жажды славы, могло подстрекнуть умы смертных к изобретению и увековечению в потомстве стольких, по общему мнению, превосходных наук? Воистину глупы донельзя люди, полагающие, что какая-то никчемная, ничего не стоящая известность может вознаградить их за бдения и труды. Да, именно Глупости обязаны вы столь многими и столь важными жиз-

ненными удобствами, и – что всего слаще – вы пользуетесь плодами чужого безумия» [Эразм Роттердамский, 1931: 83]. Глупыми автор иронично называет людей, которые не желают заниматься нелюбимым делом, даже когда оно не приносит дохода. Как это актуально для нашего времени, когда преподавателям и ученым уже прямо советуют уходить в бизнес. Но ведь прав Эразм Роттердамский, когда утверждает, что, если бы не эта «глупость», человечество бы остановилось в своём развитии. Поэтому неудивительно, что к Эразму Роттердамскому обращался в своих работах и автор «Homo ludens» Й. Хёйзинга, ведь между игривостью и «глупостью», как её расширительно трактует Эразм, нет принципиальной разницы [Хёйзинга, 2009].

Вот что пишет автор от лица глупости: «Нет во мне никакого притворства... Всегда и всюду я неизменна, так что не могут скрыть меня даже те, кто пытается присвоить себе личину и титул мудрости, кто разыгрывает обезьян в пурпуре и ослов в львиной шкуре. Пусть притворствуют как угодно: торчащие уши всё равно выдадут Мидаса» [Эразм Роттердамский, 1931: 51-52]. Глупость всё равно не скроешь и осёл в львиной шкуре ещё более смешон.

Блажен, кто блажен. Мудрость и знания лишь усугубляют страдания рефлексирующей личности. «В глубоком знанье жизни нет – Я проклял знаний ложный свет» восклицает страдающий от скуки пушкинский Фауст. И ныне уже является моветоном слишком выпячивать свои знания, быть понятным лишь избранному обществу ученых мужей. Ученые стремятся быть ближе к народу. Многие считают, что причина лежит в посмодернистском стирании граней между массовым и элитарным, профанным и сакральным, бытовым и творческим. Но, как выясняется, сия тенденция имела место уже в эпоху Возрождения, пусть и не в столь ярко выраженной форме.

В нашу эпоху, глупость снова на коне. Будем же мудры в своей искренней глупости и честны, не прячься под личиной несуществующей мудрости, время всё поставит на свои места.

Библиография

Ардашев П.Н. Эразм Роттердамский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890-1907.

Эразм Роттердамский. Похвальное слово глупости. М., Л., Academia, 1931. 239 с.

Хёйзинга Й. Культура Нидерландов в XVII веке. Эразм. Избранные письма. Рисунки. СПб., Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 680 с.

ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ В.Ф. ЭРНА КАК УТОПИЯ

Н.А. Шестовских

Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург)

Аннотация. В статье рассматривается христианский идеал отношения к собственности русского философа В.Ф. Эрн, делается вывод об утопичности его идеи об обобществлении имущества. Утопия является необходимой стадией на пути мысли, но культура утопии не должна смешиваться с культурой реальности.

Ключевые слова: русская философия, христианство, В.Ф. Эрн, собственность, утопия.

Со времен античности мыслители и поэты мечтали о «золотом веке», когда ни у кого не было частной собственности, восхищенно описывали счастливые народы, которые живут, считая все имущество общим владением всех. Эти мечты нашли свое отражение в разнообразных европейских утопиях: от Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы до Гракха Бабефа и Карла Маркса. Можно сказать, что категория собственности – одна из первых категорий, в которых человек начал осмыслять мир.

Несмотря на то, что в русской философской мысли проблема собственности очень долго не стояла в центре внимания, вопрос о собственности в практическом плане являлся и является для России одним из важнейших вопросов, который порождает полярные точки зрения, в том числе и утопические идеи.

Карл Маннгейм относил к утопичному то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его «бытием». «Трансцендентными бытию», нереальными являются все те представления, которые не согласуются с существующим жизненным устройством. Одним из таких «трансцендентных представлений», на наш взгляд, можно считать христианский социализм В.Ф. Эрн.

В начале XX в. русский философ В.Ф. Эрн, один из основателей «Христианского братства борьбы», в своей статье «Христианское отношение к собственности» изложил идею создания специфического русского христианского социализма, основанного на право-

славных догматах. Основная задача, по его мнению, заключается в создании христианской общности, которая должна стать на место государства. Осуществление этой задачи возможно только при упразднении частной собственности.

В.Ф. Эрн не отрицает значения собственности, он признает, что «собственность есть крупнейший факт человеческой жизни и имеет значительное влияние на формирование и структуру всех человеческих отношений вообще и общественных и политических в особенности» [Исупов, Савкин, 1993: 194]. Но главным вопросом для человека, по его мнению, является не вопрос о том, что такое собственность, а вопрос о том, чем собственность *должна быть* и каково должно быть отношение к ней со стороны человека.

Основываясь на христианских положениях и на толковании Священного Писания, В.Ф. Эрн приходит к выводу о том, что каждый верующий человек должен отречься для Христа от всего, в том числе и от собственности, поскольку существенным признаком собственности является внутреннее установление предела, границы и препятствия для другого, что несовместимо с христианскими заповедями.

В пользу отказа от собственности, Эрн выдвигает еще один аргумент: признание частной собственности противоречит христианскому учению о благодати. Исходя из этого учения, все, что есть в нас положительного, даже нравственные успехи, даже имущество, приобретенное личным трудом, не

говоря уже о имуществе, которое передается по наследству, мы должны считать не своим, а Божьим.

Владение собственностью рассматривается В.Ф. Эрном как идолопоклонничество, то есть придание религиозного, абсолютного значения относительной вещи, которое также несовместимо с истинным христианством.

Каково должно быть в таком случае отношение к собственности в среде верующих, объединенных в Церкви? Ссылаясь на Евангелие и опыт первой Иерусалимской общины, В.Ф. Эрн приходит к выводу о том, что верующие обязаны отказаться от частной собственности и перейти к полному общению имуществ. «Между ними все должно быть общее, и всем, что имеют, они должны делиться братски и любовно» [Исупов, Савкин, 1993: 208].

Таким образом, уничтожение частной собственности, по мнению В.Ф. Эрна, ведет к христианской любви и справедливости, но, как показывает исторический опыт, уничтожение частной собственности, наоборот, приводит к еще большей социальной несправедливости. Как это ни парадоксально, но эгоизм расцветает бурным цветом именно там, где нет частной собственности.

В идеале, люди должны действовать бескорыстно, но мир не идеален. Даже если мы согласимся, что общественным идеалом является бескорыстие, как показывает практика, лучше не делать его основой системы, в которой бескорыстные оказываются заложниками наихудших. Порядок, при котором вознаграждение систематически достается наихудшим (ленивым, расточительным, недалеким), не может привести ни к чему хорошему.

Христианский идеал отношения к собственности, провозглашенный В.Ф. Эрном, на наш взгляд, является недостижимым также по причине того, что для его осуществле-

ния русский философ изначально закладывает возможность и необходимость использования насильственных мер, что в корне противоречит христианскому идеалу.

В основе всех утопических идей о равенстве людей и общности имущества лежит идея о том, что человек способен полностью изменить свою природу, стать совершенным и построить идеальное общество, а отмена собственности в данном случае послужит стимулом для преобразования человека. На практике, природа человека оказывается менее податливой, а собственность – более незаменимой, чем мечталось.

Утопическая фантазия, до тех пор, пока она не смешивается с реальностью, оказывается союзницей цивилизации. Она как бы стоит на страже нормальной жизни, не позволяя, с одной стороны, отождествлять фантазию с реальностью, а с другой – сдерживая реализм. По словам С. С. Аверинцева «...искушение утопизма есть необходимая, неизбежная стадия на пути мысли» [Аверинцев, 1996: 320]. Но нужно иметь в виду, что в утопии главное – проблема границы – в географическом, в правовом, в нравственном и политическом смысле: «утопия хороша как остров, но страшна как архипелаг» [Утопия и утопическое мышление, 1991: 7].

Библиография

Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской культурной традиции. М., «Языки русской культуры», 1996. 448 с.

Бетелл Томас. Собственность и процветание: уроки истории. М.; Челябинск, Социум, 2018. 480 с.

Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII – XX вв.). СПб., СП «Ганза», 1993. 512 с.

Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М., Прогресс, 1991. 405 с.

Эрн В.Ф.: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. А. А. Ермичева. — СПб., РХГА, 2006. 1064 с.

ПРОЕКТЫ ВЕЧНОГО МИРА В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XVII-XVIII ВЕКОВ

А.А. Лисицына

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проектов вечного мира в социально-философской мысли XVII-XVIII вв. Раскрыты особенности антивоенных воззрений Э. Крюсе и У. Пенна, показа-

на их связь с идеями естественного права и общественного договора. Рассмотрены проекты вечного мира, предложенные мыслителями эпохи Просвещения – Ш. Сен-Пьером, Ж.-Ж. Руссо, И. Кантом. Сделан вывод о том, что учения о вечном мире, являющиеся примером утопических концепций XVII-XVIII вв., оказали значительное влияние на дальнейшее развитие общественной мысли в области политических и международно-правовых теорий.

Ключевые слова: вечный мир, Э. Крюсе, У. Пенн, Ш. Сен-Пьер, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, война, пацифизм.

Одни из первых проектов всеобщего мира в европейской философской мысли появляются в XVII в. Важным достижением этого века стало появление идеи договора между государствами о прекращении войн и установлении вечного мира между ними. Разработка этой идеи связана с именами Э. Крюсе, У. Пенна. Затем, уже в XVIII в., эта традиция была продолжена в трудах Ш. Сен-Пьера, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта.

Характерной чертой появившегося в 1623 г. трактат Эмерика Крюсе «Новый Киней» являлось сочетание политических, правовых и этических аргументов в обосновании идеи вечного мира. Мыслитель исходит из естественного равенства и морального единства всех людей, к какой нации они не принадлежали бы [Андреева, 1975: 41]. В своём трактате он уделяет большое внимание обоснованию религиозной и политической терпимости. Мир, по мнению мыслителя, является высшим благом для государства. Народы должны отказаться от войн как от изжившего себя варварского обычая. Э. Крюсе пишет об установлении «царства разума и справедливости, где нет места насилию, которое простительно только животному» [Мир / Peace, 1993: 82]. В качестве средства устранения распри и вооружённых конфликтов между государствами мыслитель предлагает создание международного органа – всемирной ассамблеи, куда должны были войти представители всех стран. Её основной задачей должно было стать мирное разрешение уже имеющихся конфликтов между государствами, а также предотвращение новых.

На формирование идеи всеобщего мира большое влияние оказала теория договорного происхождения государства. Примером приложения этой теории к проблеме войн может служить трактат У. Пенна «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе» (1693). Будучи представителем квакеров, У. Пенн опирается на имеющий религиозное обоснование

идею идеал социального мира, но при этом уделяет большое внимание политическим и экономическим аргументам [Пенн, 2003: 116-117]. Основная идея трактата У. Пенна – создание верховного Конгресса или Палаты государств, где споры между враждующими государствами решались бы с помощью права, а не силы.

Аббат, философ, представитель раннего Просвещения, Шарль-Ирине де Сен-Пьер первым рассмотрел в свете идеи исторического прогресса вопрос о всеобщем мире, которому и посвящен его наиболее значительный труд «Проект сохранения вечного мира в Европе» (1713-1717). Сен-Пьер считал войну одним из главных препятствий на пути общественного прогресса – не только в силу аморальности войны, уносящей человеческие жизни, но и по причине ущерба, наносимого экономике, а также политическим институтам. В долгосрочной перспективе достижению вечного мира, по мнению Сен-Пьера, должно способствовать просвещение народов, в краткосрочной же – создание мирного союза государств, все члены которого добровольно возьмут на себя обязательство следовать принятому совместно закону, ограничивающему ведение войн отдельными национальными правительствами.

Ещё один мыслитель, внесший важный вклад в развитие идеи вечного мира – французский философ Жан-Жак Руссо. Он высоко оценил предложенный Сен-Пьером мирный проект, однако последнему был свойственен, по мнению Руссо, существенный недостаток – нереалистичные средства достижения состояния мира. Аббат ошибочно считал, «будто люди руководятся больше своими познаниями, чем страстями» [Руссо, 1961: 368]. Своё собственное видение вопроса о всеобщем мире Ж.-Ж. Руссо изложил в работе «Суждение о вечном мире» (1761). Как и Сен-Пьер, Руссо является сторонником идеи создания мирного союза государств, евро-

пейской конфедерации, однако считает, что монархи, видя в этом мирном проекте угрозу своей неограниченной власти, никогда не согласятся добровольно участвовать в его осуществлении.

Следующей ступенью в развитии антивоенной мысли стало учение о вечном мире Иммануила Канта. В трактате «К вечному миру» (1795) кёнигсбергский мыслитель высказывает важную мысль о верховных правах народа в вопросах войны и мира [Кант, 1966: 268]. Кроме того, немецкий исследователь Ф. Герхардт выделяет ещё две особенности кантовского учения о мире. Во-первых, вечный мир, согласно И. Канту, должен охватывать всё человечество, все народы Земли, а не ограничиваться какими-то локальными мирными союзами. Во-вторых, основным средством достижения мира должно стать право, которое предлагается использовать на международном уровне по аналогии с уже сформировавшейся ранее внутригосударственной моделью правового порядка [Gerhardt, 1995: 9-10]. Учение И. Канта о вечном мире оказало особенно сильное влияние на развитие традиции правового пацифизма.

Таким образом, проекты вечного мира, предложенные мыслителями XVII-XVIII вв., являлись, с одной стороны, одним из заметных направлений развития утопической мысли того времени, но при этом, с другой стороны, содержали целый ряд новых идей, в значительной степени определивших дальнейшее развитие общественной мысли и предвосхитивших создание таких международных организаций, как Лига Наций, ООН, а также Европейский союз.

Библиография

- Андреева И.С. Проблема мира в западноевропейской философии. М., 1975.
- Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения в шести томах. Том 6. М., 1966. С. 257-309.
- Мир / Peace: Альтернативы войне от античности до конца второй мировой войны. Антология. М., Наука, 1993. 348 с.
- Пенн У. Опыт о настоящем и будущем мире в Европе // Трактаты о вечном мире. СПб., Алетейя, 2003. С. 115-135.
- Руссо Ж.-Ж. Исповедь. М., Государственное издательство художественной литературы, 1961. 728 с.
- Gerhardt V. Immanuel Kants Entwurf „Zum ewigen Frieden“. Eine Theorie der Politik. Darmstadt, 1995.

«ОСТРОВ УТОПИИ»: РОССИЙСКАЯ ШКОЛА ГЛАЗАМИ В. РОЗАНОВА И П. ФЛОРЕНСКОГО

В.Н. Базылев

Московский государственный лингвистический университет (Москва)

Аннотация. В интеллектуальном контексте эпохи конца XIX – первой четверти XX в. Т. Мор читался и перечитывался русскими педагогами и философами; его утопические идеи, в т.ч. образовательные, адаптировались. В. Розанов и П. Флоренский – одни из многих, кто попытался рассказать о своих утопических идеях в образовании.

Ключевые слова: философия образования, российская система образования, Т. Мор, В. Розанов, П. Флоренский.

Заголовок статьи – это, безусловно, аллюзия как на книгу Т. Мора, так и на вышедшую в 2015 году книгу «Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940-1980-е)». К сожалению, во многих публикациях, посвященных истории отечественного образования, период рубежа XIX-XX в. особенно не привлекает внимания авторов. Тем не менее, это время с точки зрения философии образования важен, так как размыкает некий постоянный признак культуры. Константу отношения

российского общества к образованию. Размыкает и в прошлое, и в будущее.

Противостояние русской философской мысли, в т.ч. русской философии просвещения обозначенной выше эпохи, лублановщине, бланкизму, прудонизму, бакунизму, мадзинизму и лассальянству происходило на фоне актуализации идей утопического социализма. Идеи социализма, в т.ч. и социализма христианского вдохновляло целое поколение российских педагогов и философов на серию последовательных опытов сопоставления

российской действительности с догадками и мечтами предшественников утопического социализма.

Ошибки и противоречия никого не интересовали, а вот, как казалось, прорывающие в нем черты будущего перекликались с их мечтами. Вспомним, хотя бы, как в 1927 г. И.С. Проханов приступил к воплощению идеи создания образцовых религиозно-трудовых поселений.

Именно в этом интеллектуальном контексте эпохи читался и перечитывался Т. Мор и адаптировались его утопические идеи, в т.ч. идеи просвещения: «Дети учатся все, и значительная часть народа, мужчины и женщины, проводят в учении те часы, когда они свободны от работ. Учебные предметы они изучают на своем языке» [Мор, 1953: 123]. Многие идеи Т. Мора, высказанные им, в том числе, в связи с обучением и просвещением, заставляли российскую интеллигенцию вновь и вновь возвращаться к обсуждению принципов всеобщего обучения, равного образования мужчин и женщин, организации самообразования, просвещения взрослых, обучения на родном языке, круга учебных предметов, качества учебных книг.

К сожалению, тогда (да и не только тогда, но и позже – на протяжении всего XX в.) ничего не оставалось иного, как мечтать. Так, в критическом творчестве В. Розанова присутствует понятие утопии, как некоего идеала общественного устройства, к которому устремляются помыслы человека. Правда, лишь идеал, поэтому он и будет задаваться вопросом: «О Томас Мор, русский Томас Мор: отчего же ты не пишешь «Русскую Утопию». И вот сам В. Розанов пытается написать «русскую утопию школы». Но не он один. У него есть ученик и последователь. В 1933 году П. Флоренский пишет «Предполагаемое государственное устройство в будущем» [Флоренский, 1996: 647 сл.].

Обратимся, однако, вначале к В. Розанову и к его «образовательной утопии» – «Сумеркам просвещения» [Розанов, 1990]. По его убеждению, только православная церковь с ее обращенностью к душе ребенка способна обогатить гуманистическую парадигму образования и воспитания подрастающего поколения. Чувства и нравственность противопоставлены в его просветительских размышле-

ниях разуму и интеллекту. Поэтому школьные предметы, направленные на развитие только интеллекта, считает В.В. Розанов, не затрагивают души и являются избыточными.

Совершенно в духе своей утопической педагогики В.В. Розанов предлагает основные пути модернизации процесса обучения и воспитания в российской школе. Это и отказ от унификации учебных программ и способов преподавания учебных предметов, и предпочтение классического образования, и отказ от сословного подхода в образовании.

Речь в «Сумерках просвещения» пойдет об опасности «отвлеченной книжности», об информационной перегрузке учащихся, эклектическом смешении учебных дисциплин, о непонимании содержательного разнообразия мировой культуры. Школьное образование, по мысли В. Розанова, должно формировать национальное самосознание, в основе организации педагогического процесса должны лежать национальная культура и сформулированные им самим три принципа образования – индивидуальности, целостности и единства типа

Культурно-образовательная среда семьи и церкви, как он сам верил и пропагандировал, – вот условия для патриотического воспитания как основы формирования человека русской культуры.

Эти идеи произвели неизгладимое впечатление на П. Флоренского, который в одном из первых своих писем, адресованных В. Розанову, скажет: «Вот настоящий гений, гений от рождения...» Это чувствуется в таких же, как у В. Розанова, утопических мечтах П. Флоренского о школе будущего.

Школа, по его мнению, должна быть изолирована от общества: «Дети должны быть изолированы от политических тревог, от дрязг жизни, должны как можно дольше оставаться детьми» [Флоренский, 1996: 656]. В школе на первое место должно быть поставлено воспитание: выполнение своего долга, преданность государству, привязанность к своей семье, привычка к исполнительности, физическая ловкость. Образование должно строиться по принципу «не многое, а много». Единство школы отвергается, напротив, допускается разнообразие ее типов. Все это практически повторяет идеи В. Розанова, но уже в иной эпохе.

Русская педагогическая и философская культура, в творчестве В. Розанова и П. Флоренского, продолжала традиции «сочинения сказок» о школе. Эти традиции восходят к Московской Руси, продолжились в петровскую эпоху, расцвели в эпоху екатерининскую и павловскую, обрели прочную основу в творчестве лучших представителей русской культуры – писателей и философов века, перекочевав в век XX [Луначарский 1927; Базылев, 2017].

Как остроумно заметит Е.А. Ямбург: «Все значительные педагоги, оставившие свой след в истории, – великие сказочники. Все они, так или иначе, стремились сконструировать свой мир, в основе которого – гармония человеческих отношений. Другое дело, что эту гармонию они представляли себе по-разному, в соответствии со своими убеждениями, духом и стилем переживаемой эпохи.

Но свои утопии они пытаются строить не на холсте или бумаге, где возможен свободный полет ничем не ограниченной фантазии, а в реальных порой чрезвычайно жестких условиях дисгармоничного мира» [Острова утопии, 2015: 603].

Библиография

Базылев В.Н. ПРОТРЕПТИКОС. От философии языка к философии образования. М., Изд-во СГУ, 2017. – 228 с.

Луначарский А.В. Учитель в русской художественной литературе. М., Работник просвещения, 1927. 432 с.

Мор Т. Утопия. М., Изд-во АН СССР, 1953. 302 с.

Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., Педагогика, 1990. 624 с.

Флоренский П.А. Предполагаемое государственное устройство в будущем / Флоренский П.А. Сочинения в четырех томах. Т.2. М., Мысль, 1996. С. 647-681.

Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940-1980-е). М., Новое литературное обозрение, 2015. 696 с.

О СУБЪЕКТИВНОСТИ РАЗЛИЧИЯ УТОПИИ И АНТИУТОПИИ

А.Ю. Долгих

Вятский государственный университет (Киров)

Аннотация. В статье подвергается сомнению традиционное разделение утопий и антиутопий. На примерах научно-фантастических произведений и на реальных исторических примерах показывается, что определение некоторого общества как утопического или антиутопического есть чисто оценочное суждение. Если мы положительно оцениваем социальную систему, мы даем ей название «утопия»; в противном случае – «антиутопия».

Ключевые слова: утопия, антиутопия, оценочное суждение, приспособляемость, привычка, предметное основание.

Для решения данного вопроса нами были взяты следующие десять произведений, обычно характеризующиеся как антиутопии: Фёдоров Н. «Вечер в 2217 году» (1906), Крыжановская В. «Смерть планеты» (1911), Замятин Е. «Мы» (1924), Брэдбери Р. «451 по Фаренгейту» (1953), Лем С. «Возвращение со звезд» (1961), Валё П. «Гибель 31-го отдела» (1964), Стругацкие А. и Б. «Хищные вещи века» (1965), Ефремов И. «Час Быка» (1968), Назаров В. «Силайское яблоко» (1972), Гуляковский Е. «Стратегия захвата» (1995).

По нашему мнению, эта выборка достаточно показательна, поскольку представляет, во-первых, весь XX век, а во-вторых, ряд стран, внесших заметный вклад в развитие научной фантастики, в рамках которой уто-

пия и антиутопия существуют сейчас как жанры (Россия, Польша, США, Швеция). Мы сознательно не включили в список некоторых авторов, например Хаксли и Оруэлла; книги последних мы нашли вторичными по отношению к замятинским «Мы».

Обращает на себя внимание, что за редким исключением «обитатели» этих антиутопий в большинстве своем не отдают себе отчета в том, что живут в каком-то ужасном обществе. Они к нему привыкли, и оно перестало быть для них ненормальным. Они вполне довольны, а если даже и не очень довольны, то давно смирились: «Жить можно, – что еще надо?..»

То, что на самом деле все не совсем так (или совсем не так), осознают лишь сравнительно немногочисленные представители со-

ответствующих обществ. Или даже не предстатели, а некие чужаки, заброшенные извне (как, например, в книгах Лема, Стругацких, Назарова). Вслед за ними это понимаем и мы, читатели.

Есть, однако, основания думать, что это не является, так сказать, всего лишь литературным приемом – показать на примере неких воображаемых простаков, куда может пойти развитие цивилизации. За этим, мы полагаем, стоит другое явление.

А именно: на самом деле большая гибкость и приспособляемость человека позволяет ему жить в обстановке, которая по прошествии времени может начать расцениваться даже как бесчеловечная в принципе.

Правда, до такого из перечисленных авторов дошел, пожалуй, только Иван Ефремов в романе «Час Быка». Однако по этой же причине его фантазия вызывает наибольшие сомнения: Ефремов настолько сгустил краски, что общество, нарисованное им, стало выглядеть неправдоподобным... У остальных антиутопии все-таки более мягкие, иногда даже утонченные, просвещенные и облагороженные до такой степени, что, кажется, с равным успехом их можно было бы записывать и в перечень утопий (особенно это относится к «Возвращению со звезд» Лема).

Но во всяком случае, из этого мы заключаем, что «утопия» и «антиутопия» – чисто оценочные понятия. Не существует предметных оснований для их разграничения.

Можно вспомнить, например, что «Утопия» Томаса Мора, с которого все и началось, мыслилась его создателем (это видно по общему настроению книги) как весьма и весьма совершенное общество. Но много ли найдется сейчас желающих жить так, как прописал Мор? С современной точки зрения, это весьма убогое (ограниченное в любых возможностях) существование. По этой причине безоговорочная, безусловная утопия (которую бы все признали таковой), к сожалению, не может быть ни найдена, ни построена.

Еще один пример. Россия начала XXI в., хотя она и выбралась из кошмара 90-х, при сравнении с типичными утопиями предыдущего столетия выглядит, прямо скажем, тоже очень жалко. Согласно стандартной классификации (фактически заложенной всей совокупностью утопической/антиутопической литературы), современная Россия (и весь мир в целом) – антиутопия (больше всего похожая, по нашим наблюдениям, на ту, что была описана еще в романе «Смерть планеты» Веры Крыжановской). Тем не менее мы каким-то образом в этом мире существуем и даже считаем, что революционные изменения нынешнего строя нам ни к чему. Парадоксальным образом это сочетается у многих с мрачным убеждением, что до существенных положительных эволюционных сдвигов они, вероятно, уже не доживут.

ВРЕМЯ УТОПИИ

Ю.Д. Смирнова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

Аннотация. В статье автор рассуждает о темпоральности утопии. В середине XX в. Г. Маркузе объявил конец утопии, но с этого момента этот феномен не только не исчез, но обрел новые векторы и линии рассуждений. Каждая новая эпоха открывает для утопии новые двери, новые возможности для развития, расширения и укрупнения самой сути феномена. В качестве иллюстрации механизма трансформирования феномена в утопический, мы предлагаем гегелевскую триаду «тезис-антитезис-синтез». Один из ресурсов утопии – обнаружив нечто полностью себе противоположенное, принять его как возможность для своего развития, не забывая о прошлых формах. Обнаруживая свое Иное, утопия старается найти способ сделать его полезным для себя, использовать в качестве эвристического ресурса. Каковы отношения утопии и времени исторического и человеческого, корректно ли говорить о конце утопии. Все эти вопросы будут освещены в данной статье.

Ключевые слова: утопия, утопическое сознание, темпоральность, глубинное мышление, субъект утопии.

Почти пятьдесят лет назад Г. Маркузе провозгласил конец утопии, но и сейчас история этого феномена не только не завершилась, но и продолжает активно развиваться, находя для себя все новые и новые источники вдохновения. Утопия перестала быть преобразованием исключительно социальной реальности, возможно, причиной тому расхожее мнение о XXI веке как «времени реализованной утопии». Современный человек преобразует мир вокруг себя не проектами социальных изменений, требующими продуманного плана, кропотливой работы или даже революций, он изменяет мир посильным способом, требующим только собственного его воления или желания.

Современная утопия сосредоточилась в большей степени внутри действительности самого человека, она хочет влиять на его сознание, мышление и психологию. Интернет-газета «Эксперт-online» в статье с емким названием «Где взять мечту» [Лейбин и др., 2014] авторы предлагают найти утопию себе по душе, в зависимости от ваших предпочтений и желаний, читателю предлагается «линейка» из одиннадцати новых видов утопии. Каждая из них анализируется по нескольким пунктам, среди которых: великая цель, предтечи, возможные причины появления, где можно найти сейчас и прочее. Само название статьи, утвердительное, подразумевает читателя желающего и ищущего, социально активного. В этом поиске и проявляется действительность человека – подлинное проявление человеческого в бытии социального, принятие на себя ответственности выбора, расстановка смыслов в своей жизни. У человека всякий раз есть уникальная возможность заново открыть утопию как потенцию будущего, снова научиться ее воплощать, взять на себя риск что-то изменить и пойти против течения, взорвать существующий порядок вещей, переменить существующую систему координат. Так, С. Жижек в одной из лекций говорит об утопии как сущностной характеристике человека, выражающей глубинную, личностную сферу – этику, через которую во многом проявляется человеческая действительность.

Перефразировав Ш. Муфф и Э. Лаклау, можно сказать, что утопия – это «паутина, в которой создаются значения» [Филлипс, Йоргенсен, 2008: 54], указанная статья на-

глядно демонстрирует, что утопия в современном мире проникла в психологию, педагогику, экологию, трансгуманизм, космос и сферу интимной жизни человека [Агамалова]. Каким образом утопия способна преобразить практически любой феномен в утопический? Мы предлагаем вариант гегелевской триады «тезис–антитезис–синтез».

Главный смысл гегелевского превращения будет важным и для утопии – обнаружив нечто полностью себе противоположенное, принять его как возможность для своего развития, не забывая о прошлых формах. Обнаруживая свое Иное, утопия старается найти способ сделать его полезным для себя, использовать в качестве эвристического ресурса.

Утопическое сознание проявляет себя во взаимоотношениях общественного бытия и общественного сознания, оно есть иллюстрация опережающего бытие сознания. Утопию можно понимать как рефлекссию социального, так или иначе влияющую на перспективное развитие социального бытия. Обратив внимание на вопросы, интересующие утопию, можно узнать, что будет актуально в ближайшее время. Так, обратив свое внимание на вопросы воспитания всесторонне развитого человека, более чем реальные, всегда насущные и актуальные. Мы получаем педагогическую утопию, предтечей которой авторы статьи «Где взять мечты» называют Стругацких, Дж. Роулинг и прочих, а мы добавим к ним в качестве источника античную «Киропедию», автор которой также считал важнейшей задачей государства – воспитание. Роман Ксенофонта наполнен множеством замечаний и комментариев о придворных церемониях и принятых этикетных нормах. Все население страны разделено согласно полученному воспитанию на свободных и невольных, свободными считаются лишь прошедшие «курсы правильного воспитания», созданные придворными мудрецами. Педагогическим идеалом считается сам царь Кир, освоивший все материалы курса в совершенстве.

Говоря о времени в контексте утопии принято опираться на анализ различных утопических произведений, и доказывать, что в мире утопии время остановилось или оно движется как-то противоположно времени «реальному. Время утопии – особое, часы

утопического государства тикают медленнее, чем часы реального мира, у них естественный, природный ход. Время утопии не терпит суеты, здесь всему свое время, ничто не спешит и не опаздывает. А если утопическое государство построено по образу золотого века, то оно и вовсе движется вспять. Время утопии поддается только одной характеристике «не здесь и не сейчас». Хронотоп утопии выражает ее стремление к стабильности, статичности, покою.

Мы же хотим обратить внимание на другое. Общество без утопии не существовало практически никогда, начиная с древних времен и до настоящего момента, утопия продолжает существовать и активно развиваться, чутко откликаясь на малейшие колебания социального и человеческого бытия.

В силу своего прогностического характера и положения «впереди» она всякий раз находит новую форму своего преосуществления. Время утопии – вечность, вся длительность человеческой истории. Утопия есть антитезис социального бытия человека и без нее не будет будущего, развития и изменения социального бытия и самого человека.

Библиография

Агамалова Л. Сложный остаток утопии // «Сноб». [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/entry/157383> (дата обращения: 10.11.2018).

Лейбин В., Лобанов Ф., Тарасевич Г., Шпак В. Где живет мечта // Электронный журнал «Эксперт-online». 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2015/03/gde-vzyat-mechtu/ (дата обращения: 10.11.2018).

Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, Гуманитарный центр, 2008. 352 с.

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОПТИМИЗМА КАК УТОПИИ

Ю.В. Андреева

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Уфа)

Аннотация. Оптимизм рассматривается в ракурсе утопического сознания; в соотношении критической теории и утопии; раскрывается его вероятность и специфика в гуманистических теориях, в рамках которых выявляется ряд характеристик, присущих оптимизму, с возможностью их трактовки как утопии.

Ключевые слова: утопия, оптимизм, гуманизм, человеческие возможности, идеалы, цели, ценности.

В постсоветском пространстве в качестве причины возникновения утопизма современные философы [Черткова, 1996] называют отождествление цели и идеала.

В утопическом сознании цель проекта стремится совпасть с идеалом, переживание желаемого идеала преобладает над трезвой оценкой возможного. И если в технических проектах преобладает возможное, то в социальных проектах это далеко не так. Закономерности развития общества возможно поставить под контроль лишь формально, в деле преобразования социального бытия границы возможного расширяются/сужаются, потенциальные возможности трансформируются в реальные. В гносеоутопии границы возможного относительно к средствам достижения идеала/цели, а в онтоутопии идеал и цель могут не совпадать и здесь можно согласиться с Е.Л. Чертковой.

В онтоутопии идеал недостижим, но сама возможность приближения к нему может восприниматься как достаточная, а сам идеал – терять свою актуальность.

Термин «утопия», введенный Т. Мором, предполагал не только наличие нереалистичных планов, но и формировал прообраз лучшего будущего. В то же время утопия – это мечта о лучшем мироустройстве, которая сопровождала человечество с древнейших времен.

Чтобы оптимизм не был утопичным, ему нужно гносеологическое основание: человек должен понимать, что он будет делать в случае неудачи, и почему успех возможен; во имя чего и ради человек будет продвигаться к цели и преодолевать препятствия на пути к нему. На практике проект должен утрачивать утопический характер, быть лишен предрасудков, тогда утопическое сознание и утопи-

ческий проект – только этап развития проекта. Труднодостижимость цели порождает утопии.

В онтоутопическом оптимизме оснований нет вообще, а в гносеоутопическом – она пока не найдена, не обретена, не наделена смыслом; здесь слиты желаемое и действительное. К примеру, оптимизм Платона трактуется им как способность человека выбирать благо, благо – ценностное понятие.

Можно считать утопическими идеи, лежащие в основе гносеологического оптимизма, гуманистического и рационально-действующего. Целый ряд философов полагали:

- человек от природы добр (Ж.-Ж. Руссо [Руссо, 1981]) или, при наличии иждивенческих наклонностей, хотя бы стремится к добру (К. Роджерс [Роджерс, 2017], А.С. Макаренко [Макаренко, 2015]);

- человек пластичен и способен развиваться к лучшему, но он «не может двигаться вперед, если у него нет в будущем ничего радостного;

- вера в людей, которые способны расти и развиваться, становиться лучше, двигаться от «Я-реального» к «Я-идеальному».

Целый ряд исследований: теория ортобиза И. Мечникова [Мечников, 1988: 253-277], которая предполагала достижение человеком глубокой старости и завершением жизни пресыщением и добровольной смертью; теория о полноценном функционировании К. Роджерса [Роджерс, 2017] и, наконец, теория об оптимальном функционировании современного философа М. Зелигмана [Seligman, 1991: 101-127], считаются основанием теории оптимизма, но и их можно считать утопиями.

В то же время оптимизм не атрибут утопического сознания. Оптимизм проявляется в разных формах (гуманизма, рационализма, в действии), но он распространяется не на всех людей. Даже один человек не всегда пребывает в полной уверенности в успехе и обладает повышенной мотивацией достижения, проявления защитного пессимизма полезны так же, как и ситуативный оптимизм и реализм. Камнем преткновения антропологическому оптимизму служат негативные стороны природы человека, в целях его сохранения оптимизм как утопия возлагает надежды на педагогику и благоприятные условия воспи-

тания и среды. Так в природе человека можно видеть, либо его неисправимость, либо — преобразование. В ожидании лучшего будущего можно видеть человеческую слабость или «нездоровую социальную мечтательность», объявленную Н.А. Бердяевым, не утопией, но «развратом», «распушенностью человеческого духа», некоей «поверхностью», считая глубоким и всепонимающим лишь пессимизм. Хотя он признавал при этом, что гуманизму свойственен оптимизм: вера в человека, сопровождаемая надеждой на его лучшее будущее.

Э. Фромм считал, что утопии дают «образы целей», но не указывают средства для ее достижения. Многие утопии с его точки зрения внесли неоценимый вклад в развитие человеческой мысли и «много значили для поддержания веры в будущее человека» [Fromm, 1964]. Он считал, что представления о благе находили свое выражение в философских, теологических, художественных произведениях в форме утопии. Таких идей нет в двадцатом веке. И сейчас преобладают рационалистические теории, выступающие с критикой человека, в которой его положительный образ лишь подразумевается. Хотя критический анализ может стать условием совершенствования только духовно сильного человека. Отсутствие положительного образа человека парализуют волю и веру человека в позитивные изменения в себе и в мире. Если идею прогресса считать иллюзией, то можно прийти к окончательной утрате веры в человека. Это, в свою очередь, приводит к тому, что мы сейчас наблюдаем в современном обществе: к утрате целей и перспектив и сосредоточению на средствах, в том числе и финансовых, к утрате внутреннего равновесия, уверенности в себе, людях и будущем. Другая крайность (и характеристика утопического мышления) – преобладание целей при отсутствии средств, приводит к жизни, наполненной несбыточными мечтами.

Библиография

- Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М., Изд-во АСТ, 2015.
- Мечников И.И. Этюды оптимизма. М., Наука, 1988.
- Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., Институт общегуманитарных исследований, 2017.

Руссо Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании // Педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 1. / Под ред. Г.Н. Джибладзе. М., 1981.

Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия. М., РОСПЭН, 1996.

Fromm E. Man for Himself. An Inquiry into the Psychology of Ethics. Holt, Rinehart and Winston. New York, 1964.

Seligman M.E.P. Learned Optimism. New York, Knopf, 1991.

РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ И МИСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В УТОПИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

И.Н. Ткаченко

независимый исследователь (Москва)

Аннотация. Рационалистические и мистические компоненты постоянно сочетались в различных утопических проектах, первым из которых являлась пифагорейская община. Пифагорейские идеи могли оказать свое влияние на последующие утопии, начиная с «Государства» Платона. Рационалистические и мистические тенденции проявились в выраженной форме в социальных проектах Кампанеллы, Фурье и позднего Сен-Симона. Эти тенденции обнаруживаются и в русском космизме в утопиях Федорова, Циолковского и Панина. Для всех этих утопий весьма характерен также натуралистический подход.

Ключевые слова: утопия, рационализм, мистицизм, натурализм, русский космизм.

Рационалистические проекты переустройства общества часто включали в себя мистические элементы. Мы должны различать две стороны вопроса: во-первых, постоянное сочетание рационалистических и мистических компонентов, внутренняя связь которых не совсем понятна, и во-вторых, особый характер этой связи в социальных утопиях. Вероятно, первой исторически известной утопией, в которой нашли воплощение рационалистические и мистические принципы, являлась пифагорейская община в Кротоне – и она же являлась первой утопией вообще. Неизвестно, какое влияние оказали эти пифагорейские идеи на Платона, который в своем «Государстве» мог вдохновляться и другими историческими примерами. Собственно, пифагорейская община и представляла собой реально существовавшее правление философов. Мы вынуждены оставить данный пифагорейский опыт без рассмотрения, поскольку о нем не сохранилось достаточно надежных сведений. Все же, если не пифагорейская община, то пифагорейская философия сыграла свою роль в истории утопической мысли.

Рационально-мистическая тенденция проявилась в особенно выраженной форме в утопиях Т. Кампанеллы и Ш. Фурье и в значительно меньшей степени – позднего К.А. Сен-Симона. «Город Солнца» Т. Кампанеллы яв-

ляется хронологически первой утопией подобного типа, которую можно рассматривать в данной связи. Кампанелла находился под влиянием пифагорейских, каббалистических, гилозоистских и панпсихистских идей и занимался оккультными науками. С другой стороны, его следует считать предшественником рационалистической картезианской философии в отношении принципа «методического сомнения». Мы ничего не поймем в социальном проекте Кампанеллы, если будем игнорировать его мистическую составляющую.

Кампанелла стремился полностью исключить стихийный компонент человеческого поведения. Рационализация жизни в утопии доведена до предела, а индивидуальность сведена до минимума. Регламентация касается всех сторон жизни соляриев. Кампанелла придавал особое значение улучшению человеческой породы, руководствуясь астрологическими указаниями. Астрологии отводится чрезвычайно важное место в проекте. Следование астрологическим предписаниям должно было обеспечить процветание солнечной колонии, а также прочность и неизменность ее общественного порядка.

Если взгляды Кампанеллы оставались все-таки в пределах обычных для его эпохи представлений, то странные идеи Фурье относительно глобальных природных измене-

ний, которые он высказывал в «Теории четырех движений и всеобщих судеб», были уже явно не в духе времени. Мы можем сейчас не останавливаться на вопросе происхождения мистики Фурье, относительно которого высказывались разные соображения [Зильберфарб, 1964: 450]. Фактически Фурье допускал прямое мистическое влияние на природу посредством соответствующего изменения человеческого поведения. Если человечество живет по неестественным законам, то ему нечего ожидать особой благосклонности от природы, которая, однако, способна изменить к нему отношение в зависимости от его поведения. Для Кампанеллы и Фурье, как и для многих других утопистов, характерно стремление выводить свои построения из натуральных законов, что, видимо, совсем не случайно для утопического мышления. Таким образом, их весьма произвольные социальные построения должны были приобретать характер абсолюта физических законов. Непосредственным предшественником Фурье в натуралистическом отношении являлся Э.-Г. Морелли, который в «Кодексе природы» устанавливал «закон притяжения страстей» по некоторой аналогии с законом всемирного тяготения Ньютона. Натурализм может служить связующим звеном между рационалистическими и мистическими составляющими утопий, поскольку найти мистические объяснения законов мироздания значительно легче, чем законов общественной жизни. Рационалистический подход кажется так же противоположным натуралистическому, как и мистический, и точно так же вполне совместим с ним. Рационализм может означать ориентацию на «природное» в противоположность «историческому», понимаемому как «неестественное», которое просто отбрасывается как отжившие и ненужное.

Взгляды Фурье на будущее развитие природы и общества не покажутся экстраординарными при знакомстве с мистической литературой. Р. Штайнер в «Очерке тайноведения» развивал сходные представления о космических периодах в истории человечества. Он также имел проект переустройства об-

щества на мистических началах, и в той или иной форме подобные идеи можно найти и у других мистических авторов. Мистическая идея сама по себе может предполагать определенные социальные изменения.

В русском космизме рационалистические и мистические моменты обнаруживаются в утопиях Н.Ф. Федорова и К.Э. Циолковского [Ткаченко, 2014]. Социальная философия Циолковского непосредственно связана с его космической философией. Циолковский следовал натуралистическому подходу, он исходил также из атомистического панпсихизма, а в социальной философии еще и из теории «разумного эгоизма». Циолковский предлагал свою евгеническую программу, причем заходил в этом отношении куда дальше, чем Платон и Кампанелла. Циолковский не боялся последовательных выводов из своей системы. Некоторые положения его социальной философии носят прямо-таки шокирующий характер. Социальный проект «калужского мечтателя» следует отнести к самым крайним проявлениям утопической мысли [Ткаченко, 2015].

Рационально-мистические идеи общественного переустройства развивал также Д.М. Панин, которого можно отнести к представителям позднего русского космизма. В своей работе «В человеках благоволение» он исходил из «законов мироздания», частью заимствованных из естествознания, и частью собственных, достаточно произвольно им сформулированных.

Библиография

Зильберфарб И.И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., «Наука», 1964. 554 с.

Ткаченко И.Н. Рационалистические и мистические компоненты в космической и социальной философии К.Э. Циолковского // К.Э. Циолковский и стратегия развития космонавтики. Материалы XLIX Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. Калуга, 2014. С. 149-150.

Ткаченко И.Н. Социальная утопия: К.Э. Циолковский и К.С. Мережковский // К.Э. Циолковский и этапы развития космонавтики. Материалы 50-х Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. Калуга, «Эйдос», 2015. С. 55-57.

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В АНТИУТОПИЯХ XX ВЕКА

А.В. Миронов

Севастопольский государственный университет (Севастополь)

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты индивидуального существования, описанные в антиутопиях XX в. Акцент делается на противоречии тоталитарных парадигм мировосприятия и стремления к уединению как воплощению личностной самоидентификации.

Ключевые слова: одиночество, самоизоляция, тоталитарное мышление, внутренняя эмиграция, самоидентификация.

Основанием мировоззренческой парадигмы тоталитарных режимов, возникших в Европе в первой трети XX в., выступал приоритет интересов государства над интересами личности. Игнорирование общепринятого образа жизни ассоциировалось с классовой отчужденностью, враждебностью или психической патологией. Стремление к одиночеству воспринималось как игнорирование коллективного, массового, привычного и представляло угрозу, диктуемым политическим руководством, поведенческим стандартам. Идеологически выверенная коммуникация должна была стимулировать индивида к участию в общезначимых действиях. Фундаментальная сопричастность с другими, по замыслу политических руководителей, избавляла от разочарований, ощущения бессмысленности существования, заполняла вакуум одиночества.

Появление антиутопий хронологически связано с периодом, когда насилие получило признание государства в качестве официального средства в борьбе с инакомыслием. В романах Е. Замятина «Мы» (1920), О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932), Дж. Оруэлла «1984» (1949) рассматриваются в метафорической форме новые модели социального устройства, нацеленные на реализацию всеобщего счастья. Состояние обособление от коллектива в силу индивидуального восприятия политической ситуации не встраивается в предлагаемые проекты массового благоденствия. Склонность к социальной самоизоляции декларируется как пережиток прошлого, не имеющий причин в окружающей действительности. Чувства, эмоции (к которым относится одиночество как ракурс восприятия себя и других) должны находиться под социальным контролем, так как в противном случае они могут стать пре-

пятствием развития политической системы. Официально утвержденная общность каждого со всеми противоречит дистанции, которую может пытаться установить личность в целях сохранения своего уникального мира. «... у нас одиночества нет... Мы внедряем в людей нелюбовь к уединению и так строим их жизнь, что оно почти невозможно» [Хаксли, 2002: 694]. Таким образом достигается стандарт социально полезного человека. Объединяющим началом антиутопий в решении данной проблемы является лишение индивида права на самостоятельность мышления, независимость выводов, свободу эмоциональных проявлений. Компенсацией внутренних переживаний должны стать гедонистическая вседозволенность, удовлетворение сопричастностью с великими социальными замыслами, тотальная вовлеченность в совместную деятельность, принимающие формы всеобщей унификации. Следование предлагаемым правилам гарантировало избавление от разочарований, внутренних терзаний, душевной слабости, что позволяло стать совершенным гражданином.

Любая попытка реализации личностных качеств, несовпадающих с одобренным стандартом существования, одобренным большинством, приводит к индивидуальной катастрофе. «Мы» – от Бога, а «Я» – от дьявола» [Замятин, 1989: 392]. Выход за пределы готовых ответов – опасность для социума, так как появляется альтернативность существующим стереотипам в сфере поведенческих реакций и эмоциональных переживаний. Одиночество – вызов общественному мнению, в антиутопиях представлена дилемма: или ты растворяешься в социальном организме и можешь рассчитывать на помощь и поддержку, или живешь вопреки всем, становясь изгоем.

Предложенные авторами антиутопий способы преодоления одиночества различаются в зависимости от времени написания (т.е. от известной мировому сообществу информации о деятельности тоталитарных режимов). Главная задача правящего государства в достижении народного единства (и тем самым вытеснение причин внутреннего одиночества) – максимальная социализация. Человек не должен быть предоставлен самому себе, а наоборот, чувствовать присутствие других: непрерывающиеся радиотрансляции (которые невозможно прекратить), глаз наблюдающей камеры (от которой нельзя укрыться), лозунга «Большой Брат видит тебя». «В принципе у члена партии не могло быть свободного времени, и он никогда не оставался наедине с собой. Предполагалось, что, если член Партии не занят работой, едой, сном, он участвует в коллективном отдыхе, а делать что-нибудь в одиночку, даже гулять по улице, всегда считалось подозрительным» [Оруэлл, 1992: 65]. Человек в антиутопиях оказывается в ситуации, лишенной личностного выбора: только в коллективе и под пристальным контролем он может добиться достойных результатов. О. Хаксли вводит термин «взаимопользование» – все принадлежит всем. Нет больше дружбы – есть товарищество, общее аккумулирует частное, отказ от любви, увлечений, воспитания детей отождествляется с выполнением долга перед обществом. Взаимозаменяемость пропагандируется как средство решения личных проблем. Унификация поглощает «инаковость», с ее помощью гражданин избавляется от самого себя.

Страх, используемый государством в качестве инструмента подавления воли индивида, заставляет искать поддержку в обществе, тем самым скрывая склонность к одиночеству, совпадающему с личностными склонностями и интересами. Государственная пропаганда нагнетает атмосферу непрекращающейся войны с коварным и жестоким врагом, инициируя мотивацию самосохранения в форме коллективной защиты. «Когда человек один, то есть когда он свободен, он

обречен на поражение» [Оруэлл, 1992: 194]. Постоянные собрания, митинги, демонстрации должны придать ощущение единства «Я» и «Мы». Самоустранение в подобных ситуациях воспринимается как предательство, сознательная демонстрация своей «чуждости», нежелание разделять общие трудности. Угроза изоляции от коллектива стимулирует порывы, желание казаться как все, отказываясь от собственного мира.

Гражданину остается «внутреннее одиночество», которое он тщательно скрывает, демонстрируя упоение коллективной жизнью. Оставаясь наедине с собой ему не нужно лгать, лицемерить, притворяться, так как надзирающие лица отсутствуют (при высоком уровне техники, описанной в утопиях, не разработаны способы проникновения в сознание, фиксирующие подлинные мысли). Внутреннее одиночество – единственное пространство, где человек свободен. Государство, понимая опасность противоречия личного и общественного, принимает меры по его преодолению: в «О дивном новом мире» О. Хаксли всем прописывается медицинский препарат сомма, ощутившим разрыв с реальностью, в «1984» Дж. Оруэлла практикуются сеансы предъявления товарищам внутреннего мира. В искусственном языке «ангсоц» это понятие как таковое отсутствует. Одиночество становится мечтой, привлекательным состоянием в силу трудности достижения.

В антиутопиях XX в. желание быть собой недопустимо, оно не вмещается в модель тоталитарного мышления. Представления о счастье заменяются идеями благополучия, комфорта, удовлетворения потребностей. Насильственное привязывание индивида к коллективному сознанию препятствует личностному развитию.

Библиография

- Замятин Е. Избранное. М., Правда, 1989. 462 с.
 Оруэлл Дж. Скотный двор. Пермь, 1992. 304 с.
 Хаксли О. Контрапункт. Дивный новый мир. Обезьяна и сущность. М., АСТ, 2002. 982 с.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ УТОПИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ

П.В. Ляшенко

Оренбургский государственный университет (Оренбург)

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению теоретико-методологических оснований утопии в средневековой христианской философии. По мнению автора, средневековая философская мысль формировалась под доминирующим влиянием религиозной космологии, определяющей теоцентрическое ценностно-смысловое представление о человеке и его природе, что оказало противоречивое влияние на процесс концептуального оформления утопической проблематики. С одной стороны, средневековая философская мысль, стала основополагающим этапом, на котором закладывались теоретико-методологические предпосылки становления утопии. С другой стороны, можно выделить ряд сдерживающих развитие утопии факторов.

Ключевые слова: утопия, человек, социум, средневековая философия.

Обращение к проблеме теоретико-методологических оснований утопии в средневековой философии обусловлено тем, что на современном этапе развития научной мысли происходит переосмысление философского знания. Это обусловлено сложившейся в мире ситуацией, которую традиционно обозначают как переходную эпоху, характеризующуюся изменением ценностно-нормативной матрицы и сменой мировоззренческих ориентаций. Происходящие изменения в социальном и антропологическом бытии мира культуры создают условия для активного научного освоения утопической проблематики и современной интерпретации средневековой христианской философии.

В западной философской мысли раннего средневековья происходит становление новых теоретико-концептуальных оснований утопии в рамках христианской духовной культуры, фундирующей иные онтолого-аксиологические основы мироздания. В основании философских представлений об универсуме лежат христианские догматы, выдвигающее такую модель бытия, центром которой является Бог как его первооснова, а «мир понимается как нечто единое, как одна «природа», сотворенная другой «природой» творящей» [Ахутин, 1986: 26]. В рамках теоцентрически-замкнутой модели бытия закладывается идейно-мировоззренческий принцип, определяющий, что нечто первичное по природе является завершенным, целостным и совершенным бытием, которым в христианском сознании выступает Бог, превалирующий над вторичным – сотворенным, незаконченным и несовершенным.

Земной мир и общественная система в христианской философской системе, предстают онтологически несовершенными, пассивными и временными образованиями, получающими свой метафизический статус через мистическую сопричастность и полное «послушание» Богу как вечному и неизменному Абсолюту, венчающему онтолого-аксиологическую иерархию бытия. Бог – это высшее Благо, онтологическая детерминанта совершенствования материального бытия, социума и человека. Следовательно, существование несовершенного, конечного и греховного мира оправдано через приобщение к источнику всякого бытия – Богу, представляющего образцом уподобления сотворенного. Эта идея, обуславливает принцип, согласно которому, «ни наука или нравственность, ни право или государство невозможно воздвигнуть только на их собственном основании. Всегда требуется сверхприродное содействие для того, чтобы привести их к истинному совершенству» [Кассирер, 2004: 56]. Тем самым, утопическая проблематика с самого начала заключена в прочный круг теоцентрического бытия, выйти за который она не может, не потеряв самое себя.

Любая попытка человека имманентного совершенствования личностного бытия, социальной организации в рамках истории, обречена на неудачу. Г.К. Киселев отмечает, что «утопическая религиозная идея о создании на земле царства Божия противоречит смыслу христианства, так как наш мир греховен, он «во зле лежит», он не может не быть царством зла, тьмы, что блокирует единственную возможность – и задачу – человека преодолеть зло мира» [Киселев, 2016: 6].

Греховность земного бытия предстала непреодолимой метафизической «преградой» раскрытию творческого потенциала, блокирующей сверхданную возможность к совершенствованию. Вследствие чего земное бытие человека обусловлено трагичностью, неминуемыми страданиями, одиночеством, страхом и отчаянием от осознания собственного бессилия. Такая трактовка человека, обесценивает его свободу, самостоятельность, волевые качества, подчиняя все божественному промыслу.

В системе упорядоченного божественным провидением космоса бедствия, связанные с земным бытием человека, а также социальное неравенство и общественные пороки – это, согласно Аврелию Августину, следствие грехопадения и императивного воздействия божественного порядка, который «различным образом приходит на помощь изменчивой твари, и, сообразно с различием немощей, в разное время одно предписывает, а другое запрещает, чтобы от порока, служащего источником смерти, и от самой смерти возвести к своей природе и сущности и в них утвердить то, что слабеет, т.е. стремится к ничтожеству» [Августин, 2000: 414]. Провиденциализм в своем познавательном-методологическом модусе отражал философско-рефлексивную трактовку миропорядка, восходящую корнями к принципу античной философии, согласно которому высшие формы бытия доминируют над низшими, определяя модель их становления (совершенствования) и приобщения к Абсолюту. Идея провиденциализма, подчеркивая всемогущество высших форм (Бога) и ничтожность твари и, в частности человека, отключение его активно-деятельного, творческого начала, что, в конечном счете, лишает смысла процесс построения каких-либо идеальных социально-антропологических проектов. Провиденциализм выступает метафизическим механизмом совершенствования и спасения духовно низших, «тварных» форм существования через приобщение к природе и сущности Бога, как высшего формообразующего и регулятивного центра бытия, определяющего судьбу всего сотворенного.

Стоит заметить, что в духовной традиции средневековой философии идея провиденциализма под влиянием строгой монотеисти-

ческой направленности христианства трансформируется в радикальную форму – фатализм. Фаталистическое представление о тотальной предопределенности и неизбежности происходящего в универсуме, подчеркивало вторичность и производность роли человека в истории, порождавшее бессилие перед абсолютной властью высших форм бытия.

Метафизическая сущность человека, является в «слепом» подчинении божественной воле, беспрекословном следовании религиозно-нравственному закону и исполнению своего долга. В законосообразной воле Абсолюта все заранее обдуманно и предрешено, так что сопротивляться ей бесполезно. Модель универсума, выстроенная таким образом, определяет восприятие Бога как Сверхсубъекта власти, постоянно присутствующего в жизни человека, отводя Ему роль непосредственного участника и императивного регулятора человеческой жизни. Таким образом, постулат провиденциализма, противоречит теоретико-методологическим основаниям утопии, и, как следствие, «парализует» ее концептуальное оформление на этом этапе развития философской мысли в общем.

Средневековая философская система формировалась под доминирующим влиянием христианства, теоцентрической системы ценностей, противоречиво сказавшейся на процессе становления и теоретико-методологическом оформлении утопии. С одной стороны, средневековье стало ключевым этапом, заложившим предпосылки для концептуального становления утопической проблематики. С другой стороны, можно выделить ряд сдерживающих развитие утопической мысли факторов:

- теоцентрическая модель бытия, в которой Бог – абсолютная ценностно-смысловая детерминанта, отсекающая альтернативные пути развития и существования;

- идея эсхатологии, предполагающая наличие единственно возможного и правильного идеала в преображении (совершенствовании) универсума и отрицающая иные пути развития социума и человека;

- идея о Царстве Божием как совершенном образце социальной организации и идеала бытия человека, отсекавшая развитие утопии как образа желаемого будущего;

- идея греховности, отсекающая творческую потенцию человека;
- идея провиденциализма, определяющая статус человека как элемента теоцентрически-замкнутой системы бытия.

Библиография

Аврелий Августин. Об истинной религии // Творения: В 4 т. Т. 1: Об истинной религии. СПб., УЦИММ-Пресс, 2000. 742 с.

Ахутин А.А. Понятие «природа» в Античности и в Новое Время («фюсис» и «натура»). М., Наука, 1988. 208 с.

Кассирер Э. Философия Просвещения. М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 400 с.

Киселев Г.К. Как говорить о смысле истории // Вопросы философии. 2016. №5. С. 5-15.

ЯЗЫК УТОПИЙ И УТОПИИ ЯЗЫКА НА ЗАПАДЕ XVI–XVII ВВ.*

А.В. Карабыков

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Аннотация. Рассматриваются воззрения на природу совершенного языка в свете проектов обретения языка Адама и создания его искусственного субститута. Особое внимание уделено отражению этих лингвофилософских построений в литературных утопиях того времени.

Ключевые слова: язык Адама, универсальный философский язык, Вавилонская башня, музыка, западный эзотеризм.

Не будучи знакомым с наличными типологиями утопий, я полагаю, что один из путей их деления может иметь начальным критерием отношение к реальности. В соответствии с ним утопии различаются по тому, предполагали ли они (на стадии замысла и разработки проекта) осуществление в действительной жизни. Те, что предполагали, далее разделяются в зависимости от того, чьей силой должно было совершиться их воплощение: усилиями самих людей или благодаря кому-то (Богу, инопланетянам и проч.) или чему-то иному. В первом случае основанием для следующей дистинкции может стать характер средств, которые, как ожидалось, будут использовать люди. Выбор критериев здесь огромен. Со своей стороны я предложил бы избрать вот какой: являются ли эти средства сами по себе реалистичными или нет. Оговорка «сами по себе» подразумевает то, что в контексте конкретной утопии эти средства на поверку оказываются утопичными же, ибо финальная неосуществимость цели проекта сообщает соответствующий характер средствам. Другой вопрос: могут ли те же средства быть действительными относительно целей иного проекта или они в принципе непригодны даже для самых, казалось бы, реалистичных замыслов, являясь неотъемлемой частью определённых утопий.

Рассматриваемая в ретроспективе, эпоха XVI–XVII вв. кажется пронизанной духом глобального и коренного преобразования мира, апокалипсическими страхами и миллениаристскими чаяниями. Её обильные начинания, впоследствии признанные неисполнимыми, предполагали непосредственную реализацию либо самими людьми, либо путём синергии человеческих и сверхчеловеческих (личных и/или безличных) сил. При этом в ряду ключевых орудий, предназначенных к осуществлению радикальной Реформации мира, особое место занимал язык, *совершенный в онтоэпистемическом и, реже, магическом и/или эстетическом аспектах*. Первостепенное значение, уделяемое этому самому по себе утопическому средству в проектах такого переустройства, бесспорно было одной из характернейших черт утопического мышления той эпохи. Интеллектуальным истоком чрезвычайной важности лингвистической проблематики являлось убеждение в том, что качество и темп прироста знания прямо зависят от качества языка, посредством которого это знание производится, сохраняется и транслируется. В свою очередь степень совершенства знания определяет уровень прогресса в его духовном, социальном, технологическом и остальных аспектах. Истоком же этой

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-011-00601 «Книга Природы» в контексте герменевтических стратегий Возрождения и раннего Нового времени».

языковой детерминации служил лингвистический ментализм, противопоставлявший якобы беспроблемное и всегда у всех одинаковое производство содержания мышления и его выражение, подобное упаковыванию готового суждения в вербальную оболочку. Словом, чаемое преобразование мира в значительной мере разворачивалось под знаком его «де-вавилонизации» – исправления последствий библейской катастрофы, увенчавшейся возникновением мультилингвизма и связанных с ним затруднений.

Теоретическую разработку идея совершенного языка в основном получила в рамках так называемого адамического проекта. Он представлял собой комплекс идей и воззрений вкупе с заданными ими герменевтическими стратегиями, нацеленными на то, чтобы воссоздать первоначальный язык, которым обладали люди в Раю до грехопадения. Не являясь – по крайней мере, всецело – искусственной системой произвольно и условно установленных знаков, язык Адама, как верили многие в XVI-XVII вв., был непосредственно связан с умопостигаемой структурой мира, потому что имел бытийное основание в природе самих вещей и/или отличался эпистемическим совершенством, позволявшим схватывать и выражать эту природу наиболее непосредственным, полным и точным образом. По этой причине ему, как правило, приписывали семантическую прозрачность и интуитивную понятность, доступ к которым, однако, мог быть заблокирован духовной деградацией смертных. Кроме того, по мнению многих ренессансных оккультистов, *Ursprache* обладал способностью к прямому воздействию на бытие и служил мощным магическим инструментом.

На протяжении интересующей нас эпохи адамический проект претерпел эволюцию, суть которой раскрывается в динамике стратегий, преобладавших на том или ином этапе его развития. В самом общем виде он представлял собой систему четырёх основных стратегий, порядок перечисления которых с большой долей условности отражает эту динамику: а) обосновать, что одна из наличных форм языка является первоначальной; б) найти по «следам» в существующих языках или знакам (сигнатурам) в природном мире остатки *Ursprache*; в) принять язык Рая

сверхъестественным образом в личной эпифании; г) создать его менее совершенный заменитель [Карабыков, 2014].

Представленный образ совершенного языка получил развитие в литературных текстах XVI-XVII вв.: прежде всего философских утопиях и, пользуясь современным термином, научно-фантастических произведениях, – а также в трактатах, так или иначе ориентированных на обретение этой знаковой системы. К примеру, в обычаи Города Солнца, изображённого Томмазо Кампанеллой (1568-1639), входило давать имена не по собственной прихоти, но в строгом соответствии с указанием его главы – Метафизика. Руководствуясь своей мудростью, этот жрец-заклинатель выводил их из личных особенностей каждого новорождённого [Кампанелла, 1971: 159]. В «Утопии» Томаса Мора (1478-1535) согласием с вещами обладает не столько язык (он лишь «превосходит другие более верной передачей мыслей» [Мор, 1971: 98]), сколько музыка утопийцев. Именно ей присущи свойства, которые в ту эпоху обычно приписывали адамическому языку: «...Звук вполне приспособляется к содержанию..., [а] форма мелодии в совершенстве передаёт определённый смысл предмета» [Мор, 1971: 136]. Вообще говоря, идея «музыкализации» языка, создания «языкомозыки» как альтернативы пост-вавилонским наречиям играла заметную роль в художественных произведениях данных жанров. Вслед за Мором её развивал ряд авторов XVII столетия: Фрэнсис Годвин (1562-1633), Сирано де Бержерак (1619-1655) и т.д. [Seeber, 1945].

Очевидно, что литературная разработка лингвомузыкальной ассоциации применительно к идее совершенного языка происходила под влиянием соответствующих воззрений, представленных в прескриптивных – эзотерических и позже научно-философских – дискурсах. Именно в них воплощался адамический проект, который начался с обоснования первоначальности иврита, а завершился созданием нескольких версий универсального философского языка, призванного стать паллиативом по отношению к утраченному языку Рая. Так, если говорить о ренессансном оккультизме, фонетико-музыкальный подход к адамической проблематике получил определённое развитие в построе-

ниях Пико делла Мирандолы (1463-1494) и Агриппы Неттесгеймского (1486-1535), пронесших звук над осмысленной речью в плане магической эффективности, а также в доктрине Якоба Бёме (1575-1624), сведшего существо *Ursprache* к артикуляционно-звуковой экспрессии. Обратившись к научно-философским проектам универсального аналитического языка, мы увидим, что возможность его создания на основе принципов музыки продумывали Джон Уилкинс (1614-1672) и Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716).

Библиография

Кампанелла Т. Город Солнца / Пер. Ф. Петровского // Утопический роман XVI-XVII веков. М., 1971. С. 143-192.

Карабыков А.В. «И нарёк человек имена...»: стратегии воссоздания адамического языка в культуре Ренессанса // Человек. 2014. № 5. С. 114-131.

Мор Т. Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии / Пер. А. Малеина и Ф. Петровского // Утопический роман XVI-XVII веков. М., 1971. С. 41-142.

Сирано де Бержерак. Иной свет, или государства и империи Луны / Пер. Е.А. Гунста // Утопический роман XVI-XVII веков. М., 1971. С. 225-306.

Seeber E. D. Ideal Languages in the French and English Imaginary Voyage // PMLA. 1945. № 60(2), pp. 586-597.

К КРИТИКЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Ю.Г. Тамбиянц

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (Краснодар)

Аннотация. Критический анализ социалистических утопий Р. Оуэна, Ш. Фурье и др. сводится к недооценке последними устойчивых социально-психологических форм, так называемого, иерархического сознания. Это определенный срез социальных представлений, непосредственно затрагивающий процессы иерархического структурирования, на основании чего формируются индивидуальные достижительские стратегии. Иерархическое сознание имеет три источника: психологический (внутриличностные побуждения), социологический (общественная реальность, воспринимаемая в ходе социализации), идеологический (абстрактные системы ценностей). В проектах социалистов-утопистов человеческая природа в целом идеализируется. Вследствие этого практика реализации этих проектов оказывается провальной.

Ключевые слова: утопические проекты, иерархическое сознание, общественный порядок, человеческая природа, идеология, социалистическое мышление.

Утопическое социалистическое мышление в своем развитии прошло несколько этапов – от хилиастических форм до проектов научного социализма. Если первоначально хилиастические построения носили религиозно-мистический характер, то утопии просветителей были уже гораздо более рационализированными. Наконец, марксистский проект вроде как претендовал на преодоление этой утопичности, однако практика показала, что это не совсем так. Нам представляется, что главным слабым местом, определяющим утопизм фактически любых форм социалистического мышления, является идеализация человеческой природы, а точнее – недооценка его иерархической составляющей.

В XVIII-XIX вв. во многом в контексте стремительно набирающей ход капиталистической индустриализации и усиливающегося расслоения появлялись множество утопических проектов, носивших теоретический умозрительный смысл. Ш. Фурье, как известно, ожидал прихода спонсора, тогда как Р. Оуэн, быстро добившись значительного состояния, рискнул на практическую реализацию. При этом он отталкивался от положения, что промышленное общество формирует у людей новый характер, неблагоприятный для общественного благополучия. «Приобретение богатства и создаваемое им естественное стремление к увеличению этого богатства породили любовь к вредной в сущности роскоши... создали склонность

приносит в жертву этой страсти к накоплению лучшие чувства человеческой природы» [Оуэн, 1982: 307-308]. Деятельность Р. Оуэна, будучи радикальной с точки зрения цели, являлась реформаторской с позиции средств.

Первый период его деятельности, связанный с фабрикой в Нью-Ланарке, как известно, привел к впечатляющему успеху – потепление внутреннего морального климата сопровождалось безусловным коммерческим успехом. В следующий период своей деятельности Р. Оуэн поставил перед собой уже куда более грандиозные задачи, «замахнувшись» на постепенное и поступательное преобразование всего социального порядка. Для этого предполагалось создать что-то вроде первичной ячейки будущего общественного строя – кооперативной общины, в основе которой лежали принципы имущественного уравнивания, добровольности при выборе труда, общности недвижимого имущества, самоуправления. Причем подобная организация была выведена из сферы товарно-денежных отношений, а распределение осуществлялось исключительно на основе потребностей каждого. Поначалу результаты получались весьма обнадеживающие – к 1827 г. существовало до 20 кооперативных общин похожего характера. Однако все подобные организации через несколько лет распались, и благородное намерение Р. Оуэна потерпело полный провал. По мнению М.И. Туган-Барановского, это произошло потому, что человеческий материал, который использовался для создания новой ячейки общества изначально был необратимо испорчен. Жители этой общины «воспитались и выросли в совершенно иной социальной обстановке, чем та, которую они стремились создать в своей кооперативной общине. Их нравы, привычки, характеры, симпатии, потребности развились на почве борьбы за существование и закона конкуренции верховных владык капиталистического мира» [Туган-Барановский, 1996: 101]. Другими словами, как считает названный ученый, кооперативные связи оказались менее прочны, чем капиталистические отношения, усвоенные членами общины в процессе социализации.

С нашей точки зрения, М.И. Туган-Барановский частично прав, однако его доводы могут быть опровергнуты. Например, СССР

создавался поколением людей, еще помнивших капиталистическую борьбу за существование, но был развален теми, кто родился и воспитывался в условиях «развитого социализма». Для установления истинной причины поражений социалистических проектов следует копнуть еще глубже, погрузившись в пучину противоречивых антропологических стремлений.

Подход как утопистов-просветителей, так в конечном итоге и практиков научного социализма ошибочен в изначальной идеализации человеческой природы. Поворот к разуму отнюдь не включает в себе главного фактора для воспитания в людях стремления к справедливости и нравственному совершенству. Следует принимать в расчет устойчивые социально-психологические формы, которые мы определяем как иерархическое сознание. Это определенный срез социальных представлений, непосредственно затрагивающий процессы иерархического структурирования, на основании чего формируются индивидуальные достижительские стратегии. Иерархическое сознание имеет три источника: психологический (внутриличностные побуждения, частично врожденные, частично раннеприобретенные), социологический (общественная реальность, воспринимаемая в ходе социализации), идеологический (абстрактные системы ценностей). Иерархическое сознание не может исчезнуть в тех или иных социальных условиях, даже наиболее приближенных к идеалам гармонии справедливости, но может лишь менять формы практического воплощения. Капиталистический порядок в целом значительно более соответствует подобной антропологической константе, что и предопределяет его более успешную судьбу, нежели у социализма.

Библиография

Оуэн Р. Замечания о влиянии промышленной системы / Утопический социализм: Хрестоматия. М., Политиздат, 1982. 512 с.

Тамблянец Ю.Г. Почему побеждает либерализм: омысление механизмов взаимодействия идеологии и социальной иерархии. Ростов н/Д., АПСН СКНЦ ВШ, 2006. 395 с.

Туган-Барановский М.И. Утопический и критический социализм // К лучшему будущему: сб. соц.-филос. произведений. М., РОССПЭН, 1996. С. 85-256.

РАЗДЕЛ VI. УТОПИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

АНТИУТОПИЯ В КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОГО ЛИБЕРТИНАЖА ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ

И.М. Эрлихсон

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина (Рязань)

Аннотация. Статья посвящена исследованию одному из направлений английской утопической мысли периода Реставрации – социальной антиутопии. Анализ сюжета и стилистических особенностей романа Г. Невилля «Остров Пайна» позволяет выявить характер мировоззрения автора, а также создать целостное представление о развитии политической и философской мысли и воссоздать социальную и культурную обстановку вышеуказанной эпохи.

Ключевые слова: Реставрация, Англия, антиутопия, либертинаж.

Вернувшись из Франции в 1660 г., Карл II стремился во всем копировать черты двора Людовика XIV, самого изысканного и блестящего, но одновременно самого распущенного в Европе. Особенно молодой король преуспел в имитации свободы нравов и морали, что дало основание первому министру Кларендону так охарактеризовать начало его правления: «...повсюду царит безумный разврат, народ ропщет, грязная низкая любовь к деньгам рассматривается как высшая мудрость; моральное разложение как зараза, ползет по городу, многие забыли, что такое дружба, совесть, общественный долг...» [Ступников, 1986: 18].

Аристократия, понимавшая, что уже не в состоянии претендовать на восстановление прежних привилегий в абсолютном объеме, всеми силами пыталась реанимировать дореволюционную атмосферу хотя бы в пределах своего узкого круга и наверстать забытые на два долгих десятилетия удовольствия. Это обстоятельство, а также секуляризация различных сторон общественной жизни способствовали тому, что в период Реставрации в аристократических кругах стало популярным так называемое «остроумие» (wit), трансформировавшееся из философского течения «либертинаж».

Если изначально либертинаж воплощал мечту человека о свободе, желанной и недостижимой силе, способной преодолеть чувство потерянности и разочарования, то при дворе Карла II «остроумие превратило распущенность в философскую систему и породило своеобразный свод законов казуистики, который остроумцы излагали с рвением богословов» [Krutch, 1949: 7].

Неудивительно, что в атмосфере вседозволенности и распущенности вышедший в 1668 г. «Остров Пайна» Г. Невилля воспринимался современниками и ранними исследователями творчества Невилля как аморальное, чуть ли не порнографическое произведение.

Сюжет «Острова Пайна» открывается письмом голландца Генри Корнелиуса Ван Слоттена, в котором тот повествует о достоверных событиях, произошедших с ним во время путешествия в Ост-Индию. Путешественники попадают в бурю, терпят кораблекрушение и спасаются на острове. Там они встречают местных жителей, говорящих по-английски. Островитяне отводят моряков к своему правителю Вильяму Пайну. В его «резиденции», путешественники знакомятся с историей Джорджа Пайна, деда нынешнего правителя. Корабль, на котором он отплыл из Англии в 1589 г., попал в сильнейший шторм,

и главный герой оказался на необитаемом острове в обществе четырех очаровательных женщин. К концу жизни (а прожил он почти девяносто лет) Пайн напоминал библейского патриарха, окруженного многочисленным потомством в количестве 1789 человек.

Как ни парадоксально, но эта фантазия об абсолютном воплощении плотских желаний и колониальных амбиций, эта утопия патриархального рая и мирного изобилия может быть прочтена как история человеческой дегенерации, как мрачная антиутопия об абсолютизме, помноженном на упадок нравов и всеобщее изобилие, исключающее необходимость какой-либо созидательной деятельности. По сути Невилль изобразил общество, зашедшее в политический, экономический, а, главное, в социально-нравственный тупик. «Остров Пайна» – это тонкая и злая пародия на реставрационную Англию с самыми одиозными ее чертами.

Джордж Пайн, чистокровный англичанин, попадает на остров, который даже в самых смелых мечтах не мог бы себе представить самый отъявленный вольнодумец. Нет соперничества: ни политического, ни экономического, ни военного, ни этнического, ни сексуального; нет никаких запретов, никаких властных институтов; нет никакого намека на общественную мораль и религию. Остров Пайна – это место, где из человеческого существования полностью исключается понятие «труд» – по мнению остроумцев, презренный удел буржуазии и низших классов. Земля настолько плодородна, что отпадает необходимость в земледелии; деревья плодоносят круглый год; реки кишат рыбой; животные настолько мирные, что чуть ли не сами просятся в рот; и даже деторождение представляется как непродолжительный и необременительный процесс.

Невилль смоделировал на острове «абсолютистский» рай: один монарх, одна нация и полное изобилие. Но на деле неограниченная свобода оборачивается ханжеством, а оборотной стороной безвластия оказывается деспотизм. То, что считалось естественным во времена Джорджа Пайна, спустя сто с лишним лет не только осуждается, но и жестоко наказывается законом. За прелюбодеяние мужчину подвергают кастрации, а женщине вырывают правый глаз, замеченных же в по-

вторном грехе, предают смертной казни. На острове то и дело вспыхивают конфликты, в один из которых вынуждены вмешаться голландцы. Общество, изображенное Невиллем, находится на низшей ступени развития, едва ли не на стадии варварства. Островитяне не занимаются ни познавательной, ни созидательной деятельностью – они лишь воспроизводятся, пользуясь тем, что дает природа. Не только с современной точки зрения, но и с позиции европейца Нового времени – это полный социальный тупик и нравственная деградация.

С литературной точки зрения Невилль предложил новый сюжетный ход, блестяще использованный позднее Д. Дефо: герои произведения оказываются и живут в изоляции на необитаемом острове. С внешне содержательной точки зрения, «Остров Пайна» предвосхищает новый тип утопических романов, получивших широкое распространение в XVIII в., когда жанр утопии перекочевал во Францию: прославление природной простоты и свободы нравов. Но главным является то, что Невилль впервые в истории английской общественно-политической мысли, для изложения своих взглядов использовал жанр антиутопии. Известно, что в отличие от классических утопий, для которых характерна статичность, антиутопии рассматривают возможность развития ментальным образом сконструированных социальных устройств. Вот и Невилль, поместил Джорджа Пайна и его спутниц на необитаемый остров, в условия полного природного изобилия; освободил их от всех нравственных табу, воссоздал патриархальное устройство и показал, что из может получиться через несколько десятилетий. Невилль не питал иллюзий относительно неизменности слабой и порочной человеческой природы: «Сильный начал угнетать слабого, окрепнувшая религия связала путями человеческий дух, начались распри, и все пошло не так, как завещал мой прадед» [Neville, 1999: 202]. Таким образом «Остров Пайна» при всей его внешней фривольности по своей сути является романом – предупреждением, антиутопией, показывающим, к каким социальным последствиям могут привести собранные вместе абсолютизм, всеобщее изобилие и неограниченная свобода.

Библиография

Ступников И.В. Английский театр. Конец XVII – начало XVIII вв. Л., 1986.
 Krutch J.W. Comedy and Conscience after the Restoration. N.-Y., 1949.

Neville H. The Isle of Pines // Three early modern utopias. Oxford, Oxford university press, 1999. P. 202.

ОБРАЗ ЖИЗНИ В ГОРОДЕ СОЛНЦА И ВЕЛИКОМ ЕДИНЕНИИ: ПРОЕКТЫ Т. КАМПАНЕЛЛЫ И КАН Ю-ВЭЯ

Д.Е. Мартынов

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

Аннотация. Доклад посвящен сопоставлению общественного идеала Т. Кампанеллы и Кан Ю-вэя. Несмотря на то, что социальные коды и литературные тропы утопических проектов ренессансной Европы и Китая различны, сопоставление возможно в культурном и функциональном отношении. Главной целью Кампанеллы и Кана было преодоление отчуждения человека в обществе и отчуждения от природы, чего можно было добиться только отменой частной собственности и семьи.

Ключевые слова: «Город Солнца», «Датун шу», «Персиковый источник», Томмазо Кампанелла, Кан Ю-вэй, Тао Юань-мин.

В современном китайском общественном сознании чрезвычайно популярны сопоставления базовых для западной и китайской традиции текстов с сопоставлением идейных конструкций и литературных тропов. В рамках дискуссии о границах утопии и утопического сознания и их культурного преломления, чрезвычайно перспективным представляется сопоставление «Города Солнца» Т. Кампанеллы (1568-1639) и «Книги о Великом Единении» (Датун шу) Кан Ю-вэя (1858-1927). С точки зрения методологии такое сопоставление вполне возможно и корректно. Д. Фоккема обосновывал это так: созданию утопий способствует переходное состояние культуры, поэтому пусковым моментом являются политические перемены и смена культурных ориентиров. В этом плане Контрреформация и поздний Ренессанс рубежа XVI-XVII вв. вполне соответствуют XIX в. для Китая [Fokkema, 2011: 399]. При этом до XIX в. в Китае не существовало всеохватных политико-административных проектов, а китайские литераторы не пытались найти альтернативу официальной конфуцианской идеологии. Эталоном традиционной китайской утопии является поэма Тао Юань-мина (365-427) «Персиковый источник»: китайские писатели стремились восстановить идеальную простоту глубокой древности [Fokkema, 2011: 404]. В утопии Кан Ю-вэя в известном смысле эти мотивы сохранились в виде преодоления девяти видов отчуждения человечества

от физического мира, мира живых существ, и даже небожителей [Да тун шу, 2005].

Формирование утопического жанра в Европе XVI-XVII вв. непосредственно связано с ранним модерном и иным восприятием реальности, в том числе исторического времени. Первые утопии (в том числе текст Т. Кампанеллы) направлены на исправление человеческой природы, освобождение человечества от первородного греха. Этого можно добиться только созданием социальной системы со строжайшим социальным контролем, уничтожением не только частной собственности, но и частной жизни [The Cambridge Companion, 2010: 57]. Исправление человеческой природы возможно не только через социальную инженерию, но и через реформу образования. Кампанелла, спроектировав общину – единый организм, в известном смысле предвосхитил метафорическое использование Гоббсом образа библейского Левиафана [Ibid: 60].

Глубинная основа идеала «Города Солнца» и Великого единения по Кан Ю-вэю идентична: идеальный мир можно построить, только упразднив причины неравенства и конкуренции, т.е. частную собственность. Соляррии, как и «Небесный народ» Кан Ю-вэя, являются «одновременно богатыми и вместе с тем бедными: богатыми – потому, что у них есть всё, бедными – потому, что у них нет никакой собственности, и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им» [Кампанелла,

1954: 71]. Роднит два идеала упразднение семьи, поскольку именно в этом институте коренятся и социальное неравенство, и частная собственность.

Упразднение семьи приводит к передаче ее функций государству, в том числе производства и воспитания новых поколений. Кампанелла при этом основывался на собственных биологических и астрологических теориях. Важной функцией государства-семьи у Кан Ю-вэя и Кампанеллы было преодоление отчуждения, поскольку и солярии, и жители Великого единения ощущали сопричастность всем действиям государства, созданного ради их собственного блага. Сходными были и представления о системе образования, которые восходили к инверсии традиционных гуманитарных ценностей позднесредневекового аристотелизма и неоконфуцианства, соответственно.

Существенная разница заключалась в евгенической программе: Кампанелла настаивал на всемерном ограничении потребностей и морально-этическом контроле. Солярии не имеют индивидуальных жилищ и ночуют в общих спальнях, смысл которых в сегрегации полов. Пресловутое «хождение группами» связано не столько с потребностями производства, сколько с исключением соблазна недозволенных уединений и препятствия случайным соитиям [Штекли, 1999: 87]. В идеальном обществе Кан Ю-вэя господствует всеобщий гедонизм, поэтому деторождение считается величайшим стрессом. В мире будущего отсутствует институт

брака, а оформленная документально связь не может длиться более года (с возможностью продления). Великое единение ничем не ограничивает права своих граждан, в том числе на добровольное прерывание жизни и гомосексуальные отношения. Поэтому среди немногих ограничений и запретов в Великом единении (в том числе на конкуренцию) существует и строжайший запрет на прерывание беременности. Государство-семья снимает с будущей матери ответственность за вскармливание и воспитание ребёнка.

Сопоставление общественного идеала Кан Ю-вэя и Т. Кампанеллы позволяет расширить границы исследования утопий. В известном смысле такое сопоставление доказывает общность процессов развития утопического сознания в условиях различных культур и общественных систем на сходных этапах исторического развития.

Библиография

Да тун шу Кан Ю-вэй чжуань / Тан Чжи-цзюнь даоду (Книга о Великом единении Кан Ю-вэя / Предисловие Тан Чжи-цзюня). Шанхай, Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2005. 292 с.

Кампанелла. Город Солнца / Пер. с лат. и ком. Ф.А. Петровского. М.-Л., Изд. АН СССР, 1954. 228 с.

Штекли А.Э. Кошмары Города Солнца: тирания общности или всевластие науки? // Культура Возрождения и власть: Сб. ст. М., Наука, 1999. С. 84-94.

The Cambridge Companion to Utopian Literature / Ed. by G. Claeys. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 316 p.

Fokkema D. Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2011. 448 p.

ОТ «ПОКОРЕНИЯ КОСМОСА» К «ПОСТРОЕНИЮ СЧАСТЬЯ»: КОММУНИТАРНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ВИКТОРА КУАССАКА

А.В. Хорунжий, А.Ю. Герасина

Российский университет дружбы народов (Москва)

Аннотация. Виктор Куассак (1867-1941) – французский ученый и общественный деятель, автор работ по естествознанию, освоению космоса, научным основаниям морали и многим другим темам, создатель литературно-теоретической утопии и основатель коммуны «Интеграл» – общины фурьеристского типа, просуществовавшей с 1922 по 1935 г. Разнообразие тематики его творчества объясняется современной ему позитивистской традицией восхождения от естественных наук к построенным на их основе социологии и проектам совершенствования общества, а изучение его наследия позволяет выявить общие закономерности развития утопической мысли XX в.

Ключевые слова: Виктор Куассак, позитивизм, Интеграл, утопия, коммуна, эволюция, убеждающий пример.

Французский ученый и общественный деятель Виктор Куассак (1867-1941) привлек внимание историков лишь во второй половине 1980-х гг. Исследователей из Франции интересовала созданная им коммуна «Интеграл» [Cooper-Richet, Pluet-Despatin, 1985], а отечественных историков науки – работы Куассака, посвященные освоению космоса [Голотюк, 1988; Куассак, 1989]. В дальнейшем интерес к наследию Куассака по разным причинам вновь угас до середины 2010-х гг. Цель данной статьи – ввести в научный оборот отечественной истории утопической мысли информацию о биографии В. Куассака, его литературно-теоретической утопии и коммунарных экспериментах, а также выявить возможную взаимосвязь его, на первый взгляд, совершенно разнонаправленных исследований.

Виктор Куассак родился 3 мая 1867 г. в коммуне Треньяк во Франции в многодетной католической семье. В 1889 г. он сдал в Париже экзамены университетского курса и переехал в город Тур, где устроился преподавателем в школе. Одновременно Куассак занимался научной деятельностью и даже состоял во Французском астрономическом обществе.

В духе господствовавших в этот период представлений позитивизма о восхождении от естественных наук к социальным Куассак начал с посвященных естествознанию работ «Природа и ее секреты» [Coissac, 1903] и «Проявления энергии» [Coissac, 1905], но быстро перешел к социальной тематике. В 1905 г. он – уже активный участник профсоюзного движения – стал членом социалистической партии. В 1909 г. с несколькими друзьями-социалистами он создал организацию просветительского толка “Народный союз” (“L’Union Populaire”) и стал редактором «Ежемесячного бюллетеня «Народного союза» [Bulletin mensuel..., 1909-1913], а затем и «Образовательного Обозрения» [Revue d’Éducation, 1912-1913]. Последнее в 1913 г. было преобразовано в выходившее раз в два месяца периодическое издание «Освобождение пролетариата через всестороннее образование рабочих», имевшее подзаголовок «Издается «Интегралом», обществом постепенного освобождения пролетариата» [La Libération du prolétariat..., 1913].

В этом издании Куассак уже был директором и главным редактором. Здесь же впервые появилось упоминание об «Интеграле» как некоем сообществе или организации – хотя до создания одноименных издательства и коммуны было еще далеко. Содержание издания было вполне характерно как для упоминавшихся традиций позитивизма, так и для декларируемой цели «Освобождения...»: читателям предлагались короткие тексты, призванные сформировать у них правильное мировоззрение и основанные на нем представления об общественном устройстве. Так, первый номер содержал как очерки по естественным наукам в порядке возрастания их сложности, так и разделы по истории, философии и морали. Всего до лета 1914 г. удалось выйти 9 номеров.

В 1913-1914 гг. вышли и 2 новые книги Куассака: «Бог перед лицом науки и разума» [Coissac, 1913] и «Ошибки современной науки» [Coissac, 1914], продолжавшие все ту же позитивистскую традицию по развенчанию мифов и формированию у читателей научного мировоззрения.

К этому времени Куассак разочаровался в партийной и профсоюзной деятельности как средства устранения социальной несправедливости. Он пришел к идее создания общества, в котором трудящиеся объединятся, чтобы жить и работать вместе, в котором станет невозможным любое злоупотребление властью, «в котором экономическое равенство дополнит равенство и в политической жизни. У личности будет возможность пользоваться своей свободой и заниматься самосовершенствованием» [Cooper-Richet, Pluet-Despatin, 1985: 52].

Как и ранее, он считал, что достичь нового общества можно не путем коренной ломки старого, а путем распространения знаний и убеждения людей. Изданная в 1916 г. книга «Построение счастья через постепенное и мирное установление коммунистического режима, или Социальное обновление без переворотов и насилия» [Coissac, 1916 b] содержала весьма подробный проект создания трудящимися островков будущего общественного устройства – коммун, которые бы своим убеждающим примером привлекали бы все больше и больше сторонников, создававших новые коммуны. Согласно приведен-

ным тут же расчетам, вся Франция должна была бы в итоге перейти на такое коммуни-тарное устройство за 80 лет.

При разработке концепции своего проекта Куассак вдохновлялся идеями Ш. Фурье о создании фаланстеров, где целью каждого члена общества являлось участие в коллективном действии и забота об общем благе. В отличие от Фурье, Куассак не видел смысла в особенном материальном вознаграждении талантливых жителей коммуны – таким вознаграждением, по его мнению, могло быть только уважение окружающих. Помимо устранения экономического неравенства между членами коммуны, он предлагал исключить и наличие частной собственности, а также современных ему семейных отношений.

В том же 1916 г. Куассак выпустил трактат «об истинных принципах, которые должны служить основой для рациональной морали»: книгу «Мораль без бога» [Coissac, 1916 a], а также сборник, состоящий из 2 работ: «Эволюция миров» и «Покорение космоса» [Coissac, 1916 c]. Нельзя не отметить сходства в структуре научного и социального творчества Куассака и его современников – ученых и мыслителей из различных стран, например, К.Э. Циолковского, сформировавшихся в позитивистской парадигме и искавших свои «естественные основы нравственности», чтобы на их основе сконструировать «идеальный строй жизни» [Хорунжий, 2011].

Как и у Циолковского, после 1916 г. в творчестве Куассака появились все элементы, которые считались в то время необходимыми для строительства нового общества: от космогонических работ до построенной на естественнонаучных основаниях морали и проекта будущего справедливого общества. С точки зрения их автора можно было переходить к практическим экспериментам. К 1917 г. издательство «Интеграл», наконец, было официально зарегистрировано, и Куассак организовал подписку на облигации займа для финансирования своего проекта. Ему удалось распространить 456 облигаций среди 160 человек.

Но приступить к реальному эксперименту Куассак смог только в 1922 г., после выхода на пенсию. Он купил 22 гектара земли недалеко от Тулузы, в местечке Пюш-д'Ажене (Puch-d'Agenais), где и основал коммуну «Интеграл».

«Интеграл» просуществовал 13 лет – с 1922 по 1935 гг. Обитатели коммуны занимались написанием и изданием книг и журналов, ежемесячно выходил бюллетень «Свободная мысль Интеграла» [La Libre pensée Intégrale, 1926-1934]. Они также пытались зарабатывать и сельским хозяйством, испробовав самые разные варианты: от продажи «первоклассного меда» только для подписчиков бюллетеня до разведения кроликов. Однако в массе своей членами коммуны были ученые и интеллектуалы – бывшие коллеги Куассака. Неудивительно, что сделать хозяйство прибыльным у них не получалось. Не приносило особых доходов и издательское дело. Все это вынуждало жителей коммуны обращаться за материальной помощью к друзьям Куассака, число которых постепенно сокращалось. В какой-то момент основным источником дохода коммуны стала получаемая им пенсия. В итоге коммуна «Интеграл», погрязшая в долгах, а также и в конфликтах между ее обитателями на почве ревности и других бытовых проблем, прекратила свое существование к 1935 г.

За это время через «Интеграл» прошло около семидесяти человек. Впрочем, одновременно в коммуне проживало не более 15 человек, а зачастую – и того меньше, что дало повод одному из историков назвать этот эксперимент Куассака «симулякром утопии» [Pinol, 1988: 1143].

После закрытия «Интеграла» и продажи земли за долги в 1935 г. Куассак переехал в местечко Мондинэ (Mondinet) около деревни Гразими (Grazimis) в Гаскони. На новом месте Куассак объявил о создании нового издательства и коммуны «Идеал» (“L’Ideal”). Впрочем, под издательством подразумевался сам Куассак, издававший свои труды, в том числе, под псевдонимами. А вся коммуна состояла из Куассака, его спутницы Сюзанны Ле Будек и родившегося у них в 1928 г. сына...

Умер Куассак там же, в Мондинэ, 7 марта 1941 г.

Масштаб коммуни-тарного эксперимента и прикладная ценность научного наследия Виктора Куассака, безусловно, существенно меньше, чем у многих его выдающихся современников, создавших свои утопические проекты. Однако изучение его творчества позволяет выявить общие закономерности, зачастую скрытые за особенностями языко-

вой среды и социокультурного слоя, в котором происходило формирование их автора, а значит, не только пополнить фактологическую базу по истории утопий, но и расширить наше понимание закономерностей развития утопической мысли.

Библиография

- Bulletin mensuel de l'Union populaire. Tours, 1909-1913.
- Coissac V. La Morale sans Dieu. Tours, Intégrale, 1916 a. 181 p.
- Coissac V. La Réalisation du bonheur par l'établissement graduel et pacifique du régime communiste, ou la Rénovation sociale accomplie sans à coups ni violence. Tours, Intégrale, 1916 b. 380 p.
- Coissac V. Les Erreurs de la science contemporaine. Tours : Intégrale, [1914]. 160 p.
- Coissac V. Les Manifestations de l'énergie. Tours, 1905. 206 p.
- Coissac V. Dieu devant la science et devant la raison. Tours, sn, 1913. 133 p.
- Coissac V. L'Évolution des mondes ; La Conquête de l'espace. Tours, Intégrale, 1916 c. 278 p.
- Coissac V. La Nature et ses secrets. Tours, 1903. 351 p.

Cooper-Richet D., Pluet-Despatin J. L'exercice du bonheur: ou comment Victor Coissac cultiva l'utopie entre les deux guerres dans sa communauté de l'Intégrale. Champ Vallon, 1985. 272 p.

La Libération du prolétariat par l'éducation intégrale des travailleurs. Tours, 1913. 32 p.

La Libre pensée Intégrale: organe de l'Union des libres-penseurs de France. Puch-D'Agenais, 1926-1934.

Pinol Jean-Luc. Diana Cooper-Richet, Jacqueline Pluet-Despatin, L'exercice du bonheur ou comment Victor Coissac cultiva l'utopie entre les deux guerres dans sa communauté de l'Intégrale // Annales. Economies, sociétés, civilisations. 1988. N. 5. P.1142-1143.

Revue d'Éducation: Petites chroniques d'éducation, d'enseignement, de philosophie et d'art. Tours, 1912-1913.

Голотюк С.В. Об одной малоизвестной публикации по космонавтике: книга В. Куассака «Покорение космоса» // Из истории авиации и космонавтики. Вып. 57. М., ИИЕТ АН СССР. 1988. С. 61-74.

Куассак В. Покорение космоса / Пер. с фр. А. Хорунжего. ВЦП. №С-59978. М., ВЦП, 27.09.1989. 121 с.

Хорунжий А.В. «Идеальный строй» К.Э. Циолковского как стержень личности и зеркало эпохи // Открывая современность заново. М., РУДН, 2011. С. 438-467.

УТОПИЯ ПО-СОВЕТСКИ: КОНЦЕПЦИЯ НОВОГО ЖИЛИЩА В ФОРМИРОВАНИИ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

Е.В. Барышева

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Аннотация. В 1920-1930-е гг. в СССР идея создания «нового человека» и конструирование идеального образа строителя советского общества нашла воплощение в проектах домов-коммун. Советский человек должен был ориентироваться исключительно на общественные интересы и не отвлекаться на «мещанский» быт. Обобществление быта должно было сформировать стереотипы правильного поведения человека в быту и на производстве и стать эффективным механизмом управления обществом, подчинить все его личное пространство общей цели построения коммунизма.

Ключевые слова: советская утопия, «новый человек», дом-коммуна, жилищные условия, личное пространство, формирование стереотипов поведения.

Главной задачей пролетарской культуры было заявлено создание нового мира, под которым подразумевалось управляемое общество. С этой целью в СССР в 1920-30-х гг. разрушались традиции, навязывались определенные социальные стереотипы и идеалы. Идеал «нового человека» – несомненного «строителя социализма» – формировался не только под воздействием партийной пропаганды, но и благодаря тем условиям, в которых «новый человек» должен был существовать.

Идея революционных мечтателей о коллективном труде и совместном творческом

досуге выразилась в попытках организации коллективного быта и контролируемого отдыха, в ходе которого происходило бы усвоение социальных и политических установок, формировалась система политических ценностей, поддерживалось санкционированное властью поведение членов общества, их отношение к происходящим событиям.

Советская утопия о социально-политическом будущем устройстве государства подразумевала формирование «нового» человека с определенной моделью социального поведения. Эта модель, пропагандируемая различ-

ными средствами коммуникации, предполагала равнодушие к бытовым трудностям и приоритет коллективного интереса. Смена ценностей человеческого существования приводили рядового советского гражданина, как участника советского «эксперимента» к ситуации дисгармонии личных интересов и идеологии коллективизма.

Это нашло выражение в организации домов-коммун: их устройстве, архитектуре и структуре быта.

Первые архитектурные проекты предлагали варианты строительства различных «храмов общения народа» и коммунальных домов (1919 г., 1920 г.) [Москва – Берлин, 1996: 40]. Тогда же политика переселения, вызванная жилищным кризисом, привела к возникновению бытовых коммун, ставшими впоследствии символами нового быта и нового времени.

Размышляя о путях построения нового социалистического общества, советские лидеры, обращаясь к рабочим, заявляли: «... Революция разрушила старый уклад жизни, и мы работаем над созданием нового – создание нового затрудняется тем, что нам приходится очень часто вступать в борьбу со старым, от которого освободиться нелегко. Старый порядок жизни, старый быт, старые привычки служат большой помехой в нашем строительстве. Новый быт требует внимательного и заботливого отношения к здоровью..., а мы имеем комнаты, которые не проветриваем, мы по шесть месяцев не смываем грязь с нашего тела, мы стыдимся сделать движение и расправить грудь. Новый быт требует здорового состояния наших чувств, товарищеских взаимоотношений. Теперь у нас возникает вопрос – какого же быта больше, старого или нового? По нашему мнению, быт отстает от темпа нашего строительства» [Массовое действо, 1927: 21]. И это отставание требовалось немедленно ликвидировать.

Стремление к коренной перестройке быта и внутреннего мира человека в соответствии с новой идеологией нашло отражение в концепции «нового быта» 1920-х гг. и сменившей ее в 30-е гг. новой идее «культурности». Жилищное строительство стало в руках государства орудием перестройки быта [Вендеров, 1926: 3; Зеленко, 1930: 5].

Концепция нового жилища в домах коммуны стала символом не только нового быта, новой жизни, но и символом влияния на сознание и поведение советского гражданина. Согласно этой концепции, семья как пережиток прошлого должна была исчезнуть. Авторы проектов не только делали архитектурные расчеты, но и предписывали нормы поведения человека, оказавшегося в таком доме-коммуне. Распорядок дня был стандартизирован, регламентирован, служил коллективной идее и отвечал идеологическим задачам воспитания «нового» человека [Кузьмин, 1927: 83].

Утопическая идея жилой коммуны с обобществленным коллективным бытом была направлена на формирование единого для всех обитателей дома коллективного жизненного уклада. В нем личное пространство отсутствовало совсем, либо было сведено к минимуму.

Жизнь в доме-коммуне должна была воспитывать основные навыки «нового человека».

Коллективный быт официально победил индивидуальные семейные квартиры. Новый вариант типового коллективного жилища, предусматривал обобществление всех потребительских функций жителей. Упор делался на социальные контакты жителей во вне рабочее время. Воспитание детей тоже рассматривалось как задача воспитания коллективизма, а их совместная жизнь с родителями считалась нецелесообразной [Сабсо-вич, 1930: 5].

Принципы планировки городского пространства также были связаны с упразднением индивидуалистических форм воспитания в семье и интимных форм отдыха и культурных развлечений [Балихин, 1935: 5-13].

В это же время для партийной и государственной элиты строятся жилые дома с другой философией организации быта (Дом на набережной, Дом ударников-железнодорожников в Москве).

Библиография

Балихин В.С. Вопросы архитектуры ансамбля жилого комплекса и магистрали социалистического города. В порядке предварительной разработки темы // Академия архитектуры. 1935. №6. С.5-13.

Вендеров Б. Второй конкурс Московского Совета Р.К. и К.Д. на проект Дома-Коммуны // Строительство Москвы. 1926. № 6. С. 1 -6.

Зеленко А.У. Проблема строительства социалистических городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 5-9.

Кузьмин В. О рабочем жилищном строительстве // Современная архитектура. 1927. № 3. С. 82-83.

Массовое действо: Руководство к организации и проведению празднования десятилетия Октября и других революционных праздников / Под. ред.

Н.И. Подвойского, А.Р. Орлинского. М.;Л.: Государственное изд-во, 1927. 288 с.

Москва – Берлин / Берлин – Москва: 1900 – 1950: Каталог выставки. Мюнхен; Нью-Йорк, М., 1996. 709 с.

Сабсович Л.М. Новые пути в строительстве городов // Строительство Москвы. 1930 № 1. С. 3-5.

«РЕБЯЧИЙ ГОРОД СОЛНЦА»: РЕТРОСПЕКТИВНОЕ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ СОВЕТСКИХ ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЕЙ «АРТЕК» И «ОРЛЕНОК» В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ИХ УЧАСТНИКОВ (1957-1991)

А.В. Козлова

Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург)

Аннотация. В статье анализируется несоответствие между назначением проектов пионерских лагерей «Артек» (1925) и «Орленок» (1960) и эффектом, который производил опыт их посещения / работы там на рядовых пионеров и вожатых. Главными функциями, которые должны были выполнять образцовые пионерские лагеря в соответствии с государственным заказом, являлись демонстрация идеального советского детства и воспитание примерных пионеров-активистов. Однако далеко не все причастные к «Артеку» и «Орленку» пионеры и вожатые готовы воспринимать лагеря в таких категориях. Основная цель моего исследования – объяснить механизмы восприятия «Артека» и «Орленка» как пространств, обособленных от общего советского проекта, используя в качестве аналитического инструмента категорию «утопия».

Ключевые слова: пионерский лагерь, утопия, утопическое восприятие, советская повседневность, советское детство, советская субъективность.

«Главными» пионерскими лагерями в Советском союзе были «Артек» (1925) и «Орленок» (1960). Расположенные на берегу Черного моря, они «рекламировались» в советских медиа как первые ласточки воплощенного коммунизма, социалистической мечты и сказки. Элементы утопического социального порядка присутствуют в педагогической идее этих лагерей (отбор и обучение «лучших» пионеров-активистов, которые, в свою очередь, впоследствии смогут совершенствовать жизнь пионерской организации на местах), инфраструктуре и архитектуре [Winkelmann, 2003; Седов, 2013].

Категория *утопии* довольно часто выступает в качестве эмической характеристики «Артека» и «Орленка» как в текстах советских СМИ и брошюр, преследовавших задачу формировать представление об этих лагерях, так и в постсоветских воспоминаниях пионеров и вожатых:

Если бы Томмазо Кампанелла мог хоть одним глазком заглянуть сюда, его сердце возликовало бы со всей бурной темпераментностью истинного итальянца: ибо увидел бы ребячий Город Солнца [Недель, 1985: 106].

«Звездная страна», «Рай земной», «Государство в государстве»... Чего уж мелочиться, «Город Солнца» Т. Кампанеллы тоже о нем! [Джафарова, 2010: 225].

Но несмотря на то, что модальность (восторженное опровержение гипотетического характера утопического пространства) приведенных высказываний идентична, при детальном контекстуальном анализе можно увидеть, что эффект, которого стремятся достичь сравнением «Артека» и утопии советские журналисты и бывшие вожатые, различен, а в некоторых случаях диаметрально противоположен. Первые используют утопический образ детских лагерей-курортов в качестве доказательной иллюстрации политики заботы партии о детях, вторые стремятся подчеркнуть *особость* и даже оксюморонность социального устройства лагеря по отношению к советской повседневности (чаще всего заостряя внимание на передовых (относительно «консервативной» советской школы) педагогических технологиях, однородной и благоприятной социальной среде, бытовой устроенности). Так, при пояснении процитированного выше сравнения «Артека» с «Горо-

дом солнца», И. Джафарова, вожатая дружин «Полевая» и «Хрустальная» с 1989-1991 гг., стремится показать, что жизнь лагеря определяли вовсе не политические, а «свои» особые законы:

Артек всегда жил по своим законам, пусть они и кажутся большинству утопическими. Конечно, он, находясь в обществе, «не мог быть свободным от этого общества». <...> Артек во всем расставляет СВОИ акценты. Он не отрекается от своего прошлого, от своих орденов. Даже самый большой в СССР памятник Ленину, находясь территориально в самом центре лагеря, не воспринимался никогда как «идеологическая Мекка». Своими гигантскими размерами, «шествием», в прямом смысле слова, к морю, он скорее напоминает того самого короля, от которого спасался мальчик Нильс. Особенно впечатляет он в ночное время. Артек придумывает свои легенды. Его пытаются заедологизировать те, кто вообще не знают про «вот, что такое Артек» [Джафарова, 2010: 225].

Для того, чтобы объяснить механизм, благодаря которому проекты пионерских лагерей получают возможность восприниматься как нечто отличное от глобального советского проекта, я предлагаю обратиться к аналитическому потенциалу категории «утопия». Согласно Карлу Мангейму, идеология поддерживает и легитимирует существующий образ жизни, в то время как утопия стремится его подорвать и представляет собой альтернативу существующему строю, обеспечивает альтернативное чтение социальных структур, предусмотренных идеологией [Steeves, 2000: 231] и обладает способностью «*остранять* или мгновенно дистанцировать свою аудиторию от норм и ценностей существующих социальных миров» [Wegner, 2002: 17]. Поскольку большой советский проект предполагал подготовку условий для благополучия людей в будущем и не был внимательным к настоящему (то есть являл собой тип утопического проекта, который Льюис Мамфорд [Mumford, 1922] предложил определять как «утопию реконструкции»), его мини-копии, реализованные в настоящем времени, стали выполнять функцию временного освобождения от рутины, трудностей и недостатков повседневности («утопии эскапизма»).

История изучения утопий работает с идеями и репрезентациями. Отталкиваясь от утверждения Поля Рикера о том, что утопия – это фантазия, которая стремится быть реализованной, но разбивается о реальность [Ricoeur 1986: 289], можно предположить, что перенос утопии с уровня проекта на уровень воспоминаний (несмотря на прохождение сквозь реальность) подобных проблем не имеет: большинство рассказов очевидцев об Артеке и Орленке, как и репрезентации проекта, окрашены в положительные и восторженные тона. В личных историях практически никогда не находят отражения тоска по дому, конфликты, чувство одиночества в толпе, противостояние между администрацией, вожатыми и пионерами, сложности взросления и сексуальности (такие «напряжения», свойственные для детского лагеря, подробно описывает на примере развития детских американских лагерей первой половины XX в. Л. Пэрис [Paris, 2008: 132-162]).

Между тем, опыт участия в социальных практиках микрокосма, воспринимаемого как утопический, влечет за собой очень важное изменение в структуре нарратива – оно вводит в его репрезентацию субъект повествования. И. Каспэ обращает внимание на проблему «бессубъектности утопического», утверждая, что «мы никогда не можем окончательно найти, персонализировать голос, которым говорит утопическое. <...> Чтобы присоединиться к утопии, необходимо принять это <предъявленное> желание за свое собственное» [Каспэ, 2018: 46]. Действительно, вожатых и пионеров «Артека» и «Орленка» специально обучали навыкам восприятия действительности и канонам рассказа о ней (посредством контролируемого ведения педагогических и личных дневников и обучения культуре писем домой, пионерского поручения рассказать о поездке в лагерь в школе, на собрании дружины). Однако несмотря на то, что воспоминания вожатых и пионеров разных эпох о самых известных пионерских лагерях имеют много общего, а их мотивы оказываются построенными на идеологемах и используют язык официальной советской пропаганды («счастье», «сказка», «республика», «дружба», «братство», «интернационализм» и т.д.), субъекты-реципиенты могут изменять способы прочтения этих катего-

рий, достраивая их в соответствии с контекстом индивидуальным опытом, а также ориентируясь на новый исторический контекст и коммуникативную ситуацию (интервью или воспоминание, рассчитанное на диалог с поколениями, не заставшими советскую эпоху).

Библиография

Джафарова И. «Пусть будет радостным твой следующий век!» // Мир под названием «Артек». Харьков, 2010. С. 222-229.

Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Недель Ю. Ребячий город солнца // Молодой коммунист. 1985. № 5. С. 107-112.

Седов В.В. Артек: земной рай Оттепели // Эстетика оттепели. М., 2013. С. 233-237.

Paris L. Children's Nature: The Rise of the American Summer Camp. New York, New York University Press, 2008.

Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia, trans. George H. Taylor. New York, Columbia University Press, 1986.

Steeves J. Utopia and Text: Ricoeur's Critique of Ideology // Symposium. IV, 2. 2000. P. 221-235.

Mumford L. The Story of Utopias. 1922. [Электронный ресурс] URL: <http://sacred-texts.com/utopia/sou/index.htm> (дата обращения 5.01.2016).

Wegner P. Imaginary Communities: Utopia, the Nation, and the Spatial Histories of Modernity. University of California Press, 2002.

Winkelmann A. Das Pionierlager Artek Realität und Utopie in der sowjetischen Architektur der sechziger Jahre. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades. Weimar, 2003.

ЖЕНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ УТОПИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: КОНЦЕПЦИЯ С. ДЕ БОВУАР

А.Ю. Браерская

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В статье рассмотрено теоретическое обоснование становления женской идентичности в работе С. Де Бовуар «Второй пол» в контексте утопического дискурса; проанализированы основные положения концепции. Показано, что в современной культуре идеи тождественности мужчины и женщины подверглись критике со стороны постмодернистского феминизма и теории различий, а достижение равноправия в рамках сложившейся системы общества носит утопический характер.

Ключевые слова: женская идентичность, гендер, культура, равноправие, антиэссенциализм.

Гендерное равноправие – один из основополагающих вопросов в пространстве рассуждений о современном гражданском обществе. В то же самое время артикуляция этой темы невозможна без рассмотрения проблемы равенства и различий. Как отмечает О.А. Воронина: «Обойти вопрос о сходстве и различиях женщин и мужчин невозможно, потому что вся традиционная культура основана на принципе противоположности и иерархичности мужского и женского начал, и, соответственно, отсюда вытекает идеология стратификации мужчин и женщин в обществе» [Воронина, 2003: 8].

Нам представляется, данная тема особенно актуальна в контексте современной европейской культуры, где проблемы равноправия и свободы получили наибольшее освещение в научном дискурсе, в экономическом, политическом, социальном пространстве, а также на уровне повседневной жизни личности.

Гендерная теория, будь она феминистски окрашена или политически нейтральна, предполагает рассмотрение женской идентичности как автономного проекта реализации личности. Одним из первых теоретиков, указавших на проблему становления женщины в качестве полноправного члена общества и культуры, стала французская исследовательница-философ Симона де Бовуар. Мы исходим из утверждения, что ее концепция обоснования становления женщины как равноправного мужчине субъекта имплицитно содержит в себе гендерный подход, где гендер – это социокультурный конструкт, через который проявляется биологический пол [Батлер, 2005: 292].

Бовуар в работе «Второй пол», используя методологию экзистенциализма, актуализировала несколько важных положений, которые в последствии повлияли на становление гендерной теории и дали толчок развитию

второй волны феминизма. Мы хотели бы проанализировать некоторые из них:

1. Женщина как «Другой». Обращение к дихотомии Я и «Другой» при рассмотрении становления субъекта, характерное для экзистенциалистской теории, позволило Бовуар на довольно обширном фактологическом материале продемонстрировать, как в культуре происходит подавление «женского». Анализируя различные факты истории, биологии и т.д. автор убедительно показывает, как на протяжении развития общества женщине предписывалась роль «Другого». Бовуар обосновывает, что в культуре маскулинное предстает как норма, по отношению к которой определяется феминное. Это обстоятельство закреплено в самых разных областях – от институционализованных сфер до повседневных и личностных установок.

2. Любая личность, независимо от принадлежности к полу, осуществляет свой индивидуальный проект и обладает автономной свободой. Бовуар, следуя нарративу экзистенциализма, рассуждает о том, что всякий человек, будь то мужчина или женщина, устремлен в будущее, стремится к полаганию целей и смыслов своей жизни, к осуществлению собственных потенций. Однако мужчина, играющий роль субъекта культуры, без труда конституирует свой проект, в то время как женщина, которой отведена роль «Другого», на своем жизненном пути встречает достаточно много препятствий в самореализации, мало того, ей отведена роль объекта чужой власти. Философ пишет: «Любой субъект конкретно полагает себя через определенные проекты – это его трансценденция» [Бовуар, 1997: 249]. Получается, что женщина, обнаруживая в себе возможности обладать автономной свободой и реализовывать свои цели, наталкивается на различные нормы, стереотипы, правила, которые сдерживают ее реализацию.

3. Антиэссенциализм, или «женщиной не рождаются, женщиной становятся». Бовуар, предлагая свой знаменитый тезис, указывает: «...ни биологические, ни психологические, ни экономические причины не определяют характеристики той сущности, которую женщина представляет в обществе» [Бовуар, 1997: 42]. Она полагает, что женщина не имеет какой-то особой сущности, или

предназначения, которое было бы связано с ее биологическим полом, в то время как ее идентичность находится в процессе постоянного становления.

Следует отметить, что в данной теории содержится обоснование идентичности как переопределяемого феномена, показана ее ситуативная природа, процессуальность. Это особенно актуально в контексте современной культурной ситуации, названной З. Бауманом «текучей современностью» [Бауман, 2008: 70].

Основной вывод Бовуар состоит в том, что женщина в культуре может утвердить себя в качестве субъекта путем принятия мужской стратегии поведения, отказываясь от навязанного ей на протяжении истории «предназначения».

Однако критиками не раз признавался утопический характер такого утверждения. О.А. Воронина отмечает точку зрения политического философа Д. Эльштайн, которая, критикуя эгалитарный феминизм отмечала, что он основывается на вере в то, что женщины могут стать похожими на мужчин; убежденности, что все женщины хотят этого или, по крайней мере, им следует хотеть этого; уверенности в том, что женщины должны следовать мужским ценностям и стандартам поведения [Воронина, 2003: 28]. Эти положения в равной степени можно применить и к теоретической позиции Бовуар.

Мы согласны с данными критическими замечаниями, так как в современном обществе анализ какого-либо феномена без учета различий не представляется возможным. Уже само понятие «женщина» может быть проанализировано с точки зрения различий не только по отношению к мужчине, но и к другим женщинам, а также к контексту их культурных ситуаций.

Библиография

- Батлер Дж. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии. М., 2005.
- Бауман З. Текучая современность. СПб., Питер, 2008.
- Бовуар С. де. Второй пол. М., 1997.
- Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М., Эдиториал УРСС, 2003.

ДЕЗУРБАНИЗМ М. ОХИТОВИЧА В КОНТЕКСТЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ДИСКУССИЙ 1920–30-Х ГОДОВ

В.О. Хвостикова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Первые годы советской власти ознаменовались поисками новых форм во всех сферах жизни общества. Старые формы были признаны нецелесообразными, а крупнейший в истории социальный эксперимент требовал масштабных перемен. Очевидно, что изменения не могли обойти стороной сферу градостроительства. В статье рассматривается теория дезурбанизма М. Охитовича в контексте основных черт утопии. Доказывается, что теория дезурбанизма наравне с теорией соцгорода Л. Сабсовича является утопией, не смотря на кардинальные различия.

Ключевые слова: дезурбанизм, урбанизм, утопия, М. Охитович.

Творческие объединения архитекторов 20-х гг. условно можно было разделить на две группы – апологетов теории соцгорода (Л. Сабсович, Л. Лисицкий, И. Голосов и др.) и последователей теории города-сада (В. Семенов, М. Марковников, П. Кожаный и т.д.). Первые были последователями Фурье и брали за основу своего творчества фаланстер, вторые следовали пути Э. Говарда и создавали проекты особняковой застройки.

Обе группы стремились создать проекты нового социалистического поселения, но противоположными способами. Если первая группа искала выход в уплотнении городской застройки, создании жилкомбинатов и домов-коммун, то вторая, напротив, создавала проекты по расселению городских жителей в небольшие населенные пункты. В итоге обе группы сходились на централизованном расселении, и конечной целью у них было создание коллективного быта. Споры вылились в две градостроительные дискуссии – 1922-23-х гг. и 1929-30-х гг. В рамках второй дискуссии и появилась теория «дезурбанизма» М. Охитовича, которая была противоположна существующим ранее.

В ранее опубликованных статьях мы уже показали, как некоторые черты классической утопии, выделенные Ф. Аинсой, проявляются на уровне проектов идеального города. Отдельно мы рассмотрели, как *вневременность, автаркия, регламентация и урбанизм* проявились в проекте соцгорода Л. Сабсовича. То есть мы смогли показать, что проект Л. Сабсовича по своей сути является утопией, понимаемой в широком смысле, а не как жанр.

Михаил Охитович, будучи теоретиком конструктивисткой архитектуры, социологом и экономистом, создал теорию «дезурба-

низма». Так же, как Л. Сабсович, он отрицал капиталистический город, но пошел гораздо дальше, отрицая город как форму вообще: «Долой капиталистический город вместе с ним долой город, как форму расселения при социализме!» [Хан-Магомедов].

Идеи «нового расселения» Охитовича, изложенные в ряде статей и докладов, сразу озадачили архитекторов-конструктивистов. Суть его теории заключалась в следующем: создание вдоль дорог индивидуальных жилых ячеек. Ячейка представляла собой стандартизированное, сборное строение, оснащенное сетью обслуживания. В отличие от всех других архитекторов советского авангарда, Охитович видел будущее социализма в развитии отдельной личности.

Очевидно, что все черты классической утопии в работах М. Охитовича мы не встретим. Вероятно, это происходит по той причине, что *вневременность, автаркия, регламентация* опираются на *урбанизм*. М. Охитович его отрицает, следовательно, все остальные черты утрачивают смысл.

Значит ли это, что теория «дезурбанизма» не является утопией? Для того, чтобы доказать обратное мы используем внутренние черты классической утопии. Очевидно, что для этого нам не придется рассмотреть их все, т.к. они не находятся в такой жесткой зависимости, как черты внешние. В рамках данного исследования мы рассмотрим только несколько из них.

Человек чрезвычайно пластичен и в изменяющихся условиях легко жизни меняется сам [Паниотова, 2004: 139]. 1 октября 1929 г. М. Охитович сделал доклад на тему «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья». В этом докладе он за-

тронул сферу частной жизни членов будущего социалистического общества. В частности, он говорит об устранении семьи как социального института и домашнего хозяйства, этот социальный институт объединяющего. «Социалистическое жилище – индивидуальное, бесхозяйное, без домашнего хозяйства» [Хан-Магомедов].

Таким образом, М. Охитович видит в семье пережиток прошлого и бремя, а не скрепляющий общество фактор. Однако он не говорит о том, как уже существующие семьи, смогут перестроиться в новых условиях.

Нет неустранимого противоречия между благом индивида и благом общества. Данная черта тесно связана с другой – уверенностью любого утописта в том, что человек – существо разумное и может становиться еще более разумным. М. Охитович выражает это в том же докладе от 1 октября 1929 г.: «Равномерность расселения сделает постепенно всех сознательными членами единого мирового производственного процесса, пользующимися средствами технической, интеллектуальной, физической культуры, пока эти три направления культуры не сольются в один общечеловеческий поток коммунистического сообщества» [Хан-Магомедов]. Важно добавить, что равномерность распределения социалистического жилья, о которой он не раз говорит в своем докладе, также накладывается им на каждую отдельную личность.

Автор ставит во главу угла развитие личности. То, что все развитые личности его нового

общества будут стремиться к одной цели, – является фактом, не требующим доказательств. Децентрализованные личности, которые децентрализовано и равномерно стремятся к социализму – здесь мы видим яркое проявление Охитовича как утописта. Отсюда вытекает последнее положение, которое характеризует большинство классических утопий: *будущее имеет ограниченное число возможностей, которые полностью поддаются предвидению.* В докладе М. Охитовича будущее прозрачно – каждый имеет свое жилье, свой телефон и автомобиль. Однако будущее его теории оказалось не таким светлым – не просуществовав и года, она была забыта.

В 1929 г. высшее руководство страны приняло решение о закрытии дискуссий, т.к. развивающемуся государству нужны были конкретные проекты планировок будущих поселений. Идеи М. Охитовича, так же как проекты Л. Сабсовича были утопическими по своей сути, поэтому они не были реализованы.

Библиография

Паниотова Т.С. Утопия в пространстве диалога культур. Ростов-на-Дону, Изд. Ростовского университета, 2004.

Схватка Сабсовича с Охитовичем. *Историческая дискуссия о социалистическом расселении.* [Электронный ресурс]. URL: <http://rulife.ru/mode/article/355/> (Дата обращения 10.11.2018).

Хан-Магомедов С. Архитектура советского авангарда. [Электронный ресурс]. URL: http://www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_2_044.html (Дата обращения 10.11.2018).

УТОПИЗМ ОЛИМПЕЙСКОГО ПРОЕКТА П. ДЕ КУБЕРТЕНА

М.А. Богданова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Олимпийский проект был задуман П. де Кубертенем как способ духовного и физического совершенствования человечества, как механизм формирования новых политических элит, как средство объединения народов и предотвращения войн. Но реализация этого проекта, в силу его утопичности, пошла не теми путями и привела не к тем результатам, о которых мечтал П. де Кубертен. В эпоху капитализма, когда деньги значат и решают всё, олимпийские игры быстро превратились в широкомасштабный бизнес-проект, физическое и духовное совершенствование уступило место достижению победы «любой ценой», а Олимпийское движение не только не сумело остановить войны, но с самого начала стало ареной жесткой политической, националистической и идеологической борьбы.

Ключевые слова: утопизм, олимпийский проект, П. де Кубертен, педагогическая идея, современный олимпизм.

Главный замысел, связанный с возрождением Олимпийских игр, Кубертен видел в не в том, чтобы способствовать развитию спорта, а в том, чтобы средствами спортивной педагогики решать широкие социальные задачи. Таким образом, олимпийский проект Кубертена, включавший в себя ряд взаимосвязанных принципов, представлял собой новоевропейскую педагогическую систему. После того как будут выделены эти принципы, станет очевидным утопизм проекта П. де Кубертена и его несостоятельность в плане ее практического воплощения.

Основа педагогической системы – спортсмен-олимпиец, сочетающий духовное и физическое совершенство

Формируя идеал личности, который должен служить целью воспитательной деятельности в олимпийском движении, П. де Кубертен обращается к принципам античной калокагатии, в основе которой идея гармоничного человека.

Но во второй половине XX в. утопичность теории Кубертена о совершенной личности становится очевидной; основную социальную базу олимпийского движения составляли те молодые люди, для которых спорт был своеобразным социальным лифтом и почти единственным способом улучшения своего положения. Поднявшись с самого социального дна, они менее всего походили на калокагатийную личность. Юноша из социальных низов, тренируя свое тело, менее всего был озабочен формированием эстетического вкуса, а жесткий спонсорский контракт требовал почти полного забвения моральных принципов.

Спортивное состязание – средство формирования гармоничного человека

П. де Кубертен писал: «Самая важная вещь в жизни – не победа, а борьба. Главное – не победить, а отважно бороться. Развивая эти принципы, мы создадим более смелое, сильное, совестливое и благородное человечество» [Coubertin, 1909: 19].

Цель спортивного состязания Кубертен видел не в конкретном результате, выраженном в очках, секундах, метрах, а в самом духе борьбы, побуждающего человека к преодолению самого себя, своих слабостей и недостатков. Благородное соревнование спортсменов взаимно стимулирует их на продвижение

к совершенству, заставляя проявлять свои лучшие качества.

Но как только олимпийские соревнования приобрели мировое влияние и высокий международный статус, из них быстро исчез романтический пафос благородного соревнования, его место заняли сугубо технократические, прагматические цели: производство рекорда и спортивное зрелище.

В основе спортивного соревнования – дух рыцарства и честная игра

Логика развития современного олимпийского движения привела к тому, что идеи рыцарства и честной игры оказались неустраиваемыми и стали исполняться лишь формально. «Это неизбежный результат социальных процессов: спорт не изолирован от других сфер общественной жизни, в которых сегодня, как правило, господствует ориентация отнюдь не на гуманистические, духовно-нравственные, а на сугубо прагматические, экономические, технократические ценности» [Богданова, 2013: 82].

Ключевой принцип олимпийских игр – принцип любительства

Кубертен выступал за «чистый спорт», в котором нет места любым формам эксплуатации спортсмена обществом, государством, предпринимателями от спорта; для этого необходимо отделить любительский спорт от профессионального, где действует принцип наживы. Пространством олимпийского спорта может быть только любительский спорт.

Гуманистическая идея Кубертена о любительском спорте была быстро дискредитирована, во-первых, тем, что в условиях общества, основанного на денежном интересе, критерий материальной незаинтересованности не работает; во-вторых, принцип любительства противоречил замыслу самого олимпийского проекта Кубертена об объединении людей всего мира, создавал непреодолимые преграды для спортсменов из малообеспеченных слоев общества; в-третьих, современное олимпийское движение задуманного масштаба могло развиваться только при участии «влиятельных сил», обладающих крупной собственностью и политическим весом в обществе и желающих вернуть свои «вложения» используя «ресурс» спортивных звезд и спортивного зрелища в своих целях.

Олимпизм – это союз спорта и искусства

В союзе спорта с искусством Кубертен видел важное условие решения воспитательных задач олимпийского движения и цель спортивной педагогики. По его замыслу, проводимые раз в четыре года Олимпийские игры, должны были включать в свою программу различного рода художественные конкурсы. П. де Кубертен надеялся, что со временем художественная культура будет составной частью олимпийских игр, как это было в Древней Греции.

Несмотря на все усилия П. де Кубертена, искусство и литература в современном олимпизме не стали «равноправными партнерами» спорта, если не брать во внимание церемонии открытия и закрытия Олимпийских игр.

Предотвращение войн и международных конфликтов – миссия олимпийских игр современности

П. де Кубертен считал, что Олимпийские игры могут стать действенным способом решения проблем мировой политики. Спорт, развитый не только в национальном, но и международном масштабе может помочь людям лучше понимать друг друга, способствовать прекращению споров и разногласий, преодолению националистических, расовых и идеологических предрассудков.

Но и здесь Кубертена ожидало разочарование: олимпийское движение не только не предотвратило войны, но и с самого начала стало ареной жесткой политической, националистической и идеологической борьбы.

Библиография

Алкемейер Т. Стройные и упругие: политическая история физической культуры // Логос. 2009. № 6 (73). С. 204.

Богданова М.А. Институт спорта: социокультурная динамика: монография. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Издательство Южного федерального университета, 2013.

Косевич Е. Рождение кубертеновской мысли // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 1. Исторические и теоретико-методологические основания: Сб. М., Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1997.

Ляйпер Ж.М. Олимпийский идеал – является ли он по-прежнему философской основой олимпийских игр? // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 2. Гуманистические идеалы, идеи олимпизма и мир современного спорта: Сб. /Сост. и ред. В.В. Кузин, В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков. М., Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998.

Франке Э. Современный спорт – религия рубежа тысячелетий? // Отечественные записки. 2006. №33 (6). С. 70.

Coubertin P. Une campagne de vingt et un ans: 1887-1908. Paris: Librairie de l'Education Physique, 1909.

ХРУСТАЛЬНЫЕ ДВОРЦЫ ДЛЯ ВСЕОБЩЕГО СЧАСТЬЯ: ОБЪЕКТИВАЦИЯ ИДЕИ ИДЕАЛЬНОГО ДОМА ДЛЯ ИДЕАЛЬНОГО БУДУЩЕГО

С.Л. Андреева

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(Магнитогорск)

Аннотация. История развития образа хрустального дворца в европейской культуре связана с реализацией утопической идеи о самостоятельном устройстве Рая на земле. Частью объективации указанного тезиса стали разнообразные проекты идеальных домов для счастливой жизни, воплощаемые преимущественно в литературе и архитектуре. «Технологический» вектор утопической мысли, окончательно сложившийся в XIX в., сфокусировался на поиске новых технологий, расширяющих возможности человека. Символом построек нового типа стал стеклянный выставочный павильон «Хрустальный дворец» (Crystal Palace), просуществовавший в Лондоне с 1851 по 1936 гг. Образ реального здания был освоен культурой в XIX-XX вв., вокруг него сформировался концепт, продолжающий оказывать влияние на культуру и общественное сознание современных европейцев.

Ключевые слова: хрустальный дворец, концепт, утопический тип сознания, объективация идеи.

В сознании человека здание всегда понималось «как центр мира, от которого начинается отсчет пространства» [Ревзин, 2002: 20], поэтому в моделях идеальных государств особое внимание уделяется устройству домов и городов.

Архетипические элементы образа хрустального дворца (далее – ХД) с небольшими трансформациями зафиксированы в разных религиозных и мифологических системах. В определенный период исторического разви-

тия европейской и русской культур образ ХД не просто получил развитие, но и превратился в символ, обозначив присутствие в общественном сознании концепта «Хрустальный дворец». Ему отводится место визуализатора мечты о Доме для Человечества. Образ-основа варьируется в пределах от здания до города-государства или даже до города-планеты. При сохранении «райских» атрибутов (солнце, тепло, деревья, синее небо, водоем, сытость, отсутствие опасности) в образе ХД присутствуют черты цивилизации. Это здание, построенное самим человеком. Природа укрощена и организована: она либо вынесена за рамки жилища (ХД окружен садами, парками), либо вписана в интерьер (зимние сады, оранжереи, искусственные водоемы, фонтаны).

Символизация «бродячего» образа ХД активно началась в эпоху романтизма, когда, подогреваемая успехами европейцев в развитии технологий, идея Нового Рая казалась реально воплощаемой. Соединению сказочного образа ХД с утопией способствовало открытие в 1851 г. Всемирной промышленной выставки в Лондоне, для которой из экономики был построен павильон (Crystal Palace) в виде гигантской стеклянной оранжереи. Здание выставки стало главным ее экспонатом и наглядным доказательством технологического прорыва.

Прозрачная конструкция ХД подверглась сакрализации: «Стекло, а в дальнейшем и стеклянная архитектура, вместе с образом кристалла постепенно входят в новую символистскую квазирелигию, которую пытаются культивировать в художественных кругах Европы» [Ямпольский, 200: 137-138]. Формат выставки (собрание образцов промышленного гения со всего мира) вполне сочетался с проективно-моделирующей функцией утопического типа сознания. Идея выставки и дизайн павильона стали культурными кодами воплощенной мечты: «Символика Хрустального дворца как микромоделей мира и одновременно храма будущего единения человечества стала совершенно очевидна» [Ямпольский, 2000: 120-121].

В России с середины XIX в. утопический концепт получил имя *Кристалльный (ая) Дворец / Палата*, а позже *Хрустальный Дворец*. Случайно брошенное журналистом прозвище павильона запустило «сборку» идентич-

ностей до глубин фольклорно-, религиозно-, мифологических пластов культуры; актуализировало образы: мифологической хрустально/стеклянной/ледяной горы, стеклянных/ледяных островов, стеклянных небесных/подводных городов/замков. Когда-то Вселенская гора Меру, а теперь высокое здание стало точкой отсчета пространства в семиотической картине мира. Дворец из стекла, получил чувственно доступные формы.

Российская культура отметилась бурным развитием темы ХД. Посыпались политические и архитектурные утопии, инженерно-технические и социально-инженерные проекты Нового Рая в стеклянных стенах. Хрустальные / стеклянные здания в русской литературе получили не только мощный утопический вектор (В. Одоевский, Н. Чернышевский, В. Брюсов, В. Хлебников, А. Богданов-Малиновский, Д. Андреев и др.), но и антиутопический (Ф. Достоевский, В. Гаршин, Е. Замятин и т.д.).

Сегодня образ ХД обнаруживается в религиозных текстах, произведениях художественной литературы, песенном творчестве, публицистике, фольклоре, музыке, архитектуре, кулинарии, дизайне, балете, телепроектах, мультипликации, кино и др. Глубина проникновения концепта в сознание европейцев просматривается благодаря фразеологической единице «хрустальный дворец» и ее широкой трансформационной активности [Андреева, 2016].

Идея ХД продолжает жить в стеклянных зданиях Хай-тек, жилищных комплексах и офисах из стекла, с полной инфраструктурой: садами и бассейнами, магазинами, кафе и другими атрибутами счастливой жизни в прозрачных, сверкающих на солнце домах-дворцах-городах для Светлого Будущего.

Библиография

Андреева С.Л. Судьба оборота *хрустальный дворец*: методика прогнозирования и интерпретации фразеологических трансформаций / под ред. А.А. Осиповой. Магнитогорск, ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2016. 183 с.

Ревзин Г. Очерки по философии архитектурной формы. М., ОГИ, 2002. 138 с.

Ямпольский М.Б. Наблюдатель. Очерки истории видения. М., Издательство Ad marginem, 2000. 288 с.

«УТОПИЧЕСКАЯ РОССИЯ»: ПРОЕКТЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ МАРШРУТОВ

О.С. Кириллова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Эффективность и привлекательность туристических маршрутов во многом зависит от сюжетообразующих текстов, которые сопровождают те или иные места, выбранные для музеефикации. Наличие такого сюжетообразующего текста или его отсутствие является важным фактором, влияющим на то, станет ли конкретный маршрут наполнен потоком туристов или останется «непроходимым». Ключевая проблема – выявить роль утопического жанра в формировании туристических маршрутов современной России. Обращает на себя внимание и тот факт, что практически каждый раз мы будем иметь дело с сюжетикой, в центре ландшафта которой находится город: Северная Пальмира («мифология» Санкт-Петербурга), Парма или Пермь Великая (Чердынь, пермский проект), Золотое кольцо России (тур. маршрут по древним городам Северо-Восточной Руси с отправным пунктом в Москве), Серебряное ожерелье России (города Новгородской области, опоясывающие ныне Санкт-Петербург), Аркаим, «Донская Троя» и др.

Ключевые слова: туристический маршрут, музеефикация, утопические сюжеты, город.

Утопическая тематика оказывается если и не ключевым дискурсом, то важным сюжетообразующим элементом для конструирования и практического построения туристических маршрутов. Именно возможность посетить некое волшебное, исторически (псевдоисторически) овеянное легендарностью событийного ряда место, становится мощным мотивом так называемого культурного туризма. И уже не столь важно, что «того самого исторического» места-то уже нет или его «здесь» даже никогда и не было, сколько легендарность и воображаемая мифологическая сюжетика, с ним хотя бы косвенно связанная. Здесь стоит оговориться, что речь идет именно об утопии как повествовательном жанре и сюжетной организации социокультурного продуктивного воображения, культурном тексте, а не об утопизме как специфической социальной доктрине.

Ярким примером реализации и «эксплуатационной обкатанности» такой схемы является, например, искусственное конструирование воображаемого «золотого кольца России», которое стало доминирующей схемой организации культовой туристической маршрутизации порядка 50 лет назад. Произошло это на фоне подготовленного и ожидаемого интереса к средневековой русской старине и скандальной журнальной и беллетристической ажитации вокруг реконструкции исторических архитектурных сооружений и построек. Начало проекту положил искусствовед, журналист, художник и

исследователь Юрий Бычков в серии статей о своих перемещениях по древним северо-восточным русским городам, первоначально для привлечения внимания к проблемам пренебрежительного отношения к памятникам русской старины. На своем «Москвиче» 407 модели он перемещался из города в город, вынужденно останавливаясь через определенный километраж из-за технических особенностей автомобиля. Это в последствии привело к мысли, что такие недлительные дневные перемещения между городами весьма удобны. Дальше легенда гласит о «мистическом озарении» на Красной площади, когда нашлось общее заглавие для серии очерков о городах – «Золотое кольцо», нынешний всемирно известный бренд. Дело в том, что не было культурной целостности «Золотого кольца», но как маршрутная туристическая конструкция схема оправдалась гениально и оптимально.

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство маршрутов ландшафтно выстраивается именно вокруг городов. Если говорить о «Золотом кольце», то это первоначально 8 городов. К слову, число городов так называемого теперь «Большого Золотого кольца России» вдвое больше и число их стремительно пытается расти, дабы символически репрезентировать и капитализировать на уровне музеефикации ландшафтные локации, культурные пространства и городские среды, историческая ценность которых, зачастую, в разы ниже.

Сейчас делает настойчивую попытку заявить на подобном уровне организации о себе «пермский проект» с развитием сюжета о легендарной древней финно-угорской Парме, «далёком изобильном обширном крае», устойчиво присутствующем в фольклорных и литературных памятниках скандинавских и финно-угорских народов. Центральным местом избран небольшой город Чердынь на севере Пермского края. Чердынь существует. Пармы пока нет.

Городская и даже протогородская ландшафтная символизация сопровождается и другие утопические сюжетобразующие маршрутные вариации современной туристической России:

- Санкт-Петербург как «Северная Пальмира» (нет никакой Северной Пальмиры, это лишь удачная литературная поэтическая метафора социокультурного урбанистического проекта Петра Великого),

- «Серебряное ожерелье России» (города Новгородской области, опоясывающие ныне Санкт-Петербург, которые тяжело и с огромным трудом выстраиваются в туристическую маршрутизацию из-за длительных перемещений),

- Аркаим (один фрагментарно вырванный из археологически воссозданных и брендированных участков «Страны городов» эпохи средней бронзы на территории современной Челябинской области),

- «Донская Троя» (пока не реализованный проект музеефикации Левенцовского городища и крепости бронзового века на окраине современного Ростова-на-Дону) и др.

Утопические мотивы и настроения могут с очевидностью обнаруживаться в содержании многих российских туристических проектов, связанных с репрезентацией культурного ландшафта.

УТОПИЯ БУДУЩЕГО В ЭСХАТОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ НЬЮ-ЭЙДЖ

А.Н. Раевский

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Текст посвящен эсхатологическим представлениям последователей движения Нью-Эйдж. Выделяются два основных сюжета преобразования мира - во-первых, форма плавного перехода к новому веку и, во-вторых, позиция резкого скачка в «новый мир».

Ключевые слова: Новые религиозные движения, НРД, Нью-Эйдж, эсхатология.

Мир наполнен ожиданиями грядущих кризисов. В популярной культуре большая часть сериалов, посвященных будущему – антиутопии, будь это киберпанк или фэнтези мир, возникший на руинах нашей цивилизации. Традиционная религиозная установка также говорит о весьма темных временах с участием Антихриста, предшествующих «Царству Божьему». И на фоне этих мрачных картин интересно посмотреть на то, каким будущее рисуют представители движения Нью-Эйдж. Сам термин «движение Нью-Эйдж» довольно часто критикуется, так как подобно зонту собирает под себя весьма различные виды синкретических групп и субкультурных сообществ объединенных по ряду признаков. Особо выделяется идея развития человека посредством духовных практик, утилитарного свойства, под руководством со стороны

духовных сущностей. Эти инструкции передаются через посредников – «ченнелеров» и являются, с точки зрения ньюэйджеров, одной из причин будущих кардинальных положительных изменений в мире.

Довольно сложно говорить о единстве ньюэйджеров, как уже было упомянуто, границы отнесения к движению Нью Эйдж весьма размыты. Но некоторые общие черты, обращаясь к конкретным группам, вынести можно. С точки зрения ньюэйджеров сейчас мир переживает важнейший поворотный момент. И то как этот поворотный момент пройдет, как раз и может служить критерием разделения внутри движения Нью-Эйдж. Фактически можно выделить как минимум две позиции такого изменения: во-первых, форма плавного перехода к новому веку и, во-вторых, позиция резкого скачка в «новый мир».

Представителем первого подхода среди прочих является Ли Кэрролл, автор пишущий от имени некой сущности «Крайон». Для него новый век уже настал – сам мир изменился, передав людям новые способности, которые он связывает не только с людьми, обращенным к спиритуальным практикам, но и с появившимися «детьми индиго», получившими, как он считает, особые способности. Можно усмотреть в данной позиции апелляцию к образу супергероев, без которого сложно себе представляема современная популярная культура. Следует отметить, что в представлении ньюэйджеров «Дети Индиго» все же не только рождаются с некоторыми сверхспособностями – но и обладают новыми психологическими характеристиками и моделями поведения, к примеру, повышенный интеллект или особая креативность. Итак, в рамках этого подхода утопия не за горами, потому как люди уже изменились.

Позицию резкого скачка в «новый мир» мы находим у другого автора, относимого к движению Нью-Эйдж Друновало Мелхиседека (Бернард Перрон). Он называет его «межпространственным переходом» или «великим переходом». Согласно его представлениям «межпространственный переход имеет место, когда планета или иное космическое тело переходит с одного измерения на другое. В нашем случае это будет переход из третьего в четвертое измерение. Вся планета в целом и все, обитающие на ней, перейдут на более высокий уровень» [Мелхиседек, 2000: 159].

Резкий переход влечет за собой не только кардинальные изменения, но и значительные разрушения в мире. Предшествовать переходу будут безумие людей, резкие пе-

репады магнитного поля, внезапный распад синтетических продуктов и другие штрихи глобальной катастрофы. Здесь мы также видим апелляцию к образу из популярной культуры – но это не фильм о супергероях, а фильм катастрофа. Но не все так мрачно – когда переход будет совершен, люди обретут новые тела, они станут выше ростом. И это будет уже не знакомое нам физическое тело, а некие созданные из сгустка энергии с очень небольшим количеством вещества. В целом это также положительный сценарий, наполненный позитивными ожиданиями – особенно если подготовится к новому миру, проживать в домах с минимумом синтетических веществ и подготовится к переходу используя духовные практики. Да и новый мир представляется в текстах как площадка для дальнейшего духовного роста, не обремененная серьезными ограничениями и тяготами.

Вступают ли в прямое противоречие обозначенные два подхода – не совсем так, «великим переходом» Друновало описывает стандартный, с его точки зрения, прогноз перехода в новое измерение, но такой переход может быть и аномальным, «уникальный переход» становится возможен благодаря все тем же «Детям Индиго». Итак, общей чертой эсхатологических ожиданий ньюэйджеров является оптимистические и утопические сценарии будущего, а вот процесс перехода к данному состоянию – как бы оно не называлось Эра Водолея, жизнь в четвертом измерении или еще как-то, может быть различным.

Библиография

Мелхиседек Д. Древняя Тайна Цветка Жизни. Том 2. Пер. с англ, под ред. И.В. Сутокской. М., София, Гелиос, 2000. 256 с.

МЕЧТЫ О ЗЕМНОМ РАЕ И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Е.В. Дианова

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск)

Аннотация. В статье представлены попытки воплощения в жизнь мечты о земном рае. Приводятся различные примеры реализации социальной утопии в форме кооперативной колонии и форме трудовых коммун.

Ключевые слова: социальная утопия, земной рай, кооперативная колония, трудовая коммуна.

На протяжении столетий в Западной Европе и России существовали утопические мечты о земном рае. Иллюзии основывались на библейской мифологии, а именно на книге Бытия, где описывается земной рай – Эдем. Он располагался «на востоке» (Быт. 2:8) и представлял собой плодовый сад, где обитали Адам и Ева: «И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Бытие: 2:9, 15). Согласно христианской традиции, Эдем, или земной рай, означал местопребывание человека до грехопадения. Много веков человечество не оставляло мечты о земном рае, воплотив их в различные формы социальной утопии, в том числе произведения «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы, «Утопия» Томаса Мора и другие сочинения.

В XIX в. в политической экономии зародилось и развилось течение, получившее название утопический социализм. Его представители Роберт Оуэн, Сен-Симон и Шарль Фурье считали вполне возможным преобразовать буржуазное общество путем применения принципа ассоциации, поэтому они и их многочисленные последователи с энтузиазмом взялись за устройство коммунистических колоний и общин «Новая Гармония» оуэнистов, «Икаррия» Эжена Кабе, Менильмонтанское семейное братство сенсимонистов. К сожалению, их недолгое существование и быстрый развал подтвердили скептическое отношение к ним противников утопического социализма, но не уничтожили стремление к социальной справедливости. В конечном итоге попытки найти мирный способ перехода от капитализма с тотальной эксплуатацией человека человеком к справедливому обществу привели к возникновению кооперативных товариществ, артелей и производительных ассоциаций, которые и представлялись зародышами нового строя.

Между тем теоретики кооперации считали, что «в деле учреждения производительных артелей желательно соблюдать крайнюю осторожность и предусмотрительность». Как правило, они терпели крушение, потому что им было «трудно достать оборотный капитал и обеспечить постоянный сбыт своих продуктов». Производительные артели имели шансы на успех в том случае, если им удалось создать благоприятные условия для

труда и сбыта продукции артели [Пажитнов, 1919: 31]. Именно к таким успешным производительным артелям относилась земледельческая колония «Эдем», созданная в 1893 г. в Ораниенбурге недалеко от Берлина. Ее основателями были вегетарианцы и «сторонники земельной реформы в духе Г. Джорджа». Вступительный взнос составлял 20 марок (1 марка стоила 47 коп. по курсу 1912 г.) и паевой взнос – 500 марок. Органами управления колонии были правление, общее собрание и наблюдательный совет [Тотомианц, 1913: 30].

Колония купила рядом с городком Ораниенбург 150 моргенов земли за 36 тыс. марок в рассрочку. Почти вся земля сдавалась в аренду. В общественном пользовании у колонии осталось 50 моргенов для садоводства и огородничества. В 1906 г. в «Эдеме» имелось 25 тыс. фруктовых деревьев и несколько сот тыс. ягодных кустов. Арендаторам участков разрешалось помимо огородов и садов держать молочный скот и птицу, но они не могли заводить фабрики, бойни, вести торговлю мясом, рыбой, спиртными напитками, табаком. Арендатор, который одновременно являлся членом товарищества, реализовывал продукты своего труда через посредничество товарищества. Вся экологически чистая сельхозпродукция находила сбыт: за 1910 г. через кооператив было продано 76482 кг фруктов, а сами колонисты лично продали 72394 кг. Кроме того, они отправляли в Берлин для своего магазина фруктовый сок, мармелад, желе и сухофрукты.

В 1894 г. в колонии был построен большой кооперативный дом (там находились квартиры колонистов, общий зал для собраний и читальня). Также имелись два дома, где размещались пансионы и рестораны для летних и зимних дачников. Все постройки были осуществлены за счет ссуды под залог недвижимости со стороны городского управления Ораниенбурга и субсидии «сочувствующего господина». В колонии «Эдем» были созданы кредитное и строительное товарищество, поэтому колонисты могли строить свои собственные дома, но не для сдачи в наем. Деньги выдавались в размере 90% от стоимости под ипотеку кредитно-строительным товариществом, которое само получало деньги путем выпуска 4% долговых обязательств. Займы предполагалось погасить в течение 66 лет. В

конце 1910 г. колония «Эдем» насчитывала 175 членов, а всего с домочадцами, прислужившей и гостями – 334 человека.

В «Эдеме» находились благотворительные учреждения: фонд детского приюта и школьный фонд. Фонды образовывались за счет пожертвований частных лиц. Берлинский магазин «Эдема» перечислял 10% с продажи на благотворительные цели. Устав колонии «Эдем» требовал от своих членов «стремления к нравственному усовершенствованию», девизом колонии были слова: «Общественный интерес должен предшествовать индивидуальному интересу. Не вступая на почву неясного коммунизма, “Эдем” направляет дела колонии в интересах всех» [Тотомианц, 1913: 31]. Земледельческая община «Эдем» благодаря усилиям колонистов превратилась в благодатный уголок земли. Совместное хозяйство основывалось на хозяйственном расчете при сохранении личных усадеб членов кооперативной колонии.

Русская революция 1917 г. вызвала к жизни утопические проекты, в том числе по созданию коммунистических общин. Социальные иллюзии, основанные на ожидании крестьянского рая, воплотились в устройстве трудовых коммун. В 1919 г. в Олонецкой губернии появились коммуны с названиями «Земной рай» и «Земля рая». В сельскохозяйственных коммунах произошло обобществление орудий труда и средств производства,

передача их в общее пользование коммунаров. Их совместный труд определялся принципом: «От каждого по его силам, каждому по его потребностям». Крестьянам представлялось, что, соединившись в коммуну, они окажутся в отдельно взятом рае, будут жить легкой, беззаботной жизнью, без невзгод и огорчений. Но члены коммун не были готовы к коллективному труду для общего блага, а уравнильное распределение результатов труда, отсутствие материальных стимулов к работе привели к иждивенческим настроениям у коммунаров. Воплощение в жизнь мечты о земном рае в форме трудовых коммун столкнулось с трудностями гражданской войны. Эксперимент по реализации утопии без учета традиционного образа жизни крестьянства и представлений о социальной справедливости был изначально обречен на неудачу [Дианова, 2017: 41].

Библиография

Дианова Е.В. В поисках «земного рая»: о некоторых попытках реализации социальной утопии в революционной России // Историко-психологические аспекты 1917 г. Материалы XLII Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 4 декабря 2017 г. СПб., Полторацк, 2017. С. 33-42.

Пажитнов К. Международный кооперативный союз. Харьков, 1919. 32 с.

Тотомианц В.Ф. Кооперативная жизнь за границей // Кооперативная жизнь. 1913. № 11. С. 28-33.

БЫЛ ЛИ КАМПАНЕЛЛА ГУМАНИСТОМ?

Е.П. Агапов

Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Автор приводит аргументы против распространённого представления о том, что Кампанелла был гуманистом. Он полагает, что знакомство с основными принципами предложенного им переустройства общества заставляет нас усомниться в его приверженности гуманистическому мировоззрению. Одна из причин неадекватной оценки мировоззренческой позиции Кампанеллы заключается в том, что его деятельность пришлась на эпоху Возрождения, к отличительным чертам которой относят светский характер культуры, а также гуманизм и антропоцентризм. Однако общие черты эпохи не обязательно обнаруживаются у каждого из тех, кто к ней принадлежит.

Ключевые слова: эпоха Возрождения, культурное движение, гуманизм, гуманисты, коммунистическая утопия.

На первый взгляд может показаться, что вопрос, вынесенный нами в заголовок, некорректен. Действительно, Кампанелла часто характеризуется не только как создатель

одного из утопических проектов в истории культуры, но и как гуманист. Так, в «Словаре по педагогике», предназначенном для учащихся, студентов, аспирантов, учителей

и преподавателей вузов, он назван итальянским гуманистом эпохи Возрождения [Каджаспирова, Каджаспиров, 2005: 116]. Можно предположить, что в общественном сознании сложилось устойчивое мнение о нём как о представителе гуманистической традиции, которая уходит своими корнями во времена античности, но наиболее широкое развитие получила в эпоху Возрождения. Для того чтобы ответить на сформулированный нами вопрос, необходимо обратиться к содержанию понятий «гуманизм» и «гуманист», а также к основным принципам социальной утопии Кампанеллы.

Культурное движение, вошедшее в историю под названием гуманизма, возникло во Флоренции, которая в XIV в. стала экономическим центром Италии. Возникнув в Италии, гуманизм в XVI в. распространился на Германию, Францию, Англию и другие европейские страны. Его сторонники отличались такой высокой степенью идейного единства, что их сообщество называли республикой учёных. Среди них были не только деятели науки и искусства, занимавшиеся проблемами человека, но и политики, которые выражали интересы зарождавшегося класса буржуазии. Несмотря на профессиональные различия, гуманисты были едины в своём понимании места человека в окружающем его мире. Это место определяется тем, что человек является высшей ценностью на земле. Гуманисты полагали, что в каждом человеке заложены безграничные возможности, развитие которых составляет цель его жизни. Это развитие осуществляется посредством гуманистических занятий, включавших в себя изучение риторики, грамматики, поэзии, истории и моральной философии.

Культурное движение эпохи Возрождения связано с одним из смыслов, в которых используется понятие гуманизма в современной литературе. В этом смысле под гуманизмом имеется в виду движение образованных людей, объединённое интересом к античности, а также изучением и комментированием памятников классической литературы. В другом, более широком смысле гуманизм означает особый тип философского мировоззрения, в центре которого находится человек с его земными делами и свершениями, с существующими ему способностями и влечениями,

а также с характерными для него нормами поведения и отношениями [Межуев, 2010: 567]. Гуманистами в узком смысле были, например, Петрарка и Боккаччо, которые находили в идеях античных авторов поддержку обращённости своего творчества к земным радостям, однако Кампанелла связывал будущее человечества с реформированным католицизмом. Что касается его приверженности гуманистическому мировоззрению, то знакомство с основными принципами предложенного им переустройства общества заставляет нас усомниться в ней.

Кампанелла является автором довольно большого числа работ, но для многих людей с его именем ассоциируется прежде всего одно произведение – «Город Солнца». В этом произведении, написанном в форме диалога между заезжим моряком и заведующим монастырским странноприимным домом, он представил своё видение идеального государства. Обитатели этого государства ведут общинный образ жизни, основанный на коллективной собственности, всеобщем труде и социальном равенстве. Описанный Кампанеллой образ жизни может даже показаться привлекательным, однако когда он переходит к его деталям (общность жизни и занятий, принятие пищи, одежда, деторождение и воспитание родителей и пр.), становится понятно, что мы имеем дело с казарменным коммунизмом, который в силу своей унификации и регламентации всех сторон человеческой жизнедеятельности несовместим с реальным гуманизмом [Кампанелла, 1954: 56-65].

Таким образом, Кампанелла не может быть назван гуманистом ни в одном из указанных нами смыслов. Что касается причин неадекватной оценки его мировоззренческой позиции, то по крайней мере две из них сразу бросаются в глаза. Во-первых, такая оценка встречается скорее в популярных изданиях, рассчитанных на широкий круг читателей, а не в серьёзных научных исследованиях. Так, в одном из таких исследований справедливо отмечается, что в сочинениях утопических социалистов и коммунистов легко обнаружить положения, явно противоречащие гуманистической традиции, в рамках которой они возникли и развивались. В утопии Кампанеллы в обществе будущего упраздняется семья, а следовательно и воспитание

детей родителями. Функцию воспитания детей берёт на себя государство, осуществляя её таким образом, что детям неизвестны их родители [Ойзерман, 2003: 67]. Во-вторых, деятельность Кампанеллы пришлась на эпоху Возрождения, к отличительным чертам которой относят светский характер культуры, а также гуманизм и антропоцентризм. Однако общие черты эпохи не обязательно обнаруживаются у каждого из тех, кто к ней принадлежит.

Библиография

- Межуев В.М. Гуманизм // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1 / под ред. В. С. Стёпина. М., Мысль, 2010. С. 567-569.
- Кампанелла. Город Солнца / под общ. ред. В.П. Волгина. М., Издательство АН СССР, 1954. 232 с.
- Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Словарь по педагогике. М., ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д, Издательский центр «МарТ», 2005. 448 с.
- Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., Прогресс-Традиция, 2003. 568 с.

АНТИЧНЫЙ УТОПИЗМ И ЕГО СПЕЦИФИКА

С.И. Сулимов

Воронежский государственный университет (Воронеж)

Д.Д. Трегубова

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (Москва)

Аннотация. Данная работа посвящена рассмотрению феномена утопизма на примере утопических представлений античности. Опираясь на методологию польского философа Е. Шацкого, авторы выделяют такие виды утопии как эскапистская и героическая. Если эскапистские утопии ориентированы на создание образа желаемого мира безотносительно к наличной реальности, то героические утопии пытаются реализовать свой идеал, в том числе и в ущерб реальности. Для античной социально-философской мысли, в отличие от новоевропейской, героические утопии характерны в очень ограниченных масштабах, хотя эскапистский утопизм представлен в довольно широком спектре. Авторы полагают, что причина такого различия заключается в различии религиозных картин мира, свойственных античному и христианскому обществам.

Ключевые слова: утопизм, эскапистская и героическая утопии, философия, «осевые» общества.

Позднее Средневековье и, особенно, эпоха Просвещения изобиловали утопическими проектами. Кажется удивительным, но не знавшая церковной цензуры античная социально-философская мысль выглядит в сравнении с новоевропейской многоцветной палитрой очень бледно: идеальное государство Платона и абстрактные построения Феокрита, из которых лишь Платон претендовал на реализацию своего утопического идеала. На фоне противодействия, которое встречали новоевропейские утописты со стороны католической Церкви, этот диссонанс выглядит парадоксально. В данной работе мы предпримем попытку обнаружить его причины.

Прежде, чем рассматривать утопические учения античного мира, необходимо уточнить само понятие утопии. Польский философ Е. Шацкий, подробно исследовавший феномен утопии во второй пол. XX в., предложил считать критерием утопизма *беском-*

промисное неприятие наличной реальности. Из этого вовсе не следует, что утопист собирается что-то разрушать или созидать, просто образ мира, существующий в его фантазии, кажется ему более притягательным и реальным, чем окружающее его положение дел: «Ибо несогласие утописта с существующим миром – тотальное несогласие. Он не видит «плохой стороны» и «хорошей стороны»; он видит только добро и зло. Его видение мира может быть только дуалистическим. Это человек, всегда рассуждающий по схеме "или – или"» [Шацкий, 1990: 35]. Но большинство утопистов необязательно планируют какие-то реальные действия по созиданию идеального порядка. Более того, нередко мыслители-утописты хорошо знают, что их идеал недостижим, и используют собственные мысленные построения лишь в качестве литературных сюжетов. Е. Шацкий полагал, что большинство утопий носят эскапистский ха-

ракти, будучи художественными произведениями и волшебными сказками.

Иное явление представляют собой «героические» утопии, т.е. настаивающие на осуществимости своих идеалов. Вектор их деятельности: переход от фантазии к реальным поступкам, касающимся и утопистов, и окружающих их людей. Делать это можно по-разному, и Е. Шацкий выделяет такие виды «героических» утопий как утопия *ордена* и утопия *политики*.

Позиция утопии ордена честна: провозглашая какие-то принципы, «пророк» должен соответствовать им в первую очередь сам. Поэтому adeпты утопии ордена объединяются в ассоциацию, цель которой – утверждение утопического порядка в отдельно взятой группе. Утопист-политик же стремится преобразовать мир, включая общество, не считаясь с мнением тех, кто не разделяет его доктрину. Политическая история позднего Средневековья и раннего Нового времени знает примеры таких начинаний.

Как же выглядели утопические идеи античности? Эскапистских утопий античное общество знало немало. Например, Элизиум, в котором ведут загробную жизнь мифологические герои. Вот как описывает содержание этой утопии отечественный исследователь В.Я. Петрухин: «Это счастливая земля незаходящего солнца, где нет ни холода, ни снега и где не прекращаются игры, музыка и пиры. Обитатели Элисиума, если пожелают, могут повторно родиться на земле» [Петрухин, 2010: 235]. Знала античность и утопии ордена, к которым можно отнести пифагорейцев и гностические секты. Но политических утопий в античности не было.

Идеальное государство Платона – утопия, но эскапистская, а не политическая, хотя сам Платон и прилагал усилия, чтобы сделать её

таковой. Более того, античная политическая мысль не восприняла «Государство» всерьёз. Например, Полибий, сравнивая известные ему типы государственного устройства, принципиально не рассматривал платоническое идеальное государство. Современный историк Т.А. Бобровникова пишет об этом: «Полибий не желает даже говорить о нём. Это всё равно, пишет он, как если бы обсуждали различных людей и вдруг кто-то поставил рядом с живыми людьми мёртвую статую» [Бобровникова, 2012: 198-199]. Иначе быть не могло, потому что платоническая философия воспринималась античным обществом как частное мнение Платона.

Возникает вопрос: почему новоевропейское общество смогло перейти к политической утопии, а античное – не смогло? На этот вопрос пытался ответить Ш.Н. Эйзенштадт, полагавший, что для большинства «осевых» обществ характерны представления о «небесном» порядке, который не совпадает с земным, но может служить образцом для него [Эйзенштадт, 1999: 161]. Однако античное общество, тоже будучи «осевым», не знало «небесного» образца и поэтому воспринимало земную социальную реальность как единственную возможную.

Библиография

- Бобровникова Т.А. Встреча двух миров. Эллада и Рим глазами великого современника. М., АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2012. 448 с.
- Петрухин В. Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов. М., АСТ, 2010. 416 с.
- Шацкий Е. Утопия и традиция. М., Прогресс, 1990. 456 с.
- Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение. М., Аспект-Пресс, 1999. 416 с.

ОБ ОДНОМ ВОЗМОЖНОМ ИСТОЧНИКЕ УТОПИИ АЛЕКСАРХА (УРАНОПОЛИС И «ПОСЛЕЗАКОНИЕ» ФИЛИППА ОПУНТСКОГО)

Р.Н. Демин

Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург)

Аннотация. В докладе говорится об утопическом проекте Алексарха, брата македонского царя Кассандра. Алексарх основал утопический город Уранополис и придумал особый искусственный язык для жителей этого города. Дошедшие до нас сведения (изображения солнца, звезд и т.п. на монетах, замечания об одежде Алексарха) позволяют предположить элементы уранолатрии во взглядах этого социального реформатора. Выдвигается предположение, что одним из источников взглядов Алексарха могло быть сочинение ученика Платона Филиппа Опунтского «Послезаконие», автор которого прославляет небесные тела как богов, а Небо как высшего бога и истинное бытие.

Ключевые слова: Алексарх, Уранополис, утопический город, уранолатрия, искусственный язык, Филипп Опунтский, «Послезаконие».

Утопия Алексарха, основавшего город Уранополис, не привлекает особого внимания исследователей, хотя, на наш взгляд, заслуживает его. Этот сын Антипатра, брат македонского царя Кассандра, представляет собой любопытную фигуру в истории утопической мысли. Сведений о нем и об основанном им городе немного. Страбон, Плиний, Климент Александрийский, Афинея и несколько других авторов, упомянувших этого социального реформатора – вот имена тех, кто сохранил нам некоторые (весьма краткие) сведения. Следует напомнить, что с Уранополисом, основанном Алексархом, можно встретиться на страницах романа «Таис Афинская» советского писателя-фантаста И.А. Ефремова, который в своем описании этого города опирался на работу британского эллиниста Тарна [Французов, 2009].

Приблизительное время основания Уранополя – 316 г. до н.э., время, вскоре после смерти Александра Македонского. Причина выбора этой даты связана с началом правления брата Алексарха Кассандра. Местом основания города считается гора Афон. Проявлялся город, видимо, недолгое время. Однако город был достаточно значимым, чтобы чеканить свою монету. Несколько из них находятся в Британском музее. На одной из монет изображено солнце с восьмью лучами и Афродита Урания со скипетром и глобусом, символизирующим небесную сферу. Есть сведения, что Алексарх переодевался в Гелиоса, что, вероятно, можно рассматривать как элемент солярной метафизики или как свидетельство о гелиолатрии.

Уранополис, согласно Страбону, источником которого в данном случае является грамматик и географ Деметрий Скепсийский, был городом 30 стадий в окружности. У нас нет сведений ни об экономической жизни этого города, ни о его конституции; нет сведений о каких-либо архитектурных особенностях этого города и о его этническом составе. Согласно предположению Тарна, упоминаемый Клавдием Птолемеем в «Географии» город Уранополис в Памфилии, был колонией города Уранополис в Халкидике [Tarn, 1938: 12], однако, по мнению некоторых, это предположение – «наиболее слабое место в реконструкции Тарна» [Французов, 2009]. Допускают влияние социального эксперимента Алексарха на Эвгемера [Гуторов, 1989: 223-224].

Приведенные у Афинея сведения позволили некоторым ученым предположить проповедь Алексархом всеобщего человеческого братства и попытку ввести, для своего города Неба новый особый искусственный (уранический) язык. И в этом случае письмо Алексарха, приведенное Афинеем, можно рассматривать как образец лингвокреативности того времени, некоторым напоминающий словотворчество Джеймса Джойса, а некоторым – придуманный Оруэллом новояз. Хотя, по мнению, других, это всего лишь словесное жонглирование словами, которые должны были быть в основе греческими, но этот греческий язык столь же греческий, сколько язык, используемый Кэрроллом для написания «Бармаглота», является английским языком. В настоящее время вопрос о том, был ли язык, придуманный Алексархом, универсаль-

ным языком, призванным укрепить братство народов, является дискуссионным. Но то, что этот язык предназначался по крайней мере для жителей основанного Алексархом города, это считается определенным [Gera, 2003: 33].

Изображение солнца, луны, звезд, само название города – все это позволяет также думать об уранолатрии и заставляет вспомнить небольшой диалог, известный под названием «Послезаконие» (Epinomis), автором которого в настоящее время принято считать ученика Платона Филиппа Опунтского «Послезаконие» прославляет небесные тела как богов, а Небо как высшего бога и истинное бытие. Как отмечает И.Н. Мочалова, Филипп Опунтский, устанавливая божественный статус Неба, дарующий людям все блага, выступает как религиозный реформатор, устанавливающий культ Космоса и новую астральную религию [Мочалова, 2008: 759].

Связь философии астрономии была характерна для древнегреческой философской мысли с самого начала до времени Сократа, с которого начинается новый период развития. Цицерон в «Тускуланских беседах» пишет следующее: «От древнейшей философии до самого Сократа (а он учился у Архелая, который был учеником Анаксагора) главным предметом философии были числа и движения: откуда все берется, к чему приходит, какова величина светил, расстояния между ними, пути их и прочие небесные явления. Сократ первый свел философию с неба, ввел в дома и заставил рассуждать о жизни и нра-

вах, добре и зле» (Tusc. V. IV. 10) [Цицерон, 1975: 326]. Однако, по мнению Гегеля, «похвала, которую Цицерон воздает Сократу за то, что он низвел философию с неба» [Гегель, 1972: 237], либо вообще не заслуживает внимания, либо должна быть истолкована иначе; следует приложить все усилия с целью поднять ее (философию) на небо. Представляется, что традиция связи астрономии и философии, берущая начало с самых ранних этапов возникновения философии, в «Послезаконии» достигает кульминации и оказывает влияние на взгляды Алексарха.

Библиография

- Гегель Г.В.Ф. Об орбитах планет / Г.В.Ф. Гегель. Работы разных лет. В 2 т. Т.1. М., «Мысль», 1975. С. 235-264.
- Гуторов В.А. Античная социальная утопия. Л., Издательство Ленинградского университета, 1989. 288 с.
- Мочалова И.Н. Филипп Опунтский / Античная философия: Энциклопедический словарь. М., Прогресс-Традиция, 2008. С.757-761.
- Французов И.А. Ефремов об Уранополисе Алексарха: источник сведений и проблема их достоверности / Ефремовские чтения: «Таис Афинская» и эпоха Александра Македонского: Сб. статей и выступлений 12 Ефремовских чтений (25 апреля 2009 года). СПб., «Лема», 2009. С. 54-59.
- Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения / Пер. с лат. М., «Худож. лит», 1975. 456 с.
- Gera D. L. Ancient Greek Ideas on Speech, Language, and Civilization. Oxford? Oxford University Press, 2003. 252 p.
- Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, Cambridge University Press, 1938. 569 p.

МОРМОНСКАЯ УТОПИЯ И ПОПЫТКИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ НА АМЕРИКАНСКОМ ЗАПАДЕ В XIX В.*

В.В. Прилуцкий

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского (Брянск)

Аннотация. В работе охарактеризована утопия мормонов, пытавшихся в 1830-1890-е гг. построить в западных штатах Америки идеальное общество, основанное на принципах эгалитаризма, коммуитаризма и теодемократии, сочетавшей теократию и республиканизм. Утопический проект не был реализован, но привел к образованию феномена «мормонского Запада».

Ключевые слова: мормонская утопия в США в XIX в.; мормонская церковь; Объединенный орден мормонов; Джозеф Смит; Джеймс Стрэнг; Бригам Янг.

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МД-978.2018.6.

Мормоны или Святые последних дней – одна из крупнейших деноминаций в современных Соединенных Штатах, насчитывающая 6,6 млн. чел. (в мире – более 16,1 млн. чел.) [LDS Statistics and Church Facts]. Основателем нового религиозного движения являлся пророк Джозеф Смит (1805-1844), инициировавший переселение на колонизируемые территории в Западную Америку десятков тысяч обращенных в новую веру жителей восточных штатов и иммигрантов из Европы. Мормоны пытались трижды реализовать свою утопию путем создания квазигосударств: в 1839-1844/1846 гг. Джозефом Смитом в городе Наву в штате Иллинойс, в 1850-1856 гг. отделившись пророком Джеймсом Стрэнгом в форме «мормонского королевства» на острове Бивер на озере Мичиган и в 1847-1890 гг. президентом Церкви Бригамом Янгом и его преемниками в штате Юта и на сопредельных территориях.

Первый пророк Джозеф Смит в 1830-е гг. предложил собственный проект построения идеального общества и государства. Он базировался на следующих составляющих: 1) теократическое устройство (введение «теократической демократии», предусматривающей республиканское устройство Церкви и формальное избрание руководства организации при фактическом сосредоточении всей полноты власти в руках пророка-президента); 2) учреждение Объединенного ордена Еноха, на основе которого должны были функционировать социально-экономические отношения в общине; 3) формирование замкнутой религиозной общины, опирающейся на строгие нравственные нормы; 4) создание своего правительства штата, самостоятельных органов государственной власти, силовых структур (территориальное ополчение), средств массовой информации и т.п., т.е. организация собственного автономного образования или относительно независимого государства внутри американского государства – «Сиона» или «Нового Иерусалима»; 5) формирование самостоятельного «божьего народа», особого американского субэтноса или даже этноса из представителей разнообразных европейских наций, иммигрантов и выходцев из разных регионов США, переселяющихся на Запад [Baer, 1988: 8-15].

Экономика мормонской общины должна была опираться на Объединенный орден, своеобразную коммуну, предполагавшую обобществление имущества, взаимопомощь и равное распределение доходов. Строя новое общество, люди обязаны были делиться землей, имуществом, прибылью и получать все это в зависимости от их желаний и потребностей. Святые должны были организоваться так, чтобы быть равными во всем, во всех «мирских вещах» [Учение и Заветы: 51:3; 70:14; 78:1-15; 82:17-20; 104:1-86]. «...Все деньги, которые вы получаете в ваших управлениях, мудрее используя имущество, которое Я вам назначил, – дома, земли, скот и все иное, за исключением святых и священных писаний... – должны вкладываться в сокровищницу, как только вы будете получать деньги... И пусть никто среди вас не говорит, что это его собственность; ибо ни она, ни часть ее не будут называться его собственностью... И (ею можно распоряжаться) ... только голосом и по общему согласию Ордена» [Учение и Заветы: 104:68-71].

После смерти Смита в 1844 г. одним из главных претендентов на власть в мормонской церкви оказался Джеймс Стрэнг (1813-1856). Первоначально почти четверть мормонов, включая многих членов семьи Джозефа Смита, примкнули к движению странгитов. В 1850 г. Стрэнг был провозглашен «королем Церкви», но фактически он претендовал на духовную власть над планетой. В своей церковной организации Стрэнг видел истинное «Царство Божье», предсказанное в Писании и предназначенное для распространения по всей Земле. Мормонский пророк попытался создать теократическую монархию на острове Бивер на озере Мичиган. Он ввел жесткие законы, поддержал доктрину и практику полигамии, боролся с пьянством и аморальным образом жизни. После гибели Стрэнга от рук его бывших последователей в 1856 г. «мормонское царство» в штате Мичиган было ликвидировано [Williams, 1905: 81-82; 87-98; 161-178].

В штатах Запада мормоны осуществляли англоизацию и ассимиляцию переселенцев из Скандинавии, Германии, Англии, Канады. Они разработали даже новый дезеретский алфавит. Он должен был служить одним из

средств интеграции в мормонское сообщество иммигрантов, составлявших в середине XIX в. более 50% населения штата Юта. Прокладка трансконтинентальной железной дороги через Юту в 1869 г. разрушила изолированность религиозной общины Святых. Из-за противодействия американского государства мормонский утопический проект так и не был никогда полностью реализован. Но возникли мормонская идентичность и понятие о «мормонском штатах» – преимущественно регионе горного Запада. Мормоны фактически стали субэтносом в западных штатах, отличающимся особенностями религиозных верований, образа жизни (крепкая семья, многодетность, трезвость, трудолюбие, строгая мораль и т.п.) и устойчивой территориальной общностью. Для современных мормонов характерны взаимопомощь, добровольная работа на благо всех и взаимовыруч-

ка внутри прихода в соответствии с «учением о самодостаточности». Мормонская церковь оказывает нуждающимся членам приходов благотворительную помощь преимущественно продуктами питания из хранилищ. Существуют особый церковный фонд и склады продовольствия, формируемые на «пожертвования от ежемесячного поста».

Библиография

Baer H.A. *Recreating Utopia in the Desert: A Sectarian Challenge to Modern Mormonism*. Albany, State University of New York Press, 1988. 225 p.

LDS Statistics and Church Facts – Total Church Membership // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mormonnewsroom.org/facts-and-statistics/country/united-states> (Дата обращения: 1.11.2018).

Williams E.W. *A child of the sea; and life among the Mormons*. N.Y., J.E. Jewett, 1905. 229 p.

Учение и Заветы: 51; 70; 78; 82; 104.

LA CIUDAD CÓSMICA DE KRÚTIKOV

Yolanda Martínez Domingo

Escuela de Arquitectura Universidad de Valladolid (Valladolid, Spain)

Resumen. La evolución del concepto de la ciudad en el vanguardismo ruso con la implementación de las tecnologías cósmicas, generaba nuevas visiones utópicas. Mito y tecnología se aliaron de la mano de pensadores y arquitectos para convertir la ciudad celestial anunciada hace 450 años por Campanella, en el escenario real de una humanidad igualitaria y feliz, que explora territorios artificiales, elevados sobre la Tierra. Tal es la ciudad cósmica de Jorge Krúticov.

Palabras clave: Jorge Krúticov, ciudad cósmica, vanguardismo ruso, utopía.

Tommaso Campanella tuvo una relevante consideración en amplios círculos políticos e intelectuales de la revolución soviética, [Kurz Muñoz, 1991] en el ámbito académico y artístico figuras, como Lunacharsky, Mayakovsky, Khlebnikov, Klyuev, Bely o el arquitecto Leonidov, con la última de sus conjeturas plásticas, tomaron como fuente de inspiración su obra más relevante: “*Civitas solis*”, una ciudad ideal de esquema radial y concéntrico planteada según el sistema heliocéntrico pronosticado por Copérnico.

La concepción cósmica del mundo no solo afectará a la interpretación de la urbe, se manifestará también en todos los procesos creativos de la vanguardia Rusa, empeñada en la confección de paraísos artificiales extraterrestres que acomoden una humanidad resucitada, una ilusión a la que contribuyó el progreso de la ciencia y la tecnología, pero también una cierta atmósfera

neorromántica, promotora de la colonización espacial [Clair, 1999]. La pintura recurre a ese gen cósmico para fructificar en formas geométricas puras, que parecen enigmáticos satélites orbitando en torno a círculos rojos. Gracias a Malevich la realidad se recodifica y sustituye por un algebra objetual que supone el punto cero de un nuevo lenguaje para las artes figurativas. De especial relevancia para la arquitectura de las primeras décadas del XX, la edificación se reinterpreta en prismas abstractos y rectos, creados sin una base de apoyo, recortados sobre un espacio sin límites, sin horizonte, y por lo tanto preparados para una flotación permanente.

Las Formas autónomas dominan la escena urbana, para redefinir un urbanismo dinámico y flexible donde encajar estos volúmenes y reformular “la ciudad del futuro” a veces en atractivos e inverosímiles emplazamientos. Las nuevas

metrópolis se configuran de la mano de Khidekel con estructuras horizontales abstractas que parecen flotar por encima de cúmulos y nubes, términos que ayudan a describir una arquitectura despegada del suelo como el rascacielos horizontal de Lissitzky, o la ciudad estratificada verticalmente, ideada por Lavinski seis años antes de que alumno Kalmykov planteara un anillo urbano llamado “Saturno”, que orbita paralelo al ecuador terrestre, gracias a que mantiene una velocidad de rotación similar a la de la tierra [Khan-Magomedov, 1996].

Pero si hay una propuesta por superar los límites convencionales del asentamiento humano más allá de un horizonte visible, ese es el trabajo de diplomatura de Gregory Krútikov, un proyecto ambicioso y un tanto irreal que imagina una ciudad flotante, un proyecto utópico basado en la suspensión de elementos residenciales y administrativos por encima de la corteza terrestre [Khan-Magomedov, 1987].

La energía atómica permitiría en un futuro hacer volar fácilmente los edificios, como había sostenido su maestro Ladovsky [Clair, 1999], así la tierra, libre de la edificación, puede ser destinada al trabajo, al descanso y al turismo [Idzior, 2009]. Con este planteamiento Krútikov reserva determinadas regiones del globo terráqueo para la explotación industrial y agrícola. Esta parte, extendida sobre la superficie terrestre, sigue una planificación central en espiral, sirviendo de referencia para localizar la parte vertical del proyecto, unos dispositivos habitacionales suspendidos en el aire, ligados a los puntos estratégicos de explotación, por su posición y también por la geometría utilizada para organizarlos. La parte residencial se acomoda en torno a círculos, cada vez más abiertos, a medida que se alejan del suelo, perfilando un paraboloide invertido, representado como un gigantesco cometa recortado sobre el vacío estelar. El eje de esta recurrente figura en forma de herradura utilizada por Ladovsky, [Khan-Magomedov, 1996] se convierte en una vía de circulación para conectar habitantes, trabajo y residencia, una ruta de desplazamiento principal de la que partirían las vías secundarias en una trayectoria radial hacia los complejos residenciales, situados en el perímetro exterior y distribuidos por niveles a distancias regulares en unos *cinturones concéntricos* a modo de calles [Khan-Magomedov, 1996].

Si la disposición del mecanismo es audaz, no son menos sugerentes los tipos de edificios previstos para el alojamiento. El primero al que llamo “comuna laboral” contaba con ocho torres cilíndricas, de 5 pisos cada una, ligadas a un disco anular inferior destinado a servicios comunes y el estacionamiento temporal de automóviles. La geometría circular domina el conjunto y las partes, en una estructura que recuerda el proyecto de Silchenkov para la Casa de la Industria en 1928.

Una segunda variante se identifica con un único volumen del que pende una gran esfera donde se ubican las instalaciones de uso comunitario, conectada verticalmente con los albergues y el estacionamiento de vehículos, reunidos en una estructura formada por dos medios cilindros ligeramente desplazados, en la que destaca una de ellas compuesta por una masa bulbosa de unidades periféricas extraíbles.

Como complemento y situado fuera del paraguas parabólico que envuelve el conjunto, se prevé un último modelo destinado a la estancia de corta duración, un elegante hotel, que agrupa el equipamiento comunitario en un remate en forma de cúpula del cuerpo residencial central, mientras que su parte inferior se afila y compartimenta en una estructura donde ubicar las breves paradas de usuarios itinerantes [Khan-Magomedov, 1987], de forma similar a las plataformas de aterrizaje para pequeños aviones de la colonia en el aire dibujada por Wenzel Hablik en 1908. Algo más esbeltos que estos cilindros propulsados por hélices, construyen una estructura tubular aligerada por vacíos alternos, adecuados para el abordaje y despegue de unos transbordadores en forma de espora.

Son el elemento crucial del proyecto: la célula individual o cabina de desplazamiento que forma parte de todas las variantes previstas para estas comunas flotantes. En el esfuerzo por definir su curiosa volumetría puede advertirse el resultado de agrupar los servicios comunes en módulos independientes, producto de una colectivización casi por completo de la vida familiar, y una miniaturización de la unidad mínima habitable, interpretada aquí como un elemento autónomo e intercambiable que se acopla con la perfección de una pieza industrial a una maquinaria más compleja, en la que se contemplan diferentes programas de una residencia con grados de temporalidad variable.

Gracias a esta versátil cabina, que permite el desplazamiento por tierra, agua y aire, se garantiza la conexión entre suelo y edificios, estos camarotes, adaptados para el tránsito y la supervivencia están concebidos como un medio de transporte individual y a la vez como una vivienda móvil temporal, preparada para garantizar el confort necesario durante el traslado de un lugar a otro y durante su estacionamiento en alguno de los dispositivos flotantes descritos en el proyecto [Cabal Guarro, 2015].

Para la defensa del documento académico, su autor había preparado una serie de paneles, las premisas de partida, con el objetivo de ensalzar la tecnología de las máquinas y el transporte en general y su influencia en la arquitectura móvil. La evolución de la construcción, la progresiva ligereza de sus componentes tectónicos, nos permite pensar que las fantasías descritas en las novelas del pasado pueden hacerse realidad y las hipótesis más atrevidas son posibles, como la creación de un aparato adaptado a cualquier medio. Este automóvil, en forma de dirigible, aparece ya en esta primera información gráfica, para cobrar sentido al final del proyecto, como componente sustancial de su arquitectura aérea, un vehículo protésico convertido en la expresión reducida del *existenziuminum*, proclamado en el II congreso de los CIAM, el mismo año que Krútkov defiende su proyecto en el *Vkuthemas*.

El hombre adquiere el estatus de un viajero astral, al dejar el lugar de trabajo para alojarse en estas nuevas habitaciones interestelares, suspendidas en el espacio circundante a la tierra; un cosmonauta similar a los protagonistas de las primeras novelas de ciencia ficción soviéticas como “Estrella Roja” o “Aelita”, que se trasladan en astronaves altamente tecnificadas, muy parecidas al pequeño dirigible diseñado por el joven arquitecto. Los ingenuos dibujos de ese pequeño aerostato individual, amueblado con una rudimentaria hamaca, preparado para atravesar la inmensidad sideral, son tan elementales como el *eteronef* descrito por Alexander Bogdánov o los bocetos de las aeronaves de propulsión líquida y las cabinas de doble presurización ideados por el padre de la cosmonáutica, Konstantín Tsiolkovski, un autodidacta al que la ciencia y la tecnología del vuelo espacial deben tanto. Cuando solo los globos surcaban el cielo, elaboró la teoría de cómo crear el primer dirigible metálico, sin carcasa, que sustituye el hidrógeno por aire calien-

te como combustible y que sin duda Krútkov conoce [Cabal Guarro, 2015]. El parecido entre ambos artefactos es extraordinario, y parecen retroalimentarse ya que los prototipos de cohetes esbozados en 1933 en su “álbum de viajes espaciales” son sorprendentemente similares a esta cabina multi-transporte diseñada para la ciudad voladora. Sin la sofisticación de la ingeniería propulsora, son igualmente rudimentarios pero tremendamente intuitivos. Si unos hicieron posible poner en órbita el primer satélite artificial, o que Yuri Gagarin se convirtiera en el primer cosmonauta de la historia, las especulaciones gráficas de Krútkov nos permiten adivinar el contenedor residencial de una vida en el espacio exterior.

Como el mismo auguró en la memoria del concurso internacional para la construcción de un faro en honor a Colón:

“La era iniciada por Colón, la de explorar la Tierra, ha terminado. Nos encontramos al borde de nuevos y grandes descubrimientos, más allá de los límites establecidos. Y recordando el paso audaz del intrépido navegante, debemos prepararnos para dar un nuevo paso todavía más audaz: el salto al Universo”
[Cabal Guarro, 2015].

Es una consigna que persiguieron muchos miembros de la vanguardia soviética al confiar en la ciencia para romper definitivamente con el pasado [Clayton, 1997]. Mito y tecnología se aliaron de la mano de pensadores y arquitectos para convertir la ciudad celestial anunciada hace 450 años por Campanella, no en una metáfora del paraíso, sino en el escenario real de una humanidad igualitaria y feliz, que para desligarse de ritos y tradiciones explora territorios artificiales, elevados sobre el existente, donde asentar nuevas colonias. Armadas sobre esquemas que siguen los ritmos cósmicos, extraen de sus leyes el patrón de la maquinaria social que reside en ella. Una utopía colectiva a escala planetaria, hoy ya no tan lejana como en la segunda década del siglo XX.

Apuntes Bibliográficos

- Chaubin, F. (2010). CCCP: Cosmic Communist constructions photographed, Kölln, Taschen.
- Clair, J. (1999). Cosmos: del romanticismo a la vanguardia: Barcelona. Centre de Cultura Contemporània de Barcelona.
- Claverie, J. (1980). Utopies et réalités en URSS 1917-1934: agit prop, design, architecture, [exposition], Paris, Centre Georges Pompidou. Centre de Création Industrielle.

Cabal Guarro, M.; Khan-Magomedov, S. O. (2015). Gueorgui Krútikov: la ciudad voladora, utopía y realidad. Barcelona, Tenov.

Idzior, A. (2009). Urbanotopia and the frontier: reaching heights before the crash in Moscow and New York at the end of the 1920s.

Khan-Magomedov, S.O. (1978). "Nikolaj Ladovskij, un'ideologia del razionalismo", en Lotus international n°20.

Khan-Magomedov, S.O. (1987). Pioneers of Soviet architecture. New York, Rizzoli.

Khan-Magomedov, S.O. (1996). Arkhitektura sovetskogo avangarda. Moskva.

Cooke, C. Y Kazus, I. (1992). Soviet architectural competitions: 1920s-1930s, Phaidon, London .

Khan-Magomedov, S.O. (2005). Las cien mejores obras maestras del vanguardismo arquitectónico soviético, Moscú, Editorial URSS.

Kurz Muñoz, J. A. (1991). El arte en Rusia: la era soviética. Valencia, Instituto de Historia del Arte Ruso y Soviético.

Malevich, K., Severinovich, N., Andrei B.R., Andrei, E.M. (2007). Escritos, Madrid, Síntesis.

Vronskaya, A. (2012). "Two Utopias of Georgii Krutikov's The City of the Future", en Writing Cities. Working Papers. Distance and Cities: Where do we stand? London, London School of Economics and Political Science.

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ СОВЕТСКИХ ДИССИДЕНТОВ

Е.А. Лиокумович

Kreativ Haus e. V. (Карлсруэ, Германия)

Аннотация. В статье рассмотрено теоретическое обоснование понятия советское культурное пространство в контексте утопического дискурса; проведена классификация форм утопического: официальная, контрутопия и диссидентская утопия. Выявлены основные особенности и жанровые разновидности утопического творчества советских инакомыслящих.

Ключевые слова: диссидентская утопия, диссиденты, (советское) культурное пространство.

Исследование трансформаций утопической традиции в условиях советской действительности является одним из наиболее важных аспектов для осмысления отечественной культуры этого периода. Подобное исследование представляется возможным в неразрывной связи с понятием советского культурного пространства.

Советское культурное пространство – территориально ограниченная пределами СССР и временными рамками с 1917 до начала 90-х гг. XX в. социокультурная область, в качестве основной ценности и цели которой выступала идея «строительства коммунизма», служившая главным ориентиром всей жизнедеятельности советского общества.

Утопизм выступает ведущей чертой общественного сознания и практики социалистического строительства в СССР, разворачиваясь в последовательных стадиях формирования официальной утопии, таких как «военный коммунизм», «всеобщая коллективизация», «построение социализма в одной, отдельно взятой стране», «полная и окончательная победа социализма», «Конституция победившего социализма», программа развернутого строительства «светлого будущего».

Официальная социалистическая утопия базируется на устойчивых мотивах с глубинными мифологическими корнями (архетипами): мотив гармонизации хаоса через насилие («пролетарская революция», «диктатура пролетариата»), культ мифического творца мира («старший брат», «отец всех народов»), мотив Героя, наделяемого прометеевскими характеристиками (герой гражданской войны, социалистического труда и т.д.); архетип Матери («Родина-мать», «Мать-Земля»); наконец, архетип Врага («внешнего и внутреннего»). Вместе с тем, в советской официальной утопии присутствуют идеи эсхатологического звучания: «всемирно-историческая миссия пролетариата», «царство Свободы», всеединство («Пролетарии всех стран, соединяйтесь»), нестяжательство («каждому по труду»), и другие. Данные образы и идеи, претерпевая известную эволюцию, остаются центральными в советской культуре на протяжении всего периода ее существования.

Таким образом, очевидным становится, что определяющей чертой советского культурного пространства выступает предельная идеологизация и утопизация. Причины этого явления следует искать не только в

специфике исторической ситуации, но и в особенностях национального менталитета и отечественной культуры. Глубокое проникновение утопизма в общественное сознание – одна из важнейших характеристик русской культуры.

Советское культурное пространство – при внешней упорядоченности, однородности и гармоничности, представляет собой пространство противоречивое и дисгармоничное, поскольку наряду с доминирующей официальной идеологизированной утопией в нем существует и альтернативная система ценностей. Она представлена, с одной стороны, произведениями «высокой культуры», зачастую не имеющими ничего общего с утопическим жанром, а с другой – явлениями контрутопии. В качестве разновидностей контрутопии можно выделить трансформированную положительную утопию и антиутопию, а также произведения, написанные в жанре научной фантастики. Роман «Котлован» А. Платонова (1930), произведение А. Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) – хотя и представляют собой социалистические утопии, но утопии, альтернативные большевистскому режиму; «Приглашение на казнь» В. Набокова. Контрутопии предваряют появление феномена диссидентской утопии.

В дальнейшем вместилищем утопических проектов становится отечественная научная фантастика («На оранжевой планете» Л. Оношко, «Записки из будущего» Н. Амсова, «Каллистиане» Г. Мартынова, «Туманность Андромеды» И. Ефремова). Широкое распространение получают романы-предупреждения. Авторы привлекают общественное внимание к проблеме ответственности науки за дегуманизацию общества («Пикник на обочине» братьев Стругацких, «День гнева» С. Гансовского), осуществляется критика попыток «улучшить человека» («Побег» И. Варшавского). Научная фантастика, активно протестуя против диктатур, партokratий, представляет осмысление проблем общества, где господствует официальная утопия. Герои подобного рода произведений ведут поиски идеально устроенных обществ на других планетах, под землей, в будущем – одним словом путешествуя, в соответствии с законами жанра во времени и пространстве.

Контр-утопия, будучи одной из форм критического осмысления необходимости социальных перемен, в разных вариантах (будь то позитивная утопия, или пародирующая Советский строй антиутопия) сопровождала практически всю историю существования Советской власти и, безусловно, оказала влияние на формирование феномена диссидентской утопии.

Диссидентская утопия – понятие, объединяющее негативные и позитивные утопии, которые были созданы в период 60-х–80-х гг. XX в., когда в СССР появляется сам феномен диссидентства. Это рационально-художественные проекты, рожденные писателями и публицистами, правозащитниками этой эпохи. Диссидентские утопии продолжали традиции отечественного свободомыслия и становились одним из способов борьбы с тоталитаризмом, своеобразной попыткой сопоставления и противопоставления духовных ценностей современного им общества – истинным общечеловеческим гуманистическим ценностям.

Диссидентская утопия по преимуществу является негативной, поскольку эта форма становится наиболее современным вариантом отображения действительности. Утопия инакомыслящих продолжает традицию антижанров. Она протестует, переворачивает ценностные ориентиры, использует элементы других литературных жанров, насыщена «игровой поэтикой» (А. Синявский, Ю. Даниэль, А. Солженицын, В. Войнович, В. Аксенов, В. Ерофеев, братья Стругацкие, Н. Бокков, Ф. Искандер и А. Зиновьев).

Раскрытие понятия «диссидентской утопии» невозможно без обращения к «игровой поэтике» романов и повестей, рассказов и басен. Столь разнообразные по жанру и художественным приемам, объединены, тем не менее, определенным сходством наличием в большей или меньшей степени характеристик диссидентской утопии.

Художественные средства позволяют авторам экспериментировать с окружающей реальностью. Каждый автор по-своему стремится раскрыть перед глазами читателей угрожающие перспективы тоталитарного образа жизни. Сатира, наслоение фантазмагорий, игра с моделированием окружающей действительности и будущего – постоянные спутники этих произведений.

От своих литературных предшественников авторы наследуют художественные приемы, без которых в тоталитарном государстве невозможно высказывать оппозиционные идеи. «Сновидение» или «одурманенность» как способ заглянуть в будущее или представить себе альтернативу истории. Противоположный прием – сознательный эпатаж публики посредством вызывающей демонстрации своей оппозиционности правящему режиму. Гротескная поэтика позволила выразить фантазмагорическую, противостественную и уродливую природу советского устройства и советской психологии. (Ю. Алешковский, А. Гладилин, Ф. Искандер и т.д.). Использование еще одного характерного приема диссидентского творчества – игрового моделирования исторических альтернатив – органично вписывается в ситуацию эпохи постмодерна последней четверти XX в. (В. Аксенов).

При углубленном анализе контр-утопических проектов обнаруживается, что зачастую утопия облачается в одежды различных литературных жанров.

Специфической формой утопического повествования является *философская сказка*. Эта литературная форма характерна, в частности, для произведения Ф. Искандера «Кролики и удавы», где представлены размышления автора о тоталитарной власти и возможностях сопротивления ей.

Примером существования в пределах одного исторического периода нескольких полемизирующих между собой контр-утопий может служить *оппозиционная публицистика* 60-х–80-х гг., на одном полюсе которой – неославянофильские проекты А. Солженицына, на другом – «условно-фантастическая общая картина технических аспектов будущего» А. Сахарова.

В основе утопизма Солженицына лежит недоверие к прогрессу. «Скачку» или «бесконечному прогрессу» он противопоставляет необходимость внутреннего саморазвития. Путь к возрождению страны Солженицын видит в обращении к опыту прошлого (XIX) века с практикой земств, региональных учреждений, самоуправления, созданных в 1864 г. Солженицын ратует за главенство этического в культуре.

Идеи Солженицына стали объектом критики другого диссидента – академика А.Д. Сахарова. В полемике с Солженицыным Сахаров выступает против разделения идей «на русские и западные». Как ученый Сахаров пытается дать свои конкретные прогнозы будущего, затрагивая проблему прогресса. Утопическая часть его размышлений о будущем предполагает создание нескольких зон – для работы, отдыха, идиллии с природой. Центром размышлений для Сахарова становится идея о гармоничном существовании человека в будущем, о полноте наслаждения свободной и разнообразной культурной жизнью.

Постмодернистский роман – характеризуется при описании «совершенного общества» успешным применением новых способов и правил интеллектуальной деятельности. Среди таковых – «принцип условности», шаржирование реминисценций классической литературы, пародийное обыгрывание сюжетов отечественной истории, пренебрежение требованиями традиции литературных жанров, элементы которых вплетаются в повествование. Зачастую в пределах одного произведения проигрываются сценарии не одной, а нескольких утопий (коммунистическая, монархическая, утопия русского национализма).

Наиболее показательным примером здесь является, выдержанный в традициях антижанрового произведения, роман В. Войновича «Москва 2042».

Герой романа совершает путешествие в будущее – республику Москорея. Перед героем-пришельцем предстает фантастический мир. Знакомство с жизнью обитателей этого «совершенного общества» становится основой сюжета. Используя художественные методы свойственные антижанровому произведению: гротеск, сатирическое пародирование, игра с названиями, гипербола – писатель моделирует перспективу развития советского общества. Автор совершает мысленный эксперимент, целью которого является создание предельно гиперболизированного образа коммунистического общества. Описывая тот или иной аспект жизнедеятельности москореявцев (общественно-политическая, религиозная, семейная, интимная сферы) в преображенном (максимально доведенном до абсурда) виде, автор прихо-

дит к подтверждению мысли о том, что в тоталитарном обществе подлинные ценности и смыслы человеческого существования, будучи напрямую зависящими от идеологии, опрокидываются и предстают в искаженном с точностью до наоборот виде.

В сатирической антиутопии Войновича, в целом являющейся рефлексией реалий социалистической действительности, в качестве источников для пародирования использованы утопические тексты позитивных утопий, тексты партийных документов, бытовая лексика.

Антиутопия Войновича не только пародирует сам жанр утопии в целом, но и в сатирической форме разоблачает абсурдность официальной утопии, фактически сливающейся в Советской России с идеологией.

При обстоятельном и объективном изучении отечественной культуры советского периода можно обнаружить, что безраздельно господствовавшая официальная идеология с явными признаками утопизма, сосуществу-

ет с различными формами свободомыслия, проявлявшегося, в том числе, и в виде контртопий – альтернативных духовных феноменов, среди которых одно из важнейших мест занимает диссидентская утопия.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что утопическое творчество в советском культурном пространстве – огромный материал, представляющий интерес как для исследователей отечественной культуры в целом, так и для специалистов-утопиологов.

Библиография

- Гальцева Р. Очерки русской утопической мысли XX века. М., 1992.
- Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. М., 1997.
- Идеал, утопия и критическая рефлексия / Под. ред. В.А. Лекторского. М., 1996.
- Кармин А. С. Культурология. М., 2001.
- От утопии к реальности: Ученые о новой модели развития советского общества. М., 1990.

ДВИЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ХИППИ: АВТОСТОПОМ В «НЕВЕРЛЭНД»

О.В. Игнаточкина

независимый исследователь (Тучково)

Аннотация. Статья посвящена феномену Хейт-Эшбери как попытке реализации утопических идей хиппианского сообщества. В работе анализируются ключевые идеи субкультуры хиппи с точки зрения их утопизма и несостоятельности.

Ключевые слова: Хейт-Эшбери, хиппи, психоделическое сообщество, диггеры.

Второе десятилетие XXI в. богато на «крутые» даты событий, имевших место в США в 1960-х гг. 2018 год оказался зажат между двумя полувекowymi юбилеями: в 1967 г. состоялось «Лето любви» – широкомасштабный хэппенинг, ознаменовавший расцвет субкультуры хиппи; в 1969 г. – один из самых знаменитых музыкальных фестивалей – Вудстокский, ставший точкой отсчета угасания этой субкультуры. Глядя на столь близко расположенные друг от друга даты, может показаться, что субкультура хиппи не выдержала испытания «медными трубами»; что наплыв желающих приобщиться к хиппизму, не вникая в его идейную составляющую, развел субкультуру изнутри. Однако анализ ключевых идей хиппизма и механизмов реализации этих идей позволяет сделать вывод об их нежизнеспособности в силу своей утопичности.

Местом, в границах которого зародились и воплощались в жизнь идеи хиппизма, был Сан-Францисский округ Хейт-Эшбери. Ключевым понятием, характеризующим общину Хейта, являлась «психоделия» – мировосприятие через призму наркотических средств, вызывающих состояние измененного сознания. Навязчивое распространение в молодежной среде такого психоделического препарата как ЛСД привело к формированию на почве увлечения этим наркотиком новой субкультуры. Следуя призывам популяризатора ЛСД Т. Лири, хиппи «включались» (принимали дозу препарата), «настраивались» (подчиняли своё сознание действию наркотика) и «выпадали» (переставали участвовать в повседневной жизни социума). «Выпавшие» из «системы» пытались строить свое идеальное общество – психоделическое,

каждый включившийся в которое, понимает-ся, «красив, полон любви и счастья, а также опьяняюще свободен». Механизмы реализации этой пасторальной и, без сомнения, утопической идеи были более приземленными: жизнь в общине, радикальное ограничение частной собственности, отказ от насилия, верховенство созидания над потреблением, свободы над авторитарностью, принижение значения государственной власти и традиционных форм лидерства [Hinckle, 1967: 9].

Фактическое претворение в жизнь психоделической программы построения альтернативного общества оказалось далеко от идеала. Хиппи, большинство которых были представителями семей среднего класса [Griffiths, 2017], не сумели отказаться от товарно-денежных отношений и культуры потребления. Подавляющее большинство мероприятий, таких как световые танцевальные шоу группировки «Фэмили Дог» или кислотные тесты Веселых Проказников, были платными [Perry, 1984: 30]. Стоили денег наркотики и модная вычурная одежда, ношение которой сигнализировало окружающим о принадлежности их владельца к хиппианскому сообществу. За жилье и еду также надо было платить. Что касается созидания, то дальше кустарного ремесла псевдоиндейской атрибутики, продаваемой в местных мелких лавочках, дело у хиппи не пошло.

Принцип жизни в общине в самом Хейте, расположенном в центре Сан-Франциско, в силу объективных причин реализован быть не мог. Попытки организовать общину как сельскохозяйственную коммуну за городом также особого успеха не имели. В первую очередь это было связано с тем, что хиппи не обладали элементарными навыками работы на земле и, как следствие, не смогли справиться с неблагоприятными погодными условиями и сохранить урожай [Perry, 1984: 164].

Приоритет свободы и умаление значения государства и управления проявляли себя в крайнем индивидуализме, жизни «здесь и сейчас» [Levitt, 1984: 189]. Не случайно одним из главных постулатов хиппи по версии журнала «Тайм» была максима: «делай свою собственную вещь», где бы тебе ни приходилось ее делать, и когда бы ты ни хотел» [Time, 1967: 18].

Радикальное ограничение частной собственности имело форму нарочитой бедности, сопровождавшейся неряшливостью внешнего вида и попрошайничеством.

Ближе всего к утопическому идеалу подошли диггеры – особая группа в среде хиппи, населявших Хейт-Эшбери. Диггеры организовали раздачу бесплатной еды и одежды, предоставляли бесплатный ночлег. Их отличали несколько агрессивная и резкая манера поведения, проработанная программа и более трезвый взгляд на жизнь.

Общими для всех групп хиппи были отказ от насилия и пацифизм. Ощущения любви, счастья и свободы достигались главным образом через наркотическое опьянение психоделическими препаратами, запрет которых в 1966 г. негативно сказался не только на наркочельцах, но на всем хиппианском сообществе, приведя его к краху.

Хиппи так и не удалось «выпасть» из институционального общества. Весь их отказ от «системы» сводился, по сути, к театральному жесту. Это было не более чем приятное времяпрепровождение бездельников из состоятельных семей. Та часть хиппианского сообщества, которая всё-таки попыталась воплотить в жизнь свой утопический идеал – диггеры – столкнулась с типичным потребительским сознанием большинства хиппи, пользовавшихся их услугами, а также с негативным отношением тех, кто оказывал эти услуги жителям Хейта за деньги. Идеи любви и свободы, лежащие в основе идеологии хиппи, выродились в крайнюю форму эгоизма, обернувшись промискуитетом и анархией. Что же касается главного элемента субкультуры хиппи – психоделиков, то и здесь хиппи потерпели фиаско, скатившись в тяжелые наркотики и религиозное сектантство. Хейт-Эшбери, по сути, оказался Неверлэндом – страной не желавших взрослеть детей, играющих совсем не в детские игры.

Библиография

Griffiths J. The Counterculture of 1967: Reflections on the “Summer of Love” // Social History. March 28, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://socialhistoryblog.com/the-counterculture-of-1967-reflections-on-the-summer-of-love-by-john-griffiths/> (дата обращения: 02.11.2018).

Hinckle W. A Social History of the Hippies // Ramparts Magazine, March 1967. [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.unz.com/print/Ramparts-1967mar-00005>
(дата обращения: 22.10.2018).

Levitt C. "Children of privilege". Student Revolt in the Sixties. A Study of Student Movement in Canada, the United States, and West Germany. Toronto, Buffalo, Lnd., Univ of Toronto Press, 1984.

Perry Ch. The Haight-Ashbury. A History. Random House. 1984. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cjayarts.com/pages/library/CharlesPerry-haight_ashbury.pdf (дата обращения: 13.11.2018).

Youth: The Hippies // Time, July 7, 1967. Vol. 90, No. 1.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА

А.А. Дадашев

Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова (Нальчик)

Аннотация. Широко распространено мнение о том, что глобализация ведет к распаду национальных государств и их влияния. А наиболее радикальные адепты утверждают, что «сама эпоха национальных государств близка к концу». Автор статьи вопреки общепринятой концепции глобализации, наоборот утверждает, что этнос, нация и национальные государства являются единственно устойчивой конструкцией, успешно противостоящей так называемым «гибельным процессам». На основе анализа фактологического материала делается вывод о том, что нация в этих условиях является одной из основ организации новых форм общественной жизни и проявляет себя в качестве субъекта исторического процесса наряду с такими формами как этнос, народ, государство и т.д. Автор статьи придерживается мнения, что глобализация не является естественным ходом истории, объективной необходимостью, и потому не следует смириться с потерей национальными государствами своего суверенитета.

Ключевые слова: глобализация, национальные государства, нация, этнос, этнонационализм, национальная демократия.

Глобальные изменения и вызовы, сформировавшиеся в последней четверти XX столетия и получившие развитие в начале XXI столетия, предъявили новые требования к национальным государствам, вопросам взаимодействия государства и общества. Процессы глобализации, понимаемые как общие для большинства государств изменения в социальной, политической, экономической и культурных сферах затронули и такие «вечные» ценности как этнос и нация.

Прежде всего уточним само многозначное понятие «глобализация». В научной литературе бытуют следующие трактовки данной дефиниции. Глобализация – процесс становления и развития единства человечества (в том числе посредством минимизации значения этнических различий), а также тип философского и научного дискурса («дискурсивная формация», как сказал бы Мишель Фуко), основывающийся на осознании этого процесса [Фуко, 2016].

Процессы глобализации, уничтожая национальные границы, одновременно угрожают и самим этническим общностям, одной из исторических форм которых является нация. Естественной формой противостояния этой

тенденции является борьба народов за суверенитет, государственную независимость, защита национальных интересов и т.д. Решение этой задачи представляет собой часть практической политики в области наций и национальных отношений, правильность решения которой находится в прямой зависимости от разработанных специалистами различных отраслей научного знания современной теории наций и национальных отношений, а также методов их регулирования. Предполагается, что одним из существенных факторов, влияющих на решение теоретических и практических задач, является становление нации как субъекта, которое определяется не только собственно национальными условиями, но и в значительной степени зависит от более широкой совокупности социальных условий.

Анализ развития нации, национальных движений позволяет утверждать, что проблемы, связанные с национальным самоопределением, национализмом и межнациональными противоречиями возникают в периоды социальных трансформаций, революций. Официальная доктрина межнациональных отношений в советском обществе строилась

на идеях интернационализма и дружбы народов. Развитие событий продемонстрировало, что в обществе созрел совершенно противоположный комплекс идей, выявившихся в условиях демократизации, который привел к межнациональным конфликтам. В России процессы деструкции коснулись почти всех сторон общественной жизни, и нация при этом оказалась, чуть ли не единственной структурой, сохранившей свои значение и роль. Нация в этих условиях является одной из основ организации новых форм общественной жизни и проявляет себя в качестве субъекта исторического процесса наряду с такими формами как этнос, народ, государство и т.д.

Пьер Бурдьё, один из видных политических философов современности, считает, что глобализация вовсе не носит естественно-исторического, объективного, независимого от политической интервенции характера. Более того, утверждает он (и в этом он прав), глобализация – это даже не социальный процесс, а функция политики. Пьер Бурдьё пишет: «Мы являемся свидетелями политики мондиализации (я говорю именно о «политике монди-

ализации», а не о мондиализации как естественном, природном процессе)» [Бурдьё].

В «размывании суверенитета государств» немалую роль играют такие «субъекты глобализационного процесса» как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация и другие международные финансовые институты, которые всячески укрепляют свой контроль над экономикой стран. В результате проводимой ими политики подрываются национальные экономики, ухудшается социальное положение населения стран, не входящих в число государств развитого мира.

Библиография

Бурдьё П. Общественного мнения не существует: интервью. [Электронный ресурс]. URL: <https://econet.ru/articles/154317-pier-burdie-obschestvennogo-mneniya-ne-suschestvuet> (Дата доступа: 2.11.2018).

Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации. М., Проспект, 2014. 144 с.

Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование). М., 2016. 332 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., изд-во Ад Маргинем Пресс, 2016. 383 с.

ЭТНИЧЕСКОЕ КАК УТОПИЧЕСКОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

М.В. Логинова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск)

Аннотация. Проблематика этнического в глобализационном контексте актуализировала этноэстетику как науку, требующую методологических новаций на фоне стремительного усложнения этнокультурных процессов. Конфигуративные изменения культуры акцентируют внимание исследователей на категориях смыслового ряда «связности», динамики, становления. Этническое как утопическое в пространстве культуры регионов обнаруживает себя в ряде основных тенденций хронотопа глобализации: временном, пространственном, а также в изменившемся восприятии субъектом этноэстетического действия. Наблюдается трансформация этнического в рамках утопического дискурса. Сущностно присутствуя, утопическое не меняет свой смысл, что указывает на него, как на содержательное основание, тогда как этническое меняется в его рамках.

Ключевые слова: глобализация, региональная культура, утопия, этнос, этническое.

Глобализация является объективной характеристикой актуальной действительности, которая приносит изменения в локус регионального. На этом уровне особенно заметен для исследователя процесс взаимодействия традиции и инновации: от конкретных форм бытования традиций до степени обобщения в изучении этнической культуры.

В настоящее время в сжимающемся хронотопе глобализации возрастает актуальность темы этнического, которое рассматривается как своеобразное утопическое в пространстве культуры регионов. Глобализация как процесс, ориентированный на создание единого культурного пространства, с одной стороны, ведет к стиранию различий между базовыми

элементами традиционных этнокультур, с другой – к развитию процессов локализации традиционных сообществ, что способствует возрождению этнического начала.

Новая проблематика актуализировала этноэстетику как науку, требующую методологических новаций и широких обобщений на фоне стремительного усложняющихся взаимодействий этнокультурных процессов [Логинова, 2012: 169; Логинова, 2014: 17]. Культура находится в процессе становления и стремится преодолеть альтернативу временного – вневременного, исторического – вечного, частного – универсального, глобального – регионального. Это обстоятельство определяет необходимость применения категорий становления, процессуальности. В этнокультурных исследованиях это выражается в динамичном подходе к изучаемым явлениям. Возникает задача уловить «внутреннюю связность» (М. Фуко) в изменениях конфигурации культуры, акцентируя внимание именно на «связности», а не констатированной прерывности в ее развитии. В этнокультурном контексте «внутренняя связность», в частности, выражается в том, что этническое предстает как утопическое национального, та духовная основа «жизненного мира» этноса, в которой национальное, как формализованная, «жесткая» структура, находит свою подпитку. Второй смысл, детализирующий сказанное, возникает в идее неотрадиционализма как в идее утопичности самой возможности возврата прошлого, т. е. такой степени возобновляемости традиции, которая сопоставима с культурно отрефлексированной, но непрекращающейся попыткой «вечного возвращения» (М. Элиаде).

Этническое как утопическое обнаруживает себя в ряде основных тенденций хронотопа глобализации.

Во-первых, тенденция, затрагивающая временные характеристики. В ускорении информационных потоков стремительно глобализирующегося мира заложена и необходимость такой реакции на изменения, которая приближается по своим характеристикам к инновационности, т. е. ответ должен быть не только реактивным, но и творческим одновременно. Этническое же проявляет себя в этом контексте как стремящееся к замедлению и даже обращению времени вспять,

к возвращению во «время мифа», первоначально явленного в ином историко-культурном и цивилизационном контексте. В эпоху актуализации иной динамики этнические ценности, идеалы, нормы поведения, художественные формы и т. д. являют собой нечто, противоречащее общему потоку уравнивающих изменений. Из-за того, что потенциально само этническое уже утопично, продукт взаимодействия двух разных сред глобального и локального носит черты архаизации современности и осовременивания архаики, что заметно в эклектичности региональных художественных практик.

Вторая тенденция может быть обозначена как пространственная. Этническое помещается в современные пространства зрительных залов, музеев, этнографических комплексов, т. е. это опосредованность этнического в целом пространством как ограниченности им. Тем самым привносится иное, относительно аутентичного, отношение к этническому как своеобразной характеристике пространства. Оно выделяется из среды, в которой до определенного исторического времени органично существовало, маркируясь как этническое, но уже не являясь им в полной мере, а представлявая утопическим этнического. Подчеркивается «сделанность», следовательно, невозможность «того», прежнего восприятия предметов быта и жизненной среды этноса в естественном природном ландшафте.

Третья тенденция касается изменения восприятия субъекта этноэстетического воздействия. Очевидно, что восприятие современного человека посредством экранов гаджетов разделяет зрителя и происходящее. Но, если в случае фильма экран выступает в качестве «рамы», то в случае с этническим происходит разграничение зрителя и участника этнического действия, которое, обладая обрядовым смыслом, изначально нацелено на более активное вовлечение в процесс, нежели просмотр фильма. Зритель развертывающегося перед ним или через посредство экрана зрелища – прежде всего потребитель этнического действия. Отсюда возникающие как неосознанная реакция на «экранность», попытки национальных активистов воссоздать целостную, исходную по их представлениям, форму традиции в рамках этнического возрождения на местах.

Среда глобализационных процессов оказывает непосредственное влияние на жизнь этноса, с чем показательно коррелируют попытки управления «сверху» как создания симулякров, муляжей этничности, своего рода псевдоэтничность. Этническое присутствует как утопическое, будучи опосредовано национальной культурной политикой как средством воздействовать на «жизненный мир» народа. Все рассмотренные позиции восприятия обладают общностью отстраненного взгляда, невовлеченности в процесс, хотя и в разной степени.

Таким образом, наблюдается не трансформация утопического дискурса самого по себе, а именно трансформация этнического в рамках утопического дискурса. Утопическое здесь сущностно присутствует и не меняет свой смысл, что указывает на него, как на смысловое основание, тогда как этническое меняется в его рамках.

Библиография

Логинова М.В. Тенденции развития этноэстетики в образовательном пространстве финно-угорского мира // Регионоведение. 2012. № 2. С. 168-169.

Логинова М.В. Формирование методологии этноэстетики // Финно-угорский мир. 2014. № 4. С. 17.

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В СОВРЕМЕННЫХ ОККУЛЬТНО-МИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ

Е.К. Агеенкова

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка (Минск, Беларусь)

Аннотация. В статье характеризуется развитие оккультно-мистической идеи «6-ой коренной расы», предложенной Е.П. Блаватской. Подробно описываются модели нового типа человека и нового социального устройства в современных неогностических учениях «Универсология» и «Синтез Фа».

Ключевые слова: 6-ая коренная раса, Е.П. Блаватская, Е.И. Рерих, современные оккультно-мистические учения.

Одной из характерных составляющих вероучения современных оккультно-мистических культов является представление о наступающем глобальном историческом периоде, часто обозначаемом как «6-я коренная раса», который составят более совершенные в духовном, интеллектуальном и физическом плане преемники современного человечества. Концепция исторического процесса как последовательно сменяемых рас была предложена Е.П. Блаватской [Блаватская, 1994: 562-563]. По ее мнению, данный эволюционный процесс был задан «Солнечными Ангелами» или «Кумарами» [Блаватская, 1994: 110]. Эта теория была подхвачена и развита многими поколениями мистиков. При этом, если Е.П. Блаватская отмечала у новых людей лишь их более выраженное общее совершенство, то, например, Е.И. Рерих его конкретизировала. Так, среди их личностных черт она выделяла непривязанность к собственности, терпеливость, наблюдательность и впечатлительность, самоотвержение, добродетель и др. Их социальную организацию Е.И. Рерих характеризовала как «братство», основанное

на «нравственных устоях». Условием его существования должно явиться «совмещение индивидуальности с общинным трудом» [Братство, 1991: п. 243] и ориентация на ее учение, переданное ей якобы «Великими учителями» [Братство, 1991: п. 220].

Характерной особенностью современного этапа развития мистицизма является не только оглашение идеи наступления «6-ой коренной расы», но и предложение конкретных путей формирования нового типа человека и общества. Наиболее подробно эти идеи прописаны в учениях «Универсология» В.А. Полякова и «Синтеза Фа» В. Сердюка.

В.А. Поляков в качестве побудительных сил развития человечества видит «прогрессивных людей», которые являются «преемниками и проводниками» побудительных эволюционных сил, якобы привнесенных на Землю «Кумарами». При этом он считает себя воплощением одного из высших магов Атлантиды и одним из управителей планетной эволюции [Поляков, 1997]. Решить проблемы общества В.А. Поляков предлагает путем создания единой системы управления

миром. С его точки зрения, любое общество может быть стабильным и устойчиво развиваться, если оно будет опираться на три фактора системы управления: «1) степень универсализации схемы управления; 2) система общественного самоуправления; 3) опора на предложенную им идеологию «Универсология» [Поляков, 2002: 3-5]. Целью учения В.А. Полякова является создание иерархически организованной социальной структуры единого международного сообщества, в котором функцию высшего международного управления должна выполнять Организация Объединенных Наций [Поляков, 2002: 13]. В данной системе глобального управления миром у человека с детства должна формироваться четкая иерархия ценностей, ориентированная на его идеологию [Поляков, 2002: 6]. При принятии обществом созданной им «Универсологии» в качестве единой идеологии, он гарантирует стабильное существование всего человечества за счет иерархически выстроенной общей системы управления миром.

В. Сердюк переработал опыт мистиков конца XIX и начала XX в. и представил неогностическую систему формирования мироздания, иерархию «высших сил» с их требованиями по отношению к человечеству, культурную практику, систему социального преобразования общества и даже способы ведения коммерческой деятельности. В своем учении В. Сердюк придерживается классической схемы смены рас и наступления «6-ой коренной расы». Функция организации созданной им организации «Синтез Фа» должна заключаться в подготовке человечества к переходу в «метagalактическое существование» в рамках якобы уже существующей космической «Метagalактической цивилизации» [Сердюк, 2012]. В предложенной им структуре мироздания помимо «Отца» (Бога) миром управляет сложная иерархия «Владык» («управителей», «глав»), которые осуществляют на Земле эволюционные процессы [Кут Хуми, Сердюк 2012: 93]. Роль созданной В. Сердюком организации проявляется в создании отдельных региональных групп последователей

(или «пространство бытия реализующих Метagalактическую Цивилизацию»), которые должны стать основой социальной общности «Гражданская конфедерация». В этом социальном сообществе должен быть реализован «новый принцип управления цивилизацией», заключающийся в отказе от либерализма и «вакханалии демократии» и направляющий к «честной Иерархии всех во благо всех». Также он утверждает, что «Гражданская конфедерация» должна заменить «устаревшую и ведущую к гибели ныне существующую цивилизацию демократии» и сформировать общество, где каждый человек должен признать «иерархию Власти», «куда может попасть и взойти по лестнице управления каждый» [Сердюк, 2012: 14-20]. Изменение общественной структуры должно привести, по замыслу автора, к формированию нового типа людей, «ответственных не только за свое поведение, но и определяющих развитие конфедеративного общества» [Сердюк, 2012: 20-22].

Анализ современных оккультно-мистических учений показывает, что проектирование новых социальных моделей общества – это новое явление в этом движении. Можно предположить, что они были заимствованы у политических партий. Однако данный вопрос требует отдельного изучения.

Библиография

- Блаватская Е. П. Тайная доктрина: Том 2, Антропогенезис: Книга 1. Минск, Мастацкая літаратура., 1994.
- Братство. Новосибирск, Сибирское отделение издательства «Детская литература», 1991.
- Поляков В.А. Апокалипсис Атлантиды. Минск, ВЭВЭР, 1997.
- Поляков В.А. Манифест новой общественно-экономической формации // Эволюционное содружество. 2002. № 19. С. 1-13.
- Сердюк В. Метagalактический Манифест // Незречённый ИДИВО 184 Изначальности. Иркутск. [Электронный ресурс]. URL: http://divo24.info/files/uploads/file/text/meta_manifest/s43_mm.doc (дата обращения: 01.11.2018).
- Кут Хуми, Сердюк В. Учение Синтеза. Книга первая. Образ Отца. Рождение Свыше // Провидение ИДИВО 147 Изначальности. Одесса. [Электронный ресурс]. URL: http://sintezfa.ru/zagruzki/1Si_Od08.doc (Дата обращения: 01.11.2018).

КУЛЬТОВЫЙ ХАРАКТЕР НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В «НОВОЙ АТЛАНТИДЕ» Ф. БЭКОНА

В.Ю. Даренский

Луганский национальный университет им. Т. Шевченко (Луганск)

Аннотация. В статье рассмотрен культурно-исторический контекст сакрализации научной деятельности в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона. Анализ этого контекста показывает происхождение бэконовской модели науки как новой формы миллениаризма (хилиазма) и объясняет парадокс ее дальнейшей секуляризации.

Ключевые слова: «Новая Атлантида», Ф. Бэкон, онаучивание общества.

В «Новой Атлантиде» Ф. Бэкон сформулирует свой общественный идеал следующим образом: «Целью нашего общества является познание причин и скрытых сил всех вещей; и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным» [Бэкон, 1972: 514]. Важнейшее место в этом произведении занимает описание научной деятельности «новых атлантов», которая у них по своей структуре имеет культовый характер и фактически воспринимается как новая форма религии, существующая «параллельно» традиционным религиям. В этом контексте становятся понятны предельные смысловые основания цивилизационного проекта Ф. Бэкона, на которые явно недостаточно обращают внимание. Это проект человеческого титанизма, в рамках которого человек начинает воспринимать себя как некое земное божество, создающее «рай на земле» лишь своими силами и, тем самым, фактически устраняющее из своей жизни Творца. Так, в «Новом Органоне» он пишет о сути научных открытий: «открытия суть как бы новые создания и подражания божественным творениям... по справедливости сможем сказать – “человек человеку бог”, и не только вследствие оказываемой помощи и благодеяний, но также и вследствие разницы их состояния. И это происходит не от почвы, не от климата, не от телосложения, а от наук... если кто-либо попытается установить и распространить могущество и власть самого человеческого рода по отношению к совокупности вещей, то это домогательство (если только оно может быть так названо), без сомнения, разумнее и почтеннее остальных» [Бэкон, 1972: 80-81].

И сам путь научного познания Ф. Бэконом уподобляется действиям Творца: «На истин-

ном же пути опыта, на приведении его к новым творениям должны быть всеми взяты за образец божественная мудрость и порядок. Бог в первый день творения создал только свет, отдав этому делу целый день и не сотворив в этот день ничего материального. Подобным же образом прежде всего должно из многообразного опыта извлекать открытие истинных причин и аксиом и должно искать светоносных, а не плодоносных опытов... понимание признаков, или указаний, подготавливает согласие, а объяснение причин устраняет кажущееся чудо» [Бэкон, 1972: 36]. Устранение чуда из «картины мира» есть не что иное как устранение Творца из самого образа мысли. И на Его место ставится самообожествляющийся человеческий разум.

Здесь обнаруживается фундаментальный исторический парадокс: возникая как особое квазирелигиозное, культовое занятие, научная деятельность со временем приходит к прямо противоположному результату – десакрализации мира и «атеизации» мышления. Как это могло произойти? Для ответа на этот вопрос важно учитывать широкий культурный контекст.

Сама идея «восстановления наук» изначально была частью общей идеи «восстановления» – «обретения на тысячелетнем или предтысячелетнем периоде утерянного в грехопадении знания и соответствующего “языка Адама”, которые давали человеку власть над природой, неограниченное долголетие, способность рационально, со знанием дела организовать всю совокупность межличностных, семейных, воспитательных, познавательных, социально-политических, экономических и иных отношений, обеспечивающих “праведный образ жизни и спасение “в первом воскрешении”» [Петров, 2017: 102].

Тем самым, «милленаризм, восстановление, Книга Природы, пророчество Даниила, идеи избранности англичан и Англии, философская система Бэкона, приведенная позже в более связную и приближенную к практике форму “пансофии” А. Коменским, задавали... основные контуры и размерности духовно-практического контекста, теоретической, политической, организационной, образовательной активности пуритан» [Петров, 2017: 103]. По мнению М.К. Петрова, «теология, которая действительно держалась на языческих авторитетах – на Аристотеле, Платоне, платониках, Гелене, Евклиде, Архимеде, – хотя она и подвергалась ожесточенным нападкам протестантов всех направлений, до XIX в. практически держала в тезаурусной узде европейское теоретическое мышление любых оттенков и нюансов, приводила к единому тезаурусному знаменателю» [Петров, 2017: 83]. И «взломана» эта система знаний, по М.К. Петрову, была вследствие усилий по ее христианизации, а именно: «необходимость учета Нового Завета, Христа как начала любого христианского самосознания для критики университетской “языческой схоластики», католической традиции вводила в спиритуалистическую парадигму “медицинского” толка (Парацельс, Гельмонт, Коменский, Пратт, Гартлиб) христологическую составляющую как условие состоятельности постулатной базы» [Петров, 2017: 89].

Тем самым, императив «онаучивания общества» предстает как новая историческая форма изначального милленаристского императива, возникшая в результате его секуляризации. А требование идеальной эффектив-

ности знания есть не что иное, как превращенная форма изначального представления о науке как инструменте создания «идеального общества». Наука как новое квазисакральное образование борется с «идолами» естественного разума, в первую очередь для того, чтобы самой стать главным Идолом разума, не терпящим рядом с собой никаких иных в качестве «конкурентов». Однако то, что было объявлено «идолами», на самом деле хранило в себе примордиальное знание о подлинно человеческом мире. Это с неизбежностью привело к явной или неявной «реабилитации» отвергнутых Ф. Бэконом «идолов». Тем самым, изначальный милленаристский императив не исчез, а поменял свое предметное воплощение – теперь оно видится в восстановлении смысловых структур до-научного «жизненного мира», еще не знавшего тех форм отчуждения, которые были порождены «онаучиванием общества». В этом контексте герменевтическая реконструкция изначального проекта Науки, оказывается важной и глубоко актуальной именно для современных исканий новейшей парадигмы синтеза модернизации в сфере технологий с традиционализмом в сфере ценностей и культурного творчества, которая является основой российской цивилизации.

Библиография

- Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Том II. М., Мысль, 1972. 582 с.
- Петров М.К. История институтов науки. Опыт изложения институциональной истории науки на материале англо-американской научной традиции. Ростов-на-Дону, Изд. ЮФУ, 2017. 404 с.

РАЗДЕЛ VII. УТОПИЯ vs ДИСТОПИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

ОБРАЗЫ ПОСТЧЕЛОВЕКА В ДИСТОПИЯХ СОВРЕМЕННОГО КИНО

М.С. Желтикова

Северо-Кавказский государственный институт искусств (Нальчик)

Аннотация. В данной работе рассмотрены варианты образов постчеловека, пути реализации идей трансгуманизма и существующий опыт модернизации и трансформации жизни социума под влиянием науки и передовых технологий.

Ключевые слова: гуманизм, трансгуманизм, постчеловек, утопия, дистопия, кинематограф, техника.

Многогранная человеческая культура видоизменяется под влиянием времени и потребностей общества. Именно поэтому для данной работы необходимо обозначить определения и понятия, которые могут иначе пониматься в других текстах и исследованиях.

Человечество всегда озадачено установлением комфортных условий для своей жизнедеятельности. Причем в разные периоды истории можно наблюдать за различными попытками и успехами этой миссии. Одной из самых продолжительных и дошедших до нас идей является гуманизм. Свой путь гуманизм начал еще в эпоху Возрождения (XV-XVI вв.) в Европе, когда обосновывается многоликое и сильное движение против духовного деспотизма церкви, покрывавшей жизнь людей жесткими правилами, против ее аскетической и циничной морали. Стоит отметить, что была еще и социально-экономическая предпосылка возникновения этого движения, а именно борьба «третьего сословия» против главенствующей феодальной аристократии и духовенства. Так гуманизм стал системой мировоззрения, где за основу берется защита достоинства и самоценности личности, ее свободы и права на счастье.

Со временем представители теоретических и практических наук пришли к выводу, что достойным спутником человеческой жизни, улучшающим ее качество и дающим время на ее осознание, становится техника. А

именно созданный человеком самостоятельный мир, появившийся в ходе развития научно-технического прогресса. Осмыслений техники множество. Но главное то, что она не противоречит цивилизации, а идет с ней параллельно, отвечая новым и передовым потребностям человеческого общества.

Сопровождая человека повседневно, выполняя ряд задач и полностью заменяя человеческую силу, техника и ее продукты показали, насколько универсальным может оказаться их использование. Так от гуманизма произошел трансгуманизм, который убежден в необходимости непрерывного совершенствования способностей и возможностей человека, где передовые наука и техника являются основными двигателями, а процессы защиты достоинства и самоценности личности, ее свободы и права на счастья становятся несколько размытыми. Основной идеей трансгуманизма является избавления человека от всех страданий, в том числе и от смерти (которая выступает высшей степенью увечья личности, ведь она останавливает процессы совершенствования).

Смоделированные или внедренные практически (осуществленные) идеи и проекты трансгуманизма вызывают разные оценки исследователей всех направлений. В данной работе мы обратимся к сфере искусства, а именно, литература (как основа для воображения и фантазии) и кинематограф (совре-

менный способ передачи образов, которые представляют определенные люди, а именно создатели конкретных фильмов).

Опыт показал, что чаще всего образ человека, подверженного трансгуманистическим идеям, не соответствует привычному нам образу человека. Поэтому принято считать, что такой человек есть постчеловек. В некоторых источниках используется термин Ф. Ницше «сверхчеловек». Оба варианта соответствуют в той или иной степени совершенно новому и ранее неизвестному образу. Постчеловек полностью или частично оторван от современного мира, его мир погружен в передовые технологии, новое социальное содержание личности может трактоваться двумя способами – сила используемая (обычные люди без высокого уровня достатка, позволяющего им оказаться во второй группе; клоны, роботы и киборги без способности к мыслительному процессу) и сила использующая (часто небольшая группа, обладающая возможностями для использования разного рода силы первой группы). Таким образом, мир постчеловека многогранен, в нем не исключены изменения составов этих сил и их значения для мира в целом.

В литературе и кинематографе вопросом совершенствования человека и его жизни (описательный характер) занимается утопия как жанр, предлагающий свой способ упорядочивания жизни, где все элементы несут конкретную функцию. Преимущественно в мире утопии общество счастливо и ни в чем не нуждается. Встречаются утопии с «налетом» трансгуманизма. Но чаще современное искусство диктует негативный фактор этого «налета». Для описания таких явлений существует жанр дистопии, предупреждающий человечество о надвигающейся проблеме. Так литература и кинематограф обращают внимание на нарушение разумных рамок негативных тенденций развития социума в разных областях. Дистопия стремится описать негативные черты общества, которое приобретает новый качественный и количественный уровень своих особенностей.

Одной из кинематографических дистопий современности выступает сериал «Мир Дикого запада» (Джонатан Нолан, Лиза Джой, 2016 г.), основанный на «Западном мире» Майкла Крайтона.

Сериал погружает зрителя в выдуманный футуристический парк развлечений «Мира Дикого запада», который населен андроидами (визуально точными копиями людей), не имеющими возможности познакомиться с реальным миром людей. Парк удовлетворяет желания высокопоставленных и богатых гостей, которые могут позволить себе абсолютно все в границах парка, не опасаясь возмездия со стороны роботов. Большинство гостей ведут достаточно вульгарный образ жизни в пределах парка, позволяя себе грубое отношение, в разных смыслах этого слова, относительно роботов. Система защиты устроена так, что андроид не может навредить гостю – пули распыляются, не успев коснуться живого человека. В конце каждой сессии память робота обнуляется, квест, запрограммированный в его разум, начинается заново как перемотанная к началу пластинка. Тело робота восстанавливается специальной группой людей, при необходимости роботы могут подлежать утилизации и замене, так роботы делятся на поколения, где последнее более прогрессивно за счет новейших обновлений их системы и разума.

Запутанная история приходит к тому завершению, что андроиды обретают собственное сознание, а те, которые обрели его, следуют за «сородичами». Так андроиды уничтожают людей (гости и инвесторы), находящихся в парке из позволяющего это сделать оружия. Отмщение не знает границ, и роботы выходят в реальный мир, где продолжают уничтожение человечества.

В данной работе прослеживается прогрессивный рост искусственного интеллекта, к которому стремились создатели роботов. Не оценив по достоинству свои собственные возможности, программисты создали абсолютно абстрагированный, самостоятельный интеллект в каждом роботе нового поколения, что привело к бесконтрольному поведению и смене власти в условиях парка, а затем и в целом мире.

В качестве постчеловечества в «Мире Дикого запада» выступают создатели «острова» андроидов – умнейшие люди современности, взявшие на себя ответственность и создавшие новый вид жизни, превосходящий все известные ранее виды на Земле; андроиды – осознанные создания, желающие отомстить

за их использование и ужасное отношение людей. Искусственный интеллект победил необузданное желание человечества «поиграть» в Бога.

Дистопия Дж. Нолана ярко демонстрирует, что опасность близко, и человек является ее первопричиной.

Наблюдая за развитием сериала, можно найти в нем отголоски пьесы К. Чапека «R.U.R.». Ученые создавали роботов, которых невозможно было отличить от живых людей, с целью выполнения различных видов работ от прислуживания в быту до тяжелого каторжного труда на заводах и иной промышленности. Изменения в системе интеллекта роботов привели к развитию у них собственного мышления, а затем и осознания себя в этом мире. Так создания ополчились против человечества и уничтожили его. К. Чапек предвидел данное стечение обстоятельств еще в начале XX в. И в течение века осмысление действительной беды современности и будущего только нагнетается и становится более реальным.

Возможности передовых науки и техники с каждым днем растут. Генная инженерия, нанотехнологии и биотехнологии внедряют все больше продуктов своей деятельности в повседневный мир общества. Близок день, когда окружение человека станет больше

техническим, чем природным. От этого поменяется мироощущение и осознание себя как личности. Сегодня уже существует подтверждение данной тенденции – образование нового вида спорта, где принимают участие люди с искусственными конечностями, ки-батлетика. Можно утверждать, что общество в большинстве своем поддерживает некоторые идеи трансгуманизма, ярко демонстрируя стремление к вечному развитию, обходя законы природы о естественном отборе.

Для социума в условиях клиповой и стремительной трансформации необходимо теоретическое осмысление. Культурология и философия, как инструменты осознания действительности, объективно отстают от нарастающего снежного кома науки и техники. Ж.-Ж. Руссо говорил о негативном влиянии прогресса на общество, предлагая вернуться к природе и заложенным ей в человека ценностям.

Будучи заложником ситуации человек, не способен на умеренную адаптацию к новому миру. Именно это приводит его к еще более быстрым темпам развития наук и технологий, где подсознательно он пытается оставить место для себя, говоря об исключительной цели своих действий как о панацеи для человечества.

УТОПИЯ КАК СПОСОБ МЫШЛЕНИЯ

А.М. Мокина

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению природы утопического мышления, которое состоит из целого массива свойств и признаков. Показано, что утопизм как способ мышления заставляет общество задуматься над проблемами, мешающими человеку жить. А с другой стороны, в утопическом мышлении скрывается призыв к разрушению старого с целью возведения нового.

Ключевые слова: утопическое мышление, религия, общество, истина, миропонимание.

Каждая эпоха выводит на поверхность п-е количество проблем, когда в центре внимания и отдельно взятой личности, и коллектива оказывается идея в виде перехода к реалиям спокойной и размеренной жизни. Сущность такого рода идеи все-таки соответствует желанию людей преобразить окружающую их действительность, избавиться от повседневных невзгод и создать общество всеобщего благосостояния. В данном случае

необходимо говорить о введении в оборот человеческого естества конкретной мировоззренческой установки, за счет которой человек прошлого и настоящего пытался и пытается достичь так называемой справедливости для себя и для остальных. Однако фундаментом столь уникального для восприятия содержания всего предметно-вещного мира становится утопическое мышление.

Природа утопического мышления сводится в плоскость формирования, закрепления и реализации конструктов в плане переосмысления настоящего, в котором сознание личности или социальной группы видит противоречие для своего существования. В итоге состояние внешней среды (степень обладания правами и свободами, способность удовлетворять набор потребностей, а также чувство защищенности от кого-либо и чего-либо) заставляет некоторых людей отказаться от реальности посредством ее неограниченной критики вместе с альтернативными проектами ее преобразования [Асабина, 2000: 23]. Начиная с платоновского «Государства», появляется мышление, направленное, прежде всего на выявление причин вызревания кризисной ситуации и их разрешения за счет изменения общественной жизни в виде наделения человека свободой как возможностью выбора жизненного пути [Гуторович, 2015: 35].

Обозначенные выше аспекты утопического мышления помогают найти истоки векторов складывания утопии как теоретического переосмысления устоявшихся во времени и в пространстве событий и явлений. Обычно утопия, выступающая в качестве универсального понятия, рассматривается на основе творчества английского писателя и общественного деятеля Т. Мора, но, тем не менее первоосновой утопического мышления становится Древняя Греция, где уже в V в. до н.э. рационалистические проекты идеального общества сместили акценты в сторону осмысления природы социально-политических процессов и стремления к преодолению негативных последствий развития человеческой цивилизации [Гуторов, 1989: 17]. При этом зарождавшееся в сознании людей утопическое мышление опиралось не столько на сверхъестественные силы, во многом ставшее продуктом мифологического мышления, а сколько на разум.

Итак, критическое начало, заложенное в утопическом мышлении, нужно считать продуктом рационального подхода к пониманию содержания нашей действительности. Традиция рационализма в утопизме соотносится именно с философским и научным миропониманием, ставящим на первое место только лишь постижение истины. Эта самоцель философии и науки превращаются

в идеал, который должен открыть человечеству правду и привести к абсолютно новым формам жизнедеятельности в силу отхода от всеразрушающей лжи, т.е. от неистинного и лживого знания. Возникает резонный вопрос: существует ли такой идеал в самом утопическом мышлении? Если обратиться к утопическим изысканиям, то важно отметить обоснование утопистами, как прошлого, так и настоящего социального идеала, «предлагающего» переустроить общество по причине установления принципов справедливости. Образцом переустройства стала моровская «Утопия», переносившая читателя в иную и более лучшую по сравнению с эпохой Т. Мора реальность.

Utopie (от греч. ou – «не» и topos – «место») – «страна, которой нет». Мысленная конструкция, изображающая идеальное состояние совместной жизни людей, преимущественно с гуманитарно-коммунистической окраской. Слово и понятие «утопия» введены Томасом Мором в XVI в. Утопист – человек, который имеет склонность, проповедует и стремится к осуществлению неосуществимых планов улучшения общества. Обычно любая утопия основывается на желании, рожденном мыслью. Вырастающая отсюда позднее утопическая форма мышления, идеология, устремляется к конкретному историческому будущему с претензией проложить для него «единственно верный» путь, с этой целью в новейшее время ей придаётся видимость научности. Определяя характерные черты утопии, не стоит забывать и о том, что ее состоятельность зависела и все еще зависит от религиозного мышления. Да, с опорой на философское и научное сознание утопизм пытается избавить нас ото лжи, но вместе с тем и религия способна привнести в утопическое мышление идею о переходе людей в качественно новое состояние. Утопия и религия как самодостаточные типы мышления предлагают человеку стремиться к земному счастью, возвыситься над мелкими невзгодами обыденной повседневности и поставить во главу угла общее благо, самопожертвование и всечеловеческую любовь [Митина, 2011: 136]. Так, в христианском учении эсхатология сводит верующего с верой в Царство Божье на земле, благодаря чему и воссоздается установка на преобразование

земной жизни общества, перемещающее людей в мир справедливости и всеобщего благоденствия. В утопическом мышлении также имеются эсхатологические мотивы, которые приводят людей в новый и обустроенный в соответствии с их ожиданиями прекрасный и идеальный мир.

Нужно понимать, что утопическое мышление, отличающееся высокими показателями трансцендентности, не замыкается только в рамках философско-идеалистических, религиозных и научных рассуждений и в призывах к скорым переменам буквально во всех сферах общественной жизни. Уже с античного периода народная утопия подготовила благодатную почву для формирования конкретного литературного жанра, принесшего с собой субъективные доводы и выводы философов, писателей, политиков и многих других о перспективах реализации некоего утопического проекта. «Утопия» Т. Мора, «Город солнца» Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона, «Принципы морали» Г. Мабли, «Современная Утопия» Г. Уэллса, «Туманность андромеды» И.А. Ефремова – все эти произведения воссоздают надежду на иное мироустройство, в котором человек сумеет найти для себя все необходимое и даже больше.

Таким образом, утопия, как способ мышления, состоит из целого массива свойств и

признаков. С одной стороны, утопизм заставляет общество задуматься над проблемами, мешающими человеку жить, а с другой стороны, в утопическом мышлении скрывается призыв к разрушению старого с целью возведения нового. Как бы то ни было, но этот призыв является результатом и итогом всеобъемлющей критики негативных моментов жизни, переводящей личность и общество в другую справедливую реальность.

Библиография

Асабина Т.Ю. Утопизм как абсолютизация философского рационализма // Философский век. Выпуск 13: Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма: Материалы международной конференции 27-28 июля 2000 г. Санкт-Петербург. СПб., 2000. С. 22-28.

Гуторов В.А. Античная социальная философия. Л., Изд-во Ленинградского университета, 1989. 288 с.

Гуторович О.В. Проблема свободы и ее решение в античной философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. №7. С. 35-38.

Митина Н.Г. Утопический дискурс. Механизмы генерации русской утопии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №2. С. 135-141.

Мор Т. Утопия / Пер. с лат. А. Малейна и Ф. Петровского. М., Изд-во АН СССР, 1953. 297 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ЛЕГЕНДЫ О БЕЛОВОДЬЕ*

К.С. Матвеев

Алтайский государственный университет (Барнаул)

Аннотация. На основе анализа архивных и исторических источников автор статьи выделяет и рассматривает этапы истории беловодской легенды. Первоначально возникнув на Алтае в среде старообрядцев, легенда о Беловодье распространилась по всей России. Исследование показывает, что социальная утопия не предстает общей картиной, благодаря динамическим нелинейным изменениям внутри старообрядчества XIX – нач. XX вв.

Ключевые слова: Беловодье, религиозная утопия, Алтай, старообрядчество, Н.К. Рерих.

Легенда о Беловодье сформировалась в среде старообрядцев-первопоселенцев, пришедших на Алтай. Данный регион привлекал их тем, что здесь находились при рудниках заводы А.Н. Демидова. Последний видел в старообрядцах опытных рудознатцев и масте-

ровых и укрывал их от властей. С наступлением в 40-х гг. XVIII в. кабинетского периода у старообрядцев закончилась относительная свобода. Приверженцы «старой веры» бежали за пределы Колывано-Кузнецкой военной линии в Бухтарминскую волость [Булыгин,

* Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтай, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект №33.2177.2017/4.6).

1996: 66]. Здесь с формированием этнографической группы алтайских «каменщиков» появляется представление о Беловодье.

Первый этап легенды. В XIX в. этнограф С.И. Гуляев в публикации «Алтайские каменщики» отметил, что под Беловодьем у старообрядцев изначально понимался весь Алтай, но с утратой демидовского покровительства границы «вольной земли сузились и передвинулись в горы» [Гуляев, 1952]. Профессор богословия Императорского Томского университета Д.Н. Беликов в своем очерке попытался очертить границы так называемого Беловодья. Он привел список деревень, которые основали алтайские «каменщики»: Белая, Бобровка, Быкова, Кондратьева, Корабиха и др. По его мнению, эти поселения «служили притоном для всех, кто желал видеть здесь, если не само Беловодье, то, по крайней мере, преддверие его» [Беликов, 1901: 15].

Второй этап легенды о Беловодье связан с новой волной бегства. В основе ее лежит беспоповская эсхатологическая идея о спасении души. В 20-х гг. XIX в. в архивных источниках известен массовый уход старообрядцев из своих поселений на поиск Беловодья. Попытка завершилась провалом, часть группы беглецов была арестована. На допросе старообрядцы, указывая причину бегства, поясняли, что в толкованиях на Апокалипсис, в трудах Ефрема Сирина и Ипполита папы Римского сказано, что спасение невозможно в мире, а возможно только в горах и пещерах [ГААК, Ф.2, Оп. 2, Д. 14: 465-468, 476, 489-490].

Третий этап легенды о Беловодье связан со старообрядческими списками маршрутов, «Путешественниками». В них указывалось, что Беловодье является страной, расположенной на многочисленных островах в Японском море. Путь к ней строился через поселение Уймон на Алтае. «Путешественники» были известны исследователям старообрядчества с середины XIX в. [Беликов, 1901: 144]. В XX в. К.В. Чистов пришел к выводу, что легенда о Беловодье изначально возникла и распространялась в кругу страннического согласия (беспоповское течение старообрядчества) [Чистов, 1962: 116-181]. Позже, теория К.В. Чистова подверглась пересмотру со стороны А.И. Мальцева, Н.Н. Покровского и других. Критика А.И. Мальцева сводилась к тому, что ни в одном из сочинений странни-

ков нет упоминаний о Беловодье [Мальцев, 2002: 534-535]. Н.Н. Покровский указывал на то, что странноприимцы, указанные в списках «Путешественника», принадлежали к часовенному согласию [Покровский, 2012: 44-53]. Распространение легенды о Беловодье с сохранившимся в нем старообрядческом священстве среди часовенных было продиктовано историческим кризисом отсутствия священства внутри согласия.

Четвертый этап легенды связан с возникновением Беловодской иерархии в последней четверти XIX в. Ее основателем выступал лже-епископ Аркадий, который, как он заверял, был представителем патриарха славянобеловодского Мелетия. Активность Аркадия на Урале подтолкнула казаков к новым поискам Беловодья. Несмотря на то, что Беловодье не было обнаружено ими ни в Индии, ни в Китае, ни на Дальнем Востоке, ни в Сибири, Аркадий продолжал пользоваться популярностью и организовывать «беловодские» приходы. Беловодская иерархия просуществовала до начала XX в. и трансформировалась затем в одну из ветвей катакомбного единоверия [Данилко, 2014: 22].

Последний этап легенды о Беловодье возник благодаря Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов. В рамках экспедиции Н.К. Рерих посетил Алтай. Сообщения русских путешественников XIX в., изучавших беловодскую легенду, не прошли мимо внимания Н.К. Рериха. Он отождествил Беловодье с легендарной тибетской страной Шамбалой. Считая, что маршрут до Беловодья был специально запутан старообрядцами, Н.К. Рерих помещает его среди гималайских долин. Впоследствии жители-старообрядцы Уймонской долины стали уверять, что Беловодье располагается не на островах Японского моря, а между Индией и Китаем. По заверению старожил Уймона А.В. Атамановой и Ф.С. Бочкаревой сам Н.К. Рерих был в Беловодье и остановился там на три дня [Савоскул, 1983].

В современный период легенда о Беловодье продолжает привлекать на Алтай людей, в основном представителей новых религиозных движений.

Библиография

Беликов Д.Н. Томский раскол: Исторический очерк от 1834 по 1880 г. Томск, 1901. 247 с.

Булыгин Ю.С. Беловодье – энциклопедия Алтайского края. Т. 2. Барнаул, 1996. 598 с.

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 2. Оп. 2. Д. 14.

Гуляев С.И. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские губ. Ведомости. СПб., 1854. № 21.

Данилко Е.С. Патриарх из Беловодья: новые исследования старообрядческой утопии // Религия в истории народов России и Центральной Азии. Материалы II Международной научной конференции. Барнаул, 2014. С. 21-23.

Мальцев А.И. Беловодье // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 534-535.

Покровский Н.Н. Урало-сибирские староверы-часовенные // Дни в Романовке: Японские фотографии, запечатлевшие русское старообрядческое село в Маньчжурии на рубеже 1930-1940-х годов, из собрания Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева во Владивостоке. М., 2012. С. 44-53.

Савоскул С.С. Н.К. Рерих и легенда о Беловодье // Советская этнография. № 6. М., 1983. С. 88-101.

Чистов К.В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. №35. Петрозаводск, 1962. С. 116-181.

ВКЛАД КУРТА ВОННЕГУТА В РАЗВИТИЕ АНТИУТОПИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА

Н.Р. Кириллова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В данной работе будут рассмотрены личность и творчество Курта Воннегута, влияние его работ на формирование американской литературной мысли. Также будут проанализированы основные работы, выявлены характерные для этого автора антиутопические тенденции.

Ключевые слова: антиутопия, научная фантастика, антропология, гуманизм.

Двадцатый век является важным периодом в развитии антиутопической мысли. Именно в это время антиутопия достигла своего окончательного оформления и стала преобладающим жанром эпохи.

Расцвет утопического сознания и попытки создания и воплощения в жизнь социальных механизмов, способных поработить массовое духовное сознание – стали одной из главных причин появления антиутопии. Именно реальность жизни двадцатого века и легла в основу многих произведений, посвященных созданию качественно нового общества.

Одной из важных фигур здесь стоит выделить Курта Воннегута – американского писателя – сатирика, занимающего одно из значимых мест в американской литературе.

Оценка его творчества довольно спорная, и максимально близко отнести произведения к какому-либо определенному жанру невозможно. Сам Воннегут считал, что его работы близки по духу Рабле, Свифту и Марку Твену. Неискоренимым пафосом своих произведений Курт Воннегут также напоминает американских писателей послевоенного периода, которые остро затрагивают темы одиночества, бесцельного существования единичного человека в жестоком технократическом обществе.

Руке Курта Воннегута принадлежат такие известные произведения, как «Утопия 14», «Колыбель для кошки», «Бойня номер пять, или крестовый поход детей», «Завтрак для чемпионов» и пр. В каждом наблюдается неповторимый стиль автора, его стремление донести людям мысль о том, что «мы охладели к страданиям друг друга, мы больше не ценим жизнь, воображая, что живем на каком-то острове, отделенном от всех бедствий высокой стеной равнодушия. Мир погубит равнодушие людей к друг другу» [Музычук].

Смело можно сказать, что в своих работах Воннегут обнажает истинные механизмы и рычаги современной культуры, открывая миру тот факт, что она существует лишь на главенствующих принципах насилия и власти. Существующие понятия о долге, верности, патриотизме – это лишь ширма, скрывающая под собой сущность этой культуры.

«Отличие от традиционных романов здесь состоит в основном в разорванности сюжетных линий, фрагментарности текста, а также в частом нарушении причинно-следственных связей. Романы Воннегута оказали заметное влияние на все дальнейшее американское искусство, так или иначе связанное с темой войны» [Аствацатуров, 2007: 166]. Для него мир, который находится за границами

человеческого «я», непознаваем, жесток и абсурден. Оставаясь непознаваемым, этот мир не даёт возможность себя оформлять и направлять, отбрасывая все схемы, которые налагает на него культура. Эту идею Воннегут очень ярко показывает в романе «Бойня номер пять, или крестовый поход детей», показывая читателю содержание книги своего персонажа, в которой рассказывается о людях, больных психическими заболеваниями и не поддающихся лечению в силу причин, которые лежат в области рационально непостижимой. Здесь силы, которые контролируют социальную реальность и поведение человека, абсурдны.

Основание самой культуры – разум, отдаляющий человека от природы, предметов и явлений. Благодаря разуму, человек ставит себя над миром, считая себя высшим итогом эволюции. Возникает тезис о том, что «войну может обуздать только разум» [Аствацатуров, 2007: 182].

Однако Курт Воннегут очень точно доказывает обратное, что война и есть самый настоящий и неизбежный продукт разума. Её началом лежит всё тот же принцип отдалённого взгляда на мир. Её началом лежит всё тот же принцип отдалённого взгляда на мир. Война нагляднее всего показывает незрелость реальности, несвязность её частей.

Тема результатов войны или же любых насильственных действий довольно ярко отражена в романе «Колыбель для кошки». Воннегут выдумывает религию, язык, не точно определённую временную установку, вещество лёд-девять, чтобы максимально подробно раскрыть всю трагичность положения современной Земли.

Если обратиться к финальным главам этого произведения, то именно в них автор показывает страшную картину замёрзшей и совершенно безучастной Земли. Максимально раскрывается утилитарное отношение человека ко всему, что его окружает: «Правда, ни растений, ни животных в живых не осталось. Но благодаря льду-девять отлично сохрани-

лись туши свиней и коров и мелкая лесная дичь, сохранились выводки птиц и ягоды, ожидая, когда мы дадим им оттаять и сварим их» [Воннегут, 2014: 273].

Также одной из важных тем, затрагиваемых Куртом Воннегутом в своём творчестве, стоит отметить возможность социального прогресса. В колыбели он пишет главу, которую называет «Четырнадцатый том», чтобы разобрать этот вопрос.

Учение Боконона учит объединению людей в карассы по какому-то совершенно атомному принципу, словно говоря, если люди совершают совместное броуновское движение душ, они обречены быть вместе. Люди совершают действия во имя Бога, сами не ведая, что творят.

Боконизм открыто утверждает, что все его учения – ложь. Учитывая весь свой опыт и применяя все усилия своего разума, человек никогда не сможет надеяться на светлое будущее и прогресс, пока, как и один из главных героев, не согласится с неоспоримой истиной: «Бог есть любовь».

Апокалиптические романы Воннегута показывают, каким может предстать конец света, если человеческий разум не перестанет совершать акты насилия и террора над природой, над всем, что было создано не им, над всем, что подчинено не его замыслу.

Библиография

Аствацатуров А. Искусство и насилие (О романе Курта Воннегута «Бойня номер пять») // Феноменология текста: игра и репрессия. М., Новое литературное обозрение, 2007. С. 166-191.

Воннегут К. Колыбель для кошки / пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. М.: АСТ, 2014. 282 с.

Музычук А.А. «Колыбель для кошки» Курта Воннегута: проблема разума // Филология и литературоведение. 2015. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2015/02/1188> (дата обращения: 23.09.2018).

Klinkowitz J. The Vonnegut effect. University of South Carolina, 2004. P. 46-74.

Dewey J. In a dark time: The apocalyptic temper in the American novel of the nuclear age. Purdue University Press, 1990. P. 53-56.

МЕЧТАЮТ ЛИ АНДРОИДЫ ОБ ЭЛЕКТРООВЦАХ?

А.О. Зуева

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Характерный для современной мировоззренческой, философской мысли интерес к социальным последствиям научно-технического развития в последнее время обостряется за счет внимания к концепциям, нацеленным на использование научно-технических достижений для радикального продления здоровой, полноценной жизни (вплоть до преодоления смерти) и качественного развития физических, интеллектуальных, психологических возможностей, способностей человека, становящегося постчеловеком. Феномен постчеловека приобретает все большую популярность среди массовой культуры, а антиутопические прогнозы будущего становятся каноническими, поэтому данное явление требует более глубокого анализа. В рамках данного исследования рассматривается культовый фильм «Бегущий по лезвию» (1981).

Ключевые слова: антиутопия, постчеловек, бегущий по лезвию, научная фантастика, искусственный интеллект.

В популярных фильмах-антиутопиях – «Терминатор» (1985), «Судья Дрэд» (1995), «Машина смерти» (1994), «Матрица», «Дознание пилота Пирса» (1977), «Лекс» (2000) – роль цивилизации отведена мыслящим машинам. Роботы взбунтовались против человека, который их и сотворил, либо создали свою цивилизацию, враждебную своему творцу. Именно в таком враждебном ключе видится многим авторам проблема искусственного интеллекта и ее последствия.

Несмотря на то, что нет общего представления об искусственном интеллекте как о человеке, можно говорить о том, что искусственный интеллект являет собой Постчеловека, некую систему, мыслящую и развивающуюся как человек, и за которой может стоять будущее. Искусственный интеллект представляется обязательно антигуманной сущностью, неспособной к мыслям и чувствам, как человек. А его создание приравнивается к покушению на божественное.

И основная проблема, связанная с этим, состоит не в технологической невозможности, а в очеловечивании машины и праве на это. Решение можно увидеть еще в сказках о Пиноккио (Буратино), где деревянная игрушка становится настоящим мальчиком.

«Бегущий по лезвию» (англ. Blade Runner) – художественный фильм, снятый английским режиссёром Ридли Скоттом в марте-июле 1981 г. по мотивам научно-фантастического романа Филипа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (1968).

В центре сюжета история детектива из специального отдела полиции Лос-Анджеле-

са Рика Декарда, вынужденного разыскивать и уничтожать искусственно созданных для тяжёлых и опасных работ людей, которых называют репликантами.

Основным мотивом фильма является вопрос «Человек или Репликант?» Этим вопросом задаётся Декард, разыскивая репликантов, а затем тестируя Рейчел, которая не подозревает о том, кто она. Этот вопрос он задаёт и себе. Этим же вопросом задаются зрители после просмотра кинофильма.

Восприятие фильма во многом зависит от того, кем является его главный герой Декард – человеком или роботом. В романе он мучается сомнениями по этому поводу. Сценаристы фильма предпочли оставить решение этого вопроса на усмотрение зрителя.

Ницше предсказывал и воспевал явление сверхчеловека, и именно такой фигурой предстаёт в фильме репликант Рой, созданный корпорацией под девизом «*More human than human*» («более человеческий, чем человек»). Его имя в переводе с французского означает «властитель, царь». Он не только физически сильнее обычных людей, он их великодушнее, ибо оказывается способным спасти жизнь своего врага. Кроме того, он лишён классовых иллюзий, делящих человеческие существа на истинные («право имеющие», в категориях Фёдора Достоевского) и «мнимые», по определению подлежащие уничтожению.

В режиссёрской версии «Бегущего по лезвию» центральным оказывается вопрос о природе человека. Знаменитый философ Декарт полагал, что открыл ключ к природе человека – существует не тот, кто двигается, а

тот, кто мыслит (*Cogito ergo sum*). Это повторяет в обоснование своей борьбы за жизнь репликантка Прис. Раз репликанты способны к мышлению – они тоже люди и, следовательно, обладают правом на жизнь.

Декард и Рейчел ещё ближе к людям: они снабжены маскирующим их механическую природу нарративом – аналогом таких сугубо человеческих качеств, как воображение и память.

Пропущенные через сознание Декарда образы «Бегущего по лезвию» демонстрируют, как воспоминания, эмоции и желания образуют коллаж, который зовётся сознанием, и что именно тяга освободиться от всяческих ограничений, духовных и физических, делает нас людьми. Защитник исключительности людей и истребитель репликантов сам оказывается репликантом.

Таким образом, проблема искусственного интеллекта до сих пор является актуальной. Не решен вопрос о природе, статусе и границах человеческого интеллекта. Если в будущем машины смогут рассуждать, осознавать себя и иметь чувства, то что тогда делает человека человеком, а машину – машиной? В антиутопической литературе искусственный интеллект чаще всего изображается как сила, которая пытается свергнуть власть человека (Скайнет, «Матрица»; репликант в «Бегущий по лезвию») или обслуживающий гуманоид (С-ЗРО в «Звездных войнах»; «Двухсотлетний человек»). Но наделенный сознанием искусственный интеллект можно считать Постчеловеком («Двухсотлетний человек», «Бегущий по лезвию»).

КИБЕРПАНК КАК РАЗНОВИДНОСТЬ АНТИУТОПИИ

И.О. Зимина

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Работа посвящена выявлению главных черт киберпанка как разновидности антиутопии, в которой человек забывает о своей духовности, а во главе всего становится машина и виртуальная реальность. Это рассматривается на примере фильма Стивена Спилберга «Первому игроку приготовиться» (2018).

Ключевые слова: антиутопия, киберпанк, фантастика, массовое кино, поп-культура.

Цель доклада состояла в том, чтобы выявить главные черты жанра киберпанка и продемонстрировать их на примере нового фильма Стивена Спилберга «Первому игроку приготовиться» (2018).

Киберпанк – жанр научной фантастики, который возник в начале 1980-х гг. В нем описывается общий упадок человеческого общества на фоне мощного развития технологического прогресса в компьютерную эпоху, т.е. этот жанр актуализирует антиутопический дискурс в современных реалиях. Он рисует нам мир, в котором человек не просто не мыслит себя без виртуальной реальности, но где эта реальность оказывается для него главной, а реальный мир отступает на второй план. Хотя еще в первой половине XX в. высокоразвитые технологии и перспектива глобальной компьютеризации обещали человеку блестящие перспективы, включавшие в себя, что важно, и гуманистический пафос.

Набирающий популярность жанр киберпанка уже окончательно свидетельствует, что сегодня художники всерьез задумались – ни больше, ни меньше – над проблемой вырождения человечества, коль скоро оно отдает предпочтение «снам», а реальную жизнь ни в грош не ставит. И ведь, действительно, сегодня в реальности человек прячется за экраном монитора, а действительность как таковая остается на втором плане.

Известный американский литературовед и журналист, к тому автор, пишущий в жанре киберпанка Брюс Стерлинг в своем эссе «Киберпанк в девяностых» весьма точно определяет, насколько в жанре киберпанка просматриваются антиутопические черты: «Сама человеческая мысль, заключенная в программном обеспечении, становится тиражируемым товаром. Даже содержимое человеческого мозга не является чем-то священным; напротив, человеческий мозг яв-

ляется предметом многочисленных научных разработок. На духовный аспект уже никто не обращает внимания. При таких обстоятельствах, мысль о том, что Природа Человека должна доминировать над Великой Машинной, просто глупа. Это может показаться странным для непосвященных. Возьмем для примера лабораторную крысу, в чей мозг вживлены электроды. Как вы посмотрите на то, если она начнет страстно проповедовать то, что в конце концов Природа Грызунов восторжествует? Почти все, что мы делаем с крысами, можно проделать и с человеком. А с крысами мы можем сделать многое. Об этом нелегко думать, но это правда. Она не исчезнет, если мы закроем глаза. Это и есть киберпанк» [Стерлинг, 1998].

Современный кинематограф представляет достаточно много фильмов по данной тематике, мы выделим один из самых шумевших – ленту 2018 г. «Первому игроку приготовиться», тем более что ее режиссером является Стивен Спилберг – нестареющий мастер своего дела. В этой картине Спилберга мир изображается как темное, зловещее место, в котором Сеть управляет каждым аспектом жизни людей, а гигантские транснациональные корпорации подменяют собой правительства, обладая политической, экономической и даже военной силой. Главный герой фильма, подросток Уэйд Уоттс предстает антигероем этого мира. Заявлен-

ный неудачником он, тем не менее, получает шанс изменить мир. И мир меняется, становится более «естественным».

Этот сюжет совсем не нов в антиутопическом жанре и в более узком его варианте – киберпанке, но все же в «Игроке» мы видим детали, которые выделяют фильм среди других. Этот произведение массового кинематографа, но добротного. Добротность сказывается в виртуозном изобразительном стиле, который опирается на прежнюю кинематографическую культуру, перекликается с современной, хорошо известной молодому зрителю «картинкой» компьютерных игр и отсылает к поп-культуре 1980-х, благодаря которым те, чье детство и отрочество пришлось на эти годы, с радостью их принимают и понимают аллюзии авторов. Но главное, что в фильме отстаивается идея – никакая виртуальная реальность не заменит настоящий мир, иначе Спилберг не был бы Спилбергом.

Библиография

- Артюх А. Метафизика красной таблетки // Искусство. 1999. №9. С.22-24.
 Стерлинг Б. Киберпанк в 90-х годах // Искусство кино. 1998. № 10. С.35-37.
 Вочевски. Может быть, мы Симулякр // Искусство кино. 2000. № 3. С. 20-22.
 Кузнецов С. Реальное кино в виртуальном мире // Искусство кино. 1999. №3. С.30-33.
 Первый век кино. М., 1997. С.120-130.
 Паркинсон Д. Кино. М.,1996. 720 с.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ В КИНОУТОПИЯХ «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН» И «ВОЗВРАЩЕНИЕ СО ЗВЕЗД»

А.А. Носова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Статья посвящена проблемам интерпретации насилия и амбивалентного отношения к нему в антиутопических лентах «Заводной апельсин» и «Возвращение со звезд».

Ключевые слова: антиутопия, агрессия, насилие, традиционные устои, контркультура.

Целью настоящей работы был анализ проблемы насилия в двух кинолентах в жанре антиутопии. Выбранные для анализа фильмы, на первый взгляд, совершенно разные, но есть и общие черты: оба фильма сняты по примечательным романам известных писателей, и основные размышления авторов лент касаются темы насилия. Речь о лентах «Заводной апельсин» (С. Кубрик, США, 1971) и

«Возвращение со звезд» (В. Латышев и О. Ларионов, СССР, 1989).

Антиутопия – это термин, который обозначает такой тип общества, который отличается катастрофическими последствиями для человека. Иными словами, это общество, представляющееся нежелательным.

В своем докладе мы обращаемся к киноантиутопиям «Заводной апельсин» и «Возвращение со звезд».

щение со звезд». Сюжеты этих двух разных кинокартин объединяет тема насилия. Под насилием мы понимаем действие, когда при помощи угроз или физической силы человека заставляют делать то, чего он не хочет. Однако фильмы не просто ставят проблему насилия, они конкретизируют ее в следующем ракурсе: необходимо ли убирать в человеке то, что толкает его к насилию? Возможно, сначала каждый захочет с уверенностью ответить: «Да!». Но посмотрев фильмы, станет ясно, что не все так просто. Во многом, ответ на вопрос, стоит или нет ликвидировать насилие, лежит и в особенностях устройства общества, сложившегося в момент создания этих кинокартин.

Так, сюжет фильма «Заводной апельсин» отражает состояние общества Америки 1960-70-х гг., когда множество молодых людей открыто выступало против традиционных социальных норм. В то время в учебных заведениях активно обсуждались идеи создания обновленного социума, способного добиться отмены расовой и экономической несправедливости, а также изменить политическую жизнь страны. В то же время для большинства студентов социальные изменения означали персональное освобождение от традиционных устоев, т.е. происходило формирование так называемой «контркультуры».

Сюжет фильма «Заводной апельсин» базируется на теме насилия. Главному герою – подростку Алексу, очень нравится причинять окружающим боль. После совершения очередного преступления герой попадает в тюрьму, где ему предлагают поучаствовать в экспериментальном «лечении». С помощью особых методов у преступника вырабатывают отвращение к насилию. После завершения «лечения», главный герой сильно меняется: одна только мысль о причинении кому-то вреда начинает вызывать к нему невыносимую боль в теле. Но когда герой выходит на свободу, он оказывается неспособным дать отпор даже той агрессии, которая направлена на него. Из-за эксперимента Алекс становится беззащитным.

Отсюда вполне можно сделать вывод, что насилие возникает из агрессии, причины которой могут быть разные: необходимость отстаивать свои идеи, точку зрения, защитить себя или кого-то от опасности. Таким обра-

зом, агрессия – это, в числе прочего, своеобразный защитный механизм, который есть у каждого человека, но одни способны его контролировать, а другие – нет.

В каждом из нас агрессию сдерживает воспитание, нормы морали, которые не дают ей перерасти в насилие, ограничиваясь словесными конфликтами. Если же лишить человека возможности проявлять агрессию как таковую, то он в конечном итоге может утратить и способность врожденной защиты и в обществе индивидов, умеющих за себя постоять, станет абсолютно беззащитным.

Любопытно, что в другом кинопроизведении – «Возвращение со звезд» – затрагивается как раз этот аспект. Нам представлено общество, где люди в обязательном порядке проходят процедуру бетризации, предполагающую своеобразную прививку от насилия. На первый взгляд кажется, что в таком обществе должен царить порядок и процветание. Но так ли это? В фильме рассказывается история астронавта Эла Брегга. Он возвращается из длительной космической экспедиции на Землю, где за время его отсутствия общество именно из-за бетризации, «выключающей» естественную агрессивность в человеке и усиливающую инстинкт самосохранения, успело сильно измениться: люди утратили свою природную агрессивность. В эпоху бетризации Земля полностью победила войны, а значительные достижения науки позволили людям избавиться от большей части грозящим им опасностей. Общество стало стабильным, а мир – комфортным. В новом мире уже не нужны глубокие эмоции, умение побороть себя и приложить нечеловеческие усилия для достижения цели. Люди больше не способны к риску, а значит, начинают исчезать многие профессии. Даже полеты в космос теперь рассматриваются как авантюризм. Общество, не способное на агрессию, стало инфантильными; любая нестандартная ситуация дезориентирует.

Таким образом, проанализировав две киноленты – «Заводной апельсин» и «Возвращение со звезд», становится ясно, что обязательное уничтожение насилия – не панацея для благоприятного развития общества. Подобные эксперименты могут настолько изменить общество, что не помогут, а скорее, навредят ему. Возможно, практика отказа от

насилия станет реальной в будущем, но явно с определенными оговорками. К этому нас подводит анализ этих двух лент.

Мы полагаем, что у человечества нет иного варианта совершенствования, кроме как самостоятельно и при этом с огромным трудом стараться преодолевать в себе негативную агрессию. В конечном итоге все сводится к вечному поддержанию и развитию культуры, сохранению моральных ценностей, осознанию необходимости воспитания. Все это в той или иной степени свойственно всему че-

ловеческому сообществу в любой точке земного шара.

Библиография

Академик. История США (1964-1980). [Электронный ресурс]. URL: dic.academic.ru. (Дата обращения: 03. 11. 2018).

Соловьев А.В. Общество потребления и движение контркультуры в США во второй половине XX века. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-potrebleniya-i-dvizhenie-kontrkultury-v-ssha-vo-vtoroy-polovine-xx-veka> (Дата обращения: 03. 11. 2018)

THE GENRE OF LITERARY UTOPIA, ITS TYPOLOGY AND CHARACTERISTIC FEATURES

Victoria O. Ignatchenko

Southern Federal University (Rostov on Don)

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the development of the literary utopia genre. The theoretical significance lies in the selection of those genre features of literary utopia, which determine its complex, multifunctional character. Literary utopia is considered as a flexible genre phenomenon, which varies depending on historical, cultural, ideological, and philosophical factors.

Key word: utopia, dystopia, genre, typological signs, narrativity, society, fiction.

The problem of the literary and artistic justification of utopia, in the presence of different points of view in the Russian literary criticism, remains an open and ambiguous question. There is no strict definition of literary utopia, although as an artistic phenomenon it has existed for a long time, since the days of the Renaissance humanism. Moreover, the term 'literary utopia' is not always perceived as a theoretical category of fiction. The range of analyzed utopian works is so wide that the term, and the very essence of literary utopia, is eclipsed by non-philological paradigms.

One of the main obstacles in the understanding of utopia as a literary artistic phenomenon is seen in the presence of numerous philosophical, sociological, cultural, historical studies, which, undoubtedly, are reflected in the philological understanding of utopia. At the same time, it is impossible to deny the fact that the modern interpretations of utopia offered by various humanities have created a certain foundation for studying its main features, which are recognized equivalently to a multitude of research approaches. In modern science, the theoretical basis for understanding literary utopia is a question about the features of its typology. Researchers unani-

mously identify a number of signs defined as resistant (or basic, traditional). The current level of research on this problem – the isolation and analysis of the main typological signs of utopia – allows us to give an optimal picture of the development of utopia as a phenomenon of the spiritual culture of humanity, taking into account its ambivalence, polyfunctionality and ambiguity of meaning contained in it.

With varying degrees of depth, researchers trace the characteristics of their manifestation by the examples of the most famous utopian texts. However, in our opinion, in the context of a particular historical and cultural situation, the functionality of one or another of its characteristics changes or is read in a new way, thereby expanding the research possibilities of interpreting utopia as a literary genre. There are discrepancies on some fundamental issues of a literary-theoretical nature, which makes it necessary to deepen the existing knowledge and leaves the possibility of studying the stated problem. Taking into account the wide variety of approaches to the study of literary utopia, the ambiguity of judgments of modern researchers and, at the same time, the procedural nature of the phenomenon of utopia itself, especially its transformation in a certain

cultural and historical environment, we turn to the typological characteristic of those features that, in our opinion, typological basis of its genre formation.

To define the literary utopia as an independent genre phenomenon allows those signs that, due to their stability and repeatability, form a single universal picture of its development. Theoretically significant for the study of the problems of the genre of literary utopia is the selection of such fundamental properties of utopia as the depiction of the ideal state of society, scale, inclusiveness, globality, descriptiveness, etc. Some researchers, in the first place, rightly correlate utopia with the ideal the world, highlighting in utopia “conscious or unconscious arbitrary construction of an ideal” [Баталов, 1989: 19]. Others pay attention to the inclusiveness that allows the author of a utopian “to tell all about his utopia, about its structure, about the principles of the organization of its life”. It is axiomatic to think that utopia is descriptive. The essence of the current statement is demonstrated by the following statements: “...utopia is always static, utopia is always a description”; “... about the proper arrangement of things you cannot tell it can only describe” [Чернышева, 1984: 311]. Some researchers distinguish as the most stable and, consequently, preserved in the artistic structure of utopia, the trait – “...the global character of the image of an artificially “constructed” human society”. We also note an important feature that the listed features are reflected in various ways not only in utopia, but also in anti-utopia, exposing the great nature of the unfavorable state of society.

According to S.A. Goncharov, in the utopian writings of T. Mor, T. Campanella, I. Andrew, F. Bacon, there is a strong reflection of the “mythological tendency”: the “Christian notions of “heavenly Jerusalem” were combined with the “aesthetics of central symmetry” [Ковтун, 1999: 76]. In this case, the researcher draws attention to the strict proportionality and symmetry of the city, in the center of which stands the temple, and on the space outside the city – the «periphery», opposed to the center. This allows the researcher to consider the utopian urban space in accordance with the mythological ideas about the universe, where “his own” world – sacred – goes into the border zone, it is neutral, everything else is “alien” world, chaos, non-existence reigns in it, etc.”

The specific feature of the typology of literary utopia, as a phenomenon of artistic creativity is seen in the conscious appeal of the genre to fiction, imagination. Thus, firstly, the genre nature of literary utopia is a complex phenomenon. Its typology is based on features that persist over many centuries or change under the influence of many factors, for “the literary genre by its very nature reflects the most stable, “eternal” trends in the development of literature. Non-dying elements of the archaic are always represented in the genre.” It «remains in it only due to its constant renewal, so to speak, modernization...The genre lives in the present, but always remembers its past, its beginning». Secondly, each time coming to life in a certain era, the genre Utopia absorbs all the features of this historical time and enters into certain relations with it, because, as N.L. Leiderman writes, “... the new reality introduces new ideas about the world and man into the established genre, corrects and updates the value criteria that fossilized genre structure” [Лейдерман, 1982: 19]. Thirdly, the theoretical basis of the typology of the genre of literary utopia is a number of features that allow to emphasize its multidimensionality and polyfunctionality. As defining and dominant, let’s mention such features as the borderline nature of the existence of literary utopia, the presence of double-world, the special narrative and space-time structure of the text, the modeling properties, the presence of fiction, proximity to the novel form, etc.

Библиография

Баталов Э.Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989.

Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М., 1999.

Латынина Ю. Литературные истоки антиутопического жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

Лейдерман Н. Движение времени и законы жанра. Свердловск, 1982.

Чернышева Т. Природа фантастики. Иркутск, 1984.

Gondry M. Sundance Interview: “Be Kind Rewind.” Director Michael Gondry interviewed by James Rocchi. January 17, 2008. URL: www.cinematical.com/2008/01/17/sundance-interview-be-kind-rewinddirector-michel-gondry. (accessed June 29, 2009).

РОМАНТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н.В. ГОГОЛЯ

Х.З. Шарыпова

Омский государственный педагогический университет (Омск)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению реализации идеи романтической утопии в сборнике повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки». В статье анализируется через какие мотивы писатель воплощает данную идею, и как она связана с петербургским циклом повестей Гоголя.

Ключевые слова: романтическая утопия, утопический топос, романтический идеал, деформация мира, идея свободы.

Н.В. Гоголь – один из самых самобытных представителей русской классической литературы. Большое влияние на формирование писателя оказали фольклорные традиции украинской земли, где он родился и вырос. Чувство глубокого восхищения малой Родной нашло отражение в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Диканька первых повестей Гоголя, становится особым топосом, в котором писатель разворачивает романтическую картину мира, сложившуюся в его ранний творческий период. Диканька здесь не просто окраина Российской Империи, а мифическое и волшебное место.

Важно понимать, что утопизм топоса Диканьки заключается не в идее социального Рая и не в торжестве справедливых законов. Для понимания утопизма гоголевской Диканьки, нам нужно знать, кем был тот автор, который писал «Вечера». У Гоголя этого периода сильны романтические концепции: «Юный Гоголь, с интересом читавший в Нежине орган русских философов-романтиков “Московский вестник”, тянувшийся к поэзии лирических идеалов, овеванной именами радикального романтика Фосса и возвышенного Шиллера, весь погруженный в эстетические доктрины романтизма и явившийся читателю впервые со своим именем как ультраромантик в патетическом отрывке “Женщина”...» [Гуковский, 1959: 31].

Таким образом, Гоголевская Диканька не есть социальная утопия, но есть утопия романтическая, в основе которой идея свободы.

Романтический мир писателя не принадлежит реальному топониму Украины – Диканьке, а располагается в Диканьке, созданной фантазией автора. За гранью этого чудесного мира начинается филистерский мир, где нет места романтическому идеалу.

Следуя романтической традиции, Гоголь создает границы своей утопии при помощи картин природы. В «Сорочинской ярмарке» река является барьером, который отделяет ярмарку от реального мира: «Воз с знакомыми нам пассажирами въехал в это время на мост, и река во всей красоте и величии, как цельное стекло, раскинулось перед ними» [Гоголь, 1940: 113]. Ярмарка становится отдельным «государством», со своими законами. Здесь можно купить зерна, а можно наткнуться на черта.

Нечистая сила здесь либо смешная, и служит человеку, как, например, чёрт из «Ночи перед Рождеством»: «Спереди совершенно немец: – узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка, оканчивалась, как и у наших свиной, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке» [Гоголь, 1940: 202].

Или же, наоборот, выходец с того света настолько страшен, как страшен Басаврюк из «Вечера накануне Ивана Купалы», колдун из «Страшной мести», что противостояние с ним становится не «игрой», где смекалистый герой обманывает глупую нечистую силу, а древней борьбой добра и зла. По мнению Гуковского, в данном случае, Гоголь обращается к балладной традиции Жуковского. Исследователь отмечает, что Гоголевская проза больше лирична и красива, чем страшна и трагична. Красота и таинственность народной легенды помогает Гоголю создавать романтический мир, где простая жизнь гармонично соседствует со сказочным.

Для мира «Вечеров» логично, что полет кузнеца на черте соседствует с пышным Петербургом. Интересно то, что момент покидания главным героем территории утопиче-

ской Диканьки и перемещение его в реальный Петербург происходит столь необычным и смешным образом. И кажется, что в Петербурге на время начинают действовать те же волшебные силы, что и на Диканьке.

Гоголь рисует мир, где народные легенды и обычная жизнь, переплетаясь, образуют утопическую землю – Диканьку, где нет места пошлой обыденности и пустоте. «Демоническое» становится привычным, обрывает плоть, а обычное светское – чуждым, отторгаемым за пределы Диканьки.

Топос утопической Диканьки переосмысливается писателем в его петербургских повестях. Тема лирической народности, гармоничной связи естественного и фантастического перерождается в абсурдный мир Петербурга, где природному нет места, а фантастическое из лукавого и симпатичного принимает формы ужасающей нежити, как например в повести «Нос».

«Вечера» полны сюжетными образами, где парубок встречает дивчину, влюбляется, преодолевает испытания, сватается. Художник Пискарев, погнавшись за брюнеткой, «которая так околдовала и унесла его на Невском проспекте», находит ее в отвратительном притоне «где женщина, эта красавица мира, венец творения, обратилась в какое-то странное, двусмысленное существо, где она вместе с чистотой души лишилась всего женского» [Гоголь, 1938: 21]. Поэтичная народная красавица здесь оборачивается в жалкое существо, тронутое тлетворным влиянием пороков Петербурга.

Мир петербургских повестей деформируется, Пискарев теряет связь с реальным миром, отдается сновидениям, в которых порочная красавица превращается в светскую даму: «сновидения сделали его жизнью и с этого времени вся жизнь его приняла странный оборот: он, можно сказать, спал наяву и бодрствовал во сне» [Гоголь, 1938: 28]. Это и губит его, жизнь в ужасном «бескровном» мире Петербурга невыносима для романтической души художника, и он кончает жизнь самоубийством.

Таким образом, концепт романтической утопии, выстроенный Гоголем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», переосмысливается им уже не в романтическом, а реалистическом ключе. Мир романтической Диканьки, являющей собой воплощение утопической идеи мира романтика, перерождается в антиутопический мир Петербургских повестей.

Библиография

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 1. Канц Кюхельгартен; Вечера на хуторе близ Диканьки / ред. М.К. Клеман. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1940. 556 с.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3. Повести / ред. В.Л. Комарович. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1938. 260 с.

Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.; Л., Гос. изд-во художеств. лит., 1959. 532 с.

Шарбенко Т.В. Трансформация концепта «ярмарка» в «столичных» повестях Н.В. Гоголя и М. Булгакова. [Электронный ресурс]. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1478/> (Дата обращения: 1.11.2018).

УТОПИИ В ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

И.К. Забубенина

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию проявления утопии в хореографическом искусстве. В работе предпринята попытка выявить ключевые характеристики и особенности утопического хореографического произведения.

Ключевые слова: утопия, искусство, хореография, танец, утопия в танце.

Утопия играет важную роль в нашей жизни: создание идеального вымышленного проекта позволяет критически посмотреть на реальный мир и заставляет активизировать инновационный потенциал общества, задавая вектор развития и совершенствования

глобального пространства. Воплощая мечты человечества об идеальном, уводя поколения людей от реальности, утопия формирует конкретные модели, которым не присуща неопределенность и многозначность.

Наиболее полно термин «утопия» разработан в социологических, культурологических и философских трудах. И.В. Фролова утверждает: утопия – исторический феномен, социально-утопическое мышление человечества является порождением определенных социальных условий, что предполагает его исследование на фоне изменяющихся картин социальности [Фролова, 2005: 30].

Исследуя проблему утопии, необходимо понимать различие между утопическим способом мышления и утопическим жанром. Для характеристики утопического способа мышления широко используется понятие «утопизм».

Утопии могут проявляться в различных сферах: эти воображаемые идеальные конструкции мы находим в искусстве и религии, политике, инженерии и промышленности. Особый интерес для исследования представляют элементы утопии как независимого жанра в области культуры и искусств.

Искусство является уникальным способом познания и отражения действительности, сочетающим в себе одновременно несколько функций: эстетическую, когнитивную, гедонистическую и др. Посредством искусства художник может достаточно эффективно донести до зрителей желаемую идею, мораль, нравственные установки. Воплощая утопическое в искусстве можно заставить людей по-новому посмотреть на реальный мир, развить у них стремление к лучшей жизни и к совершенству.

Луи-Себастьян Мерсье, автор утопического романа «Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было», считал искусство чрезвычайно эффективным средством дидактики и в своем романе впервые посвятил ему отдельные главы. Тема искусства рассматривается в главах «Салон» (где речь идет о парижских художественных выставках), «Символические картины», «Скульптура и гравирование», «Храм» [Свирида, 2002: 64].

В отличие от литературы, архитектуры, изобразительного искусства, утопии в хореографии исследованы в недостаточной степени. Танец – один из наиболее древних видов искусств. За тысячелетия своего существования он накопил арсенал устойчивых средств, сохраняющихся при любых сценических реформах.

Пластические характеристики утопии как художественной формы не являются случайным набором, они взаимосвязаны и обуславливают друг друга. Только их наличие в совокупности или в большинстве свидетельствует в пользу того, что данная художественная форма является утопией [Гарифулина, 2011: 71].

Подобно утопическому жанру в литературе или изобразительном искусстве, в хореографии тоже следует выделять определенные характерные компоненты утопии. К таковым можно отнести конкретные комплексы хореографических движений и элементов, рисунок танца, хореографическую лексику, которые могут быть использованы при создании утопического хореографического произведения.

Танец должен отражать жизнь в образно-художественной форме. Специфика хореографии состоит в том, что мысли, чувства, переживания человека она передает без помощи речи, средствами движения и мимики [Захаров, 1989: 7]. Важно понимать, что создание утопического хореографического произведения весьма непростой труд, требующий от хореографа-постановщика способности грамотно изобразить идею произведения посредством пластических движений, а от исполнителя – возможности качественно донести до каждого зрителя именно тот смысл, который заложил хореограф.

Воплотить утопическое в современном хореографическом искусстве удалось танцовщице и хореографу Марии Пахес в постановке «Утопия». На создание спектакля Марию Пахес вдохновил известный бразильский архитектор Оскар Нимейер. Он убедил танцовщицу фламенко, что её хореография легко пересекает границы жанров в искусстве. Декорации спектакля «Утопия» в виде линий и волн на сцене напоминают своды зданий, которые спроектировал архитектор. Идея архитектора позволила Марии Пахес сформировать собственное весьма необычное определение архитектуры как «застывшей хореографии».

«Этот спектакль очень современен, ведь утопия – это жажда каждого человека найти лучшее будущее. Если в душе есть для нее место, то пережить трудные времена гораздо легче», – утверждает балетмейстер и танцовщица Мария Пахес. В хореографиче-

ских произведениях Пахес прослеживаются утопичные идеи о гуманизме: главная ценность – человеческая жизнь, вне зависимости от пола, цвета кожи, политических и религиозных взглядов. Мелодии испанской гитары, надрывное пение, перекликаются со строками Сервантеса, Бодлера и Пабло Неруды. В спектакле «Утопия» все стремительно: хореографические движения, ритм, музыка. Даже в смене сценических костюмов у артистов прослеживается определенная динамика: сначала используется ярко-красный цвет, далее траурно-черный, и, наконец, белый, символизирующий цвет надежды на светлое будущее.

Подводя итог, следует отметить, что хореография – это искусство эволюционирующее, современное и живое. С течением времени появляются новые хореографические стили, новые танцевальные элементы, изменяются традиционные рисунки и композиции танца.

Исследование воплощения утопии в хореографическом искусстве является достаточно перспективной сферой для работы, поскольку данная область содержит в себе множество новых аспектов для изучения и имеет научную и практическую значимость для осмысления проблем искусства.

Библиография

Гарифулина Д.М. Утопия как художественная форма. Особенности пластического образа в утопии // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. №5. С. 70-74.

Захаров Р.В. Сочинение танца. Страницы педагогического опыта. М., Искусство. 1989. 242 с.

Свирида И.И. Искусство и утопия: год 2440 // Утопия и утопическое в славянском мире. М., 2002. С. 61-73.

Фролова И.В. Утопия: сущность и развитие. Опыт социально-философской концептуализации. Дисс. ... докт. филос. наук: 09.00.11. Башкирский государственный университет. Уфа, 2005. 335 с.

УТОПИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «СВЯЩЕННОГО СЕВЕРА» В МУЗЫКАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО НЕОЯЗЫЧЕСТВА

Е.В. Филиппова

Мурманский арктический государственный университет (Мурманск)

Аннотация. В ситуации отсутствия ценностного консенсуса в российском обществе различные общественные группы и течения предлагают собственные пути духовного возрождения. Одним из таких общественных течений выступает неоязычество в формате различных субкультур. Исключительно важным для них является представление о «Священном Севере», где Север выступает в качестве многозначного символа, передающего идею исконности, сакральности, сохранения традиционных ценностей. Пристальный интерес к славянскому язычеству находит проявление в попытках реактуализировать его мифологический и исторический материал не только для целей поэтического творчества, но и в качестве определенной идеологии и практической системы ценностей.

Ключевые слова: Север, символ, неоязычество, утопические представления.

Субкультуры современного неоязычества представлены различными направлениями металлической музыки (black-metal, pagan-metal, folk-metal). Это агрессивная, «жесткая» музыка, зачастую с экстремальным вокалом (growling, screaming), которая может сочетаться с фольклорной музыкальной традицией.

При всем различии конкретных коллективов, их объединяет общее мироощущение и четкое понимание того, что они хотят донести своим творчеством. Им свойственны интерес к культурным корням, неприятие современного общества, а мировоззрение включает различные формы антихристианства (в т.ч.

сатанизм, родноверие) и «правильные» варианты православия, зачастую противопоставляемые официальной церкви.

Данные культурные образования существуют в широком диапазоне от эзотеричности до массовости и доступности. Так, многие из них ведут активную концертную деятельность, принимают участие в фестивалях, регулярно выпускают альбомы и видеоклипы, т.е. ориентируются на массовую аудиторию; другие, напротив, достаточно маргинальны и пользуются известностью преимущественно в узких андеграундных кругах.

В творчестве неоязыческих российских музыкальных коллективов тема Севера ши-

роко представлена уже в самих названиях песен, альбомов («Гимн холодному безмолвию», «Мы и есть Север», «Долина ледяных ветров», «Через Хаос к Вечной Зиме», «Моя метель») и визуально (в антураже, убранстве, месте действия промофотографий и видеоклипов).

«Север» в качестве концепта предполагает как очевидный, так и символический планы восприятия. Очевидный – в качестве географической зоны с соответствующими климатическими характеристиками. Символический план восприятия включает ряд аспектов.

Во-первых, с позиции «сакральной географии», Север рассматривается как особая зона языческой картины мира – сердцевина, начало, земля предков, прародина. В неоязычестве это синтезированный концепт на основе различных мифологических элементов (славянских, скандинавских и др.) и философии традиционализма.

Во-вторых, Север рассматривается как последний оплот противостояния современности, как удаленное место, где еще сохраняются исконные ценности. В аннотации альбома современных аранжировок фольклорных песен «Беловодие» (2005) коллектива «Moon Far Away» говорится: «Этим диском MOON FAR AWAY шлет земной поклон своим предкам, своему прошлому, всей русской культуре, хранящей вечные горные сокровища, несмотря на агрессивное наступление чужих, разрушительных антиценностей. Здесь собраны песни Беломорья, Русского Севера, как еще называют эту землю, сохранившую <...> в наиболее чистом и первозданном виде русский фольклор и культуру изначальной России».

Третий аспект – мир северной природы воплощает некие стихийные силы. Север ассоциируется с местом обитания древних богов, местом темной и грозной силы, демонстрирующей превосходство природы над сильным, а сильного над слабым. Суровая природа (с холодом и мраком полярной ночи) служит символом испытания и преодоления («во мне падает раб»). Тема северности отражает установку: «мы особые, северные люди». Приведем цитату из интервью члена мурманской группы «Old Wainds» Моррока: «Жизнь за Полярным кругом совсем другая. Здесь течение времени и природы

совсем другое. <...> Я знаю, место определяет человека, а не наоборот. Я иду Северной дорогой ненависти, боли, смерти, а также силы, гордости и могущества. Северной дорогой – дорогой заснеженных измерений».

Таким образом, концепт «Священного Севера» многопланов: это и географическая климатическая зона, и поэтическая метафора, и метафизическая категория, и идеологически нагруженный образ.

Музыкальные направления формируют свои языки описания Севера, которые апеллируют либо к некоей первозданной, примордиальной стихийности северной природы, либо к некоей условной (ре)конструируемой языческой традиции, либо к аутентичному фольклору, который вводится в современный популярно-культурный контекст.

В неоязыческом миромоделировании реализуется утопическая функция, поскольку возвращение к истокам и возрождение былой Руси предполагает не столько ее реконструкцию, сколько конструирование, ищет не истины, а совершенства. Концепт «Священного Севера» можно рассматривать как утопический, поскольку в нем объединяются конкретное географическое пространство, историческое и мифологическое время [Шацкий, 1990: 80-81]. Неоязыческое миромоделирование выполняет функции «стилизованной» идентичности и социализации, через концепт Севера актуализируется ценностное противостояние современности. Если использовать терминологию, предложенную для описания структурно-семантического кода утопии в [Шадурский, 2011: 15], топос «Священного Севера» дополняется соответствующим телосом (общественные отношения) и этосом (нормы и ценности).

Утопический концепт Севера активно используется в различных неоязыческих субкультурах, выступая в качестве базиса для конструирования альтернативных ценностных систем, идеологий, идентичностей.

Библиография

Шадурский М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М., Издательство ЛКИ, 2011. 160 с.

Шацкий Е. Утопия и традиция / Пер. с польск., общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М., Прогресс, 1990. 456 с.

КОНЦЕПЦИЯ «ИДЕАЛЬНОГО ГОРОДА» И ПОПЫТКА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ИНДИИ В 1950-1960 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ЧАНДИГАРХА)

Е.Д. Алояни

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Аннотация. В статье анализируется попытка реализации концепции «идеального города» в Индии на примере новой столицы Пенджаба как места, свободного как от колониального наследия, так и от зол традиционной Индии (кастовой сегрегации). Для анализа автор обращается к рассмотрению теорий градостроительства и истории идеальных городов, ключевых моментов в истории новой столицы и раскрывает роль Джавахарлала Неру в ее создании.

Ключевые слова: Чандигарх, Ле Корбюзье, «идеальный город», Индия, Джавахарлал Неру, архитектура, градостроительство.

В древней Индии теория градостроительства и возведения зданий разрабатывались в трактатах, известных как Шильпаштра и Вастуштра. Отдельные теоретические положения, касающиеся правил строительства королевского дворца, имеются также в памятнике древнеиндийской дипломатической мысли «Артхаштра». Теоретические труды учитывали необходимость соразмерности здания и города человеческому телу, рост человека был главной единицей измерения. Индийские теоретики советовали учитывать направление дующих ветров в городе, рельеф местности, сословно-кастовую структуру населения города [Альбедиль, 1994: 66]. С учетом теоретических разработок в раннее средневековье в Индии были построены города Канаудж и Уджайн. В XVIII в. (1727 г.), согласно рекомендациям индийских строительных трактатов, был основан город Джайпур – столица княжества Мевар (штат Раджастхан). В период английского колониального владычества как индийские, так и европейские теории учитывались при возведении новой столицы Британской Индии – Нью Дели. Но даже при самых фантастических градостроительных фантазиях правителей и зодчих, соображения практического плана значительно влияли на планировку этих городов [Суворова, 2009: 13]. Единственный по-настоящему «идеальный город» – это Чандигарх, детище двух идеалистов – Джавахарлала Неру и Ле Корбюзье. Чандигарх был призван заменить старую столицу Пенджаба – Лахор, при разделе Индии в 1947 г. оказавшимся на территории Пакистана.

Инициатор создания Чандигарха, города будущего – «архитектор современной Индии» Джавахарлал Неру. Он хотел построить

город свободный как от колониального наследия Индии, так и от зол традиционной Индии (кастовой сегрегации), и пригласил для воплощения этого архитектурного чуда одного из крупнейших зодчих современности – Ле Корбюзье [Неру, 1955: 61].

В период независимости Индии представление о новом этапе в ее истории породило интерес к новаторской архитектуре. Многие индийские архитекторы видели в Ле Корбюзье светило современной архитектурной теории. Он же относился к Индии несколько настороженно, даже с опаской, но здесь ему предложили осуществить проект, в реализации которого в родных Швейцарии и Франции ему было отказано.

Человек, изменивший взгляды современников на архитектуру, нашедший концептуально новый подход к проектированию и организации жилого пространства, Шарль Эдуард Жаннере Гри, известный всему миру под псевдонимом Ле Корбюзье («ворон»), родился в маленьком швейцарском городке Ла Шо Де Фон в 1887 г. Его отец был часовщиком – гравировщиком. Однако будущего архитектора, как он сам потом признавался, не привлекала перспектива следования по стопам отца. Он с большей радостью занимался живописью и искусством. Шарль Жаннере Гри никогда не учился архитектуре в официальных учебных заведениях, и считал это большой удачей, поскольку был уверен, что традиционная система образования не позволила бы ему развить свои новаторские идеи, столь разнившиеся с классическим подходом к строительству.

На протяжении десятилетий Ле Корбюзье занимался городскими исследованиями – у одного только Алжира было семь проектов, но они так и остались на бумаге. Только в

1950 г. он неожиданно получил шанс реализовать свои идеи, когда его наняли индийские чиновники, чтобы спроектировать новую столицу для Пенджаба [Кашин, 2003: 164].

Дружба и решительная поддержка премьер-министра Джавахарлала Неру особенно помогли реализовать мечты и идеи архитектуры Ле Корбюзье в Индии. Неру хотел, чтобы Чандигарх был современным и символизировал веру в свободную, демократическую и научную независимость новой страны. Вооружившись современными архитектурными средствами и материалами, зодчий выполнил это желание, и постарался учесть запланированные объекты, климатические особенности и общественные нужды будущего населения.

Лишь три года понадобилось строителям для возведения большей части запланированных построек. Экономическая разруха, недостаток строительных материалов, практически полное отсутствие необходимых средств механизации и индустриальной базы не стали помехой. К 1955 г. город был построен.

Для возведения новой столицы было выбрано живописное место возле гималайских гор. Естественные рощи, реки и красоты этого места архитектор дополнил еще одним водным объектом – озером Сукхна. Так он реализовал идею о том, что человек способен улучшить естественные качества природы и преобразовать ее ресурсы для создания города. Город в понимании Корбюзье «это символ борьбы человека с природой, символ его победы над ней, это рукотворный организм, призванный защищать человека и создавать ему условия для работы, это плод человеческого творчества» [Ле Корбюзье, 1977: 156].

Формально всеми работами руководил Ле Корбюзье, но в его команде трудились его племянник Пьер Жаннере, английские архитекторы М. Фрай, его жена Д. Дрю, индийцы Д. Чоудхари, правительственный советник по архитектуре М.Н. Шарма, Дж. Мальхотра, Б. Матхур, П.П. Варма и другие. Сам же Ле Корбюзье создал общий архитектурно-композиционный замысел. Основные принципы планировки города, большая часть зданий комплекса Капитолия, а также проект озеленения были осуществлены по проектам зодчего.

По проекту Чандигарх был разделен на несколько функциональных зон. План Ле Корбюзье предусматривал жилые, коммерческие и промышленные районы, а также парки и транспортную инфраструктуру [Короцкая, 1979: 9]. Жилые кварталы отделяются от промышленной зоны, а административная часть и вовсе вынесена за пределы города, и располагается на возвышенности вблизи озера [Короцкая, 1986: 11]. Зона учебных и спортивных сооружений расположена вблизи Долины досуга.

Архитекторы не могли противостоять традиционным устоям индийского общества. В условиях Индии, до сих пор не освободившейся от пережитков феодально-кастового строя, Ле Корбюзье оказался неспособен применить демократические принципы планирования застройки. Дома министров, государственных служащих и крупных торговцев расположились в центре города и сильно отличались от однообразных домов рабочих и низкооплачиваемых служащих на окраинах города. Шестнадцать типов жилых домов в Чандигархе соответствуют уровню дохода и роду деятельности различных групп населения. Для чиновников высокого ранга строились отдельные двухэтажные особняки с садом. Другим доставались двухэтажные квартиры в домах, построенных по типу сегодняшних таунхаусов. Низкооплачиваемым служащим полагались квартиры с меньшей площадью и удаленные от центра.

Благодаря ассоциации названия этого города с именем Ле Корбюзье образ Чандигарха был всегда несколько идеализированным. Если добавить к этому дух экзотики востока, образ превратится в некий миф, лишь отдаленно напоминающий реальность. На самом деле стремительный рост населения создает социальные и городские проблемы, которые необходимо срочно решать. Критике подвергаются нереализованная система водоснабжения, отсутствие контроля численности населения, неразвитая сеть общественного транспорта.

Но несмотря на критику Чандигарх пользуется большой популярностью среди индийцев. Этот город обладает особой аурой, особым притяжением. Неслучайно в Индии его называют City Beautiful («Прекрасный город», «Город-красота»). Это город с самым

высоким в стране доходом на душу населения, самое престижное место проживания для ученых, художников, поэтов, отставных политиков и военных. Этот город – символ надежды Индии на светлое будущее. Его успехи и проблемы – это успехи и проблемы современной независимой Индии.

Библиография

Альбедиль М.Ф. Забытая цивилизация в долине Инда. СПб., Наука, 1991. 176 с.

Альбедиль М.Ф. Протоиндийская цивилизация. Очерки культуры. М., Восточная литература, 1994. 275 с.

Атхарваеда (Шаунака): в 3 томах. Т. 1: кн. I-VII. / Пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой. Ин-т востоковедения РАН. М., Вост. лит., 2005. 573 с.

Гопал С. Джавахарлал Неру. Биография. М., Прогресс. Т.1. 1989; Т.2. 1990.

Кашин В.П. Раздел Панджаба, 1947 год // Индия. Общество. Власть. Реформы. Памяти Г.Г. Котовского. М., ВЛ., 2003. 222 с.

Короцкая А.А. Архитектура Индии раннего средневековья. М., 1964. 244 с.

Короцкая А.А. Чандигарх. М., 1972. 45 с.

Ле Корбюзье. Архитектура XX века / Пер. с фр. В.Н. Зайцева. Под ред. Топуридзе К.Т. М., «Прогресс». 1977. 303 с.

Неру Дж. Открытие Индии. М., Издательство иностранной литературы, 1955. 652 с.

Суворова А.А. Любить Лахор. Топофилия восточного города. М., Восточная литература. 2009. 287 с.

ФИРМЕННЫЙ СТИЛЬ ДИКТАТОРСКОЙ ЭПОХИ В ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

П.С. Антоненко

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Данное исследование анализирует отражение диктаторского правления в организации городской среды. Такие небезызвестные архитектурные ансамбли, как Сталинские высотки, Долина Павших, Трибуна Цепелинфельд и многие другие возведены в период, когда у власти в европейских государствах находились диктаторы. Данные объекты отличаются особой монолитностью и наделены идеологией, что в совокупности сумело составить диктаторское архитектурное наследие и повлиять на формирование исторической памяти нации, так как теперь, спустя десятилетия после падения диктатуры, архитектурное наследие способно молча, но наглядно демонстрировать свое прошлое.

Ключевые слова: диктаторский режим, архитектура, город, идеология, историческая память.

Предлагаемое исследование направлено на выявление взаимосвязи между правительственным режимом и культурными предпочтениями, которые находят свое отражение в городской среде в виде организации городского пространства, мест расположения главных правительственных объектов, стиля возведения зданий, отличительных символов режима и т.д.

В контексте научного изучения понятия пространства, времени и власти являются взаимосвязанными и вместе образуют единый образ эпохи, который состоит из множества деталей, но при этом моногамен и неразрывен. Воображая ту или иную историческую эпоху, десятилетие, время, уму предстанет единая картина, наполненная различными нюансами, которые, казалось бы, не способны к существованию в отрыве друг от

друга. Именно подобным образом создается феномен исторической памяти. Однако стоит лишь пристально присмотреться к общей картинке той или иной эпохи и подключить аналитический образ мышления, как становится понятно, что все детали эпохи – это следствие влияния господствующей власти, экономической работы, продвигаемой идеологии и актуальной культуры.

Представленный доклад продемонстрировал то, каким образом политический режим накладывает отпечаток на формирование окружающей городской среды, навечно оставаясь в системе городского организма. В качестве политического режима для исследования была предложена такая форма осуществления государственной власти как диктатура.

Проведение политики диктатуры всегда представляет собой стремительное действие

политика-идола (диктатора), лишенное всякой внешней рефлексии, оспаривания. Это беспрекословные, жесткие, четкие, точные директивы, не терпящие отлагательства в исполнении и порой, способные изменить судьбы тысячи людей. При подобной государственной власти сами диктаторы никогда не остаются в тени, ибо их действия не ограничены нормами законодательства и не сдерживаются какими либо общественными или политическими институтами. Диктатор – это в единоличный правитель государства, обладающий единоличной властью и стоящий над законом. Диктаторская форма правления может осуществляться как в авторитарной, так и в тоталитарной форме.

Принимая жизненно важные государственные решения, диктатор-правитель нередко стремится увековечить свой образ не только в политико-историческом ключе, но и в художественном.

Город представляет собой концентрацию культурно-исторических артефактов в территориально-предметной среде [Кох-Хиллебрехт, 2003: 401]. Макс Вебер в своей работе «История хозяйства: город» продемонстрировал, что город – это обобщение и накопление культурных образцов и моделей поведе-

ния, которые актуализируют выработку новых механизмов социокультурной интеграции. Согласно немецкому социологу, город являл собой предметно-территориальную форму интеграции новых социальных структур и коммуникативное пространство нового типа. По Веберу, одной из трех характерных черт города предстает появление личностного измерения пространства. Другими словами, город представляет собой яркий пример структуры социального пространства [Паламарчук, 2009: 19]. Следовательно, городское пространство отражает дух времени и тем более, настроение жесткого правительственного диктата, что, в свою очередь, образует историческую память не только города, государства, но и нации в целом.

Библиография

- Вебер М. Хозяйство и общество // Очерки понимающей социологии. 2017. № 4. С. 22.
- Голомшток И. Н. Тоталитарное искусство. М., Галарт, 1994. С. 123-158.
- Паламарчук М. Л. Город как феномен в рамках социального пространства-времени // Общественные и гуманитарные науки: тенденции развития и перспективы сотрудничества. 2009. № 2. С. 17-21.
- Кох-Хиллебрехт М. Номо Гитлер: психограмма диктатора. М., Попурри, 2003. С. 99-148.

ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ: ПЕРВАЯ УТОПИЯ СОВЕТСКОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

А.К. Царёва

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

Аннотация. В докладе рассматривается ленинский план монументальной пропаганды 1918 года как продолжение идей Томмазо Кампанеллы. Выявляются цели монументальной пропаганды, проблематизируется понятие памятника. Делается вывод, что в ранний советский период памятник мыслится как инструмент прославления революционных идеалов, а не отдельной личности. Монументальная пропаганда анализируется как попытка визуализации ключевых идей новой советской власти, осуществляющаяся в городском пространстве.

Ключевые слова: памятник, монументальная пропаганда, советское городское пространство, Октябрьская революция, В. И. Ленин.

Настоящая статья рассматривает ленинский план «монументальной пропаганды» как первую в истории советской власти попытку создания городского пространства, являющегося утопическим по своей сути. В результате целенаправленной культурной политики советской власти в рамках декрета СНК «О памятниках республики» 1918 г. осуществ-

ляется реформирование города, последний украшается монументами и памятниками, репрезентирующими идеи и ценности нового общества. Скульптура в контексте советского города выполняет просветительскую функцию визуализации мифа о новой действительности и отображает основные мифологемы, выстраиваемые советской властью.

По воспоминаниям А.В. Луначарского [Толстой, 1983: 52], В.И. Ленин обращается к идеям трактата «Город Солнца» итальянского философа Томмазо Кампанеллы в апреле 1918 г., когда в беседе с наркомом просвещения впервые ставит вопрос о плане монументальной пропаганде. В рамках плана Ленин предлагает заменить фрески, о которых писал Кампанелла, на монументальную скульптуру и установить в Москве и Петрограде памятники и надписи, дающие оценку тому или иному историческому событию. Эта идея Ленина реализуется в декрете «О памятниках республики» от 12 апреля 1918 г., который кладёт начало истории советской скульптуры и утопическим проектам в советском художественном пространстве.

Советские города Солнца – Москва и Петроград через три столетия пытаются реализовать идеал миропорядка Кампанеллы. В «Городе Солнца» городское пространство представлено как идеальный локус, задачей которого является воплощение определённой этической программы. Советская власть перенимает это понимание города, формирует город как особый тип художественного пространства, культурные коды которого воплощают ключевые для нового общества идеи.

Мы бы хотели рассмотреть несколько точек зрения на осуществление плана монументальной пропаганды как новаторского для советской эпохи. Очевидно, что стремление Ленина установить памятники героям, помимо прочего, обуславливалось задачей сделать более реальными и понятными кардинальные исторические изменения, произошедшие в рамках марксистской теории. В работе «Культура и революция. Культурные ориентиры периода Гражданской войны» Шарль Плаггенборг сформулировал следующее понимание ленинских идей: «Этими монументами они стремились замаскировать отсутствие своей собственной истории с помощью сконструированной преемственности. Только постулат преемственности идей обеспечивал им (большевикам) возможность её великолепного исторического завершения» [Плаггенборг, 2000: 275-276].

Однако в первые послереволюционные годы понимание истории как процесса, творимого великими людьми, больше не является актуальным, идея героя в классическом

её понимании как личности, наделённой сверхъестественными способностями, изживает себя. «Культурно-историческая преемственность» является возможной только на уровне идей, но не субъектов. Характерно высказывание Н. Пунина, одного из руководителей отдела ИЗО Наркомпроса в Петрограде, по этому поводу: «Самая идея ставить памятники великим героям революций не вполне коммунистическая идея. Героев нет, тем более великих героев. Время героического понимания истории безвозвратно прошло» [Пунин, 2010: 104]. Советское мифотворчество на раннем этапе абстрагируется от имени, конкретного человека. Значение монумента в связи с этим меняется, это больше не овеществление воспоминания о той или иной личности, а прославление идеалов, за которые она борется, главная функция памятника – агитационная.

В том же 1919 г. Н. Касаткин в полемике с Пуниным писал: «Постановка всякого революционного монумента имеет целью прославление не той или иной другой только личности, а той идеи, которой данный товарищ служил. Если будет прославление только личности – будет икона, царская фигура и т.д.» [Толстой, 1983: 101]. Касаткин, тем самым, пытается реабилитировать значение памятника как агитационной силы, сам проект которого Пунин считал буржуазным. Задачи новой советской скульптуры – перешагнуть «иконный», царский период и создать памятники совершенно иного содержания, которые при этом были бы понятны для народа.

При этом представляется несколько парадоксальным содержание утверждённого Совнаркомом «Списка предполагаемых к постановке памятников выдающихся деятелей в области общественной и культурной жизни», который шёл в дополнение к основному проекту СНК. В «Списке» присутствовали 66 фамилий революционеров и общественных деятелей, писателей и поэтов, философов и учёных, композиторов, художников, артистов. По мысли Ленина список должен был включать в себя «предшественников социализма... подлинных героев культуры» [Толстой, 1983: 52]. Основная часть личностей в уже утверждённом списке была совершенно не известна народу (например, Робеспьер, Фурье и Сен-Симон), все они принадлежали

к разным историческим эпохам и были разного социального происхождения. Сам перечень подвергся осторожной критике А.В. Луначарского, в позднейшей историографии содержание «Списка» также широко критиковалось (в частности, В. Паперный указывал, что одни истуканы царского периода должны были заменить собой другие [Паперный, 2016: 226]). Высказывается тезис, что в связи с изменением значения монумента в революционный период советской власти, содержание «Списка» Совнаркома, вопрос о постановке памятника конкретному герою не представляется таким существенным, главной является революционная идея, соответствие жизненного пути изображаемой личности идеалам новой советской власти.

Таким образом, в ленинском плане монументальной пропаганды проводится попытка визуализации наиболее значимых революционных идеалов, городское пространство выступает в качестве проводника идей нового политического режима. Впоследствии продолжение идей монументальной пропаганды находит своё воплощение в проекте Дворца Советов.

Библиография

- Мазаяев А. И. План монументальной пропаганды и его исторический судьбы // Искусство и большевизм. 1920-1930. М., Государственный институт искусствознания, 2004.
- Морозов А.И. Конец утопии. Из истории искусства в СССР 1930-х годов. М., Галарт, 1995.
- Паперный В.З. Культура Два. М., Новое литературное обозрение, 2016.
- Плагенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., Нева, 2000.
- Пунин Н. Н. О памятниках // Художественная жизнь Советской России. 1917-1932: События, факты, комментарии. Сборник материалов и документов. М., Галарт, 2010.
- Толстой В.П. Ленинский план монументальной пропаганды в действии. М., Издательство Академии художеств СССР, 1961.
- Толстой В.П. У истоков советского монументального искусства, 1917-1923. М., Изобразительное искусство, 1983.
- Шалаева Н.В. Становление плана монументальной пропаганды в Советской России. 1917-1918 годы // Вестник Челябинского государственного университета, 2014. № 8 (337).

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК УТОПИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

А.А. Айвазян

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. На сегодняшний день понятие глобализации занимает одно из самых важных позиций в сознании современного общества. С данным процессом связывают надежды на мирное будущее, которое будет закреплено универсальными канонами в культурной, экономической и политической сферах жизни. Но возможно воплотить в жизнь данную перспективу или же человечество оказалось на пороге очередной утопии?

Ключевые слова: глобализация, утопия, глокализация, интеграция, универсализация.

В период становления постиндустриального общества мир перешёл в фазу всемирной экономической и культурной интеграции, которую именуют глобализацией. Феномен глобализации очень трудно поместить в какие-либо временные рамки как явление, но можно абсолютно точно обозначить периоды её активного прогресса. Наиболее ярким примером является период конца Второй мировой войны. В послевоенное время широко начала распространяться международная торговля, чему способствовали улучшения во всех сферах человеческой жизни – новые

технологии способствовали обеспечению беспрепятственного передвижения по любой плоскости земли: начиная морским путём, заканчивая воздушным. Были усовершенствованы средства коммуникации. Впоследствии всё вышеперечисленное продолжает своё развитие, создавая всё более удивительные и общедоступные изобретения. Создание и внедрение интернет сети в общедоступные просторы также является мощным транзитом в достижении общего универсального мира. Но возможен ли этот универсальный мир или всемирная глобализация является

лишь частью неосуществимой мечты? Глобализация: утопия или реальность? Попробуем рассмотреть этот вопрос более подробно.

На протяжении всей своей истории человечество стремится воплотить утопию в жизнь, воссоздать идеальное государство, которое устраивало бы всех. История напоминает нам о том, что люди не единожды пытались воспроизвести мечту в реальность – в рамках религиозных конфессий, государственных империй, социальных утопий, но пока что стремление человечества до XXI в. ожидало лишь неминуемый крах. Во время Первой мировой войны, знаменитый антиутопист Герберт Уэллс, несмотря на своё участие в ней, впоследствии писал – для того, чтобы предотвратить подобные катастрофы в будущем, человечество должно прийти к созданию *Мирового правительства*. Однако, после того как разразилась Вторая мировая война, английский публицист потерял свою веру в светлое мирное будущее.

Вторую половину XX в. принято считать фазой активного распространения идеологии глобализации, ведь именно этот период показал людям столь трагические возможные последствия недопонимания и разрозненности. Сокрушительные две мировые войны, крах двух утопий (фашистской и коммунистической) в очередной раз показали необходимость создания универсальной единой системы мирового общества. Под флагом глобализации, толерантности сегодня шагают все развитые страны мира, на первый взгляд кажется, что всемирная интеграция возможна и без труда воплощается в жизнь. Но это далеко не так. Многие философы и социологи видят в глобализационных процессах начало духовной смерти человечества, например, в своей книге «Конец истории и последний человек» Ф. Фукуяма пишет, что конец идеологических противостояний знаменует конец искусства и философии [Фукуяма, 1990].

Глобализация поражает «массового человека», Хосе Ортега-и-Гассет утверждает, что «головокружительный рост означает все новые и новые толпы, которые с таким ускорением извергаются на поверхность истории, что не успевают пропитаться традиционной культурой. И, в результате, современный

средний европеец душевно здоровей и крепче своих предшественников, но и душевно беднее. Оттого он порой смахивает на дикаря, внезапно забредшего в мир вековой цивилизации» [Ортега-и-Гассет, 2000: 68].

Несмотря на критику многих социологов, философов и культурологов, процессы глобализации не знаменуют смерть национальной культуры. Национальная культура далеко не органическая субстанция, и растворить её в тотальных глобализационных процессах не так уж и легко. В конце 80-х гг. XX в. японские экономисты пришли к выводу, что глобальные поставки продукции должны распределяться с учётом географических, социальных и антропологических различий между отдельными регионами. Вместо ожидаемого исчезновения культурных границ и отличий, происходит их острая локализация, возрастает уровень интереса к традициям, возрождаются диалекты. Вышеперечисленные процессы принято именовать – *глокализацией*. Условия сегодняшней геополитики вынуждают сталкиваться локальные и глобальные тенденции, в процессе данного столкновения происходит трансформация традиционной культуры, но не отказ от неё. Можно ли в связи со всеми перечисленными процессами прийти к тому самому Мировому правительству, о котором так мечтал Уэллс? Способна ли глобализация пройти все стадии своего укрепления, обойди все человеческие инстинкты, и закрепиться в единой универсальной идеологии для всего мира или же человечество ожидает очередная утопия? Абсолютно точно ответить на этот вопрос сможет лишь время.

Библиография

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М., «Весь мир», 2000.

Уэллс Г. Наука и мировое общественное мнение. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/INOFANT/UELS/articls2.txt> (дата доступа: 5.11.2018).

Уэллс Г. Что означает для человечества прочный мир. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/INOFANT/UELS/articls2.txt> (дата доступа: 5.11.2018).

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек // Страна и мир. 1990. № 1 (55). С. 89-90.

Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, 1992.

ИДЕАЛЬНЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: УТОПИЯ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ?

А.В. Борисенко

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В тезисах рассматривается Европейский союз как утопический проект создания идеального государства. Анализируется возможность построения такой утопии в современном мире. Затрагиваются особенности союза европейских стран и возможности их взаимодействия. Имеет ли Евросоюз шанс на успех, либо же это вообще не достижимая идея, реализовать которую можно только на бумаге?

Ключевые слова: Европейский союз, утопия, проект, идеология, политика.

Изначально, следует сказать о том, что же всё-таки такое утопия? Это некое изображение идеального, то, что существовало или возможно будет существовать. Часто это нечто воображаемое и такое желанное [Аинса, 1999: 18]. Увидеть примеры утопии можно на самых ранних этапах развития философской мысли, самым очевидным примером может послужить «Государство» Платона.

Утопия однозначно оказывает влияние на общество, и это воздействие может иметь как позитивное, так и негативное последствие для государства. С одной стороны, стремление воплотить утопические идеи будут проявляться в побуждении к прогрессу, стремлении преодолеть недостатки, существующие в государстве, желая достичь того идеала, к которому все так стремятся. С другой стороны, желание правительства построить то «идеальное» общество может привести к использованию силы и принудительных методов воздействия. «Утопия полезна, – отмечал Милован Джилас, – так как человечество не может выжить без идеала общества более справедливого и более свободного. Но когда утописты захватывают власть и пытаются осуществить утопию насильем, тогда получается прямо противоположное идеалу» [Джилас, 1992: 156].

Что касается Европейского союза, то с самого начала он являлся проектом не геополитическим, а идеологическим. Его хотели сделать оплотом демократии. В связи с этим вспоминаются слова Герцена о том, что Европа вряд ли способна осуществить свои убеждения. Многие страны Европейского союза изначально абсолютно не соответствуют критериям либеральной демократии, ценности которой им теперь необходимо отстаивать.

Однако нельзя называть ЕС новым государством, это скорее всего квази-государство, несмотря на то что ЕС разработал собственное европейское право, обязательное для всех государств, на основе прецедентных решений Европейского суда, также ЕС ввел европейское гражданство. Существует такое мнение, с которым я абсолютно согласна, что Европейский союз никогда не станет классическим государством, а так и останется политическим союзом. Стоит заметить, что у стран Европы нет абсолютно никакого исторического, этнического или ещё какого-либо основания для объединения в единое государство.

Проект Европейского союза в действительности может стать очень успешным политическим образованием, если будут выполнены те идеологические принципы, которые были изначально заложены при его создании. И тут тоже не следует забывать, что это всего лишь проект, не отдельное государство. Евросоюз может стать неким идеалом политических и гражданских прав и свобод для всего человечества. Но что может помешать такому идеальному развитию событий? Исторические и культурные особенности каждой страны в отдельности. Так, например, Греция, Испания и Португалия – только в середине 70-х гг. прошлого века перестали быть фашистскими диктатурами. А как давно во Франции бушевала революция с человеческими жертвами? Верный ответ – в 1969 г.

Также внутри самого Евросоюза выделяется некая иерархия, выделяют «старых» членов, страны Западной Европы и «новых», Восточная Европа, естественно и отношения к каждой группе разные, второй слой считается не совсем полноценным. Так как можно говорить о едином государственном образо-

вании? Если даже не существует какого-либо равноправия. Можно ли быть уверенным, что более сильные государства не будут лоббировать свои интересы в других странах? Возможно, изначально всё было основано именно на равноправии, во время образования Европейского союза, но не сейчас.

Естественно, у Евросоюза есть свои плюсы и минусы. Плюсы в возможности свободного передвижения, высокий уровень образования, возможность получения стипендии на обучение, хороший уровень медицины, развитая инфраструктура и т.д. Но, помимо этого, существует ряд минусов, таких, например, как цены на газ, свет, воду, а также на бензин, наверное, именно поэтому в Европе можно встретить такое большое количество велосипедистов.

Стоит ещё заметить, что основной принцип принятия решений в Евросоюзе, который не очень просто воплотить в жизнь, принцип subsidiarity, согласно которому решения должны приниматься на самом низком уровне из тех, где это получается эффективно [Майер, 1990: 116]. Суть в том, что, если можно принять решения на самом низком уровне нет смысла переводить на их на более высоком. Но в связи с этим сложно определить то, какие вопросы необходимо отправлять на уровень ЕС, а какие всё-таки можно решить на муниципальном либо региональном уровне. Что, в свою очередь, также приносит некоторые неудобства в плане реализации каких-либо проектов и возможность возникновения противоречий внутри Евро-

союза. Несмотря на несовершенство такого принципа, многие объединения стремятся к его воплощению в рамках своей организации.

Учитывая все плюсы и минусы, существующие в организации и реализации такого проекта как Европейский союз, можно сказать, что на данный момент он реализуется вполне успешно, естественно встречая на своём пути многие препятствия. Но очевидно, что ЕС нельзя назвать идеальным государством, или даже государственным объединением, хотя он является неким примером для остальных союзов.

В итоге можно сказать, что построить то утопическое государство у стран участников Европейского союза на данный момент не получилось, хотя нельзя отрицать те моменты, которые уже удалось реализовать, – у них есть к чему стремиться, поэтому не стоит говорить о том, что в будущем у них также ничего не получится. Если получится реализовать те идеи, которые были заложены, то это будет тот идеал, та утопия, на примере которой можно будет построить и весь остальной мир.

Библиография

Аинса Ф. Реконструкция утопии: Эссе / Пред. Федерико Майора; Пер. с франц. Е. Гречаной, И. Стаф; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. М., Наследие – Editions UNESCO, 1999. 206 с.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., Новости, 1992. 156 с.

Майер Т. Парадигмы социализма в Европе, история и современность // Коммунист. 1990. № 3. С. 111-121.

РАЗВИТИЕ ГОРОДА КАК ВЛИЯНИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ УТОПИЙ

А.С. Семка

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Статья посвящена осмыслению архитектурно-градостроительной деятельности с помощью рассматривания данного аспекта через призму утопий и футурологических взглядов. Рассматривается значение утопий и фантастики для архитектурных построений и городов.

Ключевые слова: утопия, архитектура, футурология, утопическая архитектура, город.

В основе существующей архитектуры когда-то лежали тщательно продуманные рисунки и макеты. С древних времен люди пытались представить образы идеальных городов будущего. Архитекторы стремились создать здания, не только отвечающие комфорту жи-

теля, обитающего или посещающего его (построение), но также носящие оригинальный характер, способствующий удивлению населения. Сменялись временные эпохи – изменялось представление как об идеальном городе, так и о дизайне зданий. Каждая эпоха

формировала свой утопический идеал. Однако сам образ идеального города всегда мыслится как сочетание противоречий – шумной многолюдной ярмарки и пустыни, средоточие жизни и гигантской черной дыры, в которой непрерывно исчезает и заново рождается вечная энергия человеческого бытия [Адоина, Ахмедова, 2016: 66].

Начиная с идеальных городов Платона, работ Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, социальные утопии, а позднее и антиутопии, имели прямую связь с архитектурой. Чем замысловатее построение, тем более оно кажется нереальным. Но так ли это? Трудно представить, что изогнутое во всех направлениях здание, рассматриваемое будто через искаженное стекло, может быть реальным. И раньше, это посчитали бы за утопию, нечто невероятное, что фактически не смогло бы существовать. Однако на данный момент таким образом выглядит Горбатый Дом в Польше. Таким же примером могут являться перевёрнутые кубы-комнаты, построенные друг на друге и составляющие в целом один дом (Кубические дома. Нидерланды), и многие другие необыкновенные здания, которые невозможно было бы даже представить человеку, немслящему в фантастике.

Для создания «нереальных» утопических городов проводятся конкурсы и выставки. Как, например, выставка в 2009 г. «Город бумаги: городские утопии», на которой были приведены работы архитекторов, показывающие построения начиная с крученых, замысловатых и заканчивая древоподобными или сфероподобными. Стоит отметить, что в утопиях чаще всего происходит разделение макетов-представлений на: природные-органические (самым используемым материалом является дерево, листья, цветы или же подобие их форм), а также технические (механизмы, роботы, формы звезд или геометрических фигур). Что напрямую связано с различным пониманием ожидающего нас будущего.

Архитектурное визионерство на протяжении столетий занимало особое место в становлении и развитии утопической мысли. Пытаясь переустроить общественный порядок, сформулировать идеальный образ-цель, преодолеть неудовлетворенность существующим положением вещей, утопия всегда предлагала модель нового идеального мира,

за воплощение которой, в свою очередь, отвечала архитектурная фантазия [Иконников, 2004: 3-5].

Так, в XX в. стала осознаваться ведущая роль утопических моделей в формировании современного движения архитектуры и градостроительства. Утопическое представление города, а также внесение хотя бы деталей в существующие города приближает нас к воображаемому идеалу будущего, к тому, к чему стремится все общество. Убежденный сторонник больших городов Ле Корбюзье ратовал за волевою реконструкцию исторически сложившейся ткани путем создания сверхплотной застройки универсального типа в духе модернизма. Архитектор примерял свою утопическую модель к совершенно разным мегаполисам того времени [Адоина, Ахмедова, 2016: 64]. Проекты футурологов-архитекторов зачастую имеют прикладной смысл. К примеру, город Москва – это в некотором роде воплощение представлений древних философов и художников о «городе-Солнце». В далеком прошлом появились проекты небоскребов, освоения подземных пространств, намывных островов, которые сегодня для нас – обычная вещь. Артур Владимирович Скижали-Вейс (советский, российский архитектор) также считает, что футуристическая архитектура в качестве научно-фантастических архитектурных концептов, выходящих за рамки сегодняшнего дня, должна иметь прикладное значение. Ее создание вызвано желанием создавать образы, которые смогут формировать новые тренды и векторы развития глобальной архитектуры. Это некий путь, который поможет найти оптимальные интересные решения для сооружений будущего.

В современном обществе архитекторы говорят о том, что влияние на их идеи и профессиональные навыки в создании и дизайне построений повлияли никто иные, как архитекторы-фантасты (Джованни Пиронези, Яков Чернихов, Антонио Сант-Элиа и другие). Как отмечает Артур Скижали-Вейс, произведения архитектурной фантастики побуждают общество к смелым размышлениям и поиску новаторских образов.

Таким образом, основной задачей архитекторов является качественное продумывание новых архитектурных построений с точки

зрения фантастики и построения. Со временем проекты архитекторов-футурологов той или иной эпохи превращаются в ничто иное, как двигатель прогресса. А существующие на сей день архитектурные достояния городов, замысловатые круглые, ребристые, крученые дома, которыми может восхищаться и удивляться весь мир, не появились бы без тех идей и образов, которые были предложены архитектурными фантастами. Кроме этого, в существующей реалии жизни необходимо идти не в ногу со временем, а опережать его.

Библиография

Адолина А.В., Ахмедова Е.А. Нотопия – реализованная утопия глобализации в архитектуре // Innovative Project. 2016. №3.

Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура. Социальные, мировоззренческие и идеологические тенденции в развитии архитектуры. М., Архитектура, 2004.

Малич К.А. Влияние утопических идей на архитектурную практику эпохи реконструкции в Нидерландах. 1940-1960-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2013. №4

Архитектурные утопии | Архитектура // Русское географическое общество [Электронный источник]. URL: <http://www.rgo-sib.ru/project/90.htm> (дата обращения: 10.11.2018).

Olsberg N. The mirage of an ideal metropolis. [Электронный источник]. URL: <http://www.architectural-review.com/10007142.article> (дата обращения: 10.11.2018).

УТОПИИ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ: МИФЫ ИЛИ ПРОЕКТЫ БУДУЩЕГО

А.Д. Манюхин

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В данной статье рассматривается утопия, как важный элемент китайской культуры. Проведено сравнение европейского и отечественного подхода к определению китайской утопии. Приведена классификация утопий в историческом развитии. Описаны основные типы утопий, в различных философских школах древнего и нового Китая. Утопии и утопизмы анализировались как мифы или проекты будущего.

Ключевые слова: Китай, утопия, культура, миф, проект.

«Существует ли одно такое слово, которое может обеспечить процветание государству?»
князь Дин-гун к Конфуцию

С вопросами подобного толка обращались правители к мудрейшим на протяжении всего процесса исторического развития Китая. Нашли ли они этот абсолют? Может ответ содержится в утопии?

Здесь мы сталкиваемся с тем, что китайский утопизм значительно отличается от европейского, обладая неповторимой спецификой. Усложненное понимание утопии, которую сформулировал Жорж Сорель, антитеза «миф–утопия» возникает на базе европейской культуры. В случае обществ Востока, отечественные исследователи предлагают понимать утопию и утопизм, как форму коллективного либо индивидуального творчества, главной целью которой является поиск, либо создание «лучшей реальности».

Несомненно, все существовавшие философские школы были озадачены этой про-

блемой. Так, А.С. Мартынов выделяет четыре проблемных комплекса, в рамках которых осуществлялось утопическое творчество: плодородие земли и изобилие её плодов, долголетие и бессмертие, разумные формы организации труда и человеческого общежития.

Конечно же, китайцы были бы не китайцами, если не устремили бы свой взор на опыт древности. За основу утопических концепций философскими школами были взяты примеры идеальных правлений, тем самым утопии по принципу кумира-правителя являются утопиями правления.

Если рассматривать конфуцианство как некую «мануфактуру утопий», то следует выделить три периода: древний, ханьский и средневековый.

Ключевой фигурой первого периода является философ. Именно он заявляет о чрезвычайной пользе идеального правления. По классификации Л. Мамфорда, все утопии правления древнего периода можно отнести

к типу «реконструкции». Что касается героя ханьского периода, то это государственный деятель, который предлагает утопию «мироустройства». Данные «политические проекты» в качестве рекомендаций должны быть услышаны и реализованы в «императорские утопии» (система «колодезных полей», «Датун»).

После распада империи Хань (3 в. н.э.), наступает средневековый период. Здесь вся ответственность возлагается на поэта-отшельника, задача которого состоит в уходе от реального мира (утопия «бегства» по Мамфорду). Создание мечты и предписания, с помощью которых, раздробленные государства сохраняют «память» с имперским прошлым, при этом сохранив свою независимость.

В сложившейся ситуации, даосские утопии обретают популярность. Основные идеи которых содержатся в фундаментальных трудах даосизма: «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы». Именно даосская утопия стала тем катализатором, сыгравшими важную роль в истории китайского общества. Так, восстание «Желтых повязок» («Хуан цзинь») в 184 г. качественно потрясло имперскую систему. Организатором была еретическая секта «Тайпин дао», учение которой знаменовало переход от имперской утопии к средневековой. Именно с учения о «Великом равенстве» («Тайпин») Е.А. Торчинов предлагает анализировать даосские утопии.

Учение повествует о мифическом государстве Да-Цинь, стихией которого является земля, символическим цветом – желтый (хуан). Власть в кризисные моменты переходит от правителей к мудрецам (сянь жень). Восстание было подавлено, но именно с этого момента китайские утопии становятся проектами будущего, ведь данная идея была реализована позже (исторические события XX в.).

Другие же даосские концепции утопизма слишком религиозны и позиционируются как «мессианские утопии» («Книга о превращении Лао-цзы», «Небесные наставники» и т.д.).

Современным «проектом будущего», чья реализация практически осуществлена, является «Утопия Тань Сытуна». Бучи выдающимся реформатором и мыслителем своего времени (XIX в.), считал своей главной целью устранить отсталость Китая. Он обладал логикой не совсем свойственной для китайского мышления, что делает его утопию вы-

дающейся. Его идеи были обращены не только на Китай и страны Азии, но и на страны Африки и Америки, ведь Тань Сытун предчувствовал глобальные изменения будущего.

Утопическая идея китайского философа формировалась из двух веток: европейской и традиционно-китайской. Ознакомившись с западной литературой, в особенности с работой Ж.Ж. Руссо «Демократический договор», Тань Сытун лишней раз убедился, что должен следовать второму пути, учитывая тенденции того времени.

Если даосские доктрины автор активно критиковал, обвиняя данные в денатурации общества, то в конфуцианстве он видел решение проблемы: «Учение, основанное Конфуцием, надо избавить от древности и преобразовать на современный лад».

Основообразующими трудами в формировании утопии являлись: «Мэн-цзы», «И цзин», «Чуньцю гунъян чжуань». Перемены Тань Сытун считал эволюционными, идеальное общество видел только при слиянии крайностей, а власть считал не нужной, чтобы народ обрёл свободу.

Общество будущего, по мнению автора, будет жить как одна большая семья, основываясь на равноправии. При достижении социального равенства необходимость государства исчезнет, как и границ, войн, личных интересов. Историю Тань Сытун видел как постепенное движение в совершенному миру. Цикл состоял из шести ступеней, визуально являясь гексаграммой. По мнению философа, со времён Конфуция человечество остановилось на четвёртой ступени («годы возмужания»). Предыдущие считались «детством человечества» и завершением хаоса.

Пятая ступень соответствует «Эре Становления покоя, а также Небесного правления». Цель данной ступени заключается в объединении всех государств и религий под единым началом.

Шестую ступень Тань Сытун называет «Эрой Великого покоя, а также Изначального единства». Когда останется по одному главе в религиозной и государственной сферах, свершится изоляция, которая породит высокомерие, второе же приведёт к ошибкам, при появлении данных, главы будут изгнаны, а народ свободен и способен управлять.

Философ считает, что мы далеки от описанного им абсолюта. Только завершение цикла, сотворит утопию, тем самым человечество обретет совершенный мир.

Библиография

Гарушняц Ю.М. Эволюция социально-утопической мысли в Китае (80-е годы XIX – первое десятилетие XX в.) // Шестнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч.3. М., 1985.

Дао и даосизм в Китае. М., 1982.

Древнекитайская философия. Т. 1-2. М., 1972-1973.

Стабурова Е. Ю. Анархизм в Китае: 1900-1921. М., 1983.

Фельбер Р. Концепция Датун в новое и новейшее время. Китай: государство и общество. М., 1977.

Кан Ювэй. Датун пгу (Книга о Великом единении). Пекин, 1956.

Bernal M. Chinese Socialism to 1907. Ithaca–London, 1976.

Russel B. The Problem of China. N. Y., 1922.

ABSTRACTS

CHAPTER 1. UTOPIAN STUDIES: THEORIES, METHODS, SUBJECTS

Gregory Claeys (Royal Holloway, University of London)

MARX FOR THE TWENTY-FIRST CENTURY

This presentation concerns Marx's relevance to the XXI century, and especially to the rising generation. The first stage is set by differentiating between the Marx known to the late XIX century, and Marxism as broadly understood in the XX century. On the second stage, key global problems of West civilizational development that in author's mind raise serious questions of the value and sustainability of the existing system are revealed. The author appeals to Marx's philosophy for considering these problems.

Keywords: Marx, Marxism, XXI century, West, communism, capitalism.

Gennady V. Drach (Southern Federal University)

TOMMASO CAMPANELLA: PHILOSOPHY AND SOCIAL THEORY

The article reconstructs Tommaso Campanella's philosophical views as a prerequisite and the basis of his social theory, built in the form of utopia. Among the issues under consideration, the central one is Campanella's attitude toward Aristotle's philosophy and the discrepancy with him on the problems of the theory of knowledge. It is shown that thinkers are divided by the interpretation of the fundamental questions of theology, the ratio of actual and potential infinity. Campanella expands the horizons of the human world and opens the way to scientific and social creativity. The author of the article overcomes the interpretation of the internal inconsistency of Campanella's thought, justifying the integrity of his positions of renewal and innovation that are characteristic of the Renaissance.

Keywords: Campanella, utopia, social theory, philosophy, Renaissance.

Taisia S. Paniotova (Southern Federal University)

CITY ARCHETYPE IN THE HISTORY OF UTOPIAN THOUGHT

The article is an attempt to answer the questions posed by Lewis Mumford: "Why are cities so often the locus of utopia?" and "Why did so many of the characteristic institutions of utopia first come to light in the ancient city?" In a brief historical journey, the central place is given to Thomas More and Tommaso Campanella. In their utopias, the city plan served as a presentation of social equality and justice of the political system. It is shown that architecture and urban planning in social utopias performed important functions of visualization of ideology, aestheticization of space, regulation of social relations and were organically included in the construction of an ideal society, later called Communist.

Keywords: city, utopia, City of the Sun, Campanella, locus of utopian thought.

Ricardo Iglesias García (University of Barcelona)

BODY, AESTHETICS AND TECHNOLOGICAL UTOPIA

The evolution of the concept of body and progress, specifically from Modernity and with the implementation of technologies, allows us to delve into new utopian / dystopian visions about the human subject and his corporality. The idea-force of the automaton body persists even today implicitly in many of these figurations. It is also remarkable to propose the body as a machine and not as a natural or animal object, an issue that will not fail to bring consequences when exercising activities with and on the body. New technologies offer the possibility of overcoming the limits imposed by our biological inheritance in a kind of explicit desire neither to accept our past, nor our natural-organic origin.

In this sense, an important series of thinkers, scientists and artists consider the body as something completely obsolete, like an empty shell that must be shed to technologically give way to the next level in human evolution: the Techno Sapiens or the Cyborg. They advocate that the anthropology's object of study passes

from the “human being” to the “cyborg”, considering this one as a more suitable representative of our present, and above all, of our future. The figure of the cyborg has become the center of a new utopian transhumanist paradigm (Katherine Hayles, Nick Bostrom, Robin Hanson, Hans Moravec ...), analogously in the sphere of art appear figures who want to represent this technoevolution, artists like Stelar intervened and connected to the internet with cables in his *Third Hand* (1980), *Fractal Flesh* (1995) or Marcel·lí Antúnez with *Epizoo* (1994) or the performance *Afasia* (1998), among others.

Keywords: technologies, cyborg, utopia, body, art, transhumanism.

Victor D. Bakulov (Southern Federal University)

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF COMPARATIVE ANALYSIS OF UTOPIA AND UTOPIANISM

The paper is devoted to the problem of comparative analysis of utopia and utopianism as socio-cultural phenomena. The purpose of this analysis is to identify differences in the essential characteristics of these phenomena and the strict distinction between utopia and utopianism. The methodological basis of the comparative analysis of utopia and utopianism is the concept of transformed forms. This concept allows us to consider utopianism as a transformed form of expression of the social ideal, as well as to reveal the specific essential characteristics of utopianism, which cardinally distinguish it from utopia.

Keywords: utopia, utopianism, sociocultural phenomenon, comparative analysis, transformed forms.

CHAPTER 2. UTOPIA AND MODERN SOCIAL AND CULTURAL PRACTICES

Liubov E. Yakovleva (Russian State University named after A.N. Kosygin (Technology. Design. Art))

THE PHILOSOPHY OF EDUCATION OF T. CAMPANELLA IN THE CONTEXT OF MODERNITY

The article draws an analogy between the emergence of a humanistic model of education in the Renaissance and new model of education in networked society. The role of philosophy in the formation of intellectual skills and humanization of education is revealed.

Keywords: education, cognitive technology, creation, intellectual skills, Campanella.

Zinaida I. Rozhkova (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

DEMOCRATIC EDUCATION AS THE CREATION OF NEW FORMS OF CRITICAL THINKING

Utopianism opens up a new space for social projects and experiments, which make it possible to find new ways to solve the problems of society. The implementation of these projects will be most successful when the conditions of proper education, humanistic education and critical thinking are combined. One of the most striking manifestations of humanistic education of our time is democratic education. Based on the child's greater and comprehensive self-development, self-government, freedom of choice and responsibility for decision-making, such education form is a strong critical thinking.

Keywords: utopian thinking, critical thinking, democratic education, education, democracy.

Ksenia V. Saveleva (Southern Federal University)

UTOPIAS IN EDUCATION

This article focuses on the presentation of the “school of the future” in utopias and dystopias. In every literary work, an image of the social system is formed, an ideal state in which education and upbringing occupy a special place. Thanks to utopias, as “chimerical” projects of transforming the natural state of society, we can distinguish the problems that exist in the educational space and the ideals to which we must strive.

Keywords: utopia, education, literature, dystopias.

Tatyana K. Molchanova, Dmitry A. Ruban (Southern Federal University)

MODERN HOTEL – AN URBAN UTOPIA?

A modern hotel opposes partly to urban environment, which forms a premise for its consideration in the utopian context. Utopic features of hotels are evident to both local people and guests. These are linked to the supposed “regularity” of their mechanism opposing, particularly, to the common city chaos and attribution to “better life”. In resort zones, hotels actively form idealized “urban” space. A hotel can be also considered as heterotopia.

Keywords: perception, heterotopia, urban environment, idealization, chaos.

Denis S. Artamonov, Sophia V. Tikhonova (Saratov State University)

CITY OF THE SUN IN GAME-SPACE: THE MYTHOLOGY OF COMPUTER GAMES

The article considers the role of the mythologeme of the Sun City in the modern game-space. The authors analyze the urban plot in the computer game worlds establish its connection with the Campanella magical eco-project. They investigate the creative potential of projects of utopias, dystopias and dystopias for the development of game mythologies.

Keywords: mass media, computer games, game-space, game studies, City of the Sun.

Maria V. Mitrokhina (Southern Federal University)

UTOPIAN IDEAS, ARCHETYPES AND MOTIVES IN SOCIAL NETWORKS

The article is devoted to utopian basis of social network sites. It is spoken in detail how traditional archetypes of mythological and religious origin are reimagined at Internet space, some examples are drawn. Much attention is given to current understanding of these concepts of ideal. It is shown that utopian way of thinking is always stable and has general patterns. Conclusions are drawn that in virtual social networks user may be a creator of his own ideal world and ideal self-identity. It is specially noted that social network sites become the new forms of utopian creativity and escapism where dreams and ideas come true.

Keywords: social network sites, Internet, utopian archetypes, utopian creativity, ideal.

Alexey V. Khorunzhiy (Peoples' Friendship University of Russia)

"IDEAL ORDER OF LIFE": THE SOCIAL UTOPIA OF KONSTANTIN TSIOLKOVSKY

Konstantin Tsiolkovsky created a detailed project to achieve the "Ideal order of life." His works in the natural sciences, technics, philosophy and sociology were linked by a single goal: to show mankind the path to happiness and work out concrete steps to achieve it. The project is defined as a social utopia, implying the establishment of meritocracy and community-based hierarchy, the unification of mankind and its space expansion. Tsiolkovsky's utopia is characteristic of the European utopian tradition and reflects the views of the Russian intelligentsia whose formation dated back to the last third of the XIX century.

Keywords: Tsiolkovsky, social utopia, meritocracy, commune, convincing example.

Andrey G. Ivanov (Lipetsk State Technical University)

UTOPIA AND SOCIAL MYTH: HORIZONS OF COMPARISON

The article gives the definition of social myth as a phenomenon covering two levels – «archaic» and «conjunctural». Contemporary social myth is considered and compared with utopia from ontological, gnoseological, axiological and praxiological perspectives. Special attention is paid to the praxiological aspect and functional characteristics of social myth, especially political myth as a kind of social myth. Political myths can concretize utopian projects. It is noted that utopia and political myth have regulatory functions that differ in their content. It is concluded that both current political myths absorb all existing utopias to date, and significant myths of the relevant era are reflected in utopias.

Keywords: utopia, social myth, «archaic» and «conjunctural» levels of social myth, political myth, social order, regulative function.

Regina R. Fazleeva (Kazan (Volga Region) Federal University)

VIRTUAL SPACE AS UNITY OF UTOPIC AND DISTOPIC DISCOURSES

Future cyber-thaps in themselves combine two traditional mechanisms of utopian thinking: belief in scientific progress and technologies (utopian) and simultaneous criticism of a technological society (dystopism). This article proposes an attempt to analyze cyberspace as a product of human creativity itself, which will allow studying virtual reality more accurately and impartially: both the current present of the information society and its possible future.

Keywords: cyberspace, utopia, dystopia, technological utopia, «en-topia»

Svetlana V. Chechikova (Moscow School of Social and Economic Sciences)

HYBRIDIZATION OF PROGRESSIVE AND UTOPIC THINKING CODES: THE PROBLEMATICITY OF THE «UTOPIA» CONCEPT

This article focuses on the problem of the alliance of progressivism and utopism as a turning point in the evolution of utopian thinking. In the XVI century utopia was thought of as a theoretical construct: utopian imagination was closely related to transcendental codes through an appeal to the universality and isolation of the concept of utopia. In the Enlightenment, the idea of progress redefined utopian thinking at its core and

functionally changed the focus of utopia from static to dynamic. In conjunction with other codes, utopian imagination formed a new utopian thinking, which subsequently changed the semantics of the French “société”.

Keywords: utopia, progress, utopian thinking, utopian imagination, J. Condorcet, ontological status.

Leonid M. Retinskiy (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation)

ABOUT THE PROJECT OF THE MULTIFUNCTIONAL CULTURAL AND EDUCATIONAL “MUSEUM OF COMMUNISM”

Mankind has accumulated a huge amount of ideological material about the communist structure of society based on the socialization of its resources, which is only marginally in demand. And this is despite the fact that many of the democratic realities of modern Western societies are the result of the influence of the revolutionary changes in Russia in the 20th century, which in turn were inspired by the ideas of utopians. In this regard, educational work on these ideas as well as their creative development are relevant. This is especially true of new generations. For the practical implementation of this approach, it is proposed to create a multifunctional cultural and educational “Museum of Communism” in Lakinsk.

Keywords: Museum of Communism, Reproduction of Society, USSR.

Liudmila A. Kokhanova (Lomonosov Moscow State -University), Sergey B. Golovko (Russian State University for the Humanities), Yulia E. Chereshneva (Lomonosov Moscow State -University)

ONLINE JOURNALISM AS A CULTURAL CODE OF THE DIGITAL UTOPIA

Online journalism is a modern phenomenon, which largely determines the variety of ways and forms of professional social communication. The sociocultural scenarios of online journalism are supported in modern culture by the ideology of Digitopia – “digital utopia” – as the inevitable prospect of technological improvement. Modern research approaches to utopia are of variable nature and open up a wide scope for the possibility of non-standard, alternative and multi-vector approaches to the study of this phenomenon.

Keywords: digital utopia, digital culture, journalists.

Oxana V. Ignatieva-Vilboa, Oleg V. Lysenko (Perm State Humanitarian Pedagogical University)

PERM CULTURAL PROJECT: UTOPIA VS DREAM

The article deals with existence and functioning of utopia in modern society on the example of the Perm cultural project. In utopia there was always an intention to construct a social world, and with the assertion of constructivism, utopia became widespread as one of the tools of practical management. The case study of the Perm Cultural Project is an interesting example of an attempt to transfer some Western ideas on the development of cities and territories onto Russian soil, and this is its heuristic value for everyone involved in urban urbanism and sociology. Analysis of the Perm cultural project in the context of the functioning of utopia makes it possible to take a fresh look at the causes and consequences of the cultural policy not only of the Perm Territory but also of other Russian regions.

Keywords: utopia, Perm cultural project, urbanism, constructivism.

CHAPTER 3. THE PROBLEM OF IDEAL SOCIETY IN POLITICAL HISTORY

Andrey V. Korenevsky (Southern Federal University)

UTOPIIC SOURCES OF HISTORIOSOPHY DISCOURSE

The report is dedicated to the heritage of August Cieszkowski, the author of the term “historiosophy” which at the same time is recognized as the utopian thinker and one of the precursors of the civilizational approach. Cieszkowski wished to impart the historical optimism of French utopian socialism and cast-iron logic of Hegel’s dialectics to the Polish messianism. Nevertheless, Cieszkowski could not accept the Hegelian apology of Prussia, in which history exhausts itself, either as a dialectician or as a Polish patriot. He contemplated history as the triad “Thesis-Antithesis-Synthesis”: Antiquity (Intuition) – Christianity / Germanic world (Thought) – the future triumph of Slavdom (Will and Action). At the same time, Cieszkowski’s historiosophy is bound to be utopian, because it is facing not only toward the past, but also into the future.

Keywords: historiosophy, utopia, civilizational paradigm, Polish messianism, August Cieszkowski.

Andrey A. Kirillov (Southern Federal University)

**BYZANTIUM IN RUSSIA AND THE WEST:
BETWEEN IMPERIAL MYTHOLOGY AND CULTURAL UTOPIA**

Descriptive constructs “Byzantism” (in Leontiev’s terminology) and “Byzantinism” (in Florovsky’s terminology) since the end of the XIX century have become stable and, in some cases, even stereotypical metaphors in social philosophy, historiography, cultural studies and religious studies. In the report, the author aims to consider not only the negative connotations of these social and humanitarian metaphors and “theoretical chimeras” but also to see the positive potential of these installations on the example of the analysis of modern domestic and foreign author’s research positions. The key problem is to identify and fix the role of utopian discourse in the formation of modern understanding and interpretation of “Byzantism” and “Byzantinism” as Imperial mythology and cultural utopia.

Keywords: utopian discourse, Imperial mythology, cultural identity, cultural utopia.

Konstantin G. Malykhin (Southern Federal University)

ETATISM OF THE 1930-40IES: VICTOR CHERNOV’S ESTIMATIONS

The article analyzes the views of the Socialist Revolutionary Party’s leader Victor M. Chernov in the 1930-40-is on the problems of “socio-capitalist” evolution of world civilization. Chernov has concluded about the possibility of recognition of the totalitarian Soviet model, along with the national socialist and fascist, as a special stage of human social development on the way of “socio-capitalist” evolution. Chernov defined it as a historically long stage of “Etatism”. The emergence of a new formation led to the emergence of a “new man”.

Keywords: foreign delegation, “socio-capitalism”, Host-State, government capitalism, bureaucracy, Protectionism.

Anatoliy V. Trukhan (Rostov Branch of the Russian State University of Justice)

UTOPIA IN THE STRUCTURE OF THE EUROPEAN IDEOCRATIC CONSCIOUSNESS

The growing interest in the history of European utopian thought and the discoveries made in the field of “utopian studies” in the XX century, make it possible to take a fresh look at the history of European thought and determine the specifics of European consciousness as an ideocratic type of consciousness. Utopianism is the most important component of European projectism, defining the content of the social ideal, according to which the transformation of social reality is carried out. The article determines the source and content of the social ideal of the European ideocratic consciousness and derives from these definitions the philosophical and historical consequences. The source of the social ideal is the archetypes of the collective unconscious, the content of which is manifested on a rational level in utopias. The basic archetype that determines the content of the European social ideal is the archetype of the return of a lost paradise on earth.

Keywords: utopia and utopianism, projectism, paradigms of social transformation, European ideocratic consciousness, the archetypes of the collective unconscious, rational and irrational levels of social consciousness.

Radislav V. Kaurkin (National Research University Higher School of Economics – Nizhny Novgorod)

“BORNIAN KINGDOM” OF IVAN TREVOGA

The article deals with the viewpoints of Ivan Trevoga – the representative of Russian utopian thought.

Keywords: Russia in the XVIII century, utopian thought, Ivan Trevoga.

Oksana O. Zav’yalova (Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)

«DANUBE UNION»: MIKHAIL POGODIN’S PAN-SLAVIST UTOPIA

The creative heritage of the famous Russian historian, writer, and active public figure Mikhail Pogodin covered a wide range of topical social and political issues of his modern life. He was not only the spokesman of the conservative ideology of the Nikolaev reign but also one of the first Russian thinkers who developed the basic principles of Russophile political pan-Slavism. During the Crimean War, Pogodin, like many Slavophil thinkers, engulfed in patriotic enthusiasm, created the first project to unite all Slavic peoples under the auspices of the Russian Empire, which he called the “Danube Union”. It is concluded that this project, which was a historian’s intellectual response to the threat to the territorial integrity of the country, coming from the powerful European coalition, became the “prototype” of future pan-Slavic utopian concepts of unification of the Slavs.

Keywords: Russian Empire, Mikhail Pogodin, “Danube Union”, conservatism, pan-Slavist utopia, polish question.

Dmitry V. Balashov (National Research University Higher School of Economics)

THE REALISTIC IDEA OF JUSTICE AMARTYA SEN AND HIS CRITICISM OF UTOPIANISM IN CONTEMPORARY POLITICAL PHILOSOPHY

In this article, presents an approach to studying the justice social order in the real world of outstanding Indian philosopher and economist Amartya Sen and also his criticism of possible limitations utopian – transcendental approach to explore this issue that prevailing in political philosophy since the second half of XX century.

Keywords: justice, institutionalism, transcendentalism, transcendental approach, social choice theory, comparative approach.

Sergey V. Vinogradov (National Research University Higher School of Economics)

G.A. COHEN'S IDEAL THEORY OF JUSTICE: DEFENDING UTOPIANISM IN MODERN POLITICAL PHILOSOPHY

Rawlsian theory of justice has been traditionally attacked for a focus on ideal theory as a form of utopianism. By contrast, G.A. Cohen criticizes Rawls for constructivism and argues that the fundamental normative principles of justice are not constrained by the limits of human nature. He asserts that concept of justice doesn't depend on political feasibility. This viewpoint supported by Estlund defends ideal theory of justice as an essential way of contemporary political thought.

Keywords: Rawls, ideal theory of justice, G.A. Cohen, utopianism, feasibility.

Evgenia A. Bodnar (Southern Federal University)

R. RORTY'S LIBERAL UTOPIA

This article analyzes the concept R. Rorty's "Liberal Utopia" the basic premise of which is the understanding of the truth not as revealed but as created by people. We cannot find the absolute basis of human morality, but we can find that which unites us all, such as pain and suffering. Our beliefs are random and therefore the only way out is to expand our final vocabulary, which is possible by gaining knowledge about others and about ourselves. By expanding our vocabulary, we can more and more rarely draw the line between "we" and "they" and identify with each other.

Keywords: irony, truth, liberal ironism, accident, solidarity, humiliation.

Natalia D. Nikolaeva (Southern Federal University)

BYZANTINE POLITICAL IDEA OF THE LATE XI – THE EARLY XIII CENTURIES: UTOPIAN AND PRAGMATIC ASPECTS

The article deals with the system of functioning of the Byzantine political utopia during the crisis of the Empire. An attempt is made to reveal the effectiveness of the forms of existence of the Byzantine political utopia.

Keywords: Byzantine political idea, Crusades, crisis, modern Russia.

Aleksander D. Tumin (Southern Federal University)

CONCEPT OF "HISPANIDAD" AS A PROJECT OF AN IDEAL SPANISH CHRISTIAN STATE

The article is devoted to the study of the cultural context of the emergence and spread of the "Hispanidad" concept, which embodies the ideal, utopian image of the structure of the Spanish state, preserving its age-old foundations of social structure.

Keywords: "Hispanidad", "Gremialismo", "Golden Age" of Spain, absolute moral values, atomization of society.

Pavel Yu. Knyazev (Lomonosov Moscow State University)

POLITICAL SYSTEMS OF THE DUTCH REPUBLIC AND VENICE IN THE VIEWS OF J. HARRINGTON

The report analyzes the reflection of the political structure of the Dutch republic and the Republic of Venice in the writings of the English pamphleteer and philosopher James Harrington (1611-1677). The author examines the sources of Harrington's knowledge of these countries, his criticism of Dutch and Venetian political systems, as well as the role of the continental republics' experience in Harrington's constitutional projects and in creating the image of an ideal state.

Keywords: James Harrington, The Commonwealth of Oceana, republicanism, the Dutch Republic, Venice, England.

С. Сайтанов (независимый исследователь)

АНАРХО-УТОПИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПЕТРА КРОПОТКИНА

Петр Кропоткин, будучи одним из основателей и теоретиков классического анархизма, в то же время создал и попытался воплотить в жизнь собственную утопическую теорию построения «рая на земле». Это позволяет выделить фактический период анархо-утопизма в социально-политических взглядах Кропоткина.

Ключевые слова: Петр Кропоткин, анархо-утопические, социально-политические взгляды.

CHAPTER 4. IDEAL SPACES IN ARCHITECTURE, ART AND LITERATURE

Olga A. Dzhumaylo (Southern Federal University)

NOSTALGIC UTOPIA IN THOMAS SRUBER'S «IN DEN GAEGEN» (2018)

Thomas Stuber's new film «In den Gägen» (2018) provokes an interpretation of its specific space representation as a nostalgic collective project about idealized GDR past. The space of contemporary hypermarket peopled with workers (ossi) and placed on suburbs of Leipzig (former GDR city), turns out to be the place of community spirit reawoken, and an embodiment of nostalgic imagination. There can be found several key elements of classic utopia: isolation, autaky, urbanizm; positive transparenance motif; collective property motif; positive unification motif and panoramic viewing; motif of collective joy from work in egalitarian utopia; emblem of the 'sun'. In the basis of the film script there lies Clemens Meyer's short story from his collection «Die Nacht, die Lichter» (2008), in which he develops his earlier reflexions on Eastern Germans' experience after the fall of the Berlin Wall.

Keywords: nostalgic utopia, utopian imagination, GDR, utopian motifs, utopian space, Thomas Stuber, Clemens Meyer.

Elena A. Chichina (Southern Federal University)

UTOPIANISM GROUNDING THE TRAGIC WORLD OUTLOOK IN THE ERA OF THE ITALIAN RENAISSANCE

The article explains the tragic personal world outlook in the era of the Italian Renaissance by the anthropocentric spirit of utopianism which developed at this time and allowed two opposite and irreconcilable principles, pagan and Christian, to meet within this culture. Nikolay Berdyaev very precisely expressed this idea at the boundary of the XIX and XX centuries, as well as Alexey Losev did in the middle of the XX century.

Keywords: Italian Renaissance, self-affirmation of the human person, tragic world outlook, humanism.

Larisa V. Zhelondievskaia, Veronika E. Barysheva (Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Art)

MANIFESTO- UTOPIA AND REALITY

The authors consider the role of the manifesto as a strategic tool for the formation of the visual system. The program principles of new, often utopian approaches in connection with their real project implementations are studied on the examples of manifests. Futurism, which grew out of Marinetti's manifesto, was the first international Avant-garde movement that covered all areas of art-painting, sculpture, architecture, music, theater. Malevich's Suprematism sprouted in all spheres of art, defining an important vector of development of visual arts of the XX century. Today, in art there is an active search for a new visual language, therefore, it is important to study a similar period from the standpoint of the strategic guidelines of the new vision.

Keywords: Manifesto, Marinetti, Malevich, Suprematism, project thinking.

Mikhail V. Pokotylo (Rostov State University of Railway Engineering)

CONTAMINATION OF GENRE FEATURES OF UTOPIA AND DYSTOPIA IN TWENTIETH-CENTURY LITERATURE

The complex and controversial XX century is reflected in fiction and provokes contemporary writers in search of new genre forms. The synthesis of the most in demand in the period of the genres of utopia, dystopia and satire allows you to effectively implement the ideological and moral and aesthetic quest writers.

Keywords: utopia, dystopia, quasi-utopia, genre-style syncretism.

Т.Б. Батыр (Тараклийский государственный университет им. Григория Цамблака)

ГОРОД СОЛНЦА И ГОРОД РАССВЕТА: УТОПИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Автор отмечает значимость Томмазо Кампанеллы и его произведения «Город Солнца», проводит параллели между идеями индийского философа Шри Ауробиндо и основанном на них городе Ауравиль; приводит наименования и краткое описание ряда других реализованных утопий, обращая внимание на имманентность утопической мысли человеческому сознанию.

Ключевые слова: Томмазо Кампанелла, Город Солнца, Шри Ауробиндо, Ауравиль, утопическое сознание, реализованная утопия.

Maxim A. Romanenko (Southern Federal University)

RETHINKING UTOPIA: FROM THAW PERIOD TO PERESTROIKA

The article deals with the attempts of artistic rethinking of Soviet utopia ideas and giving them new content. On the example of three selected films, the mechanism of utopia reconstruction is demonstrated. Such reconstruction became possible due to the reference to the experience of Soviet history. The past not only legitimized the existing order but also compensated for all the contradictions of the surrounding reality.

Keywords: utopia, Soviet utopia, USSR, historical memory, thaw period, perestroika, film.

Olesya A. Muradyan (Southern Federal University)

ETHICS OF CHILDHOOD IN THE “IDEAL” WORLD: MODERN ANTIUTOPIA IN CINEMATOGRAPHY

The article critically examines the ethics of childhood, presented in modern dystopia films. A typology of films selected for analysis, demonstrating the “ideal” world in its actual destruction of personality, is proposed.

Keywords: ethics, childhood, communication, education, dystopia, modern cinema.

Danil A. Alexandrovich (Southern Federal University)

IMPLEMENTATION MODELS OF MYTH IN CONTEMPORARY UTOPIAN LITERATURE

Current work provides a research of the main sources of utopia and defines the role of utopian poetics in fantastic literature of the period from 1950-s to the early XXI century. It also reviews main features inherent to the utopian and dystopian genres. The paper pays special attention to the mythopoetic model of the ideal state, “the city of the Sun”, used by authors in their works.

Keywords: myth, utopia, dystopia, postmodernism, modern literature.

Andrei V. Maltsev (Southern Federal University)

DISCURSIVE POLITICS OF OPPOSITION OF THE OPPRESSED IN THE ANTI-UTOPIA BY MARGARET ATWOOD “THE HANDMAID’S TALE”

The article analyzes discursive politics of opposition against the totalitarian society in the anti-utopia by M. Atwood “The Handmaid’s Tale”: these are cognitive, emotional, affective, and communicative means of struggle with the prohibitions, destined to enslave the fertile women thoroughly. In the context of full-scale control and murderous executions for disobedience there is still an opportunity to save one’s mental freedom, which is important for the women, fighting obscurely for their personal identity. The study identifies a few groups of prohibitions and means of opposition, according to which the anti-utopian problematics of the novel is examined.

Keywords: Margaret Atwood, anti-utopia, forms of discursive struggle for human rights, objectivation, subjectivation, nomination, establishment of an inner Self, communicative and narrative means of opposition.

Yuriy S. Malik (Voronezh State University)

UTOPISM OF ANTIQUE PASTORALS: LONGING FOR “GOLDEN AGE”

The article is devoted to the question of the essential content of the pastoral genre, on the example of the bucolic Longus and Publius Virgil Maron. It is proposed to establish the relationship of the decline of ancient culture with a growing utopian tradition. Attention is drawn to the fact that an unsuccessful attempt at pagan utopianism is developing in Christian culture.

Keywords: Antiquity, bucolic, golden age, pastoral, mythology, culture.

Мартин Педро Гонсалес (Университет Буэнос-Айреса)

УТОПИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Настоящая статья посвящена теме, которая была частично проработана мною в рамках историографии, и связана с осмыслением утопических текстов, принадлежащих к литературному жанру. Говорю «частично», потому что в публикациях последних лет преобладают культурологические и/или лингвистические подходы, которые либо стремятся осмыслить утопические тексты в рамках контекстов или мало значимых проблем, о существовании которых не подозревали даже сами авторы утопий; либо погружены исключительно в текст и отказываются от любых попыток подумать о каких-либо проблемных аспектах за пределами авторского текста. В этой статье хочу вернуться к теме, которая имела большое значение для историографии конца 1980-х гг. Я имею в виду связь между литературными утопиями и политикой.

Ключевые слова: утопия, утопическая литература, политические языки, Великобритания.

Gleb D. Lyontyev (Kazan National Research Technological University)

FROM A «SOLAR CITY» TO THE «CLOUD DEMOCRACY»

In line with the successful integration of «utopias of freedom» and «utopias of order» the project of Russian political scientists «Cloud democracy» is presented. The project is based on the development of political self-organization of citizens, social construction of electoral procedures using cloud Internet technologies. The procedural approach to modeling the «cloud» future is described in K. Popper's terminology as «social engineering of private solutions». In the context of post-non-classical utopian discourse, the presented form of social forecasting is defined as a digital a realistic utopia.

Keywords: utopia, realistic utopia, cloud democracy, open society, network communications, social technologies

Svetlana V. Rudanovskaya (Peoples' Friendship University of Russia)

IDEAL OF COMMUNICATIVE REASON IN CONTEMPORARY LITERARY UTOPIA

The paper centers on changes of utopian genre in M. Piercy's "Woman on the Edge of Time" (1976), wherein utopia of individual differences replaces the traditional utopia of common order and the ideals of normalizing ratio gives way to ideals of communicative reason that responds to various forms of life and aims to understand others and be understood in turn. M. Piercy's utopia is regarded as a vivid critique of contemporary regimes of interactions which are indifferent to personal existence.

Keywords: literary utopia, "Woman on the Edge of Time", communicative reason.

Natalia I. Prokhorova (Ogarev Mordovia State University)

THE MYTH OF ATLANTIS IN THE WORLDVIEW OF A. ARTO

The influence of the Platonic myth about Atlantis on the formation of A. Artaud's worldview is considered. The description of the bull sacrifice ritual is compared in the dialogue of Plato "Critias" and in the recordings of "Taraumara" by A. Artaud. The mythopoetic aspect of A. Artaud's image of Atlantis is noted. The myth of Atlantis is organically included in the philosophical search of A. Artaud, confirming his theory about the existence of an ancient tradition.

Keywords: Atlantis, A. Artaud, Plato, myth, ritual, utopia

Ekaterina Yu. Vityuk (Ural State University of Architecture and Art)

IDEAL CITIES: MODERN ARCHITECTURAL UTOPIAS

The article presents the modern development of utopian concepts in architecture with an emphasis on the influence of the ecological approach and social trends. The basis for the formation of utopian proposals in architecture is the desire to solve problems that are relevant at the time of creating the concept, one way or another connected with the safety and comfort of people.

Keywords: architecture, utopia, ideal city, approach, ecology.

Elena M. Surova (Moscow State Stroganov Academy of Industrial and Applied Arts)

SOCIAL UTOPIAS IN THE RESIDENTIAL ARCHITECTURE OF RUSSIA OF THE 1920s

In article features of influence of the social utopian ideas on design of living spaces and a variety of forms and currents in architectural process of Russia of the 1920s are considered. Revolutionary changes of the beginning of the XX century were reflected in the organization of life of the person of a new public formation – the citizen of the utopian future focused on values of a social labor. In the Soviet architecture of this period

search of a bright artistic image along with the requirement of compliance of a form to functional purpose, severity and geometrical purity and broad use of the latest construction materials and designs was combined.

Keywords: social utopias, conduct of life, collectivization, architecture, constructivism, rationalism, aesthetic problems.

Elena N. Antipkina (Ogarev Mordovia State University)

THE VISUALISATION OF UTOPIA IN MODERN FILM ART

This article reveals the question: how utopian space-time are visualized in the film text and which invariants of utopia have become widespread in modern times. In this regard, the author: firstly, determines the role and functions of cinema in contemporary culture; secondly, traces the interpenetration of utopia and science fiction. The author also reveals the sociocultural mission of the cinotopia, which is to demonstrate and dramatize the inability to imagine the future.

Keywords: modern cinema, motion picture, cine fiction, utopia, dystopia, film text.

Nadezhda A. Tsareva (Makarov Pacific Higher Naval School)

CONCEPT OF SELF-CONSCIOUSNESS AS A PROJECT OF THE FUTURE IN ANDREI BELY'S PHILOSOPHY

The theorist of Russian symbolism Andrei Bely represents history as a process of continuous improvement of mankind. Art is defined as a means of transformation and spiritual transformation of the world. The solution of social problems, according to Bely, lies in the field of culture, therefore the philosophical understanding of culture occupies a special place in his work. The concept of the culture of the future society is closely intertwined with the problem of the identity of the individual. The fate of the world depends on the rebirth of the spiritual composition of each person. The spiritual perfection of humanity is the only way to harmonious existence on earth.

Keywords: Russian symbolism, Russian utopia, self-consciousness.

Galina V. Tikhomirova (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia)

EXPERIENCES OF GRAPHICAL VISUALIZATION OF THE URBANIST PROJECT CAMPANELLA'S "THE CITY OF THE SUN"

In the research literature on T. Campanella, the urban aspect of "The City of the Sun" was not directly affected. At the same time, the description of the original City of the Sun in the book has a significant place: it contains a "verbal project", with clearly worked out details. The article is devoted to the analysis of graphical attempts to reconstruct the City of the Sun.

Keywords: utopia, city, radial-circular layout, architectural concept, reconstruction.

Olga E. Zheleznyak (Irkutsk National Research Technical University)

IDEAL CITY AND COLOR PARADIGMS IN THE CONCEPT OF "NEW WORLDS"

Discourses of the ideal "place" / city are part of futuristic projects, utopias and dystopias. Models of ideal cities / "new worlds" embody the pictures of the world and predict development options, including color as a paradigm of urban life and culture; manifest confrontation between artificial and naturally-developing systems, the importance of the categories "uniformity - diversity". The absence of color or its rigid normalization symbolize the totalitarianism of the system; naturally living environments are characterized by a rich palette of color.

Keywords: ideal city, color paradigms, picture of the world.

Leonid Ya. Podvoisky (Astrakhan State University)

SOCIO-CULTURAL MODEL OF UTOPIA IN VELIMIR KHLEBNIKOV'S WORKS

The problem of social utopia is traditional for Russia. V. Khlebnikov's works fit into this utopian ideology tradition. Utopia is the most important feature of his poetic outlook. It was reflected in the poems "Ladimir", "Crane" and in verses "City of the Future", "Moscow of the Future", etc. The idea of social utopia which can be represented not only by something clean, bright and humane, but also by a strict warning, such as, for example, Plato's "Atlantis" is confirmed in V. Khlebnikov's works. A similar warning can be found in Khlebnikov's mythical poem "Crane".

Keywords: social utopia, tradition, culture, Plato, V. Khlebnikov.

CHAPTER 5. PHILOSOPHICAL ASPECTS OF UTOPIANISM

Elena L. Chertkova (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

TWO WAYS TO A NEW PERSON

An ideal society and a perfect person are the main themes of the utopian state-building projects based on the principles of reason, as Socrates and Plato, Thomas More, Tommaso Campanella and many others thought about. The twentieth century was murderous for the idea of a perfect society. The person has again become a problem, and the main one - what will a new person be or should be able to live in this rapidly changing and complicating world? Let us consider two key directions in resolving this issue - humanistic and technocratic, or otherwise - the path of internal transformation or external reorganization, perfection or improvement.

Keywords: Socrates, Plato, Campanella, Paideia, perfection, improvement, posthumanism

Nikolay V. Litvak (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation)

RELEVANCE OF PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF FOREIGN POLICY IN CLASSIC "UTOPIAS"

Despite the concentration of the authors of "Utopia" and "City of the Sun" on issues of the internal structure of new societies, a great attention has been paid to foreign factors in these works. Obviously, T. Mor and T. Campanella suggested the struggle against them by the traditional states. Most of the principles of the new foreign policy they set forth are widely used today by a number of states, which testifies to their considerable heuristic potential. However, already in these works themselves can be identified a logical contradiction between the proposed approaches and their results. But even today, in many respects the humanistic principles of the foreign policy of the utopian classics are not critically reinterpreted and conceptualized.

Keywords: utopia, foreign policy, City of the Sun, humanism.

Elena V. Zolotukhina-Abolina (Southern Federal University)

"THE CITY OF THE SUN" BY TOMMASO CAMPANELLA AND "THE SANE SOCIETY" BY ERICH FROMM

The article deals with a comparative analysis of the main ideas of utopian philosophers Tommaso Campanella (XVII century) and Erich Fromm (XX century). The author shows the different and even opposite understanding by these philosophers of such features of "perfect society" as the presence or absence of private property; the place of bureaucracy; the importance of scientific and technical achievements; the place and role of collectivity in people's lives; the possibility of manipulation of consciousness; universality or selectivity of labor. The variety of styles of the thinkers is emphasized. The author believes that the opposite theses of the philosophers are rooted not only in their historical specificity but also in the opposite of the original world-view regarding the human nature and attitudes to contemplation or activism.

Keywords: utopia, perfect society, difference of ideas, opposite theses, T. Campanella, E. Fromm, capitalism, City of the Sun, Sane Society.

Tatiana N. Samsonova (Lomonosov Moscow State University)

TOMMASO CAMPANELLA'S VIEWS ON EQUALITY IN THE LIGHT OF HUMANISTIC ANTROPOLOGISM AND NATURAL PHILOSOPHY

T. Campanella described a utopian society, which was to be ruled by men who would use natural philosophy and astrology. All citizens were equal, material goods, education, leisure activities and even women and children were to be held in common. In utopia, many problems have been raised and solved in their own way, they are still exciting and will continue to worry humanity for a long time.

Keywords: Campanella, utopia, equality, humanism, natural philosophy.

Irina G. Paliy (Rostov State Economic University)

SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL UTOPIANISM

The article attempts to consider some of the foundations of the process of implementation of utopian ideas in the life of Russian society of the XX century. Thus, the center of theoretical analysis is a comparative analysis between the appropriate way of development of society and social goal-setting. It is shown that the expedient way inevitably leads to social utopianism and, ultimately, to the destruction of society. Moreover, the inevitable expression of utopian ideas is pre-assignment, that is the total regularity, which gives only temporary success, but the growth turns into its opposite. This kind of planning can destroy society as a whole. The logical

condition for the implementation of planning is the form of public property, which is also a utopia, and with a persistent attempt to turn into a dystopia. As a result of the attempt to implement in our country the great utopian idea of a Communist society, we actually got a society of social utopianism with pronounced features of a real dystopia.

Keywords: goal-setting, expediency, public property, social absurdity, social utopianism.

Tatiana G. Leshkevich (Southern Federal University)

POWER, WISDOM, LOVE AS A MENTAL-PSYCHOLOGICAL MATRIX OF CAMPANELLA'S UTOPIA

The article analyzes the systemic beginnings of Campanella's utopia. The goal of the article is to show that Power, Wisdom and Love are fundamental principles that have ontological significance and appear to be regulative of individual and social being. The author considers semantics of the concept wisdom, shows the value of sensory perception as a characteristic feature of the Campanella's project, reveals the scientific component of the utopia. The article concludes that Campanella's methodology is based on the rationally astrological picture of the world, and underlines the coincidence of his project with the educational doctrine of Y. Komensky.

Keywords: wisdom, power, love, utopia, scientism.

Andrey M. Orekhov (Peoples' Friendship University of Russia)

UTOPIA AS PHILOSOPHICAL AND LITERATURE GENRE: DOES IT RETURN TO RUSSIA?

Utopia is specific genre, narration of artistic or scientific character, describing future society (on the Earth or other worlds) as ideal and perfect, – in its social and (or) scientific-technical aspect, – from position of unhappy contemporary structure of human society. In post-Soviet period utopia died, as philosophical and literature genre. Radical breaking of ideology has come to loss of image of "light future", and else utopia transformed into the variety of philosophical science fiction. Nevertheless, it could be supposed, utopia as philosophical and literature genre sooner or later will return to Russia.

Keywords: utopia, science fiction, philosophy, literature, Russia.

Madina A. Kjarova (Kabardino-Balkarian State Agrarian University)

UTOPIA'S ROLE IN PUBLIC LIFE

The article describes a problem of periodically growing interest to the utopian doctrines and utopian projects under the rule of the scientific worldview. Utopia is complex in its content, embodied in many forms of the spiritual and intellectual life of the people. The social significance of utopia, the role of the utopian doctrines and ideas are revealed and can be understood at the level of social development. In this regard, it is difficult to overestimate the importance of this aspect of utopian studies for the understanding of the role of this phenomenon in public life. The attention of modern utopia has shifted from society per person. That had previously been considered as an ideal, now has become the result for some societies. An ideal, happiness, perfection is delayed again to the horizon, became inaccessible for people.

Keywords: utopia, utopianism, sociality, justice, happiness, harmony, ideal.

Ludmila P. Pendiurina (Don State Technical University)

POSTHUMANISM AS A UTOPIAN PROJECT OF MODERNITY

The author argues for the fact that the ideology of posthumanism is a utopian project. A posthuman project on the path of human evolution implies its rejection of spiritual values: love, friendship, family, faith, but this is basically impossible. Therefore, the denial of spiritual values is a threat to the existence of both the human and humanity.

Keywords: humanism, posthumanism, transhumanism, postmodern, new person.

Dilfuza O. Inomova (Kokand State Pedagogic Institute)

FEATURES OF UTOPIA IN THE PHILOSOPHICAL HERITAGE OF FARABI

The article discusses the utopian ideas of an ideal state and finding happiness and virtue. Another problem is achieving and building a just society, in which peaceful freedom, universal equality, mutual respect, full head of well-being will prevail. The great utopianist, being the greatest humanist of his era, argued against wars, seizures and robberies, injustice and deception, defended human rights for work, knowledge, peaceful life, as well as he dreamed of the prosperity of society. First, in the Middle Ages, Farabi developed the doctrine of the social progress that played a huge role in the development of the sociological thought.

Keywords: social contract, state, virtue, philosophy, happiness, utopia, city-state.

Gurgen E. Iritsyan (Novorossiysk Branch of the Financial University of the Government of Russia)

THE FUTURE OF HUMANITY: MARXIST UTOPIA AND BIOLOGICAL REALISM

The future of modern humanity is problematic. Global problems do not cause an adequate response of the world community, in most areas of social reality, prevail irrational, selfish interests that exacerbates the General socio-cultural crisis. Despite this, Marxists continue to believe that the future of mankind is a Communist society, ethologists and sociobiology hold a very different point of view.

Keywords: society, Marxism, ethology, utopia, crisis.

Dzhabrail M. Taisaev, Fuad S. Efendiev (North Caucasus State Institute of Arts)

**BLESSED ARE THOSE WHO ARE BLESSED,
OR ODE TO THE FOLLY OF ERASMUS OF ROTTERDAM**

The article deals with the work of Erasmus of Rotterdam “The Praise of Folly” – in the context of the modern social realities. The philosopher ridicules hypocrisy, classifying disinterested people as foolish idealists. The mismatch between the situation of a man with his mind and abilities is vividly reflected by Erasmus – more often the folly wears the disguise of the sage or prophet. The present time largely repeats the historical phenomenon of the Renaissance. Folly, or rather simplicity in the positive version and obsessive incompetence in the negative, at present, is the same common phenomenon.

Keywords: Praise of Folly, Renaissance, pragmatism, utilitarianism, commercialism, immaturity, wisdom, Eulogy.

Nataliya A. Shestovskikh (Ural State Law University)

VLADIMIR ERN’S CHRISTIAN SOCIALISM AS UTOPIA

The article discusses the idealistic Christian attitudes to the property of the Russian philosopher V.F. Ern and concludes that his idea of socializing property is utopian. Utopia is a necessary stage on the path of thought, but the culture of utopia should not be mixed with the culture of reality.

Keywords: Russian philosophy, Christianity, Vladimir Ern, property, utopia.

Alexandra A. Lisitsyna (Southern Federal University)

**PROJECTS OF PERMANENT PEACE IN PHILOSOPHICAL THOUGHT OF
THE XVII-XVIII CENTURIES**

The article is devoted to the consideration of the projects of permanent peace in the socio-philosophical thought of the XVII-XVIII centuries. The features of the antiwar views of E. Crucé and W. Penn are revealed, their connection with the ideas of natural law and social contract is shown. The article considers the projects of the permanent peace proposed by the thinkers of the age of enlightenment – C. Saint-Pierre, J.-J. Rousseau, I. Kant. It is concluded that the doctrine of permanent peace, which is an example of utopian concepts of the XVII-XVIII centuries, had a significant impact on the further development of social thought in the field of political and international-legal theories.

Keywords: permanent peace, E. Crucé, W. Penn, C. de Saint-Pierre, J.-J. Rousseau, I. Kant, war, pacifism.

Vladimir N. Bazylev (Moscow State Linguistic University)

**«ISLAND OF UTOPIA»: THE RUSSIAN SCHOOL THROUGH ROZANOV’S AND
FLORENSKY’S EYES**

In the intellectual context of the late XIX – the first quarter of the XX century T. More was read and re-read by Russian teachers and philosophers; his utopian ideas, including educational, were adapted. V. Rozanov and P. Florensky tried to retell about the utopian ideas in education.

Keywords: philosophy of education, Russian system of education, T. More, V. Rozanov, P. Florensky.

Andrey Yu. Dolgikh (Vyatka State University)

ON THE SUBJECTIVENESS OF THE DIFFERENCE OF UTOPIA AND ANTI-UTOPIA

The article questions the traditional division of utopias and dystopias. Using some examples of science fiction works and of the real history, there shows that the definition of a certain society as utopian or anti-utopian is a purely value judgment. If we positively evaluate some social system, we give it the name “utopia”; otherwise, we consider it “dystopia”.

Keywords: utopia, dystopia, value judgment, adaptability, habit, substantive basis.

Yulia D. Smirnova (Kazan Federal University)

TIME OF UTOPIA

In the article, the author argues on a utopian temporality. In the middle of the XX century, Herbert Marcuse announced the end of a utopia but from this point, this phenomenon not only hasn't disappeared but has found new vectors and lines of reasonings. Each new era opens new doors, new opportunities for development, expansion, and integration of the essence of a phenomenon for a utopia. As a way of illustration of the mechanism of transformation of a phenomenon in utopian, we offer a Hegelian triad "thesis-antithesis-synthesis". Having found something completely opposite, to accept it as an opportunity for the development, without forgetting about its last forms, is one of the utopia resources. Revealing Other, the utopia tries to find a way to make it useful to itself, to use as a heuristic resource. What relations are between utopia and historical and human time? Is it correct to speak about the end of a utopia? All these questions will be taken up in this article.

Keywords: utopia, utopian consciousness, temporality, deep thinking, subject of utopia.

Yuliya V. Andreyeva (East Economic and Legal Humanitarian Academy)

VALUE MEASUREMENT OF OPTIMISM AS UTOPIA

Optimism is considered in the perspective of utopian consciousness; in the correlation of critical theory and utopia; reveals its probability and specificity in humanistic theories, which reveals several characteristics inherent in optimism, with the possibility of their interpretation as a utopia.

Keywords: utopia, optimism, humanism, human possibilities, ideals, goals, values.

Igor' N. Tkachenko (independent researcher)

THE RATIONALISTIC AND MYSTICAL COMPONENTS IN UTOPIAN CONSCIOUSNESS

The rationalistic and mystical components combine constantly in various utopian projects. Pythagorean community was first such project. Pythagorean ideas can influence on following utopias, beginning with Plato's "Republic". The rationalistic and mystical components present in expressed form in social projects by Campanella, Fourier and late Saint-Simon. These tendencies are revealed in Russian cosmism else – in utopias of Fedorov, Tsiolkovsky and Panin. The naturalistic approach is very characteristic for all these utopias too.

Keywords: utopia, rationalism, mysticism, naturalism, Russian cosmism.

Andery V. Mironov (Sevastopol State University)

THE PROBLEM OF LONELINESS IN THE DYSTOPIA OF THE XX CENTURY

The article deals with the aspects of individual existence described in the dystopias of the XX century. The emphasis is on the contradiction of totalitarian paradigms of world perception and the desire for privacy as the embodiment of personal identity.

Keywords: loneliness, self-isolation, totalitarian thinking, internal emigration, self-identification.

Pavel V. Lyashenko (Orenburg State University)

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF UTOPIA IN MEDIEVAL PHILOSOPHY

This article is devoted to the consideration of the theoretical and methodological foundations of utopia in medieval Christian philosophy. According to the author, medieval philosophical thought was formed under the dominant influence of religious cosmology, which determines the theocentric value-semantic representation of man and his nature, which had a controversial influence on the conceptual design of utopian perspective. On the one hand, medieval philosophical thought became a fundamental stage at which the theoretical and methodological prerequisites for the establishment of utopia were laid. On the other hand, there are a number of factors hindering the development of utopia.

Keywords: utopia, man, society, medieval philosophy.

Anton V. Karabykov (Vernadsky Crimean Federal University)

THE LANGUAGE OF UTOPIAS AND UTOPIAS OF LANGUAGE IN THE EARLY MODERN EUROPE

In the light of the projects aiming to restore the Adamic language and to create its artificial substitute the author considers the views on the nature of a perfect language. A special attention is paid to reflection of those linguo-philosophical constructions in literary utopias of that time.

Keywords: Adamic language, Universal philosophic language, The Babel, music, Western esotericism.

Yulian G. Tambiyants (Kuban State Agrarian University)

CRITICISM OF ANTHROPOLOGICAL COMPONENT OF UTOPIAN PROJECTS OF SOCIALIST THINKING

The critical analysis of the socialist utopias of R. Owen, S. Fourier is reduced to the underestimation of the stable socio-psychological forms of the so-called hierarchical consciousness by them. This is a certain section of social representations, directly affecting the processes of hierarchical structuring, based on which the individual achievement strategies are formed. Hierarchical consciousness has three sources: psychological (intrapersonal motives), sociological (social reality perceived during socialization), ideological (abstract value systems). The human nature is idealized as a whole in the projects of socialists-utopians. As a result, the implementation of these projects has been a failure.

Keywords: utopian projects, hierarchical consciousness, social order, human nature, ideology, socialist thinking.

CHAPTER 6. UTOPIAN IDEAS AND EXPERIMENTS IN THE HISTORY OF CULTURE

Irina M. Erlikhson (Ryazan State University named after S.A. Yesenin)

DYSTOPIA IN THE CONTEXT OF ENGLISH LIBERTINAGE OF RESTORATION PERIOD

The author investigates one of the trends of Restoration utopian thought - the social dystopia. The analysis of the plot and stylistic peculiarities of H. Neville's "Isle of Pines" allows to discover his political ideology character, to give a full insight of political and philosophical thought development and to reconstruct socio-cultural atmosphere of aforesaid period.

Keywords: Restoration, England, dystopia, libertinage.

Dmitry E. Martynov (Kazan (Volga Region) Federal University)

LIFESTYLE IN THE CITY OF THE SUN AND IN THE GREAT UNITY: PROJECTS BY TOMMASO CAMPANELLA AND KANG YOUWEI

The account is devoted to the comparison the social ideal of T. Campanella and Kang Youwei. Despite the fact that the social codes and literary trails of the Renaissance Europe and China utopian projects are different, the comparison is possible culturally and functionally. The main goal of Campanella and Kang was to overcome the alienation of man in society and alienation from nature, which could only be achieved by abolishing private property and family.

Keywords: "The City of the Sun", "Datong shu", "Peach Blossom Spring", Tommaso Campanella, Kang Youwei, Tao Yuanming.

Alexey V. Khorunzhiy, Anastasiya Yu. Gerasina (Peoples' Friendship University of Russia)

FROM "THE CONQUEST OF SPACE" TO "THE REALIZATION OF HAPPINESS": COMMUNITARIAN EXPERIMENT OF VICTOR COISSAC

Victor Coissac (1867-1941) is French scientist and public figure, author of works on natural science, space exploration, scientific foundations of morality and many other topics, creator of literary-theoretical utopia and founder of the commune "Integral" – a community of Fourierist type that existed from 1922 to 1935. The diversity of the themes of his work is explained by the contemporary positivistic tradition of ascent from the natural sciences to sociology and projects to improve society built on their basis, and the study of his heritage allows bring the general patterns of development of utopian thought of the twentieth century.

Keywords: Victor Coissac, positivism, Integral, utopia, commune, evolution, convincing example.

Elena V. Barysheva (Russian State University for the Humanities)

UTOPIA IN SOVIET: THE CONCEPT OF NEW HOUSING IN THE FORMATION OF "NEW PERSON"

In the 1920-30s in the USSR, the idea of creating a "new person" and constructing an ideal image of the builder of the Soviet society was embodied in the projects of houses communes. The Soviet man had to rely only on public interests and not be distracted by the "bourgeois" life. The socialization of life had to form stereotypes of the correct behavior of a person in everyday life and at work and become an effective mechanism for governing the society and submit all his personal space to the common goal of building communism.

Keywords: Soviet utopia, "new person", house commune, living conditions, personal space, formation of behavior stereotypes.

Anna V. Kozlova (European University at St. Petersburg)

CHILDISH CITY OF THE SUN: A RETROSPECTIVE REASSEMBLING THE UTOPIAN PROJECTS OF THE SOVIET PIONEER CAMPS ARTEK AND ORLYONOK IN THE INTERPRETATIONS OF THEIR PARTICIPANTS (1957-1991)

The article explores the gap between the projects of the pioneer camps Artek and Orlyonok and perception of these projects by their common participants. The central goals of the Soviet state's project to set up these camps were to showcase the ideal Soviet childhood, and to raise exemplary activist pioneers. The main objective of my research is to explain the mechanisms of perception of Artek and Orlyonok as separate from the common Soviet project by camp staff and their visitors (pioneers and camp guests), using the concept of "utopia" as an analytical tool.

Keywords: Children's summer camp, utopia, utopian perception, Soviet everyday life, Soviet childhood, Soviet subjectivity.

Anastasiya Yu. Braerskaya (Southern Federal University)

WOMAN'S IDENTITY IN THE CONTEXT OF UTOPIAN DISCOURSE: THE CONCEPTION OF SIMONE DE BEAUVOIR

The article discusses the theoretical justification for the formation of female identity in the book of Simone De Beauvoir "Second sex" in the context of utopian discourse; analyzed the main positions of the concept. It is shown that in modern culture, the ideas of the sameness of men and women have been criticized by postmodern feminism and the theory of differences and achieving equality within the framework of the established system of society is utopian in nature.

Keywords: female identity, gender, culture, equality, anti-essentialism.

Vasilina O. Khvostikova (South Federal University)

DESURBANISM OF M. OKHITOVICH IN THE CONTEXT OF THE URBAN PLANNING DISCUSSIONS OF THE 1920-30S

The first years of Soviet power were marked by the search for new forms in all spheres of society. The old forms were considered inexpedient, and the largest social experiment in history demanded large-scale changes. Obviously, the changes could not ignore the sphere of urban development. The article discusses M. Okhitovich's theory of desurbanism in the context of the main features of utopia. It is proved that the theory of desurbanism, on a par with the theory of the socialist town of L. Sabsovich, is a utopia, despite the fundamental differences.

Keywords: desurbanism, urbanism, utopia, M. Okhitovich.

Marina A. Bogdanova (Southern Federal University)

UTOPIANISM OF PIERRE DE COUBERTIN'S OLYMPIC PROJECT

The Olympic project was conceived by Pierre de Coubertin as a way of spiritual and physical improvement of the mankind, as a mechanism for the formation of new political elites, as a means of uniting people and preventing wars. But the implementation of the project, because of its utopian nature, went the wrong way and led not to the results that P. de Coubertin dreamed of. In the era of capitalism, when money talked, the Olympic games quickly turned into a large-scale business project; physical and spiritual improvement gave way to the achievement of victory "at any cost", and the Olympic movement not only failed to stop the war, but from the very beginning became the scene of a tough political, nationalist and ideological struggle.

Keywords: utopianism, Pierre de Coubertin's Olympic project, teaching idea, modern Olympic movement.

Svetlana L. Andreeva (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

THE CRYSTAL PALACES FOR UNIVERSAL HAPPINESS: THE OBJECTIFICATION OF THE IDEA OF AN IDEAL HOME FOR A PERFECT FUTURE

The glass pavilion exhibition "Crystal Palace", which existed in London from 1851 to 1936, became the symbol of the new type of buildings. The image of a real building was culturally mastered in the XIX and XX centuries. A concept formed around it that continues to influence the culture and public consciousness of the XXI-century Europeans. The history of the image of the crystal palace in European culture is associated with the implementation of the utopian idea of the independent device of Paradise on earth. Various designs ideal homes for a happy life were embodied mostly in literature and architecture. They became part of the objectification of utopian ideas. Technological the vector of utopian thought, which was finally installed in the XIX century, was dedicated to the search for new technologies that extend human capabilities.

Keywords: Crystal Palace, concept, utopian type of consciousness, the objectification of ideas, Russian culture, European culture.

Olga S. Kirillova (Southern Federal University)

“UTOPIAN RUSSIA”: THE PROJECTS OF PRESERVATION AND DESIGN TOURIST ROUTES

The effectiveness and attractiveness of tourist routes largely depends on the plot-forming texts that accompany certain places chosen for museumification. The presence of such plotting text or its absence is an important factor influencing whether a particular route will be filled with a flow of tourists or will remain as “impassable”. The key problem is to identify the role of the utopian genre in the formation of tourist routes in actual Russia. Attention is drawn to the fact that almost every time we will deal with the plot, in the center of the landscape which is the city: Northern Palmyra (“mythology” of St. Petersburg), Parma or Perm Great (Cherdyn, Perm project), “The Golden Ring of Russia” (tourist route through the ancient cities of North-Eastern Russia with a starting point in Moscow), Silver Necklace of Russia (the cities of Novgorod region encircling St. Petersburg), Arkaim, “Don Troy”, etc.

Keywords: tourist route, museumification, utopian plots, city.

Aleksandr N. Raevskiy (Southern Federal University)

UTOPIA OF THE FUTURE IN ESCHATOLOGY OF THE NEW AGE MOVEMENT

The text is devoted to the eschatological views of the followers of the New Age movement. There are two main plots of the transformation of the world - firstly, the form of a smooth transition to a new century and, secondly, the position of a sharp leap into the “new world”.

Keywords: new religious movement, NRM, New Age movement, eschatology.

Elena V. Dianova (Petrozavodsk State University)

DREAM OF EARTHLY PARADISE AND THEIR IMPLEMENTATION

In article attempts of the embodiment are presented to life of a dream of the earthly paradise. Various examples of realization of a social utopia in the form of cooperative colony and a form of labor communes are given.

Keywords: social utopia, earthly paradise, cooperative colony, labor commune.

Evgeny P. Agapov (Don State Technical University)

WAS CAMPANELLA A HUMANIST?

The author argues against the widespread perception that Campanella was a humanist. He believes that familiarity with the basic principles of the reorganization of society proposed by him makes us doubt his adherence to the humanistic worldview. One of the reasons for the inadequate assessment of Campanella's worldview is that his work fell on the Renaissance, the distinctive features of which include the secular nature of culture, as well as humanism and anthropocentrism. However, the common features of the era are not necessarily found in each of those who belong to it.

Keywords: Renaissance, cultural movement, humanism, humanists, communist utopia.

Stanislav I. Sulimov (Voronezh State University), Dinara D. Tregubova (Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences)

ANTIQUÉ UTOPIANISM AND ITS SPECIFICS

This work is devoted to consideration of a phenomenon of utopianism on the example of utopian representations of antiquity. Relying on methodology of the Polish philosopher E. Shatsky, authors allocate such types will drown as escapist and heroic. If escapist utopias are guided by creation of an image of the desirable world regardless of cash reality, then heroic utopias try to realize the ideal including to the detriment of reality. Unlike new European, heroic utopias are characteristic of antique social philosophical thought in very limited scales though the escapist utopianism is presented in quite wide range. Authors believe that the reason of such distinction consists in distinction of the religious pictures of the world peculiar to antique and Christian societies.

Keywords: utopianism, escapist and heroic utopias, philosophy, “axial” societies.

Rostislav N. Dyomin (Russian Christian Academy for the Humanities)

**ONE POSSIBLE SOURCE OF UTOPIA OF ALEXARCH
(URANOPOLIS AND “EPINOMIS” OF PHILIP OF OPUS)**

The report says about the utopian project Alexarch, brother of the Macedonian king Cassander. Alexarch founded the utopian city Uranopolis and invented a special artificial language for the residents of this city. Extant data (image of the sun, stars, etc. on coins, comments about clothing Alexaria) suggest the elements of Uranolatritia in the views of this social reformer. There is speculation that one of the sources of views Alexarch could be a composition student of Plato Philip of Opus “Epinomis”, which the author glorifies the heavenly bodies as gods, and Heaven as the highest God and the true being.

Keywords: Alexarch, Uranopolis, Utopian city, Uranolatritia, Artificial language, Philip of Opus, “Epinomis”.

Vitaliy V. Prilutskiy (Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky)

**MORMON UTOPIA AND ATTEMPTS TO IMPLEMENT IT IN THE AMERICAN WEST
IN THE XIX CENTURY**

The article describes the utopia of the Mormons who tried in the 1830s–1890s to build in the Western States of America an ideal society based on the principles of egalitarianism, communitarianism and theodemocracy, combining theocracy and republicanism. The utopian project was not implemented but led to the formation of the phenomenon of the «Mormon West».

Keywords: Mormon utopia in the USA in the XIX century, Mormon Church, the Mormon United Order, Joseph Smith, James Strang, Brigham Young.

Иоланда Мартинес Доминго (Вальядолидский университет)

КОСМИЧЕСКИЙ ГОРОД КРУТИКОВА

Эволюция концепции города в русском авангарде, включавшая внедрение космических технологий, породила новые утопические видения. Миф и технология, соединялись в руках мыслителей и архитекторов для превращения небесного града, предсказанного Кампанеллой 450 лет назад в реальный сценарий жизни человечества в равенстве и счастье на искусственных территориях, поднятых над Землей. Таков космический город Георгия Крутикова.

Ключевые слова: Георгий Крутиков, космический город, русский авангард, утопия.

Elena A. Liokumovich (Kreativ Haus e. V., Karlsruhe)

UTOPIAN PROJECTS OF SOVIET DISSIDENTS

The article deals with the theoretical substantiation of the concept of Soviet cultural space in the context of utopian discourse; the classification of utopian forms: official, counter-utopia and dissident utopia. Key features and genre versions of utopian creativity of Soviet dissidents are identified.

Keywords: dissident utopia, dissidents, (Soviet) cultural space.

Olga V. Ignatochkina (Independent Researcher)

AMERICAN HIPPIES MOVEMENT: THUMB DOWN “NEVERLAND”

The article is devoted to the Haight-Ashbury phenomenon as an attempt to implement the utopian ideas of the hippie community. The paper analyzes the key ideas of the hippie subculture in terms of their utopianism and insolvency.

Keywords: Haight-Ashbury, hippies, psychedelic community, The Diggers.

Ali A. Dadashev (Kabardino-Balkarian State Agrarian University)

GLOBALIZATION AND THE NATIONAL STATE

It is widely believed that globalization leads to the disintegration of national States and their influence. And the most radical adherents argue that “the era of nation-states is close to an end”. The author of the article contrary to the generally accepted concept of globalization, on the contrary argues that the ethnic group, the nation and the nation-States are the only stable structure that successfully resists the so-called “disastrous processes”. Based on the analysis of factual material, it is concluded that the nation in these conditions is one of the foundations of the organization of new forms of social life and manifests itself as a subject of the historical process, along with such forms as ethnicity, people, state, etc., the Author of the article is of the opinion that globalization is not a natural course of history, an objective necessity, and therefore should not accept the loss of sovereignty by national States.

Keywords: globalization, national States, nation, ethnos, ethnonationalism, violent democracy.

Marina V. Loginova (Ogarev Mordovia State University)

THE ETHNICAL AS UTOPIAN WITHIN AREAL CULTURE SPACE

The whole complex of problems of the ethnical within globalization context made ethnoaesthetics actual as a science which requires methodological innovations amidst a dynamic evolution of ethnic cultural processes. Configurative cultural changes attract researchers' attention to the categories of the «coherence», dynamics, genesis sense range. The ethnical as utopian within areal cultural space is found in basic trends of globalization chronotopos: temporal, spatial and perception altered by the subject of an ethnoaesthetical event. The ethnical transformations are observed within utopian discourse. The utopian doesn't alter its meaning, and that makes consider it as a substantial basis, whereas the ethnical alters within.

Keywords: globalization, regional culture, utopia, ethnos, ethnic

Katsiaryna K. Ageenkova (Belorussian State Pedagogical University of M. Tank)

UTOPIAN PROJECTS IN MODERN OCCULT AND MYSTIC TEACHINGS

The article deals with development of occult and mystic "The Sixth Root Race" idea that has been formulated by Helena Blavatsky. The author gives a detailed description of a new type of a man model and new social arrangement ideas of modern neo gnostic teachings such as "Universology" and "Fa Synthesis".

Keywords: The Sixth Root Race, Helena Blavatsky, Helena Roerich, modern occult and mystic teachings.

Vitaliy Yu. Darenskiy (Luhansk National University named after T. Shevchenko)

THE CULT NATURE OF SCIENTIFIC ACTIVITY IN THE "NEW ATLANTIS" OF F. BACON

The article deals with the cultural and historical context of the sacralization of science in the "New Atlantis". The analysis of this context shows the origin of the F. Bacon's model of science as a new form of millenarism (chiliasm) and explains the paradox of its further secularization.

Keywords: "New Atlantis", F. Bacon, society's education.

CHAPTER 7. UTOPIA vs DYSTOPIA IN THE MODERN CULTURE

Masha S. Zheltikova (North Caucasus State Institute of Arts)

IMAGES OF THE POSTHUMAN IN DYSTOPIAS OF CONTEMPORARY CINEMA

In this paper we consider the options of post-human images, ways of implementing the ideas of transhumanism and the existing experience of modernization and transformation of society under the influence of science and advanced technology.

Keywords: humanism, transhumanism, posthuman, utopia, dystopia, cinema, technique.

Arina M. Mokina (Southern Federal University)

UTOPIA AS A WAY OF THINKING

The article is devoted to philosophical understanding of the nature of utopian thinking, which consists of whole array of properties and features. It is shown that utopianism, as method of thinking, makes society to think about problems which prevent person from living. On the other hand, hides a call to destruction of the old with the aim of building a new.

Keywords: utopian thinking, religion, society, truth, worldview.

Kirill S. Matytsin (Altai State University)

THE HISTORICAL STAGES OF BELOVODIE LEGEND

The author of the article identifies and considers stages of Belovodie legend based on the analysis of archival and historical sources. Initially having arisen in the Altai among the Old Believers the legend of Belovodie spread throughout Russia. The research shows that social utopia does not appear as an overall picture due to dynamic non-linear changes within the Old Believers current in the XIX – early XX centuries.

Keywords: Belovodie, social utopia, Altai, Old Believers, N.K. Roerich.

Natalya R. Kirillova (Southern Federal University)

THE CONTRIBUTION OF KURT VONNEGUT TO THE DEVELOPMENT OF ANTI-UTOPIAN THOUGHT OF THE 20TH CENTURY

In this paper, the personality and creativity of Kurt Vonnegut, the impact of his work on the formation of American literary thought are considered. The main works will also be analyzed, and dystopic tendencies

characteristic of this author will be revealed.

Keywords: dystopia, science fiction, anthropology, humanism.

Alexandra O. Zueva (Southern Federal University)

DO ANDROIDS DREAM OF ELECTRIC SHEEP?

The interest in the social consequences of scientific and technological development, characteristic of modern philosophical thought, has recently been exacerbated by attention to the concepts aimed at the use of scientific and technical achievements for the radical extension of a healthy, full-fledged life and the qualitative development of physical, intellectual, psychological abilities of a person becoming a post-human. The phenomenon of post-human becomes more and more popular among the mass culture, and anti-utopian predictions of the future become canonical, so this phenomenon requires a deeper analysis. This study examines the cult film "Blade Runner" (1981).

Keywords: anti-utopia, post-human, blade runner, non-fiction, artificial intelligence.

Irina O. Zimina (Southern Federal University)

CYBERPUNK AS A KIND OF ANTI-UTOPIA

The work is devoted to the identification of the main features of cyberpunk as a kind of dystopia, in which a person forgets about his spirituality, and at the head of all becomes a machine and virtual reality. This is considered on the example of Steven Spielberg's film "Ready Player One" (2018).

Keywords: dystopia, cyberpunk, science fiction, mass cinema, pop culture.

Anastasiya A. Nosova (South Federal University)

INTERPRETATION OF THE PROBLEM OF VIOLENCE IN CINEMA ("A CLOCKWORK ORANGE" AND "RETURN FROM THE STARS")

The article is devoted to the problems of interpretation of violence and an ambivalent attitude towards it in the anti-utopian films «A Clockwork Orange» and «Return from the Stars».

Keywords: dystopia, aggression, violence, traditional foundations, counterculture.

В.О. Игнатченко (Южный федеральный университет)

ЖАНР ЛИТЕРАТУРНОЙ УТОПИИ, ЕГО ТИПОЛОГИЯ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена особенностям развития литературной утопии как жанра. Теоретическое значение заключается в выделении тех жанровых особенностей литературной утопии, которые определяют ее комплексный, многофункциональный характер. Литературная утопия рассматривается как гибкое явление, которое варьируется в зависимости от исторических, культурных, идеологических и философских факторов.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, жанр, нарративность, типологические признаки социум, вымысел.

Khafiza Z. Sharypova (Omsk State Pedagogical University)

ROMANTIC UTOPIA IN "EVENINGS ON A FARM NEAR DIKANKA" BY NIKOLAI GOGOL

The article is devoted to the consideration of the realization of the idea of romantic utopia in the storybook "Evenings on a farm near Dikanka". The article analyzes through what motives the writer embodies this idea, and how it relates to the St. Petersburg cycle of Gogol's stories.

Keywords: romantic utopia, utopian topos, romantic ideal, deformation of the world, idea of freedom.

Irina K. Zabubenina (Southern Federal University)

UTOPIAS IN CHOREOGRAPHIC ART

The article is devoted to research of utopia in choreographic art. The paper attempts to identify the main characteristics and features of utopian choreographic work.

Keywords: utopia, art, choreography, dance, utopia in dance.

Elena V. Philippova (Murmansk Arctic State University)

UTOPIIC CONCEPT OF "THE HOLY NORTH" IN THE MUSIC OF THE RUSSIAN NEOPAGANISM

In a value gap situation in Russian society, various social groups offer their own ways of spiritual rebirth. One of such social trends is neopaganism in the format of various subcultures. The concept of the "Holy North" is extremely important for them, as a multi-valued symbol that conveys the idea of the ancestral, sacral,

traditional values. The keen interest in Slavic paganism is manifested in attempts to re-actualize its mythological and historical material not only for the purposes of poetic creativity but also as a specific ideology and practical value system.

Keywords: North, symbol, neopaganism, utopian representations.

Ekaterina D. Aloyants (Saint-Petersburg State University)

THE CONCEPT OF THE “IDEAL CITY” AND THE ATTEMPT OF ITS IMPLEMENTATION IN INDIA IN 1950-1960S (EXAMPLE OF CHANDIGARH)

The article analyzes the attempt to implement the concept of “ideal city” in India on the example of the new capital of Punjab as a place free of both colonial heritage and the evils of traditional India (caste segregation). For the analysis the author turns to the consideration of theories of urban planning and the history of ideal cities, the key moments in the history of the new capital and reveals the role of Jawaharlal Nehru in its creation.

Keywords: Chandigarh, Le Corbusier, “ideal city”, India, Jawaharlal Nehru, architecture, urban planning.

Polina S. Antonenko (Southern Federal University)

CORPORATE IDENTIFY OF THE DICTORIAL EPOCH IN THE ORGANIZATION OF THE URBAN SPACE

The research analyzes the reflection of dictatorship power in the organization of the urban space. Such familiar architecture objects as Stalin’s skyscrapers, The Valle de los Caídos, The Nazi party rally grounds and many others were constructed during the period, when the European governments were ruled by the Dictators. Such objects are differed due to its solidity and are conferred with ideology. Collectively, it could create dictatorship cultural heritage and have an impact on the formation of the historical memory: the architecture objects demonstrate their past in silence but visual clearly.

Keywords: dictatorship regime, architecture, city, ideology, historical memory.

Arina K. Tsareva (Lomonosov Moscow State University)

LENIN’S “MONUMENTAL PROPAGANDA” PLAN: THE FIRST SOVIET URBAN SPACE UTOPIA

The report examines Lenin’s “Monumental Propaganda” Plan of 1918 as an implementation of Tommaso Campanella’s ideas. It reveals the goals of “Monumental Propaganda” and defines the notion of “monument”. The author concludes that a monument in the early Soviet period is considered to be a tool of propaganda and revolutionary ideals, not a glorification of any precise individual. “Monumental propaganda” is analyzed as an attempt to visualize the key ideas of the new Soviet government in urban space.

Keywords: monument, monumental propaganda, Soviet urban space, the October Revolution, Lenin.

Anna A. Ayvazyan (Southern Federal University)

GLOBALIZATION AS A UTOPIAN CONSTRUCT

Today, the concept of globalization occupies one of the most important positions in the consciousness of modern society. Hopes are pinned on this process for a peaceful future, which will be fixed by universal canons in the cultural, economic and political spheres of life. But is it possible to realize this prospect, or is humanity on the threshold of another utopia?

Keywords: globalization, utopia, glocalization, integration, universalization.

Anastasiya V. Borisenko (Southern Federal University)

AN IDEAL EUROPEAN UNION: UTOPIA OR THE POSSIBILITY OF A NEW REALITY?

The thesis considers the European Union as a utopian project of creating an ideal state. The possibility of building such utopia in the modern world is analyzed. The features of the Union of European countries and the possibilities of their interaction are touched upon. Does the European Union have a chance of success, or is it not an achievable idea, which can be implemented only on paper?

Keywords: European Union, utopia, project, ideology, politics.

Alexandra S. Semka (Southern Federal University)

DEVELOPMENT OF THE CITY AS AN INFLUENCE OF ARCHITECTURAL UTOPIAS

The article is devoted to the understanding of architectural and urban planning through the consideration of this aspect through the prism of utopias and futurological views. The importance of utopias and fantasy for architectural constructions and cities is considered.

Keywords: utopia, architecture, futurology, utopian architecture, city

Artem D. Manyukhin (Southern Federal University)

UTOPIA IN CHINESE CULTURE: MYTH OR FUTURE PROJECTS

This article considers utopia as an important element of Chinese culture. A comparison of the European and domestic approach to the definition of Chinese utopia is made. The classification of utopias in historical development is given. The main types of utopias in various philosophical schools of ancient and new China are described. Utopia and utopianism were analyzed as myths or future projects.

Keywords: China, utopia, culture, myth, project.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Агапов Евгений Петрович – доктор философских наук, профессор (Донской государственной технической университет).

Агеенкова Екатерина Кузьминична – кандидат психологических наук, доцент (Белорусский государственный педагогический университет).

Айвазян Анна Араратовна – соискатель (Южный федеральный университет).

Александрович Данил Александрович – магистрант (Южный федеральный университет).

Алоянц Екатерина Денисовна – студент (Санкт-Петербургский государственный университет).

Андреева Светлана Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова).

Андреева Юлия Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент (Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия).

Антипкина Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент (Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва).

Антоненко Полина Сергеевна – аспирант (Южный федеральный университет).

Артамонов Денис Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского).

Базылев Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор (Московский государственный лингвистический университет).

Бакулов Виктор Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой (Южный федеральный университет).

Балашов Дмитрий Викторович – аспирант (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»).

Барышева Вероника Евгеньевна – кандидат искусствоведения, профессор (Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова).

Барышева Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой (Российский государственный гуманитарный университет).

Батыр Татьяна Борисовна – кандидат философских наук, доцент (Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака; Республика Молдова).

Богданова Марина Александровна – доктор философских наук, доцент (Южный федеральный университет).

Боднар Евгения Александровна – магистрант (Южный федеральный университет).

Борисенко Анастасия Владимировна – студент (Южный федеральный университет).

Браерская Анастасия Юрьевна – кандидат философских наук, доцент (Южный федеральный университет).

Виноградов Сергей Валерьевич – студент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»).

Витюк Екатерина Юрьевна – кандидат архитектуры (Уральский государственный архитектурно-художественный университет).

Герасина Анастасия Юрьевна – магистр (Российский университет дружбы народов).

Головко Сергей Бориэльевич – кандидат филологических наук, доцент (Российский государственный гуманитарный университет).

Грегори Клейс (Gregory Claeys) – профессор истории, председатель Европейского общества исследований утопии (*Utopian Studies Society – Europe*) (Роял Халлоуэй, Университет Лондона; Великобритания).

Дадашев Али Айдынович – доктор философских наук, профессор (Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова).

Демин Ростислав Николаевич – преподаватель (Русская христианская гуманитарная академия).

Джумайло Ольга Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой (Южный федеральный университет).

Дианова Елена Васильевна – доктор исторических наук, доцент (Петрозаводский государственный университет).

Долгих Андрей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент (Вятский государственный университет).

Драч Геннадий Владимирович – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (Южный федеральный университет).

Железняк Ольга Евгеньевна – кандидат искусствоведения, профессор (Иркутский национальный исследовательский технический университет).

Желондиевская Лариса Владиславовна – кандидат педагогических наук, профессор, декан (Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова).

Желтикова Маша Сергеевна – аспирант (Северо-Кавказский государственный институт искусств).

Забубенина Ирина Константиновна – магистрант (Южный федеральный университет).

Завьялова Оксана Олеговна – младший научный сотрудник (Южный научный центр Российской академии наук).

Зими́на Ирина Олеговна – студент (Южный федеральный университет).

Золотухина Елена Всеволодовна – доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет).

Зуева Александра Олеговна – студент (Южный федеральный университет).

Иванов Андрей Геннадиевич – доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой (Липецкий государственный технический университет).

Игнаточкина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Игнатченко Виктория Олеговна – студент (Южный федеральный университет).

Игнатьева-Вильбоа Оксана Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет).

Иномова Дильфуза Одилловна – старший преподаватель (Кокандский государственный педагогический институт; Республика Узбекистан).

Йоланда Мартинес Доминго (Yolanda Martínez Domingo) – доктор архитектуры, профессор (Вальядолидский университет; Испания).

Ирицян Гурген Эдмондович – доктор философских наук, доцент (Новороссийский филиал Финансового университета при правительстве России).

Карабыков Антон Владимирович – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского).

Кауркин Радислав Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент (Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики – Нижний Новгород»).

Кириллов Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент (Южный федеральный университет)

Кириллова Наталья Романовна – студент (Южный федеральный университет).

Кириллова Ольга Сергеевна – кандидат философских наук, старший преподаватель (Южный федеральный университет).

Князев Павел Юрьевич – аспирант (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова).

Козлова Анна Владимировна – аспирант (Европейский университет в Санкт-Петербурге).
Кореневский Андрей Витальевич – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой (Южный федеральный университет).

Коханова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова).

Кярова Мадина Алиевна – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой (Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова).

Леонтьев Глеб Дмитриевич – старший преподаватель (Казанский национальный исследовательский технологический университет им. С.М. Кирова).

Лешкевич Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет).

Лиюкумович Елена Александровна – PhD (Культурно-образовательный центр «Kreativ Haus e. V./Русский дом»; Германия).

Лисицына Александра Анатольевна – ассистент (Южный федеральный университет).

Литвак Николай Витальевич – доктор социологических наук, доцент (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России).

Логинова Марина Васильевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой (Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева).

Лысенко Олег Владиславович – кандидат социологических наук, доцент, проректор (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет).

Ляшенко Павел Васильевич – кандидат философских наук, доцент (Оренбургский государственный университет).

Малик Юрий Сергеевич – магистрант (Воронежский государственный университет).

Малыхин Константин Германович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой (Южный федеральный университет).

Мальцев Андрей Владимирович – магистрант (Южный федеральный университет).

Манюхин Артём Дмитриевич – студент (Южный федеральный университет).

Мартин Гонсалес (Martín González) – ассистент профессора (Университет Буэнос-Айреса; Аргентина).

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет).

Матыцин Кирилл Сергеевич – магистрант (Алтайский государственный университет).

Миронов Андрей Владимирович – доктор философских наук, профессор (Севастопольский государственный университет).

Митрохина Мария Владимировна – аспирант (Южный федеральный университет).

Мокина Арина Михайловна – магистрант (Южный федеральный университет).

Молчанова Татьяна Константиновна – студентка (Южный федеральный университет).

Мурадян Олеся Александровна – кандидат философских наук, старший преподаватель (Южный федеральный университет).

Николаева Наталья Дмитриевна – аспирант (Южный федеральный университет).

Носова Анастасия Андреевна – студент (Южный федеральный университет).

Орехов Андрей Михайлович – доктор философских наук, доцент (Российский университет дружбы народов).

Палий Ирина Георгиевна – доктор философских наук, профессор (Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)).

Паниотова Таисия Сергеевна – доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет).

Пендюрина Людмила Петровна – доктор философских наук, профессор (Донской государственный технический университет).

Подвойский Леонид Яковлевич – кандидат философских наук, доцент (Астраханский государственный университет).

Покотыло Михаил Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения).

Привалова Мария Владимировна – кандидат философских наук, доцент (Забайкальский государственный университет).

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, доцент (Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского).

Прохорова Наталья Ивановна – кандидат культурологии, гл. библиотекарь (Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва).

Раевский Александр Николаевич – кандидат философских наук, преподаватель (Южный федеральный университет).

Ретинский Леонид Михайлович – соискатель (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России).

Рикардо Иглесиас (Ricardo Iglesias) – PhD, профессор (Университет Барселоны; Испания).

Рожкова Зинаида Игоревна – младший научный сотрудник (Институт философии Российской академии наук).

Романенко Максим Андреевич – ассистент, аспирант (Южный федеральный университет).

Рубан Дмитрий Александрович – PhD, кандидат геолого-минералогических наук, доцент (Южный федеральный университет).

Рудановская Светлана Валерьевна – кандидат философских наук, доцент (Российский университет дружбы народов).

Савельева Ксения Викторовна – ассистент (Южный федеральный университет).

Сайтанов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, независимый исследователь

Самсонова Татьяна Николаевна – доктор политических наук, профессор (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова).

Семка Александра Сергеевна – студент (Южный федеральный университет).

Смирнова Юлия Дмитриевна – кандидат философских наук, старший преподаватель (Казанский (Приволжский) федеральный университет).

Сулимов Станислав Игоревич – кандидат философских наук, доцент (Воронежский государственный университет).

Сурова Елена Михайловна – кандидат философских наук, профессор, декан (Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова).

Тайсаев Джабраил Мубарикович – кандидат философских наук, доцент (Северо-Кавказский государственный институт искусств).

Тамбиянц Юлиан Григорьевич – доктор философских наук, профессор (Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина).

Тихомирова Галина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент (Вологодский институт права и экономики ФСИН России).

Тихонова Софья Владимировна – доктор философских наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского).

Ткаченко Игорь Николаевич – независимый исследователь.

Трегубова Динара Дмитриевна – кандидат исторических наук, ученый секретарь (Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук).

Трухан Анатолий Васильевич – кандидат философских наук, доцент (Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия).

Тумин Александр Дмитриевич – аспирант (Южный федеральный университет).

Фазлеева Регина Ринатовна – кандидат философских наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет).

Филиппова Елена Владимировна – магистрант (Мурманский арктический государственный университет).

Хвостикова Василина Олеговна – аспирант (Южный федеральный университет).

Хорунжий Алексей Валентинович – кандидат исторических наук, доцент (Российский университет дружбы народов).

Царёва Арина Кирилловна – студент (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова).

Царёва Надежда Александровна – доктор философских наук, доцент (Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова).

Черешнева Юлия Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова).

Черткова Елена Леонидовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник (Институт философии Российской академии наук).

Чечикова Светлана Васильевна – магистрант (Московская высшая школа социальных и экономических наук).

Чичина Елена Альбертовна – старший преподаватель (Южный федеральный университет).

Шарыпова Хафиза Закиевна – магистрант (Омский государственный педагогический университет).

Шестовских Наталия Александровна – ассистент (Уральский государственный юридический университет).

Эрлихсон Ирина Мариковна – доктор исторических наук, профессор (Рязанский госуниверситет им. С. Есенина).

Эфендиев Фуад Салихович – доктор философских наук, профессор, проректор (Северо-Кавказский государственный институт искусств).

Яковлева Любовь Евгеньевна – доктор философских наук, профессор (Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)).

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. UTOPIAN STUDIES: ТЕОРИИ, МЕТОДЫ, СЮЖЕТЫ

- 3 МАРКС ДЛЯ ХХІ ВЕКА
 Грегори Клейс
- 7 ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА: ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ
 Г.В. Драч
- 12 АРХЕТИП ГОРОДА В ИСТОРИИ УТОПИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
 Т.С. Паниотова
- 15 CUERPO, ESTÉTICA Y UTOPIA TECNOLÓGICA
 Ricardo Iglesias García
- 23 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА
 УТОПИИ И УТОПИЗМА
 В.Д. Бакулов

РАЗДЕЛ II. УТОПИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

- 26 ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ Т. КАМПАНЕЛЛЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ
 Л.Е. Яковлева
- 28 ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ФОРМЫ КРИТИЧЕСКОГО
 МЫШЛЕНИЯ
 З.И. Рожкова
- 29 УТОПИИ В ОБРАЗОВАНИИ
 К.В. Савельева
- 31 СОВРЕМЕННАЯ ГОСТИНИЦА – ГОРОДСКАЯ УТОПИЯ?
 Т.К. Молчанова, Д.А. Рубан
- 33 ГОРОД СОЛНЦА В GAME-ПРОСТРАНСТВЕ: МИФОЛОГИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР
 Д.С. Артамонов, С.В. Тихонова
- 34 УТОПИЧЕСКИЕ ИДЕИ, АРХЕТИПЫ И МОТИВЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ
 М.В. Митрохина
- 36 «ИДЕАЛЬНЫЙ СТРОЙ ЖИЗНИ»: СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО
 А.В. Хорунжий
- 39 УТОПИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ МИФ: ГОРИЗОНТЫ СРАВНЕНИЯ
 А.Г. Иванов
- 42 ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЕДИНСТВО УТОПИЧЕСКОГО И
 ДИСТОПИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ
 Р.Р. Фазлеева
- 44 ГИБРИДИЗАЦИЯ ПРОГРЕССИСТСКИХ И УТОПИЧЕСКИХ КОДОВ МЫШЛЕНИЯ:
 ПРОБЛЕМАТИЧНОСТЬ КОНЦЕПТА «УТОPIA»
 С.В. Чечикова
- 46 О ПРОЕКТЕ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
 «МУЗЕЯ КОММУНИЗМА»
 Л.М. Ретинский

- 47 ОНЛАЙН-ЖУРНАЛИСТИКА КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД ЦИФРОВОЙ УТОПИИ
Л.А. Коханова, С.Б. Головки Ю.Е. Черешнева
- 49 ПЕРМСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ: УТОПИЯ VS МЕЧТА
О.В. Игнатъева-Вильбоа, О.В. Лысенко
- РАЗДЕЛ III.**
ПРОБЛЕМА ИДЕАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
- 52 УТОПИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ИСТОРИОСОФСКОГО ДИСКУРСА
А.В. Корневский
- 54 ВИЗАНТИЗМ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ: МЕЖДУ ИМПЕРСКОЙ МИФОЛОГИЕЙ И
КУЛЬТУРНОЙ УТОПИЕЙ
А.А. Кириллов
- 57 ЭТАТИЗМ 30-40 -Х ГОДОВ XX ВЕКА: ОЦЕНКИ В.М. ЧЕРНОВА
К.Г. Малыгин
- 58 УТОПИЯ В СТРУКТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ИДЕОКРАТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
А.В. Трухан
- 60 «БОРНЕЙСКОЕ ЦАРСТВО» ИВАНА ТРЕВОГИ
Р.В. Кауркин
- 62 «ДУНАЙСКИЙ СОЮЗ»: ПАНСЛАВИСТСКАЯ УТОПИЯ М.П. ПОГОДИНА
О.О. Завьялова
- 64 РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ АМАРТИИ СЕНА И ЕГО КРИТИКА УТОПИЗМА В
СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
Д.В. Балашов
- 65 ИДЕАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЖ. КОЭНА: В ЗАЩИТУ УТОПИЗМА
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
С.В. Виноградов
- 67 ЛИБЕРАЛЬНАЯ УТОПИЯ Р. РОРТИ
Е.А. Боднар
- 68 ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ КОНЦА XI – НАЧАЛА XIII ВВ.:
УТОПИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
Н.Д. Николаева
- 70 КОНЦЕПЦИЯ «HISPANIDAD» КАК ПРОЕКТ ИДЕАЛЬНОГО ИСПАНСКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ГОСУДАРСТВА
А.Д. Тумин
- 72 ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ВЕНЕЦИИ И СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ
НИДЕРЛАНДОВ ВО ВЗГЛЯДАХ ДЖ. ГАРРИНГТОНА
П.Ю. Князев
- 74 ANARCHO-UTOPIAN VIEWS OF PETER KROPOTKIN
Sergey V. Saytanov
- РАЗДЕЛ IV.**
ИДЕАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В АРХИТЕКТУРЕ, ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ
- 76 НОСТАЛЬГИЧЕСКАЯ УТОПИЯ В ФИЛЬМЕ ТОМАСА ШТУБЕРА «МЕЖДУ РЯДАМИ» (2018)
О.А. Джумайло
- 78 ДУХ УТОПИЗМА И ТРАГИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ В ЭПОХУ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
(НА ОСНОВЕ ПОЗИЦИЙ Н.А. БЕРДЯЕВА И А.Ф. ЛОСЕВА)
Е.А. Чичина
- 80 МАНИФЕСТ – УТОПИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ
Л.В. Желондиевская, В.Е. Барышева
- 82 КОНТАМИНАЦИЯ ЖАНРОВЫХ ПРИЗНАКОВ УТОПИИ И АНТИУТОПИИ В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА
М.В. Покотыло

- 83 THE CITY OF THE SUN AND THE CITY OF THE DAWN: UTOPIA AND REALITY
Tatiana Batyr
- 86 ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ УТОПИИ: ОТ ОТТЕПЕЛИ К ПЕРЕСТРОЙКЕ
М.А. Романенко
- 89 ЭТИКА ДЕТСТВА В «ИДЕАЛЬНОМ» МИРЕ: СОВРЕМЕННАЯ АНТИУТОПИЯ В КИНЕМАТОГРАФЕ
О.А. Мурадьян
- 90 МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ МИФА В СОВРЕМЕННОЙ УТОПИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
Д.А. Александрович
- 92 ДИСКУРСИВНЫЕ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ УГНЕТЕННЫХ
В АНТИУТОПИИ МАРГАРЕТ ЭТВУД «РАССКАЗ СЛУЖАНКИ»
А.В. Мальцев
- 93 УТОПИЗМ АНТИЧНЫХ ПАСТОРАЛЕЙ: ТОСКА ПО «ЗОЛОТОМУ ВЕКУ»
Ю.С. Малик
- 95 LITERATURA UTÓPICA Y LENGUAJES POLÍTICOS EN GRAN BRETAÑA
Martín Pedro González
- 100 ОТ «СОЛНЕЧНОГО ГОРОДА» К «ОБЛАЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ»
Г.Д. Леонтьев
- 102 ИДЕАЛ КОММУНИКАТИВНОГО РАЗУМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ УТОПИИ
С.В. Рудановская
- 103 ИДЕЯ ТРУДА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ РЕГУЛЯТОР В СОВЕТСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(на материале романа-утопии И.А. Ефремова «Туманность Андромеды»)
М.В. Привалова
- 105 МИФ ОБ АТЛАНТИДЕ В МИРОВОЗЗРЕНИИ А. АРТО
Н.И. Прохорова
- 106 ИДЕАЛЬНЫЕ ГОРОДА: СОВРЕМЕННЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ УТОПИИ
Е.Ю. Витюк
- 108 СОЦИАЛЬНЫЕ УТОПИИ В ЖИЛОЙ АРХИТЕКТУРЕ РОССИИ 1920-Х ГОДОВ
Е.М. Сурова
- 110 ВИЗУАЛИЗАЦИЯ УТОПИИ В СОВРЕМЕННОМ КИНОИСКУССТВЕ
Е.Н. Антипкина
- 113 КОНЦЕПЦИЯ САМОСОЗНАНИЯ КАК ПРОЕКТ БУДУЩЕГО В ФИЛОСОФИИ А. БЕЛОГО
Н.А. Царева
- 115 ОПЫТЫ ГРАФИЧЕСКОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ УРБАНИСТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА
«ГОРОДА СОЛНЦА» Т. КАМПАНЕЛЛЫ
Г.В. Тихомирова
- 116 ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД И ЦВЕТОВЫЕ ПАРАДИГМЫ В КОНЦЕПЦИЯХ «НОВЫХ МИРОВ»
О.Е. Железняк
- 118 СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ УТОПИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА
Л.Я. Подвойский
- РАЗДЕЛ V.**
ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ УТОПИЗМА
- 121 ДВА ПУТИ К НОВОМУ ЧЕЛОВЕКУ
Е.Л. Черткова
- 122 АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
В КЛАССИЧЕСКИХ «УТОПИЯХ»
Н.В. Литвак
- 124 «ГОРОД СОЛНЦА» Т. КАМПАНЕЛЛЫ И «ЗДОРОВОЕ ОБЩЕСТВО» Э. ФРОММА
Е.В. Золотухина-Аболина
- 126 ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Т. КАМПАНЕЛЛЫ О РАВЕНСТВЕ В СВЕТЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО
АНТРОПОЛОГИЗМА И НАТУРФИЛОСОФИИ
Т.Н. Самсонова

- 128 НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО УТОПИЗМА
И.Г. Палий
- 130 МОЩЬ, МУДРОСТЬ, ЛЮБОВЬ КАК МЕНТАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА
УТОПИИ КАМПАНЕЛЛЫ
Т.Г. Лешкевич
- 132 УТОПИЯ КАК ФИЛОСОФСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР:
ВЕРНЕТСЯ ЛИ ОНА В РОССИЮ?
А.М. Орехов
- 134 РОЛЬ УТОПИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
М.А. Кярова
- 135 ПОСТГУМАНИЗМ КАК УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ СОВРЕМЕННОСТИ
Л.П. Пендюрина
- 137 ОСОБЕННОСТИ УТОПИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ ФАРАБИ
Д.О. Иномова
- 138 БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: МАРКСИСТСКАЯ УТОПИЯ И БИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ
Г.Э. Ирицян
- 141 БЛАЖЕН, КТО БЛАЖЕН, ИЛИ ОДА ГЛУПОСТИ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО
Д.М. Тайсаев, Ф.С. Эфендиев
- 143 ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ В.Ф. ЭРНА КАК УТОПИЯ
Н.А. Шестовских
- 144 ПРОЕКТЫ ВЕЧНОГО МИРА В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XVII-XVIII ВЕКОВ
А.А. Лисицына
- 146 «ОСТРОВ УТОПИИ»: РОССИЙСКАЯ ШКОЛА ГЛАЗАМИ В. РОЗАНОВА И П. ФЛОРЕНСКОГО
В.Н. Базылев
- 148 О СУБЪЕКТИВНОСТИ РАЗЛИЧИЯ УТОПИИ И АНТИУТОПИИ
А.Ю. Долгих
- 149 ВРЕМЯ УТОПИИ
Ю.Д. Смирнова
- 151 ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОПТИМИЗМА КАК УТОПИИ
Ю.В. Андреева
- 153 РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ И МИСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В УТОПИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ
И.Н. Ткаченко
- 155 ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В АНТИУТОПИЯХ XX ВЕКА
А.В. Миронов
- 157 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ УТОПИИ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ
П.В. Ляшенко
- 159 ЯЗЫК УТОПИЙ И УТОПИИ ЯЗЫКА НА ЗАПАДЕ XVI-XVII ВВ.
А.В. Карабыков
- 161 К КРИТИКЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
Ю.Г. Тамбиянц
- РАЗДЕЛ VI.**
УТОПИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
- 163 АНТИУТОПИЯ В КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОГО ЛИБЕРТИНАЖА ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ
И.М. Эрлихсон
- 165 ОБРАЗ ЖИЗНИ В ГОРОДЕ СОЛНЦА И ВЕЛИКОМ ЕДИНЕНИИ:
ПРОЕКТЫ Т. КАМПАНЕЛЛЫ И КАН Ю-ВЭЯ
Д.Е. Мартынов

- 166 ОТ «ПОКОРЕНИЯ КОСМОСА» К «ПОСТРОЕНИЮ СЧАСТЬЯ»:
КОММУНИТАРНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ВИКТОРА КУАССАКА
А.В. Хорунжий, А.Ю. Герасина
- 169 УТОПИЯ ПО-СОВЕТСКИ: КОНЦЕПЦИЯ НОВОГО ЖИЛИЩА В ФОРМИРОВАНИИ
«НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»
Е.В. Барышева
- 171 «РЕБЯЧИЙ ГОРОД СОЛНЦА»: РЕТРОСПЕКТИВНОЕ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО УТОПИЧЕСКИХ
ПРОЕКТОВ СОВЕТСКИХ ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЕЙ «АРТЕК» И «ОРЛЕНОК»
В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ИХ УЧАСТНИКОВ (1957-1991)
А.В. Козлова
- 173 ЖЕНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ УТОПИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
КОНЦЕПЦИЯ С. ДЕ БОВУАР
А.Ю. Браерская
- 175 ДЕЗУРБАНИЗМ М. ОХИТОВИЧА В КОНТЕКСТЕ
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ДИСКУССИЙ 1920–30-Х ГОДОВ
В.О. Хвостикова
- 176 УТОПИЗМ ОЛИМПЕЙСКОГО ПРОЕКТА П. ДЕ КУБЕРТЕНА
М.А. Богданова
- 178 ХРУСТАЛЬНЫЕ ДВОРЦЫ ДЛЯ ВСЕОБЩЕГО СЧАСТЬЯ: ОБЪЕКТИВАЦИЯ ИДЕИ
ИДЕАЛЬНОГО ДОМА ДЛЯ ИДЕАЛЬНОГО БУДУЩЕГО
С.Л. Андреева
- 180 «УТОПИЧЕСКАЯ РОССИЯ»: ПРОЕКТЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЯ
ТУРИСТИЧЕСКИХ МАРШРУТОВ
О.С. Кириллова
- 181 УТОПИЯ БУДУЩЕГО В ЭСХАТОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ НЬЮ-ЭЙДЖ
А.Н. Раевский
- 182 МЕЧТЫ О ЗЕМНОМ РАЕ И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В ЖИЗНЬ
Е.В. Дианова
- 184 БЫЛ ЛИ КАМПАНЕЛЛА ГУМАНИСТОМ?
Е.П. Агапов
- 186 АНТИЧНЫЙ УТОПИЗМ И ЕГО СПЕЦИФИКА
С.И. Сулимов Д.Д. Трезубова
- 188 ОБ ОДНОМ ВОЗМОЖНОМ ИСТОЧНИКЕ УТОПИИ АЛЕКСАРХА
(УРАНОПОЛИС И «ПОСЛЕЗАКОНИЕ» ФИЛИППА ОПУНТСКОГО)
Р.Н. Демин
- 189 МОРМОНСКАЯ УТОПИЯ И ПОПЫТКИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ НА АМЕРИКАНСКОМ ЗАПАДЕ В XIX В.
В.В. Прилуцкий
- 191 LA CIUDAD CÓSMICA DE KRÚTIKOV
Yolanda Martínez Domingo
- 194 УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ СОВЕТСКИХ ДИССИДЕНТОВ
Е.А. Лиокумович
- 197 ДВИЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ХИППИ: АВТОСТОПОМ В «НЕВЕРЛЭНД»
О.В. Игнаточкина
- 199 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА
А.А. Дадашев
- 200 ЭТНИЧЕСКОЕ КАК УТОПИЧЕСКОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
М.В. Логинова
- 202 УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В СОВРЕМЕННЫХ ОККУЛЬТНО-МИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ
Е.К. Агеенкова

- 204 КУЛЬТОВЫЙ ХАРАКТЕР НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В «НОВОЙ АТЛАНТИДЕ» Ф. БЭКОНА
В.Ю. Даренский
- РАЗДЕЛ VII.**
УТОПИЯ vs ДИСТОПИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
- 206 ОБРАЗЫ ПОСТЧЕЛОВЕКА В ДИСТОПИЯХ СОВРЕМЕННОГО КИНО
М.С. Желтикова
- 208 УТОПИЯ КАК СПОСОБ МЫШЛЕНИЯ
А.М. Мокина
- 210 ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ЛЕГЕНДЫ О БЕЛОВОДОЬЕ
К.С. Матыцин
- 212 ВКЛАД КУРТА ВОННЕГУТА В РАЗВИТИЕ АНТИУТОПИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА
Н.Р. Кириллова
- 214 МЕЧТАЮТ ЛИ АНДРОИДЫ ОБ ЭЛЕКТРООВЦАХ?
А.О. Зуева
- 215 КИБЕРПАНК КАК РАЗНОВИДНОСТЬ АНТИУТОПИИ
И.О. Зимина
- 216 ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ
В КИНОУТОПИЯХ «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН» И «ВОЗВРАЩЕНИЕ СО ЗВЕЗД»
А.А. Носова
- 218 THE GENRE OF LITERARY UTOPIA, ITS TYPOLOGY AND CHARACTERISTIC FEATURES
Victoria O. Ignatchenko
- 220 РОМАНТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н.В. ГОГОЛЯ
Х.З. Шарыпова
- 221 УТОПИИ В ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ
И.К. Забубенина
- 223 УТОПИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «СВЯЩЕННОГО СЕВЕРА» В МУЗЫКАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО НЕОЯЗЫЧЕСТВА
Е.В. Филиппова
- 225 КОНЦЕПЦИЯ «ИДЕАЛЬНОГО ГОРОДА» И ПОПЫТКА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ
В ИНДИИ В 1950-1960 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ЧАНДИГАРХА)
Е.Д. Алоянц
- 227 ФИРМЕННЫЙ СТИЛЬ ДИКТАТОРСКОЙ ЭПОХИ В ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
П.С. Антоненко
- 228 ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ:
ПЕРВАЯ УТОПИЯ СОВЕТСКОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
А.К. Царёва
- 230 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК УТОПИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ
А.А. Айвазян
- 232 ИДЕАЛЬНЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: УТОПИЯ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ?
А.В. Борисенко
- 233 РАЗВИТИЕ ГОРОДА КАК ВЛИЯНИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ УТОПИЙ
А.С. Семка
- 235 УТОПИИ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ: МИФЫ ИЛИ ПРОЕКТЫ БУДУЩЕГО
А.Д. Манюхин
- 238 Abstracts**
- 260 Информация об авторах**

The Conference was funded by Russian Foundation for Basic Research (project 18-011-20114).

Published according to the decision of the Conference Organizing Committee.

Utopian Projects in the History of Culture: proceedings of 2nd National Scientific Conference “Utopian Projects in the History of Culture” themed “The City of the Sun”: In Search of Ideal Locus” (dedicated to the 450th anniversary of Tommaso Campanella). Rostov on Don: Southern Federal University, 2019.

The book consists of papers submitted at the 2nd National Scientific Conference “Utopian Projects in the History of Culture” themed “The City of the Sun”: In Search of Ideal Locus”, which was held in the Southern Federal University (Rostov on Don) on 6-8 December 2018.

Dedicated to the 450th anniversary of the outstanding Italian philosopher, revolutionary, socialist utopian, religious figure Tommaso Campanella (1568-1639), the conference became an interdisciplinary platform for discussing a wide range of scientific problems of the utopian consciousness functioning in modern society. The published papers illustrate the main directions of the conference and outline new approaches to the utopian studies.

Published in the author's edition.

ISBN 978-5-9275-3064-9

Научное издание

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

материалы

II Всероссийской (с международным участием) научной конференции

«Утопические проекты в истории культуры»

на тему «„Город Солнца”: в поисках идеального локуса»

(к 450-летию со дня рождения Томмазо Кампанеллы)

UTOPIAN PROJECTS IN THE HISTORY OF CULTURE

Proceedings of

2nd National Scientific Conference

“Utopian Projects in the History

of Culture” themed “The City of the Sun”: In Search of Ideal Locus”

(dedicated to the 450th anniversary of Tommaso Campanella)

Подписано в печать 25.01.2019 г.

Бумага офсетная. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. лист. 31,62.

Уч. изд. л. 27,0. Заказ № 6926. Тираж 150 экз.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.